А. К. ВИНОГРАДОВ

МЕРИМЕ

В ПИСЬМАХ К СОБОЛЕВСКОМУ

МОСКОВСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1928

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PQ2362
.Z5
V55
1928

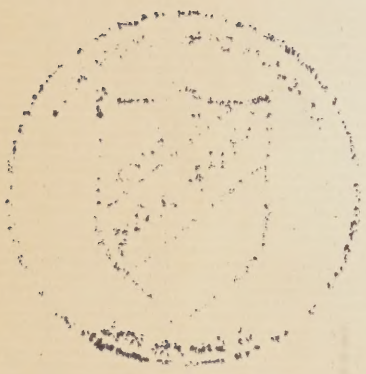
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00007734106

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAY 17 1995			
MAY 21 '95			

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/merimevpismakhks00vino



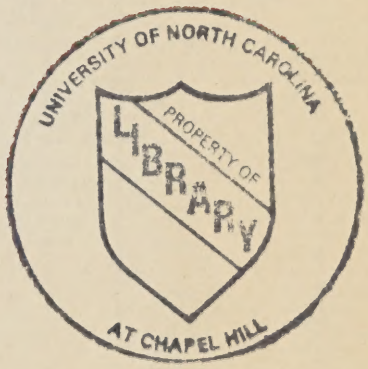
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИЯ С. А. АБРАМОВА

А. К. ВИНОГРАДОВ

PQ2362
.Z5
V55
1928

МЕРИМЕ

В ПИСЬМАХ К СОБОЛЕВСКОМУ



MERIME V PIS'MAKH K SOBOLEVSKOMU

МОСКОВСКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1928

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
имени
ИВАНА ФЕДОРОВА
АКАДЕМИЧЕСКАЯ
3-й Гончарный Слов. пр. 11

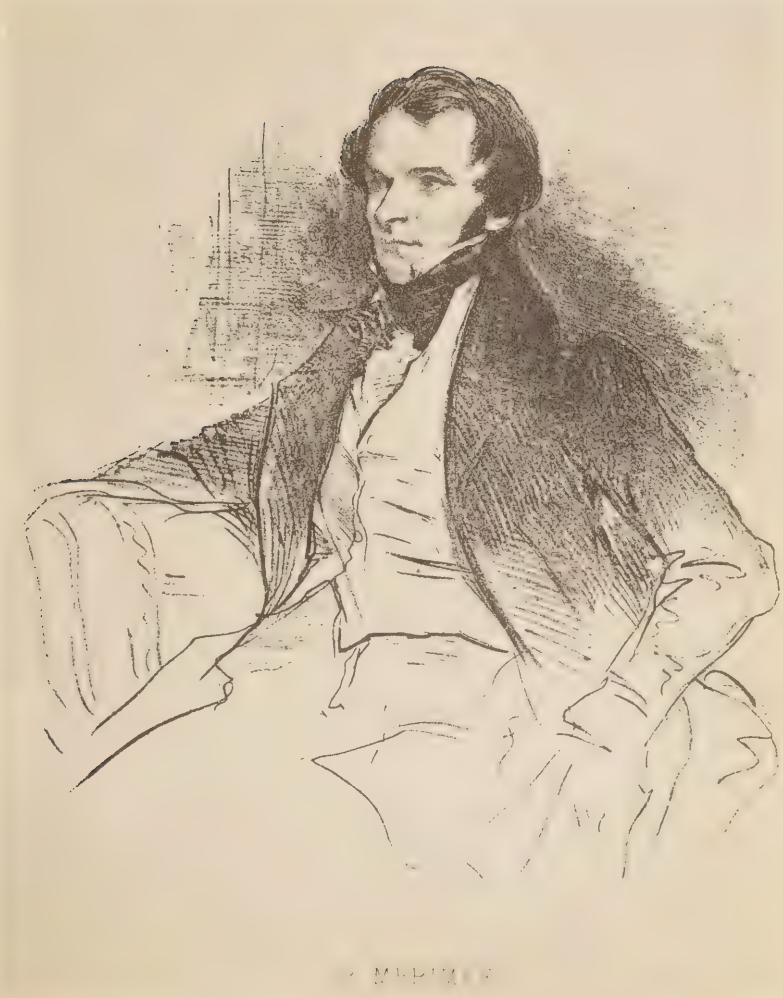
Главлит № 88223. Тираж 2000. — 17¼ л.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради.

А. С. Пушкин („Correspondance inédite de Voltaire". Paris 1836)

Ces jolies lettres, tantôt gaies, tantôt tristes, qui prennent la couleur du temps et qui se teintent, aussi des émotions particulières de l'auteur...

A. Filon. „Mérimée et ses amis"



П. Мериме

ПРЕДИСЛОВИЕ

Главнейшие материалы, положенные в основание предлагаемой книги, взяты мною: 1) из фонда № 46, Сергея Александровича Соболевского, находящегося в Архиве Народного Хозяйства Культуры и Быта Центрархива РСФСР; 2) из Погодинского Архива, находящегося в Отделе Рукописей Публичной библиотеки СССР имени Ленина; 3) из Публичной Библиотеки СССР в Ленинграде; 4) из Пушкинского Дома при Всесоюзной Академии Наук, а также в частных собраниях Л. Э. Бухгейма, Н. И. Тютчева и нескольких других владельцев архивов и отдельных документов, тех родственников С. А. С., имена которых я не привожу в силу их распоряжения. Всем этим учреждениям и лицам я приношу глубокую благодарность. Автор чувствует себя особенно обязанным С. А. Абрамову, В. Э. Банк, И. Э. Грабарю, Б. Л. Модзалевскому и Н. П. Чулкову.

Эта книга представляет собой опыт изучения документов Проспера Мериме и вторую публикацию материалов, касающихся увлечения русским языком и литературой во Франции в кружках романтической школы. Автор имел в виду специальной группировкой документов обнаружить подлинные рельефы этого увлечения и указать на ту среду, в которой оно возникло. Полусказочная страна, привлекавшая Проспера Мериме чертами экзотическими, Россия рисовалась его взорам скорее по маршрутам Марко Поло, чем по своей реальной обстановке тридцатых, сороковых и пятидесятых годов. На этом пути Мериме ожидал найти те же примечательные черты фантастической реальности, манящей и новой, которую дали ему многочисленные поездки в Испанию и странствования по Востоку. Многоплеменная, огромная северная страна отмечена была в его воображении теми чертами, какие запечатлеваются в сказаниях иностранцев о Московском Государстве, берущих на примету или то, что им непонятно, или то, что их поразило отличием от европейского быта, что для жителей самой этой страны протекает бесследно, как обыденное, вместе с целым рядом незаметно отмирающих, оригинальных, бытовых явлений.

Занятия Проспера Мериме русским языком, внезапно, как мы видим через посредство Соболевского, открыли для него в этой стране

гениальные литературные явления, поразившие его красотой и прозрачностью стиля, значительностью и четкостью в построении сюжета. Через Соболевского он узнал Пушкина; и первое письмо Мериме, адресованное Соболевскому в Испанию, извещает, что в результате их собеседований возник первый перевод Мериме на французский язык пушкинской повести „Пиковая Дама".

Роль и значение Соболевского в этой области литературных и культурных соприкосновений недостаточно оценены, поэтому, хотя эта книга и называется „*Мериме в письмах к Соболевскому*", но о Соболевском в ней говорится гораздо больше. Дело в том, что Мериме в этой книге говорит собственными устами в двадцати четырех письмах, публикуемых впервые и обозначаемых мною в этой книге римскими цифрами, кроме того французскому автору посвящена огромная литература, и, если еще не каждый шаг его изучен, то все же Франция вступила уже на путь этого изучения, и книга Пьера Траар „Молодость Мериме" уже дает нам полную картину его жизни и литературной работы до тридцатилетнего возраста. Иное дело с Соболевским. Кроме прекрасной биографии, к сожалению слишком краткой, В. И. Саитова, кроме „Воспоминаний" Березина-Ширяева, тоже очень кратких и уже давно не встречающихся на книжном рынке, все остальное разбросано по страницам газет и журналов и нуждается в большой полной сводке [1]. Вот почему для будущего биографа Соболевского, я старался дать некоторые сведения о его маршрутах и выяснить подлинную физиономию этого интересного и незаслуженно забытого корреспондента Проспера Мериме. Он принадлежал к числу тех исключительных фигур, к которым история бывает всегда неблагодарна. Человек огромного вкуса, широкого и многостороннего образования, он был „другом литературы", но не был сам литератором; он давал яркие мысли, свежие образы, тонко схваченные рифмы, сложные замыслы многим писателям, с которыми он дружил. Он был подобен тем режиссерам, которые, раздарив свой талант актерам, сами не выступают на сцене. Он был организатором тех соприкосновений, *контактов разнообразных литературных школ*, направлений и течений в Европе, которые зачастую без посредства не могли бы соприкоснуться. Он с любопытством следил за теми искрами, которые получались в результате этих контактов, и вот одним из таких контактов явился *пушкинизм Проспера Мериме*, осуществившего перевод Пушкина, которым Соболевский в шутку угрожал когда-то своему русскому другу в письмах из Италии 1829 г.: „О Пушкин, Пушкин! пиши мне... я тебя здесь хвалю величаю; не то — напечатаю *свой* перевод тебя, и горе, горе посрамленному" (27-го февраля—7-е марта 1829 г.) [2].

---

[1] Наиболее полную и точную сводку печатных сведений дает статья Ю. Н. Верховского в „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ".

[2] Соболевский действительно впоследствии сделал для Мериме прекрасный перевод пушкинского стихотворения „Анчар", нисколько не посрамив автора. Мериме перевел „Анчар" на латинский язык. Уже в первом путешествии Соболевский замышлял „прославление Пушкина в Европе".

Соболевский прибыл во Францию в то время, когда французские гостиные представляли собою яркий и пестрый литературный базар. Он попал в самую гущу борьбы романтической и классической школы. Его свидетельства чрезвычайно интересны, и его влияние на Пушкина в вопросах о двух течениях французского романтизма, о предпочтении Мериме Виктору Гюго гораздо более значительно, чем можно было предполагать, равно как и его влияния на Мериме в вопросе о судьбах русской литературы: — *„Пушкин или Достоевский?“* — для нас теперь несомненно. Поэтому настало время вернуть Соболевскому ту долю литературной славы, которую он щедро подарил своим друзьям. Интереснейшие письма Мериме дают нам на это право. П. А. Катенин должен поделиться с Соболевским славою влияния на Пушкина, а сам Соболевский может до некоторой степени стать в уровень с А. И. Тургеневым.

Судьба Соболевского была печальна, и его культурное наследие погибло для России с его смертью. За три года до смерти С. А. С. собрался совершить *шестую поездку за границу*. 15 октября 1867 года он получил свидетельство на выезд, но воспользоваться им не смог, так как вскоре слег в постель, потрясенный нервным ударом. Дела его шли все хуже и и хуже. Разоренный франко-прусской войной до полной нищеты, он в последний год своей жизни (1870) решился на очень тяжелый, трудный шаг: продать свою библиотеку, но колебался, и смерть застигла его в перерыве переговоров. Его наследницы быстро ликвидировали культурное наследство Соболевского [1]. Через Франке и Листа в Лейпциге большая часть его библиотеки ушла в Британский Музей, русская и славянская части были куплены проф. Лескином для Лейпцигского университета, а рукописи купил С. Д. Шереметев за 300 талеров и держал их под спудом в Подольском имении, „Михайловском“, с 1873 г. и до той поры, когда величайшая в мире революция не раскрепостила это подспудное достояние науки вместе со множеством других.

Книгопродавцы Лист и Франке объявили о продаже *двадцати восьми* томов in f° в темно-зеленых полукожаных переплетах, заключающих в себе переписку и документы С. А. Соболевского. В архиве Шереметева оказались налицо *только двадцать четыре тома* переписки и *один фолиант с документами, касающимися* любимого детища Соболевского, его *библиотеки*.

Таким образом, охватывая всю его шестидесяти семилетнюю жизнь, архив Соболевского распадается на „Путешествия“ и „Воспоминания“ о путешествиях, словно подчеркивая, что пятнадцать лет жизни за границей давали настоящий воздух легким Соболевского, а в России он только

---

[1] Мать и дочь Львовы предварительно уничтожили всю касавшуюся их лично переписку, вырезав из XXI тома Архива С. А. Соболевского все письма от страницы 135 до 142, т. е. несколько десятков документов, а затем продали и библиотеку, и архив. Соболевский не оставил никакого капитала. В день его смерти в кармане сюртука нашли последние семьдесят рублей.

вспоминал, переживал заново и возобновлял связи, приобретенные за границей [1].

Нынешний состав фолиантов содержит следующее:

Томы:		Годы:	
I	Avant le voyage	(до 1828 г.)	
II	(1) Voyages	1828—1833	гг.
III	(2) „	1828—1833	„
IV	(3) „	1828—1833	„
V	Souvenirs	1833—1836	„
VI	Voyages	1836—1837	„
VII	(1) Souvenirs	1837—1844	„
VIII	(2) „	1837—1844	„
IX	Voyages	1844 г.	
X	Souvenirs	1844—1846	„
XI	Voyages	1846—1851	„
XII	„	1846—1851	„
XIII	Souvenirs	1851—1860	„ *(А. В. Г.)*
XIV	„	1851—1860	„ *(ДЕЖЗИК)*
XV	„	1851—1860	„ *(Л. М. Н.)*
XVI	„	1851—1860	„ *(О. П. Р. С.)*
XVII	„	1851—1860	„ *(Т. Я.)*
XVIII	Voyages	1860—1861	„
XIX	Souvenirs	1862—1868	„ *(А—В)*
XX	„	1862—1868	„ *(Г—К)*
XXI	„	1862—1868	„ *(Л—М)*
XXII	„	1862—1868	„ *(Н—Р)*
XXIII	„	1862—1868	„ *(С—V)*
XXIV	„	1862—1868	„ *(Дополнительный)*
XXV Том без №		Bibliothèque Correspondance.	

Большинство документов, и в особенности письма Проспера Мериме, полученные мною путем фотографирования из фонда Соболевского, из Погодинских материалов бывшего Румянцовского Музея, из тех материалов, которые любезно предоставила мне Публичная Библиотека СССР в Ленинграде, даются мною в автотипической репродукции, осуществленной благодаря исключительной энергии С. И. Гальперина.

Я считал необходимым во избежание ошибок и недоразумений в чтении текстов, а главным образом в целях самой показательной иллюстрации того, в какой степени Мериме овладел графикой и орфографией испанского и русского языков, дать факсимильное воспроизведение всех двадцати четырех, впервые увидевших свет в печати, писем Проспера Мериме.

Приложение к основному тексту этой книги содержит документы, касающиеся отношений Пушкина, Мицкевича и Соболевского. Частью о них

---

[1] В переписке 1864—65 гг. И. С. Мальцов упрекает С. А. С. за продолжительность его сборов в чужие края, а в письме 30 сент. 1864 г. неджиданно открывает нам, что Соболевский уже в этом году намечал не простое путешествие, а полное переселение заграницу; для этой цели Мальцов наводил справки о возможности для С. А. С. занять должность русского вице-консула в Триесте. См. А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского № 46, Том XIX стр. 142.

знал уже Владислав Мицкевич, нашедший письмо С. А. С. в бумагах его друга Ф. Малевского, но главнейшие из них, именно письма самого Мицкевича, забытые Соболевским, печатаются впервые. Мицкевич и Пушкин оба в 1828 году увлеклись анонимной „Гуслей" Мериме. Соболевский впоследствии был посредником между Мериме и Пушкиным. Моей задачей было показать, насколько это возможно, степень посредничества Соболевского между Пушкиным и Мицкевичем. Вместе со всем этим выясняется характерная черта С. А. С. В той же мере, в какой письмо С. А. С. к М. Н. Лонгинову об анненковском издании Пушкина вскрывает нам благородные причины молчания Соболевского о Пушкине, так и приводимое в приложении письмо его 24 декабря 1868 года к Ф. Малевскому о Мицкевиче убеждает нас еще более в том, что С. А. С. берег память своих друзей и не писал о них не по лености, но побуждаемый благородной сдержанностью. Он невысоко ставил легкость современных ему мемуаристов, и унес с собою в могилу те сокровища, которые дарила ему дружба гения и таланта. В Пушкине, Мицкевиче и Мериме Соболевский прежде всего ценил друзей и не хотел „предавать" их, как людей, даже из самых бескорыстных побуждений; он пишет Малевскому: J'ai toujours aimé mes amis pour l'amitié qu'ils m'on temoignée et non parce que c'était de grands hommes et des personnages historiques en herbe; c'est pourquoi je n'ai jamais pensé à inscrire leur faits et gestes et paroles.

В заключение считаю необходимым выразить благодарность библиотекарям Британского Музея, давшим мне необходимые справки и материалы, и польским ученым, Г. Г. Уейскому и Калленбаху, подарившим лестным и участливым вниманием эту работу.

Фоболевич

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Соболевский заграницей. — Почва первых соприкосновений с Мериме. — Показания современников. — Знамена Романтизма

Незадолго до июльской революции 1830 г. из Парижа в разных направлениях выехали два пассажира французских дилижансов, недавно познакомившиеся друг с другом и уже успевшие достаточно подружиться для трехмесячного знакомства. Один из них, Проспер Мериме, молодой человек двадцати семи лет был полон порывистого стремления к формам жизни ярким и неожиданным, был полон ожидания новых впечатлений от своего первого путешествия за Пиренеи. Он ехал в Мадрид и по дороге в дилижансе, кутаясь от горного ветра, впервые заговорил со своим соседом испанцем, закрывавшим простреленный глаз черной повязкой. Это дорожное знакомство определило собою значительное влияние Испании на последующую жизнь Проспера Мериме, его спутником оказался близкий ко двору регентши Христины граф Сиприано-Тэба-Монтихо, дочь которого Евгения, имевшая тогда четыре года от роду, впоследствии вышла замуж за Луи Бонапарта.

Другой пассажир другого французского дилижанса, ехавший на север из Парижа, получивший русский паспорт в посольстве в Париже 8-го апреля 1830 г. и выезжавший 10-го апреля, был Сергей Александрович Соболевский, обаятельный человек, гигант и красавец, владевший всеми европейскими языками, автор острых ненапечатанных и пожалуй даже непечатных эпиграмм, один из ближайших друзей А. С. Пушкина, родившийся с Проспером Мериме в один год и в один месяц: в сентябре 1803 г. *. Он тратил в первой заграничной поездке избыток своей веселой и огромной энергии на путешествия, на книги, на оживленное общение с тем шумным литературным рынком, с той выставкой блестящих талантов, в которую превратились в те годы Рим, Париж и Петербург.

Незаконный сын А. Н. Соймонова, бывший на плохом счету у николаевского правительства, имевший общение с декабристами, получивший в доме матери блестящее образование, но не попавший в университет в силу политических препятствий, Соболевский числился на службе в архиве Коллегий Иностранных Дел. Он во-время успел найти себе убежище

---

* С. А. С. родился в 1803 году в Риге 10/22 сентября, в четверг.

заграницей и таким способом надолго удержать себя от влияния мертвящей русской действительности, николаевской казенщины. Из 67 лет своей жизни Соболевский полных пятнадцать лет провел за-границей, а его первая поездка за-границу была связана с желанием окунуться в море европейской жизни, казавшейся ему таким привольем, и вместе с тем осуществить свой замысел сделаться самостоятельным и независимым от Соймоновых (умирающую мать он так и не беспокоил напоминанием о наследстве и поэтому все ее имущество прошло мимо него. Она умерла в 1826 г.). Эту независимость он думал получить, как многие из тогдашних разоряющихся дворян, путем организации индустриального предприятия, что впоследствии осуществил в компании с братьями Мальцовыми.

Примыкая к группе „архивных юношей", Соболевский имел обширные литературные знакомства и вращался в обществе лучших Московских людей. Живя в доме Ренкевича, в Москве на Собачьей площадке, он целые недели проводил вместе с Пушкиным и Мицкевичем [1]. Сохранилась записка Соболевского к великому польскому изгнаннику, указывающая на близость и дружбу Мицкевича, Пушкина и Соболевского в те годы. Она приводится вместе с ответом Мицкевича в приложении к этой книге.

Мицкевич и Соболевский переписывались по-французски. Повидимому для польского поэта не была тайной случайность приписки его русского друга к старинному польскому гербу Slepowron, не имевшему представителей. Значит дружба с Мицкевичем не могла основываться на случайной польской фамилии Сергея Александровича. Проводы Мицкевича в Москве на квартире Соболевского, пылкие восклицания собравшихся о низвержении самодержавия, дружеское участие в делах Мицкевича заграницей, и как видно из прилагаемых писем Мицкевича, не ослабевающая связь до 1849 г., когда Мицкевич намеренно растерял всех своих русских друзей, говорят о том, что Соболевский был крупной фигурой и благородным другом лучших людей своего времени.

Автор книги не останавливается на отношениях Пушкина и Соболевского; это сложная и трудная задача, дело будущего исследователя выяснить все мельчайшие детали этой дружбы. Твердо можно сказать одно, что устранив две дуэли Пушкина с Федором Толстым и Владимиром Соломирским в годы перед отъездом заграницу, Соболевский конечно не допустил бы и роковой дуэли в 1837 г., как то правильно утверждал В. А. Сологуб.

Самая обстоятельная биография Соболевского, написанная В. И. Саитовым, остается непревзойденным материалом для суждения об отношениях Соболевского и Пушкина. Излагая дальнейшее, я исхожу из предположения, что читателю статья В. И. Саитова известна.

---

[1] Самое важное свидетельство С. А. Соболевского о совместной жизни с Пушкиным в Москве дается письмом к Погодину в 1867 года. В виде большой выдержки это письмо напечатано Н. П. Барсуковым в его капитальном труде: „Жизнь и Труды Погодина", но к сожалению оригинал его по заявлению Г. П. Георгиевского в Погодинском Архиве не уцелел.

Устроив проводы Мицкевича, Соболевский все таки обогнал его и выехал из Москвы 18 октября старого стиля в 1828 г. [1] Соболевский отмечает в дневнике: „Я выехал из Москвы, плотно поужинав у Яра, в 3 часа поутру в сопровождении Риччи [2] и Бонелли". Из Петербурга он выехал 29 октября, и был в Риге 22 ноября. 6-го ноября вечером были в Ковне, совершая путь в почтовой карете. 22-го ноября он приехал

Карандашная зарисовка-шарж, сделанная К. П. Брюловым в Риме в августе 1829 года с надписью чернилами его же рукою: „Кипринский — Соболевский"

в Варшаву к Розенштерну, познакомился там с Валерьяном Красинским, Адамом Чарторижским, Иоахимом Лелевелем, Эдуардом Одынцом, Грабовским и другими. В Варшаве он пробыл 9 дней. В Кракове был 4-го декабря и оттуда поехал на Вену. 16-го декабря выехал из Вены в Венецию, куда прибыл 20-го декабря поутру. Новый год по старому стилю он встретил в Болонье, а 1-го января 1829 г. обедал у Санпьери, после чего направился во Флоренцию, где пробыл с 3-го января по 14 июля, когда выехал в Рим через Сьену. Из Рима 7-го августа он выехал в Неаполь, куда

[1] Маршруты описываются по материалам IV тома фонда Соболевского № 46, А. Н. Х. К. и Б.

[2] Итальянский граф, женатый на русской певице Екатерине Петровне Луниной. Ей Алексей Михайлович Пушкин посвятил стихи „Воспитанница муз, прелестна Катерина".

прибыл 9-го числа того же месяца. Отмечает в дневнике обеды с Кипренским и Гурьевым [1]. В качестве развлечений отмечает бракосочетание испанской королевы. 10-го сентября утром он снова выезжает на север и 8-го октября приезжает во Флоренцию, где остается до 20-го числа. К этому времени относится оживленная переписка Соболевского с Киреевским и Шевыревым, почти в каждом письме Соболевский требует сведений о Пушкине из России, и друзья дают ему эти сведения довольно охотно и подробно. И. В. Киреевский пишет соболезнования по поводу одиночества Соболевского к Новому Году, в одном из писем сообщает о скорой встрече с Мицкевичем в Италии, в другом описывает, как Пушкин залез в библиотеку Соболевского, хранившуюся у Киреевских и вынул оттуда свои книги, несмотря на протесты Киреевского, заявляя при этом, что он „сам обо всем Соболевскому напишет". — „Как прикажешь поступить?" заканчивает это сообщение Киреевский [2]. Тут же он подробно сообщает о вечерах, проводимых с Пушкиным, Вяземским, Баратынским, и о том, как Каролина Павлова „читает каждый раз страниц по сту поэтической прозы".

22-го октября утром Соболевский приезжает в Геную и проводит время с одним из друзей Байрона и Стендаля, монсиньором Людовиком Брэмом.

16-го ноября он выезжает из Генуи на север и 22-го ноября уже находится в Лионе. Совершая путь во французских дилижансах Бонафуса, Лафита и Кайяра по зимним шоссейным дорогам Франции, с весело бьющимся сердцем, пригретым рекомендательными письмами З. А. и А. Н. Волконских, Соболевский на третий день к вечеру ехал по Лионскому шоссе, перечитывая письмо князя Александра Никитича Волконского следующего содержания [3].

Рим, 25 октября [1829].

Вот, дорогой Соболевский, те письма, которые я обещал вам для Парижа. Ларошфуко — это Министр Искусств; он может быть очень для

---

[1] К этому времени я отношу встречу Соболевского с К. П. Брюловым, который набросал карандашом шаржированные портреты Кипренского и Соболевского, приводимые здесь в автотипии. Оригинал любезно был мне предоставлен владельцем Н. И. Тютчевым для воспроизведения только в этой моей книге. Об акварельном портрете С. А. Соболевского, писанном тем же К. П. Брюловым, см. Приложение II в конце книги.

[2] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского том II стр. 65. Письмо 29 Генваря 1829 года (получено С. А. С. во Флоренции 5-го марта). В начале письма И. В. Киреевский описывает обеды у З. А. Волконской по воскресеньям, на которых он встречается с Вяземским, Баратынским, Шевыревым, Дмитриевым, Павловым, Погодиным, Каролиной (Янишь Павловой), „приходившей со своими двумя евнухами". „Тамъ былъ раза три Пушкинъ", сообщает Киреевский Соболевскому и далее пишет: „Съ Барат[ынскимъ] сошлись до: *ты*; чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше онъ выигрываетъ. Онъ издалъ свой балъ (sic) вмѣстѣ съ Нулинымъ Пушкина, который написалъ еще поэму: Мазепа, но еще не печатаетъ. Въ Пушкинѣ нашелъ еще больше, чѣмъ ожидалъ [:] такого мозгу кажется не вмѣщаетъ уже ни одинъ русскій черепъ, по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ ощупанныхъ мною. Но вотъ, что онъ надѣлалъ, бывши у меня и зная что твоя библіотека хранится у насъ, открываетъ ящикъ и выбираетъ отъ туда (sic) нѣсколько книгъ принадлежащихъ ему, увѣряя, что онъ на это имѣетъ полное право, что напишетъ объ этомъ къ тебѣ и что ты не разсердишься. Какъ прикажешь поступить?"

[3] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского, Том II, стр. 7.

вас полезен; он и госпожа нынешнего министерства и *роялистов*". Г-н де-Сент-Олер слишком известен, чтоб мне нужно было вам о нем рассказывать. Попросите его перезнакомить вас с его друзьями: г-ом де-Барант, де-Гизо и госпожей де-Брольи, рожденной Сталь. Попросите у Ларошфуко от моего имени представить вас госпоже Рекамье, к которой вы обратитесь с тысячью разных милых слов от моего имени; это самая милая дама в Париже. Он также познакомит вас с госпожей Дюкайлаз.

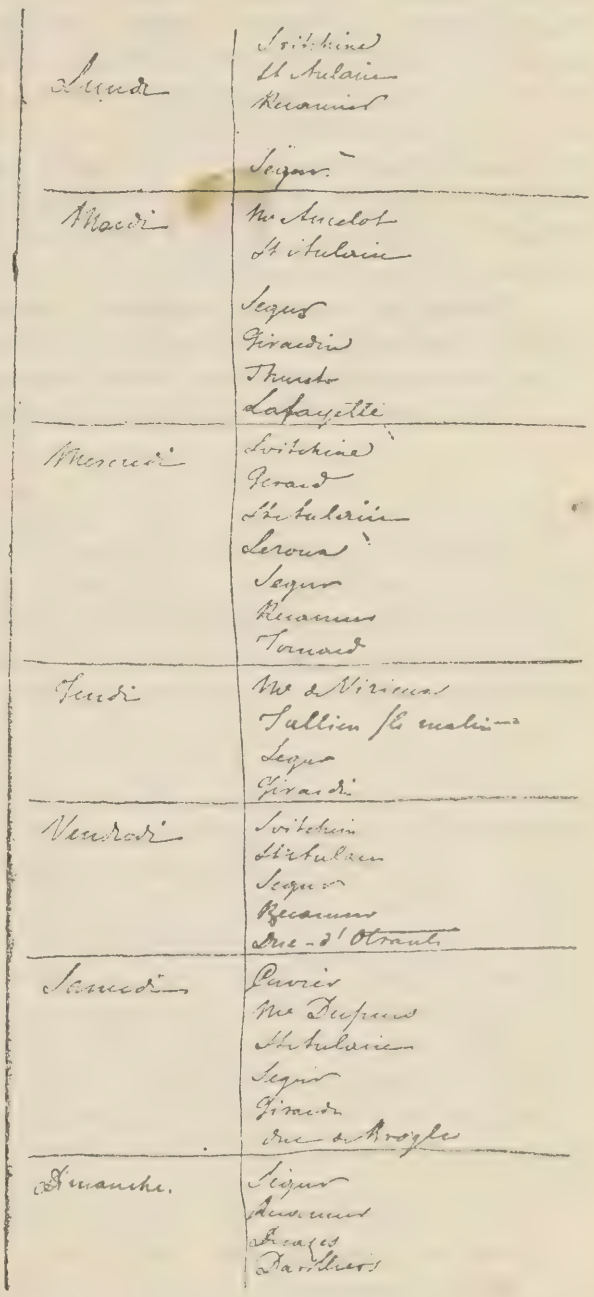
Доставьте мне удовольствие, повидайтесь с Собакиным [1].

Алекс. Волконский".

Вечером 25-го ноября 1829 г. Сергей Александрович Соболевский въехал в Париж и остановился вблизи Вандомской площади в д. № 1 у госпожи Клермонт. В записках, составленных несколько позже, он отмечает: „Я поддерживаю сношения с Яковлевым, бываю у госпожи Ансло и Джени Мели. Список моих знакомых в конце этого тома" [2].

Вот этот список:

де-Вирье представят вас всем партизанам введут вас в кружок „*ультра-меломанов*,



[1] Брат графини Стенбок-Фермор Иван Алексеевич Собакин (Яковлев) один из владельцев уральских заводов, жил и умер в Париже (1804—1882). См. дальше упоминание Яковлева в дневнике Соболевского.

[2] Ibid. Том II, стр. 86.

Здесь перечислены лучшие jour-fixes Парижа того времени. Здесь мы читаем имена: Сегюра, участника наполеоновского похода в 1812 году, описавшего его; родственницы Соболевского Свечиной [1], члена института—Жомара, Рекамье, знаменитого Кювье, Лафайэта, Брольи, покровительствовавшего Стендалю, видим здесь фамилию Фушэ, Поля Анри Фушэ, писателя, на сестре которого был женат В. Гюго, и действительно интересные по литературным собраниям салоны Жерара и Ансло. Соболевский точно указывает дни. Они совпадают со свидетельством Стендаля в „Souvenirs d'Egotisme": *„Я люблю встречаться с друзьями по вечерам в гостинных: по субботам у Кювье, по воскресеньям у Де-Траси* (философ, сильно повлиявший на Стендаля), *по вторникам у г-жи Ансло, по средам у барона Жерар*".

Именно у Ансло Соболевский познакомился со Стендалем и, если верить Смирновой, знал его довольно близко, рассказывая о нем Пушкину с подробностями, доступными только очевидцу и знакомцу.

8-го декабря 1829 г. Соболевский пишет Шевыреву:

Париж, 8-го декабря (1829).

Здравствуй, душа моя Шевырев, бесценная и пребесподобная. Вот тебе новости от Погодина от 29 декабря. Пушкин жил с месяц в Москве проездом из Эрзерума, Баратынский в Тамбове, Веневитиновы едут в Питер, Иван [2] по первому пути в Париж. Вот и все. Что же ты, о, minimum человеческого рода, мне ничего не сообщаешь ни о Москве, ни о Риччи? Пиши, пиши: Rue Place Vendôme, № 1.

Париж, брат, чудо. Всего хорошего много, даже русских журналов у Ferussac и Jullien; правда, что за 1827 год. Я со всеми этими уродами познакомился, все это кроено на одну стать, что Jullien, что Полевой, что Греч, что Vieusseux во Флоренции... Театры здесь не то, чего мы надеемся: опера—славная, но трагедия совершенно ничем не лучше ни Московской, ни Петербургской, даже решительно нет ни одного актера равного хорошим местам Мочалова и Каратыгина; в балете декорации хуже Итальянских; костюмы беднее гораздо Московских; corps de balet решительно во сто раз хуже Московских; первый плясун, Paul, очень, очень немногим лучше Richard'a старшего; да еще бог знает. Маленькие театры занимательны остроумною игрою актеров и самыми пьесами. Не шлю тебе еще ничего, ибо самая гремящая ныне, Marie Mignot, слишком локальна и не годится переводить.

За то книг, журналов, лекций!!! Все это даром, все можно нанять за бесценок; за то ресторацій, ресторацій и ресторацій!

Буду писать княгине [3] о лицах, к кому она меня адресовала. Я здесь хорошо познакомился с Jullien, Ferussac, Ségur, Cousin и другими; всех

---

[1] Софья Петровна Свечина, рожденная Соймонова (1782—1859). Ревностная католичка, ученица де-Мэстра. Держала первый католический салон в Париже.

[2] И. В. Киреевский. Это письмо напечатано в „Русск. Арх." 1909 г.

[3] З. А. Волконской.

опишу и к тебе на будущей неделе à grands coup de pinceau [1]. Ты же скажи, как вы живете, что у вас: вечера, обеды, пение. Пока скажи княгине, что я книгу „Soirées de Neully", а может быть и купленную „мадамой" Dumouchel [2] музыку „Вильгельма Теля" пришлю ей на имя Гагарина с курьером, пусть она уж с ним сделается как хочет. Кстати: я получил отставку по болезни. О горе, горе! Уж я не в Архиве! [3].

Как видно из приведенного списка парижских визитов „Труды и Дни" Соболевского были необычайно разнообразны. В его архиве сохранились два письма Наполеоновского адъютанта графа Сегюра автора „Похода в 1812 г. в Россию", где он благодарит даму, рекомендовавшую ему Соболевского [4], и дает о нем холодный, но блестящий отзыв. Второе письмо Сегюра содержит в себе столько же холодный отказ на просьбу Соболевского о доступе ко двору Карла X. Оба письма продиктованы секретарю и подписаны дрожащей рукой старого генерала.

Четыре неполных месяца, проведенных Соболевским в Париже, были не только наполнены впечатлениями, но перегружены до утомления даже для этой безудержной веселой энергии, словно перекинувшейся от избытка сил весельчаков и изощренных авантюристов XVIII века, благодушных, сильных, свято чтущих дружбу и не знающих куда девать свои огромные дарования и свои недюжинные силы, расточаемые на тысячи эпизодов. Тлеющие обломки аристократии вместе с возникшим „племенем середины" старались в невольном союзе заглушить тот революционный энтузиазм, представители которого были еще живы в качестве „племени гигантов" закалившегося в огне революции и „Декларации Прав". Нарождающаяся индустриальная буржуазия была совершенно враждебна этому племени. Индустриализм создавал другую психологию, нарождался конфликт, в котором старая аристократическая Франция пыталась опереться на классическое наследие прошлого, дававшего безжизненные формы традиционного искусства, в то время как это новое племя стремилось создать новое искусство, в одинаковой степени чуждое и традиции, и попыткам примирения с охранительной идеологией общества французской реставрации. Эту борьбу окрестили битвой романтизма и классицизма, „спасением поэзии от индустриализма", но уже в самом новом романтическом лагере возникало естественное расслоение. Временные попутчики разошлись в разные стороны: Виктор Гюго пошел в одном направлении, стал чистым романтиком, в то время как Стендаль и Мериме создали стиль и тип реального романа.

---

[1] Крупным штрихом.

[2] Маргарита Борисовна Дюмушель жила у З. А. Волконской в Москве. Впоследствии имела в Москве же большой женский пансион.

[3] Соболевский был уволен из Архива за просрочку отпуска А. Я. Булгаковым.

[4] Графиня Беневолло, владетельница виллы около Турина. Соболевский жил у супругов Беневолло во время своего первого путешествия, явившись к ним по рекомендации З. А. Волконской. В Архиве С. А. С. сохранилось письмо Сегюра графине Беневолло в Италию о Соболевском.

Все это ярко отражалось в спорах парижских салонов времен Реставрации и Июльской монархии, в особенности в гостиных Кювье, барона Жерар и Виргинии Ансло, у которой нашел себе прочный приют Соболевский, введенный туда Александром Ивановичем Тургеневым [1].

Супруги Ансло в 1826 г. были на коронации Николая I в Петербурге, в свите маршала Мармона, и прожили там полгода. В то время как молодой Соболевский во время коронации напевал французскую марсельезу (достаточно впрочем тихим голосом), в это время Жак-Арсен-Поликарп-Франсуа Ансло [2] преподносил Николаю французскую монархическую кантату, отпечатанную в типографии Августа Семена. Вернувшись в Париж, Жак Ансло выпустил книжку о своем шестимесячном пребывании в России, а бывший в то время в Париже Я. Толстой [3] печатной брошюрой выразил сомнение в возможности узнать какую бы то ни было страну и судить о ней так смело через шесть месяцев, как это сделал автор.

Побывав в России, супруги Ансло, в особенности супруга, сделались большими руссофилами, и все приезжавшие из России считали почти обязанностью бывать в их гостеприимном салоне, на улице Гренелль, в доме № 35, или на улице Жубер № 15. Супруга автора книги о России, Виргиния Ансло, описала с большой любовью жизнь Парижской гостиной с 1824 по 1864 годы.

Маргарита-Луиза-Виргиния Ансло, рожденная Шардон, родилась в Дижоне 15 марта 1792 г.—умерла 21 марта 1875 г., следовательно в год приезда и знакомства с ней Соболевского в Париже ей было 37 лет, а Соболевскому 26; это все же не давало повода приятелю Соболевского, Федору Михайловичу Леману, так озорно подшучивать над ее возрастом, как он это делает в письмах, приводимых мною ниже. В своей книге с эпиграфом *„И я, как вы, жила в Аркадии счастливой“*, она сообщает о своих чрезвычайно интересных встречах, о том, как она широко открывала двери польским изгнанникам, сообщает легко, с изяществом и пустотой светской дамы, скользя по поверхности сообщаемых фактов [4].

„Изгнанники не были единственными иностранцами, сидевшими у моего камина; я вообще любила изучать мысли представителей разных национальностей... Однако я всегда предпочитала беседовать с иностранцами, которые говорили по-французски; в особенности я любила говорить с русскими, которые в тот момент представляли собою типы французов XVIII столетия. Высказывая суждения, покоящиеся на каком то твердом фундаменте, они

---

[1] Братом декабриста Николая Тургенева.

[2] Родился 9-го февраля 1794 г.

[3] Яков Николаевич Толстой (1791—1867), участник кружка Всеволожского, сотоварищ А. С. Пушкина по „Зеленой Лампе“, привлекавшийся по делу о декабристах. О нем см. Б. Л. Модзалевский „Я. Н. Толстой“. Ансло, совершенно не зная русской литературы, имел смелость провозгласить Булгарина едва ли не „первым ученым“ России, чем вызвал насмешки русской критики. Оценку Ансло см. А. С. Пушкин „Мелочи“.

[4] Madame Ancelot „Un Salon de Paris 1824 à 1864“. Paris. Dentu Editeur. 1866.

отличаются той необходимой ясностью спокойного ума, которая так радует собеседников и придает жизни очарование. Я с очень ранней молодости любила общаться с русскими; я никогда не забуду княжеской четы Барятинских, проявивших ко мне так много доброго чувства. У них был сын, белокурый мальчик с восхитительною чистотою лица, розовыми щечками. Он изумлял меня своей редкой красотою ребенка, цветущего в северном климате. Мне рассказывали, что недавно, ставши взрослым, он с огромным мужеством покорил азиатские пределы, захватил Шамиля и покрыл себя неувядаемой славой, а для меня в моих воспоминаниях он остается попрежнему беспечным ребенком, похожим на ангелочка; это дает мне ощущение редкое на земле. В сестре князя Барятинского, графине Толстой, я нашла доброе сердце, о котором буду помнить всю жизнь. Я знакома также с князем Вяземским [1], почитателем литературы, пишущим в „Северной Пчеле“: он подарил мне один номер этого журнала именно тот, в котором он сделал отчет о двух моих комедиях, сыгранных во французском театре в Петербурге...

Я живейшим образом оплакиваю смерть милого Тургенева [2], светского человека, пытливого ко всякому проявлению умственной жизни и страстного любителя публичных чтений. Он был министром в России, и подал в отставку, когда его брат оказался замешанным в каком-то политическом деле [3]. Потом он бросился странствовать по Европе, все языки которой ему хорошо известны, и стал с жадностью слушать знаменитых профессоров. Он старался ничего не пропустить: бывало, когда два лектора в двух разных городах почти одновременно должны читать свои сообщения, он успевает попасть и на то, и на другое, летя сломя голову от дверей одного университета к другому в почтовой карете, так как тогда еще не было железной дороги...

Я именно этому милому господину Тургеневу обязана тем, что он ввел ко мне целую толпу очаровательных русских людей: это были князь Мещерский [4], восхитительный поэт, писавший стихи к нашему счастью по-французски; господин Карамзин сын историка [5]; господин Соболевский и множество других, столь же интересных людей.

---

[1] П. А. Вяземский (1792—1878).

[2] Александр Иванович Тургенев умер в 1845 году. Родился в 1783 г.

[3] Заочно осужденный декабрист Николай Тургенев (1789 — 1871). Во время следствия о декабристах в 1826 году Н. И. Тургенев был в Лондоне. Русские власти, Нессельроде и Горчаков, тщетно требовали выдачи Тургенева: английское правительство отказало, но на континенте всем русским посольствам приказано было схватить Т. через посредство тайных агентов. Лишь в 1856 г. Т. был амнистирован и приезжал после этого в Россию. О братьях Тургеневых см. И. С. Тургенев „Сочинения“ т. X, стр. 445, также „Архив Братьев Тургеневых“ т. I—VI, изд. Росс. Акад. Наук. 1922.

[4] Елим Петрович Мещерский, писавший и печатавший в Париже красивые французские стихи, служил в посольстве и был известен как человек близкий к кружку Альфреда де-Виньи. Его сборник стихов называется „Les Roses Noires“.

[5] Андрей Николаевич Карамзин, друг Соболевского, убитый в Румынии в 1854 году в районе Каракалы.

Тургенев, обладавший пытливым умом, умел тонко ценить хорошо сделанный рассказ или острое словцо. Блеснуть умом перед ним это было истинное удовольствие: он не давал ничему пропасть даром. Он без конца любил беседовать с Бейлем и Корэфом, этим „самым остроумным *из всех французов немцем*".

Виргиния Ансло была не только мемуаристкой, но и художницей: ее воспоминания перед каждой главой имеют фронтиспис, гравированный по ее рисункам. Она зарисовывала всю массу бывших у нее гостей в наиболее знаменательные вечера, стараясь втиснуть в маленькую рамку неисчислимое количество своих визитеров, банально придавая им человекообразность и очень мало заботясь о сходстве с оригиналами. Мериме встречается у нее на двух таблицах разного периода. Ее суждения о нем не представляют собой ничего интересного. Она указывает на изысканность его стиля, лишенную высокопарности, простую без тривиальности. Она оценивает его очень высоко в качестве историка, путешественника, указывает на его глубокое знание иностранных языков. Как это ни смешно, но в оценке способов усвоения культуры и языка чужой страны, принятых Стендалем и Мериме, она сходится с московской светской дамой Евдокией Петровной Растопчиной [1], которая совершенно также говорит о своем друге Соболевском:

Он в Венеции, в Париже,
В Риме, в Лондоне бывал,
И чтоб край узнать поближе,
Всюду женщин изучал.

Виргиния Ансло то же самое утверждает относительно Бейля, что касается Мериме, то она делает это с некоторой комической оговоркой: je ne dis ceci que sous toutes réserves:

„Полагаю, что господин Мериме не владел бы чужими языкам, с таким совершенством, если бы это овладение иностранными языками не было следствием совершенно особенного метода: во всех столичных городах Европы наиболее красивые и пользующиеся успехом женщины этих стран давали ему уроки и обучали его тончайшим приемам выражения на их языке. Бюшон [2] в жару соревнования захотел обучаться языкам таким же способом, но это ему не удалось; это привело его к обратному результату; он оказался в проигрыше, растеряв в этих опытах свое знание латинского языка, вместо того, чтобы научиться каким-нибудь новым и современным. Эта любовная катастрофа долго была предметом нашей забавы".

Давая характеристику наиболее тесного кружка, Ансло заключает свои восторги по адресу Проспера Мериме следующими словами: „вместе

---

[1] Письмо Соболевскому со стихами 17 мая 1858 года. АНХК и Б. Фонд Соб. т. XVI стр. 487. Напечатано в „Русск. Арх." 1908 г.

[2] Знаток древних языков, один из корреспондентов Соболевского.

с Бейлем, Евгением Делакруа, вместе с любезным бароном Демарэ Мериме доставлял наибольшее наслаждение и прелесть моим собраниям и собраниям барона Жерар. В этот период молодости и увлекательной веселости все вызывало смех в обществе людей, которые виделись изо дня в день, и зачастую неожиданно появлялся какой-нибудь счастливый повод для шуток, которым мы пользовались для взрыва неистощимых дурачеств" *.

В такой непринужденной обстановке неистощимой веселости и остроумия, как нельзя более подходя к ней, появился Соболевский в первый свой приезд в Париж. Он только что прибыл из Италии, он только что виделся с Брэмом, он привез прекрасные рекомендации Волконских, как раз в то время, когда Стендаль выпускал в Париже свой знаменитый роман „Красное и Черное" и собирался ехать в Италию, как раз в то время, когда автор „Théâtre de Clara Gazul" стремился видеть перед собою кастильские ландшафты, Пиренеи и страну басков, собираясь в Испанию, когда доктор Корэф, называвший себя „личным доктором прусского короля", уродливый по внешности авантюрист и замечательный рассказчик, сыпал нескончаемыми анекдотами, наконец, когда завершался первый этап победоносных боев за романтизм. Представьте себе, тогдашний салон и вы увидите, какая насыщенная атмосфера веселой литературной борьбы, серьезного дела, уверенности в победе над повседневной плоскостью омещанившейся Франции, встретила Соболевского в Париже.

25 декабря нового стиля 1829 г. он пишет И. В. Киреевскому:

„Что сказать тебе поинтереснее? Французы в массе совершенно не то, что они индивидуально; притом ты больше видишь в России смешную и глупую их генерацию прошлого века, чем теперешнюю, сильную и мощно сбросившую иго национальных предрассудков о своем неоспоримом преимуществе, предрассудков, которые держали их в *китайском совершенстве*. Притом и старики, *прошедшие здесь три века в тридцатилетие от 1789 года*, столько терлись о высокое и разнообразное, что невольно потеряли то, что нельзя было иначе выразить, как *французшеством*. Из женщин я здесь часто бываю у известной Récamier, которой 52 года и кото-

---

* На отсутствие чопорности и на полную непринужденность этого литературного салона, помимо самой хозяйки, указывает хотя бы шуточное письмо Стендаля, 1828 года. Привожу это письмо с сохранением комической орфографии оригинала:

A Madame Virginie Ancelot
Paris, ce jeudi 1828.

Madame

Jé été à la campane tou cé jourci: mè com il ni a poin de plézir san compensasion, je nai paz u le boneur de vou rencontré. Kan vouz auré fini „l'ane mor" seré vouz asé bone pour le renvoyé à M. Gonssolin. № 34 ru du bac. Agréé mé respec. *Chinchilla.*

Речь идет о произведении Жюля Жанэна „Мертвый Осел или Обезглавленная Женщина". Этот анонимный роман, оборвавший традиции сентиментализма, имел шумный успех не только во Франции. Им зачитывались в России также Пушкин и Гоголь.

рой без всякого увлечения нельзя дать более 24 лет. Там я вижу Шатобриана и вообще все общество, собиравшееся прежде у m-me Staél и страшившее Наполеона. У *Ancelot* и Julien я встречаю все médiocrité политического и ученого мира, как то: Afrededе Vigny, Soumeth, *Mérimée (l'auteur du Théâtre de Clara Gazul)*, V. Hugo у первого Balbi и чорт уж знает кого у второго. У Saint-Aulaire я очень хорошо познакомился с Villemain, Barante, Guizot; часто бываю у милого и умного Ségur, у слывущего здесь большим шарлатаном Кювье [1]. Sismondi, к которому имею письмо, здесь нет; он женится в Génève. У *Gerard, с которым я очень близок,* все живописцы, литераторы и музыканты гуртом. Все это дома, с которыми ты будешь знаком на первой неделе твоего приезда и куда ты можешь ходить пешком и ездить на фиакре. Захочешь же видеть часто балы (которые менее блистательны ваших), прошу брать карету и рядиться в башмаки.

Театров ты не бойся: первое уже потому, что и при ограниченном знакомстве тебе не очень-то будет когда и ездить туда; во-вторых, они вообще дурны, а балет решительно хуже московского. В третьих, они по целым месяцам дают одни и те же пьесы, так что, пожертвовавши сначала месяцом и 150 франков, чтоб осмотреть их, тебе редко придется случай навещать спектакль; разве только, чтобы видеть *чудное для нас зрелище первого представления, буйного, свистящего и рукоплескающего, особенно когда автор известен своей приверженностью к той или другой литературной партии,* а еще более к политическим.

Кстати о политике. Скажу тебе, что на ней-то основан весь здешний разговор, и не читать газет значит обречь себя совершенному онемению. Кстати об разговоре; я забыл тебе сказать, что всего чаще навещаемое мною здесь общество есть дом Ségur. Это тот самый, который был посланником Людовика XVI при Екатерине, оберцеремониймейстером при Наполеоне и автором многих томов. У этого умного и милого старика ежедневно собирается все отличнейшее между литераторов и публицистов. Как вскочит Полевой, когда он узнает, что я тут ежедневно вижу Charles Dupin!!! [2].

Если ты не боишься парализии в руках при малейшем прикосновении оных до пера, то напиши мне, когда решительно ты будешь в Париже. Ты меня найдешь там rue Place Vendome № 1.

Прощай. *Твой Соболевский*

P. S. Если ты еще не выехал из России, то привези мне „Северные Цветы", летние стихотворения Пушкина (второе издание), песни Дельвига и прочее нетолстое, новенькое. Не вози только „терпи горе". Что за идеал глупости!" [3].

---

[1] См. Victor Hugo „Les Misérables"—En l'année 1817.

[2] Знаменитый математик и инженер Ф. П. Дюпэн.

[3] Русск. Арх. 1906.

Таким образом молодой Соболевский попал в Париж в очень интересный период литературного кипения мирового города. В этом письме он сообщает Киреевскому о той страстности, которой сопровождались первые представления романтических пьес, и довольно хорошо разбирается в переменах, произошедших во французском характере со времени Великой Революции, примыкая в своих суждениях к тем, которые лишь впоследствии были высказаны Стендалем. Вместе с тем это письмо указывает на то, что Соболевский попал в самую гущу романтического брожения. Романтический манифест Стендаля (*Расин и Шекспир*, издание 1825 г.) был основным документом новой школы, в котором пренебрежение к буржуазной Франции смешивалось не только с верностью автора основным идеям Великой Революции, но и с „защитой искусства от индустриализма". Только теперь мы можем разобраться в этих quasi-антиномиях французской литературы: тогдашние споры вносили большую путаницу в понятия; когда же разобрались в этой путанице понятий, то и романтическая школа уже расслоилась: от нее отделился реалистический и психологический роман. В самом деле, когда слово романтический было впервые произнесено в Германии, оно почти совпадало с понятием *романской*, т. е. в сущности *латинской культуры*. Оно введено было в качестве противовеса германизму самой Молодой Германией, оно совпадало с воскрешением великого испанца Кальдерона, с преклонением перед католицизмом, одним словом со всеми новыми увлечениями германской молодежи. *Во Франции—атеист, материалист, сенсуалист Стендаль выступает в защиту романтизма*, в силу того, что во Франции романтики относились с пренебрежением к чертам французского национального характера, воплотившегося в идеологах и политиках первой половины XIX века, создавших шовинистическую психологию мещанина и лавочника. В возникшей борьбе все лучшие авторы шли против шовинизма. Только что возникшее понимание иностранной литературы и ее выдающихся явлений привело, благодаря вполне естественной реакции, к глубокому пренебрежению национальной поэзией и ее классиками, а иногда и вообще вызывало отрицательное отношение к „французскому духу". Отсюда искания чужестранных соприкосновений, не чуждое некоторой экзотике. Отсюда увлечения Стендаля Италией, увлечение Теофиля Готье и Альфреда-де-Мюссе Испанией, отсюда увлечение Мериме славянским миром и его жадное, пытливое общение с Соболевским, Мельгуновым и Тургеневыми. Отсюда успех русского посредничества в деле сближения литератур: Растопчина вдохновляет своего кавказского спутника, Александра Дюма, писать о Лермонтове, Мельгунов * почти полностью является автором книги Кенига о русской литературе.

Отсюда то увлечение Проспера Мериме русской литературой, которое дало такие интересные результаты, отсюда и то многолетнее общение, ничем неомрачаемая дружба Мериме и Соболевского, которые сказались в публикуемой сейчас переписке и в целом ряде указаний разбро-

---

* См.: Мельгунов, Николай Александрович „История одной книги". Москва 1839.

санных в ранее опубликованных письмах Мериме к Антонио Паницци и Клэрк-Ландресс, к Лагренэ и Кузену. В самой этой дружбе есть элемент экзотический. Полушутя, но с оттенком легкого восхищения Мериме приглашает своих друзей на обеды к боярину Соболевскому. И несомненно, что именно Мериме вместе с Бейлем ввели Соболевского в курс романтической борьбы в канун генеральной репетиции боевой пьесы Виктора Гюго „Эрнани". Сохранились разбросанные по эфемерным газеткам Парижа записки Альберта Колльньона, [1] в которых он рассказывает со слов участника Сент-Бева о собрании штаб-квартиры романтизма в декабре 1829 г., собрании, на котором повидимому произошла стычка, определившая последующее естественное выпадение реального романа из недр романтической школы. Это момент неудавшегося сближения или вернее полного разрыва между Виктором Гюго, с одной стороны, и Мериме со Стендалем, с другой [2].

Сент-Бев повествует: „Я имел величайшее уважение к Бейлю, но встречался я с ним довольно редко; одна встреча особенно запомнилась мне: это был вечер, проведенный мною у Мериме с ним и Виктором Гюго, с которым Стендаль встречался, повидимому, в первый раз. Какой исключительный вечер! Гюго и Стендаль казались каждый дикой кошкой; они сидели друг против друга, словно на гребнях противоположных крыш в оборонительных позах со взъерошенной шерстью, заботясь только о том, чтобы бархатные лапы были все время на чеку. Смею уверить, что Гюго более открытый, более широкий, ничего не боялся, будучи убежден лишь в одном, что он видит перед собою врага стихов, врага идеала, борца против лирики; а Стендаль, изощренный, отточенный, чувствовал какое то стеснение, и (не знаю, следует ли это сказать) казался не такой крупной натурой, как всегда. Мериме, принимавший этих гостей, как хозяин, ничего не делал, чтобы облегчить положение, он ни на иоту не постарался сломать этот лед. Эта ледяная перегородка так и не была никогда разбита; я не знаю даже свиделись ли они когда-нибудь снова. Впечатления Гюго были неблагоприятны" [3].

Это было время, когда Гюго, приготовив постановку „Эрнани", если не вербовал, то во всяком случае приглашал сторонников романтического направления помочь молодой пьесе. Несомненно, эта встреча дала возможность Виктору Гюго ориентироваться в вопросе о том, как отнесется автор романтического символа веры к нему, как одному из самых талантливых представителей романтизма. Несомненно враждебных действий не было ни со стороны Мериме, ни со стороны Стендаля, но вся эта группа держалась вооруженного нейтралитета. Мериме вспомнил, как „в прекрасные весенние

---

[1] Soirées. II. 1908.

[2] Гюго не сразу понял это расхождение литературных взглядов его и Мериме. Во всяком случае личный разрыв произошел значительно позже. Сохранилась записка Гюго к Мериме с приглашением быть на представлении Marion De Lorme „C'est vous, c'est votre personne, c'est votre présence que je désire" (см. Chambon „Notes sur Mérimée" 1904).

[3] В переписке 30-х годов Стендаль иногда просит „почтительно приветствовать господина Гюго".

дни романтизма всевидящее солнце когда-то освещало корректного автора Матео Фальконе, стоящим без сюртука с поварским передником, надетым поверх жилета, на кухне Виктора Гюго в присутствии всей семьи последнего, дающим стряпухе урок приготовления макарон по-итальянски, урок, увенчавшийся полным успехом". [1] В ту пору Виктор Гюго составил свою знаменитую анаграму из фамилии Проспер де-Мериме:

M. Prosper de Merimée — M-me Première Prose.

В письмах в Россию Соболевский отрывочно сообщает о первом представлении Эрнани:

Париж 6-го февраля 1830 г.

„Циркуляр Шевыреву и Мицкевичу.

Ожидаем первого представления Эрнани сочинение Виктора Гюго, это будет решительная битва между классицизмом и романтизмом. Обе стороны так ожесточены, что ждут и кулачной стычки. Что касается до меня, я заготовил дубину для сохранения *вооруженного нейтралитета*" [2].

Припомним, как сложились все обстоятельства первого представления „Эрнани", давшего повод к грандиозной борьбе между современной партией и партией прошлого. Приверженцы старой школы во время репетиций подслушивали у дверей и наспех записали кое-какие стихи из разных сцен, вывернули на изнанку их смысл, сочинили пародию на Виктора Гюго, которую разыграли гораздо раньше, чем „Эрнани" дошел до генеральной репетиции. Автор должен был бороться с цензурой, защищая свою пьесу. Хитроумные цензоры, сторонники старой школы, или просто беспартийные интриганы, заводили многотомную переписку по поводу едва ли не каждой строчки, а слова: *„трусливый, глупый и дурной король"*, едва не погубили рукописи. Противники Виктора Гюго не только расхолодили, но и возбудили вражду актеров; особенно актрисы доставили автору много горя. Но вся артистическая молодежь Парижа, живописцы, архитекторы, поэты, музыканты решительно и весело выступили на защиту почитаемого автора. Гюго отказался от наемных клакеров и потребовал триста бесплатных мест на первые три спектакля, и вся эта молодежь устремилась в театр. Еще до поднятия занавеса разразилась целая буря, и каждый вечер, когда шел „Эрнани", в театре подымался такой адский шум, что с трудом доигрывали пьесу. Сотни вечеров подряд автора „Эрнани" освистывали и награждали бурными овациями. Историк романтической школы [3] замечает: „Это кажется теперь мелочью, а между тем только во Франции можно встретить такой корпоративный дух при отсутствии всяких внешних корпоративных связей, такую бескорыстную преданность делу и чести постороннего лица". Даже Карла X просили воспретить пьесу, на что

[1] См. Eugène de Mirécourt „Mérimée".
[2] Русск. Арх. 1909.
[3] Г. Брандес „Романтическая школа".

тот с очень редким для него остроумием отвечал, что место короля среди зрителей, так же как и место всякого другого во всем, что касается театра. Преемник его смотрел на вещи иначе, он запретил к постановке „Марион де-Лорм", оскорбившись намеком на слабохарактерного короля, находящегося в руках духовенства. Так или иначе, представления „Эрнани" продолжались [1]. Но интриги парижских газет делали свое дело. Газеты тратили большие деньги на скупку всех билетов и таким образом, окупая постановку пьесы, они все же делали театр пустым. Соболевский в этом не разобрался. 9-го марта 1830 г. он пишет Шевыреву:

„На днях отправлю к тебе „Hernani, drame de Victor Hugo en vers", которою он думал погубить Расина и Шекспира тем же ударом. Почитай, мой милый, и подивись: то-то вздор, а стихи так и ершатся. В партере шесть представлений сряду все сидели клевреты; если кто заикнется,—хором: à la porte le cabaleur [2]. Подняли до небес. За то в седьмое, как не подсадил приятелей, так до того освистали, что автор пьесу на другой день вспять воротил в свой листо-склад (porte-feuille)".

В письме 22-го марта 1830 г. тому же Шевыреву, Соболевский все таки пишет, что он посылает с Потоцким книги Виктора Гюго: новое издание „Эрнани" и „Марион де-Лорм".

Впечатления, полученные в Париже, оформились, равно как и возникшие связи окрепли у Соболевского лишь значительно позже. Вспышка литературной борьбы, как знамение времени, вскоре отошла в прошлое перед натиском бурностремящихся событий. Парижская безработица, волнение четвертого сословия, бред аристократии о возврате привилегий и жесткое стремление оформившейся французской буржуазии поставить все точки в надлежащих местах французской конституции,—все это приводило к тому, что атмосфера сгущалась. Перед июльскими днями 1830 г. новые знакомые и старые друзья разъехались в разных направлениях: Мериме поехал в Испанию, Стендаль в Италию, а Соболевский, затеявший ткацкое дело, собрался в Англию знакомиться с паровыми машинами. В одном из последующих писем Соболевский пишет по поводу июльских событий: „Каковы французы! Допустят ли до вас весть, что у парижского архиепископа нашли запас пороха? Каковы монахи!" [3]. Соболевский сожалеет о том, что ему не удалось прославиться публикацией той главы своего дневника, где он на основании парижских наблюдений предсказывает июльские события. В воздухе пахло порохом.

---

[1] Соболевский под влиянием Мериме держался нейтрального вкуса, но молодые романтики манифестировали. На премьере „Эрнани" Теофиль Готье появился в красном жилете, специально заказанном и единственный раз надетом. Гюго вспоминает впечатления борьбы в „Les Misérables", влагая в уста наиболее глупого прокурора слова о романтизме, как общественном зле, и в уста „крупного буржуа" слова об „Эрнани", как пьесе, развратившей молодежь Франции.

[2] Гнать за дверь интригана!

[3] „Русск. Арх." 1909.

9-го марта 1830 г. он пишет Шевыреву: „Я еду 9-го апреля в Лондон мне нужно письмо к тамошней посланнице княгине Ливен или pis aller к ее мужу посланнику. Может ли мне княгиня дать такую цыдулу. Прошу у нее, ибо моя здешняя заступница с Ливеншей говорят не в ладах".

Дождавшись рекомендательного письма от З. А. Волконской, Соболевский простился с друзьями и 10-го апреля 1830 г. занял место в дилижансе, едущем в брюссельском направлении. Он бегло осмотрел Антверпен, Ротердам, Гаагу, Лейден, Саардам, Утрехт, Брюгге, Гент, Остенде, и 17-го мая 1830 г. приехал в Лондон, где пробыл в первую поездку очень не долго.

В письме к П. А. Вяземскому, датированном апрелем 1830 года, А. И. Тургенев пишет: „Третьего дня Соболевский, который месяца четыре был здесь в числе fashionables и в туфлях ездил на вторники госпожи Ансло, уехал через Брюссель и Голландию в Лондон".

Путевой журнал Соболевского отмечает его 2-го июня 1830 г.[1] уже в Гейдельберге. Быстро проехав по Германии, 20-го он приезжает в Цюрих, а конец июля и август проводит в Милане. Из Милана он переезжает в Турин в деревню к графине Беневолло, где проводит почти все время, находясь в оживленной переписке с Шевыревым, Рожалиным, Мицкевичем, а из парижских друзей поддерживает постоянную связь с Федором Михайловичем Леманом и Александром Ивановичем Тургеневым. В России его больше всего интересует Пушкин, в Италии — Мицкевич, в Риме благоприобретенные парижские друзья[2]. Мицкевич обленившийся и вялый пишет Соболевскому записки и письма, которые публикуются впервые в конце этой книги.

Будучи связаны с Мериме только частично главным образом в вопросе об универсальном заблуждении касательно „Песен Западных Славян", рецензированных Мицкевичем, как подлинные, эти письма и записки сами по себе характеризуют мало до сих пор обследованную дружбу Соболевского с Мицкевичем, которая в свете настоящей публикации быть может приобретет более отчетливые контуры. Непосредственных связей Мериме с Мицкевичем мы не наблюдаем[3], но как в случае стихотворного переложения пастишированной

---

1 Русские друзья считали Соболевского умершим от раны, полученной будто бы в дни июльской революции 1830 г., как видим по его архиву он не был никаким участником июльской революции. Аналогичные слухи были пущены относительно участия Мериме в июльских событиях. Жюль Сандо рассказывает, что Мериме во время перестрелки около Тюльери взял ружье у одного инсургента, не умевшего стрелять и, почти не целясь, убил часового у дворца. Когда восхищенный этой меткостью гамен предложил писателю это ружье в подарок, Мериме будто бы ответил: „благодарю вас, но я роялист". Все это сплошная выдумка на Мериме, спокойно ходившего в эти дни по Calle del Sordo в Мадриде.

2 Письма Мицкевича к Соболевскому см. в конце книги. Чрезвычайно интересны письма из Парижа и Лондона А. И. Тургенева (фонд Соболевского т. II, стр. 29 и 30). Сообщая о смерти Бенжамена Констана Соболевскому, А. И. Тургенев заканчивает неизменным сообщением о французских друзьях: *„Мериме возвратился из Гишпании; Бель консулом в Триесте"*. Письмо *13 генваря 1831 г. Лондон, Warwick-Street.*

3 Уже в конце 40-х годов Мериме в письме графине Монтихо иронически упоминает Мицкевича по поводу одной его слушательницы (курс „славянских литератур" в College de France), кричавшей по салонам о своей готовности умереть за Христа. Это был период полного упадка Мицкевича. Других упоминаний польского поэта у Мериме я не нашел.

французско-славянской прозы Мериме, Пушкин обратился к посредству Соболевского, так и в данном случае, Мицкевич 19 марта 1841 г. рассеял свое недоумение через просвещенное посредство своего доброго друга и верного помощника во всех практических делах С. А. Соболевского. Из России Соболевский попрежнему требует точных и подробных сведений об А. С. Пушкине; и письма его друзей, адресованные в Турин, содержат мельчайшие черточки, интересные детали биографии и творчества величайшего русского поэта. Еще в феврале 1830 г. в субботу 27 числа, Шевырев пишет: „В канцелярии задерживают „Годунова", потому что выходит „Самозванец" Булгарина. Ему хочется опередить. В напечатанном отрывке есть говорят кража. Помнишь карту географическую. Пушкин хочет извиняться перед публикой в том, что он заимствовал оные мысли у Булгарина".

В письме из Рима 11-го сентября 1830 г. Шевырев пишет: „Новостей мало, свадьба Пушкина отложена до сентября". И 9-го октября того же года неизменно сообщает: „Пушкин в Москве. Василий Львович скончался, сколько я мог разобрать в письме Погодина, который пишет связно, как летописец XII века, да кстати и ты тоже".

Соболевский за этот период изведал все виды путешествия, он писал: „Пешеходство мне полюбилось на Рейне, да и что там за страна, что ни деревушка, то имя знакомое по прейскуранту Кистера" *. Он собирался путешествовать по Швейцарии и 7-го июля 1830 г. пишет Шевыреву из Карльсруэ: „Я хочу устроить прогулку по Швейцарии гурьбою и выписать на сей конец Адама Адамовича Вральмана", так он в шутку называл Мицкевича, зная, что последний, живя у Волконских в Риме, конечно прочтет это письмо и сам ему ответит, как обычно, путем приписки на последней странице писем Шевырева.

Шевырев неоднократно задавался вопросом, что задерживает Соболевского так долго в Риме. Ответом на это могут служить связи Соболевского, ничего общего с литературой не имеющие. Намерения у него были огромные и в них сказывался его характер и широта его планов. В письме 30-го августа 1830 г. Шевыреву из Турина он говорит:

„Торино, 30 августа 1830 г.

Что за чудесный малый Степан Петрович. Напишешь ему, он сейчас же ответит; делится всякими новинками, а это все не мешает ему зубрить Гомера и читать Сисмонди и Риенцо.

Так как я здесь живу не в городе, а в деревне, между Итальянками, то и я совсем ушел в Итальянское, и я читаю Сисмонди и Риенцо. Этот последний пленил меня с первой строки. Какая ты „варвара", душа моя, не назовешь своего труда. Назови, ради Италии. Паровую типографию заведу, с тем, что ты заведешь мне еще двух Шевыревых... Ты пишешь, Плутарха нет на Русском, забыл Дезописа. Жалею о женатом Пушкине... еще более

---

* Русск. Арх. 1909. Кистер содержатель погреба рейнских вин в Москве.

о тех, которые женаты на Ушаковых, всего же более о бедном моем Глинке, который умер от фр.; всего же менее о Владимире Измайлове, которого уморили капитан Храбров и Александроида, любимые его чтения.

Что ты все толкуешь о своих древних. Я, грешен, *против введения их в Россию. Масса нужных или, лучше сказать, необходимых для нас познаний слишком увеличились, и увеличивается в геометрической прогрессии, чтобы нам было еще время уделять на их изучение довольно времени. При том, не говоря о ежедневном (нам современном) приращении открытий, изобретений, о рождении новых наук и проч., нам и потому некогда, что новые языки nous absorbent de plus en plus.* Еще загляни-ка в средние века: сколько там чудес чудеснейших и в истории, и в поэзии. Копни-ка всех летописцев Итальянских, Французских, Немецких; копни-ка Минезингеров, эпические поэмы Труверов; голова кругом пойдет, как в начале горячки.

А у меня ходит ходенем и от другого. Пишу свои Записки [1], пишу по-французски об России, *а главное думаю о такой вещи некоей, от которой в год толкну Россию на десять, в два на 50, в три на сто лет. Хочу всю Россию исчертить паровыми телегами, паровыми каретами, возами и пр.* Да об этом — те, те, те. Это болезнь Англинская... С помощью Бога, Риччи и покупщика увидал бы вас; без того же (особенно без покупщика) возвращусь в Россию сиротой. Что там теперь должны быть за гадости. Если бы вы продали коляску, то сейчас бы в путь. Если же нет, то двинусь не прежде 20 октября, а по дороге заверну в Париж посмотреть перемену его физиономии, и потом прямо на Погодина и Полевова...

Душу растерзал мою
Ты упреком резким:
Рифм, мой друг, я не кую—
Потому что не с кем.

С монументом княгини—ничего не было предпринято и никакой поправки не сделано“ [2].

К сожалению все эти записки и повествования Соболевского не сохранились в его документах, поэтому мы не можем пока проверить степень его пророческого дара, но во всяком случае и приведенные его письма указывают на незаурядные его взгляды, темперамент и наблюдательность. Определяя национальные характеры, живя в своей деревеньке около Турина, Соболевский пишет: „Кстати о человеках я должен заметить что умнейший en général человек—итальянец какой он есть, а русский каковым его легко можно сделать“. Серьезные рассуждения по поводу национального характера латинской расы, формулированные подобно мыслям автора „Парм-

[1] В архиве С. А. С. их не оказалось.

[2] Ответ на просьбу А. Н. Волконского известить о состоянии памятника на могиле его бабушки в Турине. См. АНЖК и Б. Фонд № 46, Соболевского, том II, стр. 7.

ской Обители", у Соболевского перемешиваются с неизменным его озорством: когда Шевырев откликнулся на его слова о совершеннейших образчиках человеческого рода в Италии, он не утерпел, и в письме 20-го октября 1830 г. из Турина заявляет: „Ты мне пишешь, что надобно стараться об усовершенствовании физического человека. Во всех скотоводствах признано, что цель сия достигается par le croisement des races [1] я теперь творю над этим опыты, соединяю как можно больше русского с итальянским" [2].

Его замечания о переводной литературе, о значении русского языка за-границей, полны верных суждений; и в особенности письмо 20-го октября 1830 г., приведенное мною в отрывках, говорит много о влиянии на французских друзей самого Соболевского, как представителя русского языка и литературы.

Ему доставляло огромное удовольствие обнаружить собственный вкус в поэзии и подлавливать мало талантливого Шевырева. В архиве Соболевского мы читаем следующее письмо к нему от Шевырева 13 ноября 1830 года из Рима в Турин:—„Что с тобою стало? Поешь псалмы, оханжился! Мне понравились первые две пьесы особенно звуками. Но в них вижу какую-то манеру: ты пишешь *не в своем роде*. Никто не скажет, что это стихи Соболевского. Ты неискренен в поэзии. Впрочем, может быть два Соболевских, как два Пушкина: Онегин и автор Онегина. Бог в помощь. Жду продолжения. Но псалмы не твой род, и мысли в третьей пьесе принадлежат тебе же шестнадцатилетнему. Впрочем любовь и шестнадцать лет одно и то же" [3]. На это Соболевский 22-го ноября 1830 г. отвечает С. П. Шевыреву.

Турин. 22 ноября 1830 г.

„А ты, ротозей, и поверил, что стихи мои? у-у!! Нет, мой милый, мне совсем не до них; я тоскую, злюсь все на препроклятую холеру [4], воображаю что она опять остановит дела мои, кои я было привел одной перепиской к благополучному концу.

Из стихов мною присланных: „Кому, о Господи, доступны" Языкова; „Не множеством картин" Пушкина; „Хотели вы в душе" Вяземского, хотя последние на автора не похожи. Да кстати о сходстве поэзии с поэтом. Ты пишешь, что „это не мой род". Да скажи пожалуй, что за штука—мой род. Неужели я так оригинален, что имею *род* (хотя *рот* мой весьма обозначен; каков-с каламбур?)" [5].

---

[1] Скрещиванием пород.

[2] Письмо 20 окт. 1830 г. Шевыреву „Русск. Арх." 1909.

[3] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского т. II стр. 51.

[4] Холера в России была в 1830 году. Письма в архиве Соболевского за этот период времени проколоты сплошной сеткой и сохранили слабый запах окуриваний.

[5] Р. А. 1909. В ответ на это письмо рассерженный Шевырев разражается бранью: „твой рот—это ж....". Фонд Соболевского т. II, стр. 51—53.

Если не считать небольших поездок в Швейцарию в эти промежутки времени от 1830 г. и до возвращения в Россию в 1833 г. через Берлин и Ригу, то все остальное время падает на пребывание Соболевского в северной Италии, главным образом в окрестностях Турина и в Милане. Я посвящаю поездке Соболевского с Мицкевичем из Рима в 1831 г. отдельную страницу в приложении, а здесь сообщаю только, что его главные корреспонденты за это время А. И. Тургенев и Ф. М. Леман по его же, Соболевского, просьбе подробно сообщали ему все мелочи парижской жизни и все новости, касавшиеся его французских друзей. Мне неизвестны письма Соболевского к Виргинии Ансло, о которых упоминает Леман, равно как в архиве Соболевского не сохранились за этот период письма к нему его новых парижских друзей. Очевидно эти связи окрепли лишь во второй его поездке 1836 года.

27-го сентября старого стиля 1831 г. Леман пишет по Туринскому адресу [1].

Париж $\frac{27/\text{IX}}{9/\text{X}}$ 1831 года

„Третьего дня прибыл в Посольство, за советом, для входа в палату депутатов, получил я удивительное письмецо Ваше.—Я был очень ему рад и читал его несколько раз сидя в ложе дипломатического корпуса, против самой кафедры, на которой сменялось много ораторов, оспаривавших проект нового уголовного законоположения.—Как будто для того, чтобы меня потешить и Лафайет под конец заседания начал спорить, вооружаясь против аристократических титлов, столь высоко чтимых многими из его собратии, представителей великой нации. Однако это было побочное, а существенное состоит в том, что Вы, МГ, не получите ответа, написанного и отправленного в самый день получения Вашей грамотки, только потому, что мне хотелось прежде увидеться с одною знакомой мне дамою, чтобы спросить: не прикажет ли она сообщить что либо от нее общему нашему приятелю дорогому спутнику моему к вечным льдам архиславного царя Альпов превелелепного Монблана. Кто эта дама? M-me Ancelot? Ничуть не бывало; это та лихая Засецкая, с которою я провел четверо суток на пароходе; которая пришла 29 июля 1830 года пешком в Париж, потому что мостовая улиц была выломана и кареты не могли по ним ездить [2], которая наконец с восторгом восклицает „ce cher Sobolewsky“.

Соболевский очевидно настаивал на посещении Леманом гостиной Ансло. Леман, как человек застенчивый и не светский, но связанный деловыми обязательствами с Соболевским, откладывает это посещение.

[1] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского, т. II стр. 35.

[2] Баррикады июльской революции.

7 декабря 31 года он пишет Соболевскому в Женеву об исполнении его поручений к супругам Ансло и о том, что его к ним пригласили после передачи писем маркизе.

7 декабря 1831 г.

„M-e Ancelot — очень мила, как же — ожидал найти такую старуху! Завтра еду в первый раз туда вечером".

А через два дня, 9 — 21 декабря, датируя точно одиннадцатью часами утра свое письмо, Леман дает Соболевскому подробный отчет:

„Вчерашний день один из примечательнейших прожитых мною в Париже. Докладываю Вам, а частью буду отвечать д о с к о н а л ь н о на письмецо, полученное мною третьего дни, частью удовлетворю любопытству Вашему на счет знакомства моего с M-me Ancelot, частью познакомлю с обыкновенным почти образом жизни моей" *.

В этом длиннейшем письме, он описывает дни за днями с неутомительной и забавной подробностью передает приключение с субреткой, отбившей ручку у его чайника и прервавшей это письмо своим внезапным появлением, на несколько минут, использовав которое, Леман сообщает наконец:

„Я ухожу в залу, ищу глазами M-e Ancelot и вижу очень молодую даму, похожую на хозяйку, вероятно сестру ее, которая встав с места берет на себя труд представить меня Г-ну Ансло. Теперь я знаю, какая сила заключается в туалете Парижанки. Представьте, эта молодая дама, его жена; хозяйка; та M-me Ancelot, которую я счел женщиною по крайней мере лет 40, когда видел ее в первый раз. Но тогда она была желта, в морщинах; теперь бела, румяна, ловка, вертится как дамочка лет 18-ти, порхает от дамы к кавалеру, от кавалера к даме, любезничает и осыпает меня своими ласками, справляясь о Соболевском и обещая отвечать ему. Ансло был очень вежлив; она — думая сказать мне очень приятную новость, объявила, что они намерены сегодня потанцовать, потому что собралось много молодых дам — и ускорила тем ретираду мою. Только что я увидел что ни ее, ни мужа нет — дал тягу и поминай как звали. — Объясните мне этот маневр: M-me Ancelot, говоря со мной, вдруг схватила хвосты с плеч, и как бы не зная куда с ними деваться, бросила их под стол, у которого мы стояли. — Мне надобно было поднять их, но я боюсь сделаться смешным слишком любезным, вспомнил, какова она днем, — и признавая это знаком отличия, милостию, которую хотели мне сделать предпочтительно перед двумя дюжинами молодых людей, бывших в зале вероятно кинувшихся бы п о д н я т ь х в о с т ы, — почти перепугался. Приезжайте скорее, а то здесь пропаду".

---

* Это и дальнейшие письма Лемана находятся во II томе Фонда Соболевского, А. Н. Х. К. и Б. т. II стр. 37.

Через письмо: „не забудьте прислать мне адрес свой, когда поедете из Женевы".

Отчет Лемана, очевидно, очень не понравился Соболевскому, он сделал своему ученику нагоняй, после которого тот не осмеливался появляться в гостиной Ансло, несмотря на требование Соболевского. В канун Нового 1832 года Леман пишет: „К госпоже Ансло сам занес две карточки в Новый год (по новому стилю), — но не бывал у нее после моего дела. Вы меня напугали предположением, что я ее ужасно оконфузил, и потому я решил отправляться туда не иначе, как с протекстом, чтобы иметь причину оправдать себя множеством занятий".

Кратковременное пребывание Соболевского в Париже оставило о нем память, но к сожалению не сохранились следы его переписки с наиболее интересными литературными фигурами, встреченными им в парижских салонах тогдашнего времени. Через два года, именно 24 мая 1832 года, Леман пишет о том, как вспоминают Соболевского в гостиной Ансло, со своей обычной небрежностью забывая фамилию вспоминающих. Приводя отзыв Засецкой он повторяет: „excellent sujet" сказал об вас какой-то пожилой франт на вечере у Анселота, рекомендуясь мне и уверяя меня, что он приятель вам".

Кто был этот пожилой франт? Возможно, что это был доктор Корэф. Во всяком случае не Бейль, который в то время жил в Италии, в качестве консула в Чивита-Веккиа, изредко выезжая слушать свою возлюбленную певицу Паста, о которой Соболевскому 12 марта 1832 года пишет автор „Руслана" Михаил Иванович Глинка, слушавший ее в Венеции: „В Танкреде Паста по моему мнению не должна бы петь: ее нижних нот совсем не слышно" *.

С 1833 года и до лета 1837 года, Соболевский находится в России, живя то в Москве, то в Петербурге и, как это ни странно, именно к этому времени относится его первая начальная переписка с тем французским автором, которому главным образом посвящена настоящая книга. По просьбе А. С. Пушкина он пишет Проспер у Мериме в 1833 году письмо по поводу „Песен Западных Славян", бывших загадкой для А. С. Пушкина, А. Мицкевича, А. Ходзьки и целого ряда авторов, считавших их замечательными документами славянского фольклора. Прежде чем перейти к этому письму, которое открывает собою ряд других писем, еще никогда не бывших опубликованными, я должен буду остановиться на биографии Проспера Мериме за эти годы, так как именно встреча в 1830 году в Париже и последовавшая за нею поездка Мериме в Испанию дают нам ключ к пониманию того, как новая, вторая и в особенности третья встреча Мериме с Соболевским толкнула последнего по дороге за Пиренеи. Все на той же испанской тропинке хорошо знакомой Проспер у Мериме, по которой Соболевский разъезжал

---

* Письма Михаила Ивановича Глинки к Соболевскому находятся в А.Н.Х.К. и Б. Фонд № 46—С. А. С. Томы: II, стр. 31, 32; III, стр. 34 — 36; V, стр. 26— 29; VII, стр. 18; XIII, стр. 129bis, 130.

верхом на андалузской лошади, завязался узел тесной дружбы Мериме и Соболевского, дружбы, ничем не омраченной до последних лет жизни этих друзей, умерших в одну и ту же осень 1870 года, так же как и родились они одновременно: в сентябре 1803 года.

25 июня 1830 г., извещая госпожу Деказ о своем отъезде в Испанию, Мериме писал: „После завтра я отправляюсь в довольно продолжительное путешествие. Я хочу проехаться по стране, о которой я вам говорил; это Испания, совершенно незнакомая мне. Некоторые мои друзья мне говорили, что я пользуюсь довольно дурной славой в этой стране и что поэтому меня могут туда не пустить... Ну, а если в силу какой нибудь интриги мне укажут на дверь, я тогда уеду в Италию на все время приготовленное мною для испанского путешествия".

Поездка в Испанию была продиктована Мериме двумя биографическими соображениями: с одной стороны, испанские темы волновали воображение французских литераторов, а с другой, ему хотелось путем отъезда вылечить свое сердце, попавшее в крепкие коготки госпожи Лакост. Пьер Траар в своей замечательной книге: „Молодость Мериме" * говорит, что тяготение Мериме к Италии и Испании было одинаково. Стендаль, говоривший с ним о Ломбардии, настолько возбудил в нем жажду путешествия по Италии, что он спокойно отнесся бы к невозможности проникнуть за Пиренеи. Но я думаю, что тяготение к Италии у Мериме было не велико. В одном из поздних писем, обсуждая политику объединения Италии, он предвкушает возможность овладения секретами Ватиканского архива для выяснения тайны московского самозванца Лжедмитрия I. Но вообще он не разделял высокой страсти своего старшего друга (Бейль старше Мериме на 20 лет) к Италии, хотя бы потому, что художественное вдохновение Стендаля казалось исчерпывало все возможности для Мериме итти по его стопам. Автор „Кармен" и „Коломба" нашел другие источники для питания сюжетов своих произведений.

Опасения Мериме не сбылись: въезд в Испанию был ему разрешен. Молодость и некоторый избыток сил делали ему путь заманчивым и интересным. Если в 1840 году Теофиль Готье писал, что путешествие на полуостров есть предприятие довольно опасное и изобилующее приключениями, то в 1830 году оно было опасно еще более, в особенности при том способе, которого придерживался Мериме: по возможности избегать больших городов, ездить верхом на муле или на лошади, появляться пешком в деревнях и вращаться главным образом среди сельского и пастушеского населения, водить дружбу с цыганами, матадорами, засиживаться по ночам в кабачках, наслаждаться всей прелестью путешествий: усталостью, препятствиями, даже опасностями, испытывая на себе все оздоровляющие и закаляющие неудобства здоровой и вольной жизни. Он был очень плохим наездником, и впоследствии завидовал Соболевскому, его одежда заставляла принимать его за англичанина; он не приспособлялся к обстановке и не умел тонко сту-

---

* Pierre Trahard «La jeunesse de Prosper Mérimée» Paris. Champion 1925. Vol. I — II.

шевываться и становиться незаметным наблюдателем, как это делал Стендаль, способный артистически выдавать себя то за мелкого чиновника, то за торговца, кутаясь в дорожный плащ где нибудь в дилижансе по глухим тропинкам Германии или южной Франции, мистифицируя и выпытывая своих спутников. Но в Гренаде Мериме пятифранковой монетой приобретает себе дружбу гитаны, нисколько не скрывая себя и не рисуясь, спит вповалку со случайными путниками, ищущими ночлега в маленьких гостиницах, дружит с погонщиками мулов и быков, присаживается за столики в кабачках и по собственному выражению „заводит знакомства с людьми, на которых англичане и смотреть бы не стали из боязни осквернить свое око“ *, обедает в Сивилье с победителем матадором, который „ест и пьет как герои Гомера“. Его привлекали простые, непосредственные, сильные характеры.

К сожалению, точный итинерарий этих шести месяцев в Испании установить до сих пор не удается, наиболее интересные документы—это письма Мериме к Софии Дювосель и письма последующего периода его испанским друзьям, которые вносят только путаницу в дни и числа, определяющие его пребывание в разных местах полуострова. Траар предполагает, что он прежде всего направился в Мадрид, где застало его сообщение об июльской революции в Париже. В Мадриде он живет до начала августа. Потом после странствования по Андалузии, август он проводит в Алжезирасе и в Кадиксе. В сентябре он едет в Гренаду через Сиерра-де Ронда и через Лоху. В октябре он едет в Кампило де Аренас, в Хаену, быть может в Толедо и наконец, снова в Мадрид. Он кружит около столицы, посещает Эскуриал, быть может Карабанчел и Бургос. Часть октября он проводит в Валенсии и возвращается через Барселону во Францию в последних числах ноября.

Пять месяцев первого пребывания в Испании дали ему возможность хорошо ознакомиться к Кастилией, Андалузией и округом Валенсии. Качество и широта этого знакомства со страной до сих пор служит предметом оживленных споров. Биограф Мериме, А. Филон, лицеприятный царедворец, слишком переоценивает это знакомство по причинам, с которыми читатель ознакомится ниже, но и сатиристическое предисловие „Кармен“ Анри де-Монтэрлан в № 222 парижских „Nouvelles Littéraires“, 1927, делает совершенно напрасный выпад в сторону Мериме, дающего будто бы исключительно неприятную и неинтересную характеристику Испании. Мериме не только сам имел возможность ознакомиться со всеми деталями испанского быта и культуры, но и своему другу Соболевскому впоследствии только он один дал возможность с исключительной полнотой и доступностью проникать во многие сокровищницы испанской культуры, во многие семьи, куда доступ путешественнику, невооруженному самыми интимными рекомендациями, был бы безусловно закрыт.

Вначале этой книги я указал, что новые друзья расстались в Париже после четырехмесячного знакомства. Соболевский 10 апреля 1830 г. поехал в Нидерланды и Англию,—Мериме 27 июня того же года уехал в Испанию,

* Ранние письма к Jenny Dacquin: „Lettres à une Inconnue“.

а Стендаль, незадолго до его возвращения, в том же году, 6 ноября уехал в Италию,—в Триест.

В дилижансе по пути в Мадрид Мериме разговорился и познакомился с графом Тэба. Его полное имя Дон-Сиприано Гусман Палафох и Портекарреро. Это был младший брат испанского революционера Монтихо, который стремясь к низвержению династии с небольшой горстью молодых конспираторов ворвался в Аранхуэц и арестовал королевскую семью, но в свою очередь был сам арестован и понес ужаснейшую казнь, его объявили психически больным со всеми вытекавшими отсюда по тогдашним медицинским приемам последствиями. Его младший брат, дон-Сиприано, был офицером французской службы. Он был ранен в Париже в 1814 года.

Проведя часть пути вместе с молодым французским писателем, граф Тэба пригласил его к себе, после чего лучшее и самое полное знакомство со всем, что интересовало Мериме в Испании, было ему обеспечено. Графиня Монтихо приняла во французском госте живейшее участие. В одном из познейших писем к ней, Мериме восклицает:—„Помните ли вы те прекрасные повести, которые вы мне рассказывали в 1830 г. в Калле день Сордо [1] об Альхмбре и Хенералифе?“

В семье Монтихо Мериме встретил и тех двух девочек, одна из которых впоследствии сыграла в его жизни немалую роль, равно как и в жизни Соболевского выступила в качестве случайного повода к его полному разорению. Это были пятилетняя Пакита и четырехлетняя Евгения; они с интересом смотрели на очень некрасивого, почти уродливого двадцатисемилетнего француза привезенного их отцом.

Царедворец Филон, давая сведения о семье Монтихо в своей небеспристрастной книге „Мериме и Его Друзья“ [2], будучи сам связан с семьей Наполеона III в качестве преподавателя и гувернера „императорского принца“ [3], сообщает лишь весьма поверхностные сведения о характере дружбы между графиней Монтихо и ее новым французским знакомым. Я совершенно не желаю сказать, что в этой дружбе был какой-нибудь специфический оттенок романа: возникнув совершенно случайно после дорожной встречи с испанцем, носившим черную повязку на месте простреленного правого глаза, с этим Сиприаном Мигуэлем Монтихо, привезшим Мериме в Мадрид в ту пору, когда семья Монтихо не имела и предугадывать не могла никакого политического значения ни в Испании, ни во Франции, эта дружба молодого писателя и графини Монтихо была обусловлена большой заинтересованностью Проспера Мериме подробностями изучения испанского быта, языка, культуры и истории, а умная и талантливая женщина, в жилах которой вместе с испанской кровью текла кровь упорных шотландцев и веселых валлонов, происходившая из богатой купеческой семьи Кикпатрик из Клозбурна, жившей в Малаге (это купеческое

---

[1] Улица в Мадриде, на которой стоял дом Монтихо.

[2] A. Filon. „Mérimée et ses Amies“. Paris 1894.

[3] Сын Наполеона III, убитый в Африке зулусами в 80-х годах.

происхождение матери императрицы Евгении Филон не только затушевывает, но прямо скрывает), действительно оказала французскому гостю неоценимую помощь. Она открыла ему доступ в архивы и библиотеки, обеспечила ему знакомство с представителями испанской науки, как впоследствии Соболевскому дала возможность пользоваться дружбой замечательного ориенталиста—Паскуале де-Гайянгос.

Именно ей обязан был Мериме *рассказом о приключении на сигарной фабрике*, которое в 1845 г. было им обработано в неподражаемую повесть *„Кармен“*, занявшую в литературе какое-то свое особенное место вне зависимости от имени автора.

В 1826 г. в Гренаде у графини Монтихо родилась дочь Евгения, отцом которой, впоследствии, ненавидевшие ее французы называли лорда Кларендона, одного из почитателей графини Монтихо и вместе с тем друга дона-Сиприано. Ее рождение совпадало с землетрясением на юге Испании, и испуг матери несомненно отразился на последующей душевной неуравновешенности графини Евгении; свойство, которое опять таки тщательно скрывает Филон *.

В семье Монтихо Проспер Мериме имел возможность проверить свои юношеские проделки, как их называет Пьер Траар escarmouches. Он читает графине свой Испанский театр: „Театр Клары Газуль“, вышедший в 1825 г. и повторенный с добавлениями в 1830 г. К этому времени Мериме уже был автором статей: „По поводу Дон-Кихота“ и „Сервантес“. К этому времени уже были напечатаны его „Жакерия“, „Хроника царствования Карла IX“ и целый ряд других вещей, среди которых в „La Revue de Paris“ больше всего возбудили внимание: „Взятие Редута“, „Таманго“, „Федериго“ и „Жемчужина Толедо“. Совсем перед его отъездом в Испанию вышли „Этрусская ваза“, „Партия в трик-трак“. Уже в июне месяце 1830, отмеченные в письмах Соболевского „Мемуары лорда Байрона“, будто бы сожженные Муром, рецензируются пером Мериме в той же „Revue de Paris“ и в газете „National“. Таким образом Монтихо, часто бывавший в Париже, имел хорошее представление о своем госте.

Идейная плоскость французской жизни, еще более проявившая свою скудость, после того как по выражению Стендаля: „июльская монархия во главе Франции поставила банк“, в умах живых и обладавших ненужным по тому времени талантом жизни, породила чувство большого отвращения; и быть может этим объясняется стремление к острой экзотике, к резким очертаниям характеров, к тому, что режет и надламывает скудость мещанского быта; быть может это заставило Стендаля восхищаться Риваролем, последним тонким и веселым авантюристом XVIII века, сумевшим бесподобно морочить революционный Париж и двор Людовика XVI в течение довольно долгого времени. Романтизм, как избыток жизненного вещества, долго тревожил живые части мозга одрехлевшей к тому времени и усталой

---

* Несмотря на это, Евгения Монтихо, перенесшая немало всяких падений и перемен, претерпевшая изгнание после Седана, смерть сына и десятки других бед, дожила почти до ста лет и умерла лишь недавно, в 1922 году.

Франции. Средние десятилетия XIX века во французской литературе полны удивительной пестроты и противоречий. Несомненно настало время для пересмотра историко-литературной терминологии и для полной ревизии романтического багажа перевезенного за пределы Франции эпохи реставрации и реакции. Там было слишком много настоящего, живого и до наших дней сохранившего свежесть революционного заряда, полезного нам в нашей литературной скудости, от которой мы стремимся убежать в дебри совсем не первосортной, авантюрной макулатуры и суррогатной литературы, окружающей нас горами отвратительно изданных, отвратительно переведенных несброшированных книг-однодневок.

Быть может совокупностью этих явлений объясняется зарубежное искание сюжета и характеров у тех представителей романтики, которые положили фундамент настоящему, здоровому и материалистическому реализму. Для полного понимания характера произведений Проспера Мериме необходимо принять во внимание, что его детские годы прошли под шум и грохот сражений. Его отец, художник и архитектор, бывший в распоряжении Мармона в Иллирии, испытал на себе тысячу превратностей Первой Империи; и раннее детство сына Леонора Мериме прошло под впечатлением героических рассказов о конце XVIII века, о Египте, о Балканах и о тысяче эпизодах наполеоновской эпопеи. Скептицизм и осторожность Мериме выросли и воспитались в той же атмосфере, в какой дутый блеск Первой Империи размазывал свои темные пятна на мишуре и позолоте наполеоновской мантии. Это были годы, когда Наполеон выступил в качестве дирижера литературной Франции и своей унтерофицерской палкой диктовал направление художественной литературы. Своею травлей дочери Неккера, госпожи де-Сталь, Наполеон предвосхитил славу российских бенкендорфов и дал образчик обхождения с литературой для жандармов. Писательнице был запрещен въезд в Париж, но разрешено было печатать ее книги в Париже. Друзья возили ей корректуры, а цензора „Свободной Франции“ вычеркивали в гранках все, что им хотелось. Писательнице удалось добиться только того, чтобы они хоть не делали вставок от себя. Книга была набрана, напечатана и свезена на склад книжного магазина, куда утром министр полиции прислал вооруженных агентов, искромсавших в куски 10.000 экземпляров, т. е. все, что было напечатано, этой книги. Министр обратился к госпоже де-Сталь с письмом, в котором довольно прозрачно указывал, что книга недостойна выхода в свет, ибо в ней ни слова не говорится об императоре.

Эти впечатления наряду с другими, свидетельствовавшими о совершенно такой же манере и в среде республиканской партии, создали для Мериме изолированность, оторванность его от каких бы то ни было общественных идеалов. Он не был — бонапартистом, не был республиканцем в силу того, что и те и другие одинаково сумели возбудить его презрение. К тогдашней политике он относился с глубочайшим безразличием.

Романтики или вернее, вышедшие из их семьи реалисты, поделили географическую карту между собою таким образом, что Стендаль взял себе

Италию и мало интересовался Россией, а Мериме взял себе Испанию и несомненно под влиянием Соболевского получил искренний, глубокий и давший результаты интерес к России.

Опубликовав в 1827 г. свой сборник „*Guzla, или избранные песни иллирийцев, собранные в Далмации, Боснии, Кроатии и Герцеговине*“, Мериме в последующем объяснении их происхождения указывает, что он со своим другом Ампером затеял 1827 г. путешествие в Италию: „Мы стояли перед картой вычерчивая карандашом направление нашего предстоящего пути. Доехав карандашом до Венеции мы вдруг почувствовали скуку от предстоящей встречи с англичанами и немцами в этих местах и решили отправиться в Триест, а потом в Рагузу“. Не только скука от предстоящих встреч с туристами, но главным образом нежелание топтать тропинки, проторенные Стендалем в глухих углах итальянской культуры, заставили Мериме изменить свой романтический маршрут и направиться в Испанию, с которой судьба впоследствии связала его прочно, а также стремится в Россию в 1853 году, куда он, судя по прямому обещанию данному Соболевскому, должен был непременно приехать. Как увидим дальше, эта поездка не состоялась исключительно в силу политических осложнений между Россией и Францией, после того как принц—президент Бонапарт превратился в Наполеона III...

Нам неизвестны письма Мериме к Соболевскому до 1835 г., хотя существование их не исключено. Он повидимому переписывался с Мельгуновым и Волконской. Письмо к Растопчиной относится более к позднему времени. Результатом поездки по Испании были четыре письма, адресованные к директору „Revue de Paris“, датированные: 1) „Бой быков“, Мадрид, 25 октября, 1830 г.; 2) „Казнь“, Валенсия, 15 ноября, 1830 г.; 3) „Испанские колдуньи“, там же и в то же время, и наконец 4) „Воры“, Мадрид, ноябрь 1830 г.

Но прежде чем продолжать мое дальнейшее повествование о Мериме, я позволю себе вернуться к Соболевскому для того, чтобы выяснить обстановку, в какой возникло первое известное нам письмо Проспера Мериме в Россию, по моему мнению положившее начало публикуемой переписки и, быть может, оживившее воспоминание о кратковременных встречах в первое четырехмесячное пребывание Соболевского в Париже.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пушкин—Соболевский—Мериме

В то время, когда романтики боролись с буржуазным индустриализмом и поднимали знамена во имя поэзии, Соболевский затевал грандиозные проекты индустриализации своей страны: он увлекался теорией и техникой паровых машин, строил планы гигантских текстильных предприятий и мечтал о больших деньгах, о самостоятельности и независимости от Соймонова, который был для него чужим человеком. Он умел таить и скрывать в себе тяжесть полученных обид и оскорблений в обществе, с которым был связан случайной судьбой, которое было окрашено предрассудками, которое Пушкина привело к гибели и которое Соболевского травило чиновничьими придирками за неисправности по службе [1] и издевательствами над „незаконностью" его происхождения. Острота переживаний сгладилась заграницей. Письма Рожалина из Мюнхена, письма Киреевского и воспоминания Павлищева описывают в это время Соболевского одинаковыми чертами. Бодрый, исполненный надежд, бесконечно веселый он выступает, как владелец какого-то замечательного секрета им изобретенного, и готовится к работе в России. В Мюнхене у Киреевского он шумит, ораторствует, и когда уезжает, то кажется, что комнату покинуло сразу сорок человек. Вместе с тем „он худой, высокий, красивый стройный", не пьет ни капли вина [2]. За это время он бережлив, как впрочем и всегда, он охотно помогает своим друзьям, он на себя тратит очень мало, любит прекрасные книги, но кассовые записи своих расходов ведет с педантизмом технически опытного бухгалтера [3]. Все показывает в нем скромного

[1] Письма А. Я. Булгакова о выговоре Соболевскому за костюм, „Р. Арх." 1901.

[2] Письма Киреевских („Русск. Арх." 1906) полушутя, полусерьёзно наделяют Соболевского этими качествами. Его трезвость, впрочем, отмечает Л. Павлищев в „Воспоминаниях о Пушкине". Первые годы после приезда из заграницы Соболевский действительно сохранял те свойства свежести и черты бескорыстных умственных увлечений, которые он вносил в „Общество Любомудрия", отличаясь от кружка молодых шеллингианцев 20-х годов своим „вольтеровским" свободомыслием. Впоследствии его трезвость уступила под натиском московских и петербургских впечатлений николаевского периода.

[3] Наряду с житейской „безалаберностью", отмеченной Пушкиным, Соболевский с детства отличался точностью и бережливостью. Его детские дневники полны записей ребяческих расходов. Маленькие тетради из синей грубой бумаги с 1810 года испещрены каракулями семилетнего Соболевского: *„Доходы при мадами: я получилъ отъ маменьки 50, бѣдной*

человека, занятого серьезным хорошим делом, настойчивого и упорного в своих достижениях. Павлищев рассказывает о годах, проведенных Соболевским в России после первого путешествия, и описывает простой обед, за которым застал его „храбрый капитан", Лев Сергеевич Пушкин, оскорбленный щами, кашей, квасом и больше всего отсутствием вина.

Обновленный впечатлениями европейской поездки, освеженный яркой и пестрой радугой своих разнообразных встреч и знакомств, он в эти дни и годы производит прямо чарующее впечатление. Недаром в эти дни и в эти годы, в этом прекрасном заряде благородного энтузиазма и чистой жизненной энергии, Пушкин находил особенное очарование и виделся с Соболевским часто и подолгу.

Лев Павлищев в своих „Воспоминаниях об А. С. Пушкине" пишет: „Много помню, слышанных от моих родителей поступков Соболевского, исполненных благородства и деликатной, дружеской предупредительности. Оба мои дяди (Лев и Александр Пушкины), мать и отец, оценив этого человека, как следует, полюбили его от души; впрочем он показал им, что того достоин, а люди одинакового с бессмертным поэтом закала—Дельвиг, Баратынский, Плетнев, Жуковский, князь Одоевский, князь Вяземский и другие, считали Сергея Александровича самым преданным другом".

Как теперь выясняется, еще до поездки Соболевского заграницу А. С. Пушкин увлекся переложением „славянских песен" *, а в 1832 г. закончил 16 пьес, достоинство которых много превышает использованные им источники. Из 16 стихотворений три взяты Пушкиным из подлинных сербских песен, собранных Вуком Караджичем, три стихотворения, а именно: „Песнь о Георгии Черном", „Воевода Милош" и „Яныш Королевич", до сих пор не дают никаких указаний на источники, и, повидимому, являются исключительно творениями Пушкинского гения. Что касается остальных одиннадцати песен, то они тематически заимствованы из сборника Иллирийских песен, вышедших в Париже в 1827 г. без имени редактора-собирателя но с подробной биографией главного песнотворца Иакинфа Маглановича. Пушкин, использовавший этот сборник, был серьезно убежден, что собиратель, давший эти песни во французском переводе, присоединивший к этому переводу недурную для тогдашнего времени латинскую транскрипцию отдельных слов и целых стихотворных славянских строчек, действительно записал их со слов живого иллирийского сказителя. Просматривая каталог

женщинѣ 25, телешка 25, мыло духовое 50" и т. д. Но уже с десяти лет самые большие расходы, записанные в эти самодельные тетрадки, показывают страсть к чтению; вместо игрушек покупаются чаще всего книги.

* См. „Записки А. О. Смирновой" (Россет) 1895 г. стр. 220: „Пушкин влюбился в песни западных славян. Эту страсть внушает ему Хомяков". Это замечание может быть и правильно, хотя, говоря о полуфабрикате О. Н. Смирновой в целом, надо признать что он не заслуживает никакого доверия. Эти сочиненные „записи" разговоров, слышанных матерью О. Н. Смирновой, страдают зачастую явной недоброкачественностью. Пушкину в уста влагаются целые монологи о произведениях, которые появились лишь через много лет спустя после его смерти. Это уже не смещение хронологических данных, простительное для не слишком педантичной писательницы, а явная подделка.

библиотеки А. С. Пушкина, составленный Б. Л. Модзалевским, мы видим под *№ 1154 „Gouzla“*; № 1155 „Mosaïque“; № 1156 „Notes d'un voyage dans le Midi de la France 1835“; и под № 1157 „Theatre de Clara Gazul“ одним словом целый ряд произведений Проспера Мериме в Пушкинской библиотеке, и среди них и это замечательное произведение, которое является после поэм Макферсона (Оссиан), едва ли не самым талантливым пастишированием простонародного творчества. Надо сказать, конечно, что восстановление славянского духа песен русским поэтом по текстам французской подделки очень не выгодно отличает цветистую французскую прозу, дающую quasi-пересказ иллирийских песен, от удивительного по простоте сжатого и красивого по размеру и ритму пушкинского стиха. История вопроса о происхождении pastiches Проспера Мериме в достаточной степени освещена Иовановичем и Яцимирским.

Истинное происхождение этого французского повода к написанию „Песен Западных Славян“ Пушкину сообщил несомненно Соболевский, видевший в Париже эту книжку через три года после ее выхода и купивший ее для своего приятеля Сергея Дмитриевича Полторацкого, библиотека которого вместе с этой книжкой находится ныне в Румянцовском музее. Соболевский напомнил Пушкину, как Адам Мицкевич был введен в заблуждение этой книгой до своего приезда в Париж [1], он же мог рассказать Пушкину о том, что Гёте, которому Мериме имел неосторожность препроводить свою анонимную книгу через посредство неизвестного „русского приятеля“ вместе с письмом, подписанным полным именем, первый разгласил секрет Проспера Мериме [2].

В промежуток времени после приезда из первого путешествия и до 1836 г. Соболевский часто виделся с Пушкиным. Павлищев, приводя выдержку из письма своей бабушки Надежды Осиповны, матери А. С. Пушкина, дает нам указания на частые свидания друзей в марте 1833 г.: „Об Александре невестка сообщает весьма немного. Говорит только, что теперь совершенно здоров и записался в постоянные члены английского клуба, куда ходит раза два в неделю завтракать с Владимиром Соломирским и милым его сердцу Mylord'ом Qu'Importe“) [3].

---

[1] Мицкевич в конце 1827 года и, во всяком случае не позже подписи цензора Анастасевича 28 апреля 1828 года, перевел стихами прозаический отрывок „Morlach и Wenecji“. Пушкин отметил в примечании к своему переложению „Влах в Венеции“ (Как покинула меня моя Парасковья) то, что „Мицкевич перевел и украсил эту песню“.

[2] См. письмо к Alb. Stapfer 11 декабря 1828 года: „Вот обстоятельство, значительно уменьшающее ценность догадливости (Гёте) относительно автора „La Guzla“: ведь я послал ему в подарок один экземпляр этой книги с надписью и полной фамилией через посредство одного моего русского знакомца, дорога которого лежала через Веймар. Он (Гёте) приписал себе заслугу открытия, чтобы казаться гением проницательности“.

[3] Прозвище С. А. Соболевского, одновременно указывающее и на отношение к нему светского общества и на подмеченные черты его характера: „не смотря ни на что, все таки милорд“. Здесь конечно есть намек и на его „незаконное“ происхождение. Соболевского травили частым повторением при нем слов fils naturel, до тех пор пока ответные эпиграммы не сделали его опасным и неуязвимым.

Далее Павлищев сообщает: „В августе Александр Сергеевич попросился в краткосрочный отпуск. Он решил побывать в предоставленной ему Сергеем Львовичем части Болдинского имения, откуда проехать в Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую губернии, чтобы ознакомиться с краем, где происходила кровавая драма Пугачовского бунта. 18 числа Пушкин выехал из Петербурга. Попутчиком его до конца оказался Сергей Александрович Соболевский, отправлявшийся в Москву тоже по делам. Поездку до Торжка друзья совершили вместе, платя прогоны пополам, о чем Пушкин и упоминает, подтрунивая над Сергеем Александровичем в письме к жене из Москвы. Из Торжка Соболевский поехал дальше, а дядя завернул в поместье отсутствовавшего А. Н. Вульфа, Малинники, где никого кроме управляющего не застал, побывал в имении Наталии Николаевны, Яропольце, откуда и отправился в Москву. Там Пушкин опять свиделся с Соболевским на обеде у Киреевского, встретил Чаадаева, Раевского, беседовал с Шевыревым и Погодиным".

В своем дневнике Соболевский рассказывает об этой поездке более точно. Так как „Дневники" С. А. С. ни разу не были достоянием печати, то я позволю себе привести место из IV тома архива, стр. 64 (карандаш): „*Jeudi 17 Août depart pour Moscou avec Pouschkin. Vendredi 18 en route. Samedi 19 en route. Arrivons à Torjok. Dimanche 20 je pars à 1 heur pour Teploe. Couché à campagne de la princesse Scherbatoff. Lundi 21 Repos à Латишино arrivée le soir à Teploe. Mardi 22 à Teploe. 23 Mercredi depart pour Moscou. Halte à Archangelskoie; je m'arrête chez Kireefski*". Таким образом эта поездка датируется днем раньше, нежели обычная дата. На двадцать шестой день после приезда из заграницы Соболевский имел первое многодневное свидание с Пушкиным и беспрепятственную возможность свободного разговора о литературных замыслах Пушкина, о славянских песнях „Гусли" и об ее авторе, а также о Мицкевиче и его последних книгах и т. д. Именно ко времени этой поездки я отношу самый свежий обмен мнений и впечатлений двух друзей *.

За эти три года, проведенные в России, Пушкин и Соболевский виделись едва ли не чаще, чем до поездки С. А. С. заграницу. Если

---

* В XXXIII выпуске „Пушкин и его современники" Ленинград 1927 г. стр. 41 и 42, М. Д. Беляев поместил важнейшие показания самого Соболевского: I „Я возвратился из за-границы 22 июля 1833 г. чуть ли не в день или на другой день крестин Александра (Сашки) Пушкина junioris. Несколько дней спустя, т. е. или в конце июля или в начале августа Алекс. Серг. и я поехали вместе и доехали до Торжка; в Торжке разъехались. Я поехал к себе в деревню, а он к каким то приятелям, чуть ли не к Вульфу. II Пушкин решительно поддался мистификации Mérimée, от которого я должен был выписать письменные подтверждения, чтобы уверить Пу[шкина] в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки П. часто рассказывал об этом, говоря что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Мицкевич. C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier, прибавлял он всякий раз".

Отмечаю, как весьма вероятное, что именно после приезда Соболевского в библиотеке Пушкина появились два тома книги Фортиса, из которой черпали славянские сюжеты Нодье и Мериме. См. Б. Л. Модзалевский „Библиотека А. С. Пушкина" № 925.

теперь они не предпринимали совместных прогулок верхами в Архангельское, то все же немало было поводов для встречи женатого Пушкина и невольного холостяка Соболевского. Далее мы говорим о его неудачном сватовстве. Осуждение женитьбы Пушкина сменилось желанием подражать его примеру. О деловых свиданиях свидетельствуют оба письма Пушкина за этот период [1]. Первое „пожалуйста приезжай ко мне к обеду...“ датированное проф. М. А. Цявловским 27 авг., 1833 г.; и второе: „Москва 9 с[ентября] [1834 года]. Пожалуйста любезный Сергей Александрович объясни жене где живет notre ami l'usurier...“ очевидно речь идет о денежных делах на дополнительные расходы по изданию Пугачова. К изданию „Истории Пугачовского Бунта“ Соболевский имел очевидное касательство, судя по сохранившемуся в его архиве письму Ксенофонта Полевого [2]:

„*My dear Lord!*

В России есть стихотворец, род нашего Байрона с примесью Мура, Пушкин. Он вздумал описать в прозе похождения великого разбойника Пугачова, вероятно это что-нибудь в роде наших историй о Робингуде, следовательно интересно. Вы, Милорд, обещали мне прислать этой книги 200 экземпляров, потому что я люблю читать вдруг глядя во многие экземпляры. Гинеи у меня готовы давно, и попусту лежат в шкатулке. Между тем, Милорд, вы располагались выехать в Москву около Екатеринина дни; кто же отправит мне книги, когда Вас не будет в Питере? К кому в таком случае послать мне, по уговору Вашему 80 фунтов стерлингов? И наконец главное боюсь, чтобы не получить мне книги о русском Робингуде после всех книгопродавцов а не прежде всех, как Вы обещали то сделать? Уведомьте меня обо всем этом хоть несколькими строчками и скажите также когда выйдет в свет книга? Адрес: на Тверской в доме Г-жи Матвеевой. Mylord Ваш К. Полевой.

19 ноября 1834 года Москва“.

Совершенно очевидно, что как прежде [3] Соболевский принимал участие в устройстве издательских дел Пушкина и помогал печатать Пугачова, который был в типографии с 4-го июля по вторую половину декабря 1834 г. Следовательно и в этом, и в предшествующем году была полная возможность говорить о Мериме и выяснить связанные с ним вопросы. Малое число писем быть может говорит именно о частых свиданиях.

В одном из писем Надежда Осиповна рассказывает, что 20 декабря 1833 г. „Александр с женой и малюткой, а также и Соболевский провели у нас день твоего рождения“. Александр не отличался веселым настрое-

---

[1] Дневник Пушкина говорит особо о свидании с Соболевским 3 марта 1834 года, кога Соболевский в присутствии дам произнес свою нечаянную парафразу Расина и убежал.

[2] Фонд № 46 А. Н. Х. К. и Б. Том V, стр. 70.

[3] Он издавал 2 песни „Онегина“ и „Цыганы“.

E. J. D.

Delaclusse del.

Lith. par Scheffer.

CLARA GAZUL

de l'imp. lith. de C. de Lastoyrie.

Imp. Lemercier & Cie Paris.

нием еще и потому, что Б[енкендорф] в последнее время опять к нему придрался и запретил печатать дивную его повесть в стихах, которую Александр привез из Болдина". Речь идет о запрещении „Медного Всадника".

Я полагаю, что именно к этому времени относится собеседование Пушкина и Соболевского по поводу „песен западных славян", потому что последующий отъезд Пушкина и долговременность тогдашней заграничной переписки (как мы увидим дальше, одно из писем Мериме запоздало почти на полтора года) не позволяют предположить, что письмо Соболевского написано позже декабря 1833 г. Естественно, что Пушкин, слышавший от Соболевского рассказы о его встречах и дружбе с Мериме, именно к нему обратился с просьбой написать к Мериме для того, чтобы и самому себе и своим читателям объяснить происхождение источника его вдохновения.

В четвертом томе Пушкинских стихов, вышедших в 1836 г., Пушкин приводит письмо Проспера Мериме к некоему „С. А. С." из Парижа, датированное 6 января 1835 г. И предисловие Пушкина, и самое письмо имеют существенное значение для настоящей книги, потому я позволю себе привести здесь, и отзыв Пушкина о Мериме, и перевод этого письма французского автора, так как это первое его письмо в Россию, первое и к сожалению не вернувшееся в бумаги Соболевского, и потому отсутствующее в том кожаном фолианте, которое содержит его переписку за 1835 год. Пушкин писал:

„Песни западных славян" (1832—1833)

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием: „La Guzla [1] ou le choix de Poësis Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosne, la Croatie et l'Herzegowine". Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем, и по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как *Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки, и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней Французской литературы.* Поэт Мицкевич критик зоркий и тонкий, и знаток в славянской поэзии, не усомнился в подлинности сих песен [2], а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.

---

[1] Филологи ломают головы над происхождением слова „Guzla", когда самое простое объяснение искажением слова „гусли" есть в то же время самое естественное. Анаграмма Gazul совершенно бессмысленна, тем более, что Мериме сам говорит: „Guzla это род музыкального инструмента".

[2] См. приложение. Очевидное указание на совместное изучение книжки Мериме, в 1828 году Мицкевичем и Пушкиным.

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен. По моей просьбе, С. А. С. писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

„Я был уверен, М. Г., что Гусля имела не больше каких нибудь семи читателей; считая в том числе Вас, меня самого и типографского корректора. Я с огромным удовольствием вижу, что нашлись еще два, для того чтобы получилось красивое целое и подтвердило бы поговорку, что нет пророка в своем отечестве. Я чистосердечно отвечу Вам на Ваши вопросы. „Гусля" была составлена мною по двум побуждениям, из которых первым было—посмеяться над увлечением „местным колоритом",[1] в котором мы по горло увязли к лету господню 1827-му. Что касается второго мотива, то, давая в нем отчет, я принужден рассказать Вам целую историю. В том же 1827 г. мы с одним из моих друзей состроили проект путешествия по Италии. Мы стояли перед картой, вычерчивая карандашом план нашего пути. По прибытии в Венецию на карте, мы почувствовали скуку при встрече англичан и немцев, и я предложил вместо этого поехать в Триест, а оттуда в Рагузу. Мое предложение было принято, но карманы наши были очень пусты и это „бесподобная горесть", как говорит Рабле, остановила нас в самой середине наших проектов. Тогда я и предложил наперед описать наше путешествие, продать это описание книготорговцу, а на вырученные деньги посмотреть, насколько мы ошиблись в правильности описания. Я попросил, чтобы на мою долю было определено собирание народных песен и их перевод. Меня заподозрили в неспособности, а на следующий день я принес своему товарищу по путешествию не то пять, не то шесть из этих переводов. Осенью я проводил время в деревне. Около полудня завтракали, а я вставал в десять часов утра и, выкуривая одну или две папиросы, от нечего делать в ожидании появления дам в гостиной, писал балладу. В результате возник маленький томик, который я опубликовал в величайшей тайне, который ввел в заблуждение двух или трех лиц.

Вот источники, из которых я черпал этот пресловутый „местный колорит": прежде всего маленькая брошюра французского консула в Баньялуке. Я позабыл ее заглавие[2], изучить ее ничего не стоило, автор стремится доказать, что босняки суть большие свиньи, и он дает к этому достаточные основания. Он приводит там же несколько иллирийских слов для того, чтобы обнаружить свои познания (он владеет ими может быть в той же мере, в какой и я), я очень заботливо выбрал эти слова и привожу их

---

[1] В последующем издании яснее: Il s'agissait d'aller par tous pays à la recherche de *la couleur locale* qui était comme le Saint-Graal de jeunes romantiques. К сожалению, судя по сообщению на мой вопрос проф. Траара, письма Соболевского к Мериме не сохранились и потому мы не знаем, кого Мериме считает вторым, обманувшимся вместе с Пушкиным. Я полагаю, что Соболевский писал к Мериме, называя Пушкина и Мицкевича.

[2] Это не выдумка Проспера Мериме, брошюра французского консула в Баньялуке Chaumette-Desfossés действительно существовала.

в моих примечаниях, затем я прочел главу, поименованную Dei Costumi dei Morlachi в путешествии по Далмации Фортиса. Он дает текст и перевод „Жалобы жены Ассан-Аги“ [1] который действительно был иллирийцем; но этот перевод был в стихах. Мне стоило большого труда, овладеть тем, что дает в своем истолковании работа Фортиса. Набравшись терпения и овладев словом за слово, я все еще в некоторых местах испытывал затруднения. Тогда я обратился к одному из моих друзей, знающих русский язык, я читал ему текст, произнося его по-итальянски и он понимал почти все. Лучше всего было то, что Нодье, который в сущности откопал Фортиса и эту балладу об Ассане-Аге, который перевел ее поэтическим переводом со стихотворного же перевода аббата, придав ей еще большую поэзию в своей прозе, Нодье закричал как орел [2], о том, что я его ограбил.

Первые иллирийские стихи звучат так: Sto se beli и *gorje* zelenoi. Фортис дает следующий перевод: Che mai biancheggia nel verde *bosco* Нодье переводит *bosco* посредством plaine *verdoyante*. Тут он конечно сделал ошибку, потому что мне говорили, что это слово *gorje* надо передавать словом „*холм*“.

Вот вся моя история. Попросите, пожалуйства, Пушкина извинить меня. Я и горжусь, и в то же время чувствую себя смущенным тем, что я его так посадил на мель“.

Заканчивая свое предисловие Пушкин пишет: „Мериме поместил в начале своей Guzla известие о старом гусляре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда нибудь, но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта“.

Приводя это действительно прекрасное жизнеописание Маглановича, Пушкин естественно впал в новую ошибку, и тем на много лет прославил творческий гений французского автора, как бы укравшего у жизни этот образ никогда несуществовавшего далматинского сказочника, рожденного в славянской семье, потуреченного с детства, и на себе всю жизнь испытывающего тот самый культурный синкразис, который был не чужд его французскому родителю Проспер Мериме, любившему странные характеры синкретических эпох. Ведь европейская пертурбация первой четверти XIX века, заставившая многоязычным говором шуметь повсюду

---

[1] Жалоба Асан-Агиницы в свою очередь заимствована Фортисом из книги „Razgovor ugoni naroda slovinskoga“ Качича Миошича старинного собирателя песен среди дубровничан. Наиболее полное исследование об источниках Guzla дает работа W. M. Jovanovitch „La Guzla de Prosper Mérimée, les origines du livre, ses sources, sa fortune“. Grenoble. Allier. In. 8°. 1910 p. 541. Prof. Trahard справедливо полагает, что Guzla задумана была еще в 1820 году, когда Мериме увлекался идеей перевода Оссиана. Я же полагаю, что источниками Мериме могли быть рукописные сборники, попавшие в руки его отца во время службы в Ragузе.

[2] Пронзительно закричал — crié comme un aigle.

полки великой наполеоновской армии, давала почву и обильную пищу именно таким увлечениям. Филон совершенно правильно утверждает, что это письмо к Соболевскому, равно как и письмо Соболевского к Проспе́ру Мериме, не только не раскрыли мистификации, но повторной мистификацией, заключенной в этом письме, они лишь удвоили туман первоначальных заблуждений, окутавший выход „Гусли".

Во всяком случае не с такой легкостью и не с таким напускным невежеством Мериме создавал эту замечательную книгу. Она свидетельствует об очень ранних, прочно осевших иллирийских впечатлениях автора, о несомненных записях на месте, и прежде всего о том, что Мериме работал над этой книгой с обычным трудолюбием и обстоятельностью. В 1842 году вышло второе * дополненное издание этой книги, куда Мериме включил пять отрывков, *напечатанных* а быть может *и написанных в период первого приезда Соболевского в Париж в 1829 г.* в Revue de Paris („Заколдованное ружье", „Кроатский бан"; „Умирающий гайдук"; „Девушка в преисподней" и „Милош Кобилич"). В предисловии к этому изданию Мериме со значительными изменениями и еще более легкомысленным тоном повторяет письмо к Соболевскому 1835 года. Он между прочим пишет: „Пушкин взял на себя труд перевести несколько отрывков, считая их образцами иллирийского гения", и далее описывая процесс quasi-сочинения этих пастишей говорит: „Я возымел отвращение к местному колориту, который так нетрудно оказалось фальсифицировать". Это не значит, что Мериме отказался им пользоваться, равно как и вообще верить этому предисловию можно только наполовину: оно имеет скорее полемический характер; Мериме хочет позлить В. Гюго, позлить осторожно, чтобы не испортить себе выборов в Академию. Но, как и в письме, так и в предисловии 1840 г. „невежество" Мериме — напускное. Драматизм, полнота и закругленность сюжета, огромная сила воображения, разыгранная в пределах научно проверенной коллекции подлинного фольклорного материала, диссертация о вампирах, биография Маглановича, звучащая живой реальностью, все это плоды усилий огромного таланта, прикрытых легкой шуткой мистификатора-романтика.

В дошедшем до нас материале нет никаких следов более частой переписки Соболевского и Мериме за эти годы, но несомненно, что самый характер ответа Проспера Мериме указывает на то, что отсутствие писем не свидетельствует об отсутствии дружеской памяти. Воспоминания Н. В. Берга, напечатанные в „Русской старине" за 1895 г., № 2, говорят о том, что Мериме в первый приезд Соболевского в Париж сделался почти постоянным его спутником. Берг объясняет это тем, что после отъезда из Италии, после разлуки с Генрихом Ржевусским и Адамом Мицкевичем Соболевский „заскучал и потому сошелся в Париже больше всего с Проспером Мериме". Действительно русская переписка Соболевского в указанный период не велика, если судить по письмам, сохраненным в его архиве (том II, III, IV).

---

* Первоначальное издание 1827 года содержит 28 баллад, из которых Пушкин заимствовал 11 песен, переложив их в стихи.

Во всяком случае в России уже знали об этой дружбе и знали, повидимому, больше чем от самого Соболевского, от Мельгунова и Волконских.

10-го января 1836 г. Николай Маркевич пишет Соболевскому, из села Туровки в Москву в типографию Семена при Медико-Хирургической Академии следующее письмо *.

10 января 1836 г.

„На щастье адресую Ибису письмо. Давняя твоя отлучка мне давала право думать, что или ты меня не застанешь уже или я тебя уже не дождусь. Насчот *(sic!)* в объяснениях Пушкина, в IV томе его стихотворений на песни славянских народов, на хожу *(sic)* что то весьма похожее на твою фирму; кажется это ты писал и получил письмо от Мериме, *С. А. С.* Итак ты в России, в Петербурге ли, в Москве ли не знаю, но боюсь, что долго не получишь моего письма. Впрочем я беру меры чтобы оно дошло скорее. Я пишу о том к Семену, чтобы он узнал от Баратынского о твоем местопребывании, а между тем, чтобы он отослал тебе украинские мелодии и пр.

Это письмо коротко, но успею тебе сказать, что в отсутствии твоем заграницею, я был в Москве, видел твою библиотеку у Киреевского, издал три книги, имел горесть лишиться отца истинного друга и товарища, моего 48 летнего, с которым душа в душу жил я 12 лет. Принужден стал заниматься хозяйством женился, и имею трех сыновей. Адрес мой в городе Прилуки, Полтавской губ. а отсюда в село Туровку.

Жму руку твою

„Твой навеки Медведь“

Таким образом даже в глухой деревеньке Полтавской губернии сопоставление букв *С. А. С.* и фамилии *Мериме* было достаточно для друзей Пушкина и Соболевского, чтобы узнать сразу в чем тут дело. Из этого мы можем сделать некоторые выводы касательно обратного влиянии Соболевского на Мериме, как мы увидим в дальнейшем.

Неистощимый запас энергии Соболевского, успех в делах привели к тому, что он твердо и независимо встал на ноги. Около 1836 г. по словам Павлищева „он выиграл *какой-то* процесс, давший ему 104.000 рублей“. По данным архива Соболевского мы видим, что он решил отстоять свои права на ту часть материнского наследства, которая была несправедливо присвоена графом Димитрием Александровичем Зубовым по дому № 43 в Тверской части в Москве. Получив деньги, Соболевский сошелся с Мальцевым и в компании положил основание бумаго-прядильной фабрике на Выборгской стороне в Петербурге на берегу Невы под названием „Самсоньевских Мануфактур“, и в связи с этим затеял новую поездку в Англию [1].

---

* А. Н. Х. К. и Б. Фонд № 46, Соболевского. Том V, стр. 57 (6).

[1] В „дневнике“ С. А. С. отмечено, что он до лета 1835 года живет в трактире „Париж“ в Петербурге, а в конце лета перезжает к Мальцовым, из которых Иван Сергеевич большой друг Соболевского и Грибоедова был в 1829 году первым секретарем русского посольства в Тегеране и свидетелем гибели Грибоедова, единственно уцелевшим. Соболевский также отмечает в „Дневнике“:—„Fevrier 1836. Fondation de la filiature de S. Sampson“, и указывает,

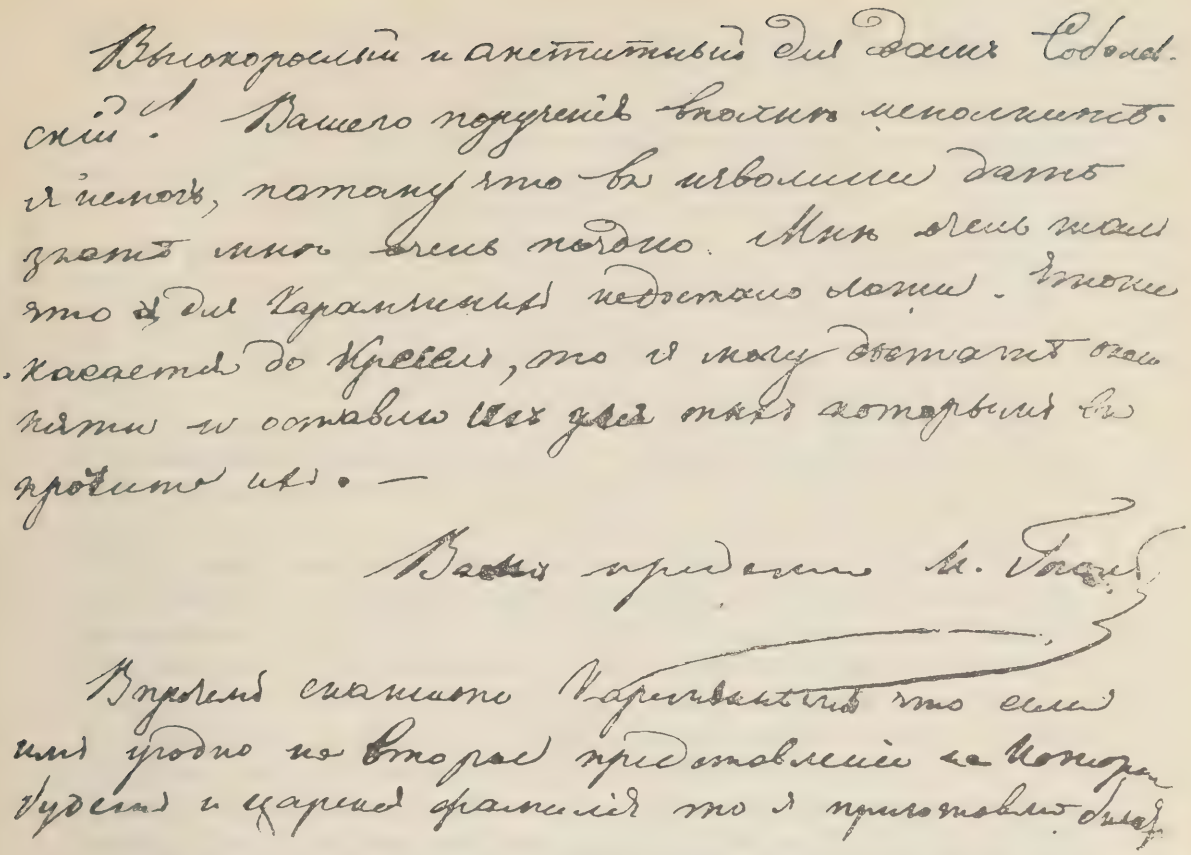
Приблизительно к этому же времени относится его неудачное сватовство за княжну Трубецкую, после чего он так и остался холостяком. Трубецкая, Александра Ивановна, отказала Соболевскому, вышла замуж за Николая Ивановича Мещерского и уехала с ним заграницу. Последующая, хотя и удачная по началу попытка жениться на Неклюдовой расстроилась в силу нежелания самого Соболевского. Он легко сносил неудачи, его блестящие остро-отточенные эпиграммы, его непринужденность и настоящие европейские манеры жизни расчистили ему дорогу в гостиных Москвы и Петербурга. Это уже не был слабый юноша, падающий в обморок в гостиной баронесы Дельвиг при произнесении грубым титулованным гостем слов fils naturel. Это был изящный и остроумный собеседник, тонко образованный человек, сумевший прекрасно разобраться в сложных и запутанных явлениях европейской науки и литературы [1]. Помогая друзьям в издании книг, печатая Пушкина, Соболевский теперь уже имеет возможность осуществлять мечты библиофила. Книги Пушкина печатаются для него отдельными экземплярами на пергаменте, при чем автор делает на этих экземплярах стихотворные пометки и посвящения, к сожалению до сих пор неопубликованные.

Недостаточно освещен вопрос, был ли знаком Соболевский с Н. В. Гоголем. Теперь на этот вопрос можно ответить положительно: приводимое здесь письмо, говорит о том, что Гоголь не только хорошо знал Соболевского, но и придерживался с ним шутливо-дружеского тона [2].

как на источники: деньги, полученные от Зубова, паи, внесенные Голицыным, Колачевское наследство и наконец сумму, полученную от продажи ярославских земель. Судя по письмам В. А. Жуковского к Соболевскому, сам поэт и его будущие родные Рейтерны были также пайщиками Самсоньевских мануфактур. В последующей переписке в качестве земельной собственности С. А. С. упоминаются уже не „ярославские земли", а деревенька Лагино, Бобровской волости, Кашинского уезда, Тверской губернии.

[1] „Записки А. О. Смирновой" сообщают длинные диалоги Пушкина и Соболевского, целые литературные диспуты. Перлом Смирновской записи является тирада, вложенная в уста Пушкину о романе Стендаля „La Chartreuse de Parme". Пушкин детально разбирает характеры героев французского романа, не только еще не напечатанного, но даже в ту пору и не написанного: „La Chartreuse" появилась через два года после смерти Пушкина. Смирнова (конечно по вине редактора, Ольги Николаевны, дочери А. О. Россет) приводит выдержки несуществующих писем Соболевского из Варшавы по поводу только что состоявшейся дуэли Пушкина, в то время как Соболевский ни в 1837 г. ни около этого года в Варшаве не был; она заставляет его в Париже делиться испанскими впечатлениями в 1844 году, когда он и не собирался еще путешествовать по Испании, Мериме преподносит ей свои переводы Пушкина и Гоголя в 1844 году, когда еще ни одного перевода Мериме не сделал и т. д., и т. д... Все это—бесконечное количество выдумок, которые при некоторой доле иронии могли бы сойти за романтическую мистификацию, если бы не было в авторе серьезности и неумного глубокомыслия, с которым вся эта нелепость подносится читателю bona fide. Часть материала должна быть все таки оправдана тем, что до самой смерти Соболевский не прерывал отношений с семьей Смирновых. Он виделся с ними и в 1862, и в 1869, и в 1870 годах. Он переписывался уже на склоне лет и с Александрой Осиповной, и с Николаем Михайловичем, и с Ольгой Николаевной Смирновыми. См. Архив С. А. С. т. XXIII, стр. 219.

[2] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского. Т. V, стр. 30.



А если принять во внимание, то обстоятельство, что в 1847 г. Гоголь и Соболевский встречались в Италии, о чем говорит приводимая в дальнейшем записка Гоголя, то мы увидим некоторую длительность взаимоотношений, повлекшую за собой стремление Соболевского сделать Гоголя известным во Франции через посредство Проспера Мериме [1].

В 1836 г. 17 апреля, т. е. ровно за два дня до первого представления „Ревизора" в Александринском театре, Соболевский был у Гоголя и, не застав его, оставил ему записку с просьбой о билетах в ложу на первое представление, куда он хотел вести своих молодых друзей, Карамзиных, с которыми впоследствии частенько видался в Париже и к которым привел Мериме. Мериме вспоминает в письме к Лагренэ о том, как однажды будучи у Карамзиных он заметил удивление и смущение на лицах ее русских гостей, когда хозяйка заявила, что французский академик Мериме понимает по-русски [2].

В. И. Саитов полагает, что вторичный выезд Соболевского заграницу имел место в январе 1836 г., но уже это письмо Гоголя позволяет отодвинуть эту дату на весну 1836 г., а паспорт Соболевского говорит о том, что эта поездка состоялась лишь осенью.

---

[1] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского. Т. XI, стр. 32.

[2] Lettres aux Lagrenés. Paris 1904. Изданы в количестве 75 экземпляров.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бесследные встречи

1837 год Соболевский проводит в Париже. Попытаюсь рассказать о том, что предшествовало его приезду в Париж, главным образом о том, что делал за эти годы Проспер Мериме.

Толчок данный знакомством с Соболевским был настолько силен, что Мериме серьезно заинтересовался русской литературой и быть может стал заниматься изучением русского языка [1]. В письмах к своей будущей руководительнице Лагренэ он прямо говорит о том, что открытие Пушкина осуществилось для него только благодаря знакомству с Соболевским. Во всяком случае то письмо, которое датировано декабрем 1839 г. и которое пока является для нас самым ранним из написанных Проспером Мериме по-русски, свидетельствует о том, что предшествующие встречи еще до знакомства с семьей Лагренэ не прошли для мастера французской новеллы бесплодно в смысле изучения русского языка. Но не будем забегать вперед, вернемся к Мериме, только что приехавшему из Испании в конце 1830 г. Он опять попал в кружок Ансло и наслаждался обществом, которое ему нравилось его непринужденностью. Бейль был в Триесте и переписывался с друзьями, подписывая свою корреспонденцию самыми причудливыми именами.

Анри Бейль был представлен госпоже Ансло не под своей фамилией, а под одним из своих ста восьмидесяти псевдонимов. Он был введен в ее гостиную под именем Цезаря Бомбэ, а в письмах к Виргинии Ансло он обычно подписывался или Жирофле, или Пагаон, Шиншилла или Котонэ. Приводимое ниже письмо относится к тому времени, когда дружба молодого и старого романтика уже в достаточной степени укрепилась. Считаю необходимым указать здесь на укоренившееся заблуждение о первой встрече Анри Бейля и Проспера Мериме. Это знакомство произошло действительно в 1821 г., но не в гостиной певицы Паста, у которой они встречались позже, а у профессора риторики Иосифа Лингэй, обучавшего восемнадцатилетнего Мериме истории литературы. Об этом мы узнаем из письма самого

[1] Знаменательно то, что после приезда Соболевского в Париж в 1829 году Мериме возобновил забытые занятия славянскими песнями и печатает одну за другой пять баллад в „Revue de Paris". К этому же времени относится покупка Соболевским трехтомного редчайшего издания путешествия Фортиса по Далмации с добавлением: Laorich. „Observazioni sul Fortis". Venezia 1776. In 4°.

Бейля, напечатанного впервые лишь в 1905 г. Стрыенским. Бейль писал, характеризуя Мериме: „Юноша несчастного вида, в сером сюртуке и довольно противный со своим вздернутым носом. . Глазки маленькие без выражения... Таково было первое впечатление, при виде того, кто вскоре стал моим лучшим другом".

Когда Мериме похоронил Стендаля, умершего в 1842 г., и один из трех проводил его до могилы, он первый среди молчания всего французского общества выступил в 1850 г. с прославлением Стендаля. Он напечатал в 15 экземплярах маленькую книжку, ставшую исключительной библиографической редкостью, и один экземпляр этого издания, вышедшего под названием „H. B. — par un des 40" („Анри Бейль, рассказанный одним из сорока"), подарил Виргинии Ансло, включая ее не только в число друзей и почитателей умершего романиста, но даже в число своих пятнадцати интимнейших друзей. В 1924 г. эту книжку я издал в количестве 333 экземпляров по-русски [1].

В частной коллекции Кордье хранится следующее письмо, подписанное в насмешку над Стендалем: „Котонэ Младший" и датированное 29 декабря 1830 г., т. е. тем временем, когда Мериме только что вернулся в Париж из Испании:

„Милостивая Государыня!

Настоящим сообщаю вам, что я вовсе не в такой степени умер, как вы могли бы это предположить. Я лишь страдаю насморком, который может на смерть уложить десятерых волков; мой нос вырос, до размеров огурца, правда, совершенно другого цвета, но тем не менее, это обстоятельство мешает мне появляться где бы то ни было.

Вам, вероятно, известно также, как и мне, одному из шестидесяти тысяч, что в прошлую среду я спасал свою родину от пятисот или шестисот мальчишек—пирожников или горбунов, которые хотели ее республиканизировать. Вот в награду за мой героизм я и получил этот насморк и этот огромный нос.

Только что пришло письмо от господина Стендхаля (sic!). Оно конечно не датировано: сей вельможа пренебрегает такими плебейскими обычаями. В конечном счете он сообщает, что находится в Триесте и что император [2] ничего не предпринимает такого, что могло бы потревожить его в теперешнем состоянии. Он скучает (не император, но консул, конечно), он скучает вдали от вас, но гордость мешает ему в этом при-

---

[1] Проспер Мериме „Разоблаченный Стендаль". Петербург 1924 г. Перевод А. К. Виноградова. В продаже не было.

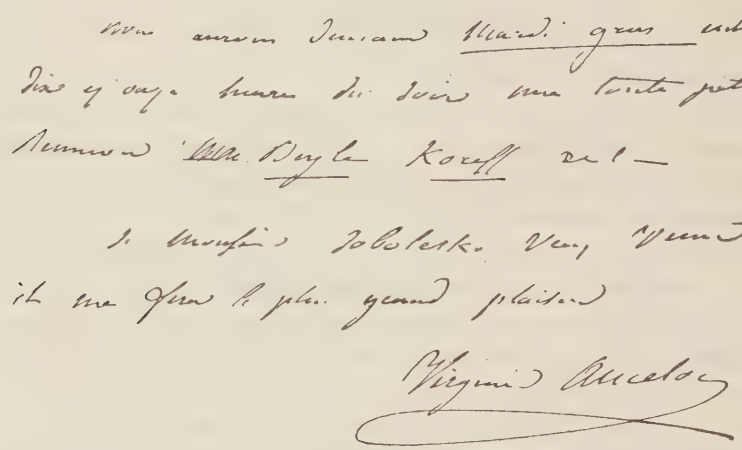
[2] Стендаль говорит об очень кратковременном своем пребывании в Триесте и намекает на австрийского императора: получив назначение на должность консула в Триест, он долго не имел австрийской exequatur, пока наконец не пришло требование Меттерниха, категорически заявляющего об отводе Бейля по подозрению в связи с итальянскими революционерами.

знаться и поэтому он умоляет вас ему написать. В то же время он ищет способа утешиться, так как просит меня добыть ему у доктора Корэфа рецепт, способный предохранить его от болезни любви. Напишите ему, пожалуйста, и сообщите ему все новости и о красном и о черном.

Котонэ Младший"

Таким образом молодой друг, посмеиваясь над старшим, передразнил и его псевдоним, и название его только что выпущенного романа. Это письмо свидетельствует о полнейшей непринужденности, царившей в гостиной Ансло, о той самой desinvoltura, которая так восхищала Стендаля в Италии. Если мы сопоставим это письмо с тем письмом Стендаля, которое я привожу в примечании на странице 25, датированным 1828 годом, то мы увидим, что оно, как своей забавной орфографией так и шутливым содержанием, свидетельствует о дружеском отношении Бейля к Виргинии Ансло.

Теперь можно с уверенностью сказать, что в кратковременном пребывании в Париже в поездку 1836 г. Соболевский, посетивший Швейцарию, Англию и Францию встретился и познакомился с Стендалем более тесно, чем в первый приезд в Париж. Ансло приглашает Соболевского в свой интимный, совсем маленький кружок, как старого знакомца Бейля:



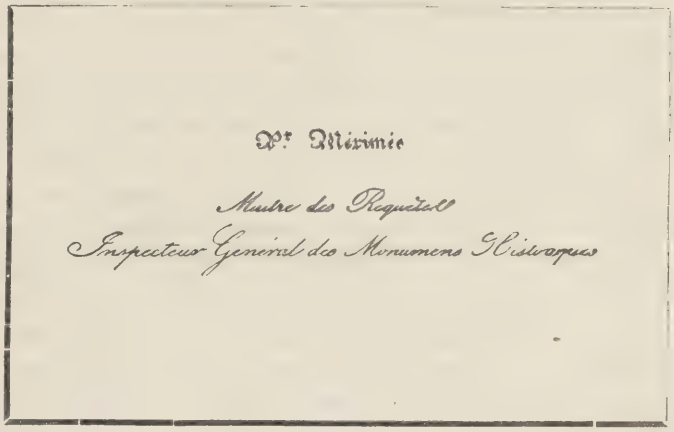
„*Завтра во Вторник Карнавала у нас соберется наш совсем маленький кружок между десятью и одиннадцатью часами вечера. Будут г. Бейль, Коэрф и другие. Если Соболевский согласится придти, то он доставит мне большое удовольствие.*

Виргиния Ансло"

Рассматривая Itinéraire Мартино мы читаем, что в 1837 г. с января по 12-е августа Бейль живет в Париже. Почтовый штемпель на обороте записки Ансло датирует ее без числа „*fevr 37*" Вторник на масляной неделе приходился в 1837 году на 7 февраля, т. к. *Mercredi des Cendres* обозначено в Almanach Royal восьмым числом этого месяца, следовательно, это письмо

Ансло написала 6 февраля 1837 года. Думаю также, что свидание это состоялось, и что именно о Соболевском Стендаль выразился в одном из писем в Лондон, что это один из самых умных людей: „один из самых интересных русских встреченных мною". В самом деле кому иному, разве впрочем А. И. Тургеневу, могли принадлежать слова, записанные Стендалем и сказанные *каким-то русским:* „В Париже занимательный ум есть по существу явление обратное количеству богатства данного лица" *.

Опять таки в эту поездку Соболевского, длительностью меньше года, сопровождавшуюся пребыванием в трех странах, он повидимому не состоял в переписке с Проспером Мериме, или потому, что не испытывал в ней надобности, видаясь с ним часто, или быть может потому, что она случайно не сохранилась. Они вероятнее всего встречались у Кювье и быть может у де-Траси. В шестом томе Архива Соболевского, на странице 26, мы находим только одно доказательство встречи: визитную карточку Проспера Мериме *„Докладчик и генеральный инспектор исторических памятников Франции"*, должность, в которой Мериме состоял с 1831 г. и которая дала ему не мало возможностей к собиранию литературного материала в его многочисленных поездках, результаты которых изложены им в обширных печатных произведениях, посвященных югу, северу и востоку Франции. Должность искусствоведа


P.r Mérimée

Maître des Requêtes

Inspecteur Général des Monuments Historiques

---

* В феврале 1837 года А. И. Тургенев не был в Париже. В. Ансло непременно имела бы его в числе гостей карнавала, так как она особенно подчеркивает дружбу Бейля с А. И. Тургеневым. Стендаль и Тургенев вместе путешествовали по Италии в 1832 и в 1833 годах. См. А. К. Виноградов „Русские встречи Стендаля" в Mercur de France, 1927 г. и его же „Перечень трудов и дней Анри Бейля". Мериме не упомянут также; он по всей вероятности не был на вечере Ансло, так как только что похоронил своего отца. Вся эта обстановка приобретет большую ясность очертаний, как только будут опубликованы письма Мериме к Стендалю; по крайней мере та часть, которую не успел уничтожить Мериме, занимавшийся этим систематически: *Je passe tout mon temps à lire la Correspondance de Beyle. Cela me rend triste, et me fait bien regretter d'avoir brûlé les lettres que Beyle m'écrivait* (письмо к Jenny Dacquin 1 июня 1852 года); и та часть, которая вообще может появиться в печати. Ибо, являясь nouveau testament романтической эротики скептических холостяков, эта переписка требует очень крепкой типографской бумаги. Тем не менее она важна для нас, так как обрисовывает доселе неведомые русские характеры: и фантастического Каразова и реального Соболевского, как его прототип, открыто засвидетельствовавший подражание Онегину в Париже, и русских дам, посещавших секретные комнаты Мериме с музеем ориентальных причуд.

и инспектора памятников как нельзя более соответствовала склонности Мериме к путешествиям, но, не довольствуясь разъездами в качестве ревизора в пределах Франции, Мериме часто уезжает заграницу. В 1832 году он живет в Англии и проводит там довольно большой период времени. В мае 1835 г. мы видим его опять в Лондоне, а едва вернувшись оттуда, он снова покидает Париж для объезда западной Франции, главным образом Бретани, оттуда он едет на юг, в 1836 году, июнь и часть июля 1836 года проводит в Страсбурге с выездом в Германию; осенью, вернувшись, он готовит отчет о tourné d'inspection и печатает „Notes d'un Voyage dans l'Ouest de la France", которые выходят в октябре 1836 г. В этом месяце 25 числа умер Léonor Mérimée, отец писателя. Зима и начальные месяца 1837 года застают Мериме и Соболевского в Париже, но Мериме выехал из Парижа в Овернь в мае, а Соболевский уехал из Парижа в Англию в июне 1837 года. Свидания в 1836 г. не могли состояться, так как паспорт Соболевского визирован в Париже лишь 10 января 1837 года. Следовательно с промежутками мы имеем совпадающее проживание Мериме и Соболевского в Париже с середины января по начало мая 1837 года, т.-е. не более четырех месяцев. Для нас важно поверить на этот раз Смирновой, которая сообщает, что Мериме был введен к ней Соболевским после смерти Пушкина: из этого мы заключаем, что знакомство Мериме с Гоголем, возвещенное Мельхиором де Вогюэ и Гальпериным-Каминским [1], как оказывается, только на основании „Записок А. О. Смирновой", более чем сомнительно. В 1836 году Мериме еще не знал Смирновой, а в те месяцы 1837 года, когда Гоголь был в Париже, можно с уверенностью сказать, что он не застал ни Мериме, ни Соболевского. Никаких следов этих свиданий *нигде* не сохранилось, а домыслы Каминского основаны на явно недоброкачественном материале. Но я не отрицаю правильности записи О. Н. Смирновой со слов ее матери: „Мериме просил позволения быть мне преставленным для того, чтобы поговорить о Пушкине; и Соболевский привел его ко мне" [2]. Рассказы о Мицкевиче, уже будто бы попавшем в когти А. Товянского, и замечания Соболевского по этому поводу представляют собою чистый вымысел, предвосхищающий события на четыре-пять лет. Неизвестно, когда было свидание „генерального инспектора исторических памятников Франции" с русским путешественником, который был увлечен бумаго-прядильными делами до такой степени, что даже подруга Байрона, знаменитая графиня Тереза Гвиччиоли [3], дарившая Соболевскому свои музыкальные произведения, даже и она была поставлена в необходимость в силу своих английских связей давать Соболевскому реко-

[1] M. de Vogué „Le Roman Russe". Paris 1906, а также E Halpérine-Kaminsky „Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français". Paris 1901, p. 14.

[2] „Записки А. О. Смирновой" т. II, стр. 15.

[3] О знакомстве с Т. Гвиччиоли свидетельствуют не только ее собственные письма С. А. С., но и сообщения Соболевского в письме к Фр. Малевскому 24 дек. 1868 г. Korrespondencya A. Mickiewicza. Paryz 1876 t. III), где С. А. С. рассказывает о парадном обеде у Гвиччиоли с кандидатом в президента Луи-Наполеоном 19 октября 1848 года.

мендации в Лондон, Манчестер и Ливерпуль, чтобы облегчить ему его мануфактурные дела.

Во всяком случае эта поездка Соболевского не давала больших возможностей общения его с Проспером Мериме, равно как и время пребывания Мериме в Париже не позволяет предположить большего, нежели случайная единичная встреча его с Гоголем, так как почти весь предшествующий 1836 г. Мериме провел в поездках должностного свойства и довольно долго пробыл в Германии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Испанские друзья Проспера Мериме. — Стендаль у Монтихо

Из Германии в одном из писем к Стендалю Мериме рассказывает ему о своих испанских друзьях, и в этом письме, которое я сейчас хочу цитировать, заключаются для нас очень ценные указания на то, как вне всяких политических перспектив Мериме ценил свою дружбу с семьей Монтихо и оценивал ее бескорыстно. Он старался расширить круг знакомых Монтихо, вводить к ним своих друзей, и не было бы ничего удивительного если бы первое знакомство Соболевского со старой графиней состоялось именно в 1837 году, хотя следов этого знакомства в архиве Соболевского не осталось. Заключать о нем можно только на том основании, что первые письма Мериме к Соболевскому из числа впервые публикуемых мною в настоящей книге написаны в таком тоне, как будто семья Монтихо не является для Соболевского чужой. Так или иначе, но ясно только одно, что знакомство произошло через посредство Проспера Мериме, и если Соболевский знал будущего Наполеона III, принца Шарля Луи Наполеона Бонапарта в Риме еще в 1829 г., то Мериме познакомился с ним только в 1853 г. через посредство Евгении Монтихо, которая сама познакомилась с Бонапартом лишь в 1849 году. В библиотеке Соболевского имелось двухтомное издание книги, написанной Наполеоном III с его дарственной надписью; это была „История Юлия Цезаря".

Итак в 1836 г. Мериме писал Бейлю:

„Я вовсе не путешествую с восхитительной испанкой. Вот когда я возвращусь, я поведу вас знакомиться с превосходной женщиной этой страны, которая понравится вам и по уму, и по внешности. Эта женщина — один их самых лучших моих друзей, но между нами никогда и разговора даже не было о какой нибудь любовной связи. Она представляет собою наиболее совершенный и прекрасный тип андалузки. Это графиня Монтихо-Тэба, о которой я вам неоднократно рассказывал".

Графиня Монтихо в 1834 г. схоронила своего мужа дона Сиприано и странствовала по Европе со своей дочерью Евгенией. Мериме сдержал свое слово. Стендаль был представлен графине Монтихо Проспером Мериме.

В своих поездках между маем и декабрем 1836 года Стендаль неоднократно, покидая Париж, успел побывать в Ирландии, Шотландии и сделать визит своим испанским друзьям в Мадриде [1], где одиннадцатилетняя Пака и десятилетняя Евгения с жадностью ловили каждое слово его длинных и интересных рассказов о русском походе, о Наполеоне I, о сражениях и героизме Первой Империи. Пятидесятитрехлетний Бейль, позволяя детям сидеть у себя на коленях долгие вечера, рассказывал их матери о своих военных впечатлениях.

„Вечера, когда приходил господин Бейль, были совсем особенными вечерами, мы ждали их с величайшим нетерпением, и тогда нам разрешали даже ложиться спать несколько позже. Его истории рассказанные нам были бесконечно интересны", говорит Евгения Монтихо. Он приносил им гравюры с изображениями военных событий, и таким образом в горячей голове молодой Евгении впервые создались впечатления, увлекшие ее помимо воли рассказчика в сторону бонапартизма. Имя Бонапарта стало для нее магическим, а представление о России с ее громадными снежными равнинами и ужасными холодами, сопоставленными с горячим и сухим воздухом Мадрида, предрасположили ее к встречам с людьми из той удивительной страны, которая дала Испании почти полновластное управление полномоченного министра Татищева, имевшего в двадцатых годах права, которые никогда до него не усваивались никаким посланником.

Дружба между семьей Монтихо и Стендалем продолжалась почти до самой его смерти. Сохранились два письма девочек Монтихо к Стендалю и одно письмо, адресованное Стендалем к Евгении в 1840 г., когда Стендаль отдыхал, только что напечатав свое лучшее произведение: „Пармскую Обигель". Он послал экземпляр этого романа в Мадрид. Вот эти письма:

„Сударь я с большим удовольствием получила Ваше письмо. Я с нетерпением ожидаю 1840 года, так как вы нам даете надежду на свидание. Вы спрашиваете меня, чем я занята в настоящее время. Я немножко учусь писать масляными красками; как и прежде мы смеемся и работаем. Мама находит еще время давать нам уроки. Мы стараемся не позабыть того, чему мы учились в Париже.

Испания сейчас в большом волнении: все мечтают о мире, и Карлистский генерал Марото перешел в лагерь христиносов, благодаря крупной денежной сумме, что конечно некрасиво [2], но все мелкое офицерство последовало его примеру. Навара, Алава, Гипуская и Бискаиа признали законную королеву. Уверяют, что дон-Карлос и герцогиня де-Бура проехали во

---

[1] Henri Martineau. „L'Itinéraire de Stendhal". Paris 1912.

[2] Четвертая жена Фердинанда VII, королева Христина, от которой родилась Изабелла II, в 1830 году, была в силу „прагматической санкции" назначена регентшей в малолетство своей дочери. Брат Фердинанда, Дон-Карлос, не признал прагматической санкции и, как претендент, долго (до 1848 года) беспокоил Испанию войнами, получившими название „карлистских". Сторонники санкции, считавшиеся вместе с тем либерально-прогрессивной партией Испании, именовались „христиносами".

Францию. Кабрера направился в Херамон, и двадцать всадников выехали наблюдать за движением неприятеля. В Мадриде были большие празднества в ознаменование объявленного мира, но о нем объявляли столько раз, что я этому более не верю. Впрочем все мечтают о мире. Мама, моя сестра и мисс Флоуер шлют вам свои приветствия, я же остаюсь, сударь, преданной вам и любящей подругой

Евгенией Гусман и Палафох"

Насколько у девочек Монтихо запечатлелся в памяти первый вечер с рассказами Стендаля о Наполеоне, видно из следующего письма Пакиты Монтихо. Оба эти письма напечатаны в довольно редком издании *. Переписка Стендаля вообще представляет собою большой интерес, в особенности переписка с семьей, которая была очень блика для Мериме, и как увидим дальше, немало имела влияния на переписку и характер дружбы Мериме и Соболевского. Вот что писала четырнадцатилетняя сестра Евгении:

Мадрид, декабрь 1840 г.

Mon cher Monsieur,

Прошло много времени с тех пор, как я имела удовольствие вам писать, но прежде всего мне помешало путешествие в Толедо, где мы видели множество чудесных вещей. Необходимо, милостивый государь, чтобы вы решились совершить путешествие по Испании. Постарайтесь приехать сюда теперь же, именно в то время, когда королева находится в Барселоне и в Валенсии, откуда лишь три дня езды дилижансом до Мадрида. Приезжайте, это доставит много радости вашим маленьким подругам; мы возобновим наши интересные беседы с вами. Здесь нашим единственным развлечением являются прогулки после обеда в деревенский дом неподалеку отсюда; там мы бегаем и полно наслаждаемся своим счастьем.

У нас совсем нет подруг, так как девочки в Мадриде так глупы, что разговаривают только о туалетах или, ради разнообразия, сплетничают друг про друга. Я не хочу иметь таких подруг. И когда я отправляюсь с визитом, я стараюсь больше ходить, а разговариваю с ними только тогда, когда следует сказать досвидания.

Вы должно быть довольны теперь, так как скоро будет привезен во Францию прах Наполеона; я также довольна, и я хотела бы быть в Париже, чтобы присутствовать при этом торжестве. Конечно, вам надо ехать в Париж, но сначала вы должны приехать сюда, чтобы мы могли вместе совершить это путешествие.

Досвидания, дорогой, поверьте дружеским чувствам любящей вас

Пакиты Портокарерро и Палафох

Это были не единственные письма, судя по ответу Стендаля. Привожу и этот ответ. Помимо того, что это письмо Стендаля и потому может

---

* „Soirées", Paris. 1905.

быть интересно, — оно важно для нас, как стендалианская оценка тогдашней Испании, оно важно для нас по тому скептическому тону, который кажется естественным и интересным у человека, видевшего много, прожившего большую половину жизни и только что окончившего свое наилучшее творение. В письме по языку и стилю мы узнаем автора „Пармской Обители".

Евгении Гусман и Палафох Монтихо в Мадриде

Чивита Веккиа, 10-го августа 1840 г.

Милостивая Государыня, ваши письма слишком коротки и не датированы; мои обладают обратным недостатком. Из за вас я не могу думать ни о чем другом кроме событий в Барселоне. Прошло много времени с тех пор как я убедился, что всякое государство, которое меняет правительство, не может успокоиться в течение сорока лет. Вы обретете мир в Испании лишь тогда, когда все должности будут заняты людьми, которым в настоящее время по пятнадцати лет, то-есть теми, кто на четыре года старше вас. Вам ведь сейчас всего лишь одиннадцать или двенадцать лет? Быть может тринадцать?

Итак в течение всей вашей жизни, вы увидите, что маленькое событие, которое произошло в Барселоне, будет совершаться через каждые четыре года. Не хотели ли бы вы лучше родиться около 1750 года, в нелепое царствование... этого неизвестного короля, имени которого я не знаю. Что касается меня, я благодарю бога, что вошел в Берлин 26-го октября 1806 года, имея при себе хорошо заряженные пистолеты. Для того чтобы войти туда Наполеон оделся в парадную форму дивизионного генерала. Быть может, единственный раз, я видел его таким образом. Он ехал на двадцать шагов впереди солдат; молчаливая толпа была лишь в двух шагах от его лошади; в него могли бы стрелять изо всех окон. Липовая аллея, по которой он проходил, похожа на Рамбла в Барселоне. Если бы я родился в царствование нелепого Людовика XV, *а не 26-го октября 1806 года* [sic!] я отправился бы гулять по бульвару и разыгрывал бы фата, гордясь своей одеждой из серого шелка с лиловыми полосами.

Я вскоре пришлю вам книгу Варки, которую мне обещали две недели тому назад. Эта история осады Флоренции в 1530 году. Национальная гвардия Флоренции защищалась в течение года, она потеряла убитыми 10.000 человек. Там был и герой, которого по гениальности можно сравнить с Наполеоном; это был торговец по имени Феруччи. Но из ненависти к революционным городам никто ни словом не обмолвился о Феруччи. Я видел его письмо, написанное накануне сражения, в котором он был убит.

Флоренцию предал бесчестный Малатеста; он был избран главнокомандующим и отличался храбростью, но он умер на следующий год, убитый общим п р е з р е н и е м.

Итак не относитесь слишком трагически к событиям подобным тому, которое произошло в Барселоне.

Я нашел бронзовые медали Августа, Тиверия, Нерона, и т. д. Двенадцать или пятнадцать первых римских императоров обладали 120.000.000

подданных; вы об этом будете слышать в течение всей вашей жизни. Август был самым отъявленным негодяем; Тиверий, наполовину потерявший рассудок от печали, был большим вельможей. Единственно кого можно сравнить с Наполеоном после Цезаря, это Траян. Вглядитесь хорошенько в их портреты. Я боюсь как бы вы и Пакита не испортили себе глаза стертыми литографиями и кипсеками. Наполовину стершиеся портреты римских императоров по большей части представляют собою прекраснейшие произведения старинных рисовальщиков.

Революция, которая последовала за смертью Фердинанда VII, вдвое уменьшила ваше состояние. Постарайтесь привыкнуть к этому несчастью. *Русские морозы вызвали у меня рост волос на лбу; в течение пятнадцати лет я старался привыкнуть к этому уродству, но потом уже более об этом не думал.* Постарайтесь привыкнуть к потере миллиона р е а л о в, которым вам придется оплатить создание правительства, незаслуживающего д о в е р и я.

(Две палаты обсуждают бюджет и каждая говорит семи министрам, назначенным *king'ом* *: „Я сомневаюсь в вас; вы говорите, что пушка стоит 4.000 франков, я думаю, что она стоит 3,500 франков и что вы присваиваете себе 500 франков, для того чтобы разбогатеть подобно М де Т...“).

Не в вашей власти вернуть этот миллион реалов; самое лучшее не думать об этом. Подобное же усилие вам придется сделать в возрасте сорока пяти лет, т. е. в период первых признаков старости. Тогда женщина покупает маленькую английскую собачку и разговаривает с этой собачкой. А я предпочитаю купить себе тысячу книг; я рассчитываю пройти м и м о старости. И если я когда нибудь достигну ее, то я напишу повесть о человеке, которого я любил, и выругаюсь по адресу тех, кого я не любил. Если книга окажется скучной, то десять лет спустя после моей смерти, никто не узнает, что она была написана мною. Но женщина не должна писать. Итак придумайте себе занятие на старости лет. Думайте обо всех этих вещах за десять лет до того, как они совершатся. Подумайте также о невзгодах, которые вам принесет брак с графом С...“

Последнее письмо я привожу по единственному тексту, двухтомного издания переписки Стендаля, вышедшему под редакцией и с предисловием Проспера Мериме. Пользоваться им довольно трудно, так как Мериме вместо адресата дает только инициалы. Даже последняя буква не расшифровывается редактором, а в то же время она для нас представляет интерес, так как содержит повторение того пророчества, которое в шутку произнес Стендаль при первом знакомстве с маленькой Евгенией: „Когда вы будете большая, вы выйдете замуж за С[анта Круц], тогда вы меня позабудете, да и я уже не буду больше беспокоиться о вас“.

---

* Стендаль часто портит свои письма вставкой английских слов, хотя, быть может, здесь французское слово roi казалось ему несоответствующим английскому титулу.

В 1840 г. новое пронунсиаменто в Испании заставило правительницу Марию Христину, четвертую жену Фердинанда VII, отречься от власти, и кортесы избрали новым регентом Эспартеро. Королевой попрежнему осталась Изабелла II, которой в ту пору исполнилось десять лет. Она именовалась королевой с трехлетнего возраста.

Произведения Мериме, относящиеся к 1836 г., т. е.: „Заметки из путешествия по западной Франции", статья „Об украшении Парижа", а также и в 1836 г., когда появились: „Опыты о религиозной архитектуре" и интересная новелла „Илльская Венера", не свидетельствуют о занятиях русским языком и литературой. Свидания с Соболевским в этот его приезд были слишком коротки и не оставили никакого следа в архиве Соболевского, кроме упомянутой визитной карточки *„докладчика по делам исторических памятников"*, хотя в списке парижских адресов и обязательных визитов рукою Соболевского вписаны и вклеены на странице 24 шестого тома адреса: Ансло улица Жубер № 15, Бюшона. Сиркур (Хлюстиной), Карамзиных, Смирновой-Россет, Терезы Гвиччиоли и наконец *адрес Мериме: Сен-Жерменское предместье улица Макэр № 10 и 14 особо отмеченный.*

Проследим путь Соболевского и тогда нам станет ясной невозможность длительного воздействия его на Мериме. После гоголевского „Ревизора" в скором времени Соболевский опять собирается ехать заграницу. Ему тягостна была Петербургская атмосфера, и кроме того налаженные дела требовали его деловой поездки в Англию. 21-го июня 1836 г. он получает паспорт, разрешающий ему выезд в Англию, Бельгию, Швейцарию и Германию. На брантвахте Кронштадтской Купецкой Гавани он предъявляет его 8-го августа 1836 г., и капитан заносит его в судовую книгу под № 662. Мальцов ждет Соболевского в Англии. 15-го августа 1836 г. он пишет уже в Лондон на имя Бенкхаузена, русского консула в Лондоне. 18-го сентября Соболевский в Манчестре, а 30-го октября (11-ое ноября нового стиля) в Лондоне он получает визу на въезд в Германию. 20-го ноября того же года он беседует в Брюсселе с Иоахимом Лелевелем, который дарит ему книжку „Баудульфус" с надписью „На память о первой публикации заграницей". В промежуток между 20-ым октября и 26-ым декабря 1836 г. мы имеем письма Мальцова на имя Соболевского в Цюрих. А 10-го января 1837 г. Соболевский визирует свой паспорт во французском министерстве внутренних дел в Париже и находит себе пристанище на улице Риволи (где жил потом И. С. Тургенев), в доме № 30-bis. Февраль и март приблизительно до середины, он проживает в Париже почти безвыездно, а 13-го марта, мы находим его уже снова в Ливерпуле. В апреле, 10-го числа, он обедает у Мицкевичей *, приехав в Париж случайно. Окончательный его выезд из Парижа визирован 4-го июня 1837 г. через Англию, *а 14-го июля 1837 г. на его паспортной книжке ставится штемпель возврата в Россию, в Кронштадте в той же Купецкой Гавани.*

---

* Об этой встрече смотри приложение: „Мицкевич, Соболевский, Пушкин".

ГЛАВА ПЯТАЯ

Соболевский в Париже 1837 и 1844 гг. — Мериме, Соболевский, Лагренэ

Постараюсь связать некоторые детали этого пребывания Соболевского в Париже. Я уже говорил, что он вновь появился у Виргинии Ансло. Проживавшая тогда в Париже Тереза Гвиччиоли вместе с испанкой по происхождению Марией Мерседес, вышедшей замуж за графа Мерлэн, вместе с княгиней Бейльджойозо устраивали благотворительные вечера и базары в пользу бедных итальянцев. Соболевский принимал в этом участие. Он в этот приезд очень подружился с доктором Корэф, на имени которого я второй раз считаю нужным остановиться, так как эта интересная фигура, оставившая немало писем в архиве Соболевского, заново привлекла внимание французских исследователей.

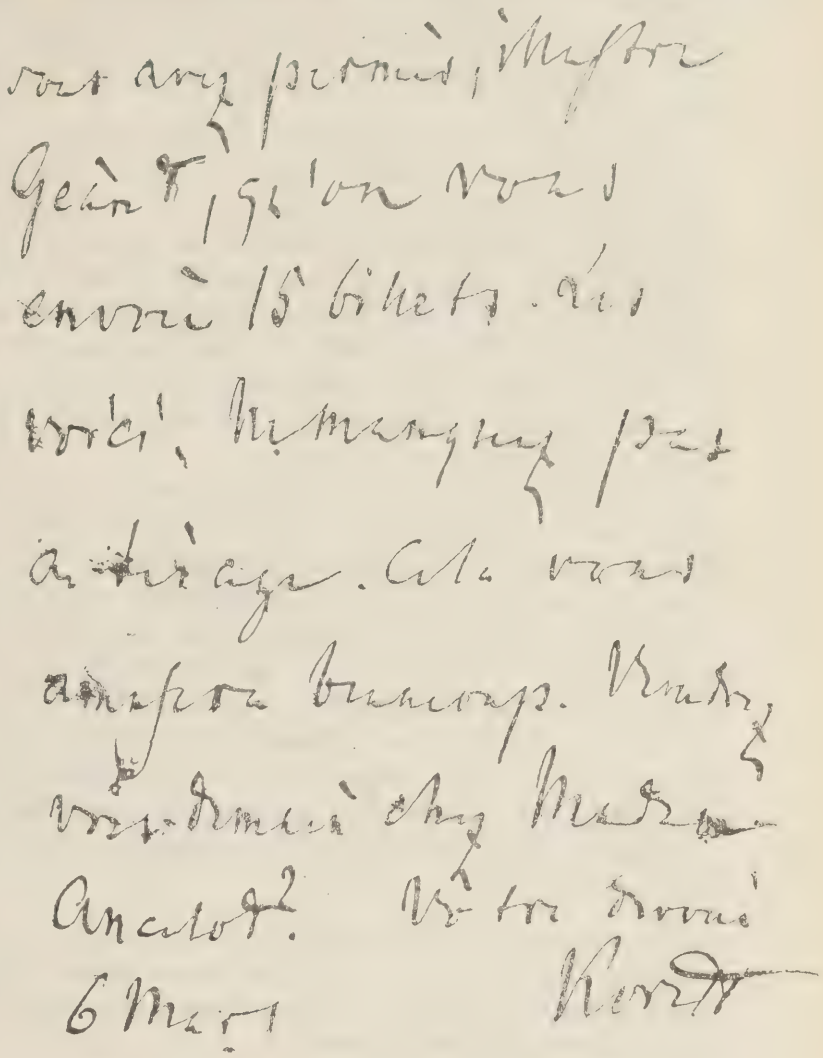
Доктор Корэф, как он себя называл на визитных карточках, *ближайший куратор его величества прусского короля*, был ровесником Стендаля, родился в 1783 г. и умер в 1852 г. Немецкий еврей по происхождению, носивший болгарско-русскую фамилию и не знавший ни слова по-русски, он был замечательным переводчиком Тибулла и Овидия на немецкий язык, автором романтической оперы „Окассен и Николетт", собирателем библиотеки курьезов и редкостей, знатоком самых редких человеческих наречий, чудаком и намеренным оригиналом, плохим доктором и крупным не совсем безвредным авантюристом, если вспомнить его процесс о четырех стах тысячах франков за лечение леди Гамильтон. Тем не менее редкий из лучших салонов в Париже не видел доктора Корэфа на журфиксах. Он приезжал со своей женой Терезой, „дамой курносой, рябой и толстой, носившей огромную цепь из дутого золота, гигантские кольца на пальцах, как некая идолица с островов Тароа, и смотревшей на гостей в огромный бинокль, не выходивший из ее рук" *. По окончании вечера супруги Корэф отправлялись домой в маленьком ландо, запряженном парой.

Корэф, как доктор, часто бывал у Генриха Гейне, запросто был знаком со Стендалем, был одним из друзей Теодора Амедея Гофмана, и именно ему при-

---

* Характеристика Paul Bonnefont: „Un original oublié" La Revue Bleue. 1906. Полнее всего: Marietta Martin „Un aventurier intellectuel, le Docteur Koreff". Paris. E. Champion. 1925, p. 169.

писывают роль Винцента в „Серапионовых Братьях“, хотя французские историки литературы склонны усматривать его точный портрет в лице советника Креспеля, отца Антонии в новелле „Кремонская скрипка“. Тальеран говорил: „Этот чорт Корэф сущий кладезь всяких познаний — он знает все и даже чуточку медицину“. Для доктора это было очень мало, тем не менее, когда у Соболевского появились первые признаки подагры, Корэф снабдил его рецептами и отправил его в Пьемонт. Соболевский уехал в Ниццу заботливо подклеив неиспользованные рецепты в свою памятную книжку.



Вот одна из записок Корэфа к Соболевскому. Она говорит о встрече у Ансло. Другие содержат дружеские и деловые сообщения, приглашения к Рамбюто, члену парижской магистратуры, которого Соболевский не пожалел в эпиграмме на Черкасского [1].

—„Vous avez promis, illustre Géant, qu'on vous envoie 15 billets. Les voici. Ne manquez pas à tirage. Cela vous amusera beaucoup. Viendrez vous demain chez Madame Ancelot? Votre dévoué Koreff. 6 mars [2].

Приводимый автограф доктора Корэфа говорит о приглашении Соболевского к Виргинии Ансло и о пятнадцати билетах благотворительной лотереи. Соболевский довольно беспечно проводил время в этом обществе,

[1] См. „Эпиграммы и Экспромты С. А. Соболевского“. М. 1913, стр. 38.

[2] В марте 1837 года. См. А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Том VI, стр. 31. Даю перевод: *„Вам было обещано, наш Прославленный Гигант, что вам пришлют 15 билетов. Вот, получите их пожалуйста. Не пропустите день тиража, это вас изрядно позабавит. Будете ли вы завтра у госпожи Ансло? Преданный вам Корэф. 6 марта“.*

переписываясь больше всего с Иваном Сергеевичем Мальцовым по делам бумагопрядильной фабрики. В письмах Мальцова проскальзывали среди деловых и коммерческих справок всевозможные петербургские новости. В письме 13 января 1837 г. из Петербурга в Цюрих Мальцов пишет: „О городских новостях: Вчерашнего числа Дантес кавалергардский, что ныне Геккерен, сочетался ч е с т н ы м браком с фрейлиной Гончаровой (Екатериной)“ [1].

В январе Соболевский и Мериме, как это будет явствовать из последующих писем, вместе бывали в доме графини Мерлин. Рожденная Мария де-Лас-Мерседес де-Харусо, она происходила из испанской семьи и родилась в Гаванне. Выйдя замуж за француза, она держала салон, привлекавший большое общество, и быть может в нем зародился рассказ Мериме „Occasion“. Сын графини Мерлин 1849 г. уехал на Антильские острова, на родину матери. Там произошло с ним приключение, послужившее темой для романа Пьера Бенуа, переведенного под названием „Девственница“ [2]. Графиня Мерлин в тридцатых годах выпустила в свет очень интересные мемуары под названием „Гаванна“.

Мне очень трудно, пока я не имею писем Соболевского, адресованных к Мериме, документально подтвердить свою догадку о том, что в этот короткий промежуток времени Соболевский не только имел возможность вести разговор с Мериме о Пушкине, после письма 1835 г. такой разговор естественно должен был возобновиться, но и успел воспользоваться этой возможностью. Кажется более чем вероятным, что Соболевский не для себя брал сочинения Пушкина и Гоголя у Погожева, а для Мериме. Находясь под впечатлением „Ревизора“, не будучи Гоголю чужим человеком, Соболевский с охотой перечитывал его в Париже, быть может, давая уроки русского языка и литературы Просперу Мериме. Свою догадку я подкрепляю следующим. В шестом томе на 28 странице архива Соболевского имеются следующие письма:

I. „Благодарности получил более чем следует, но книги мои не все возвращены. С д е л а й т е о д о л ж е н и е пришлите остальные. Еще раз посылаю, позвольте вам напомнить, что я должен их отослать к *М-м Лагренэ*, которая ожидает их с нетерпением“.

А. Погожев

II. „Посылаю вам все, что ни есть из сочинений г. Гоголя, которые назначены мной *для моей кузины м-м де Лагренэ*, и потому прошу не задержать долго, Пугачова я не взял с собою, сочинение слишком тяжело для кареты“.

А. Погожев

---

[1] См. А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Том VI. стр. 3^{10} (26). Спешу заметить тут же, что не без влияния Соболевского сложилось у Мериме презрительное отношение к Дантесу-Геккерену: „плут, набивший руку на дуэлировании после убийства Пушкина“; так отзывается Мериме в письмах к А. Паниццн. Документы II Империи свидетельствуют, что Геккерен был замешан в процессах гомосексуалистов.

[2] M-lle De La Fierté.

Адрес Погожева помечен Соболевским в списке парижских знакомых, с которыми он виделся в этот приезд во Францию. Ссылка Погожева на свою двоюродную сестру Лагренэ, как нельзя более подтверждает мое предположение. Г-жа Лагренэ есть не кто иной, как Варвара Ивановна Дубенская, о которой часто Жуковский и Вяземский упоминают в письмах к А. И. Тургеневу. Она имела прозвище „Птичка". В одном из писем В. А. Жуковского, принадлежащего Н. И. Тютчеву, я читал шутливые жалобы Жуковского-путешественника на то, что он не взял у В. И. Дубенской ее теплого платка, и вот теперь на Северном море, вспоминая ее, он чувствует себя весьма плохо. Секретарь французского посольства Теодоз Лагренэ ухаживал за Дубенской, Пушкин за ней ухаживал тоже, и однажды на балу ему послышалось, что Лагренэ просит Варвару Ивановну „отогнать" подошедшего Пушкина. На следующий день Пушкин просил Николая Васильевича Путяту передать секретарю французского посольства вызов на дуэль. Это письмо Пушкина, принадлежащее внуку Н. В. Путяты, Н. И. Тютчеву, напечатано во втором томе Саитовского собрания Пушкинских писем. Н. В. Путята рассказывал, что кучер А. С. Пушкина, привезший эту французскую записку Путяте, ждал с дрожками во дворе. Николай Васильевич быстро выяснил и устранил инцидент. Лагренэ сам указал на недоразумение и со свойственным ему благородством заявил, что не может стрелять в величайшего русского поэта. „Противники протянули друг другу руки", заканчивает свой рассказ Н. В. Путята. Вот этот самый Лагренэ во второй приезд в Россию женился на Дубенской и в 1834 г. увез ее во Францию, а потом в Грецию. При Луи Филиппе он сделался крупной фигурой дипломатического мира. К режиму второй империи он относился отрицательно; в качестве депутата оппозиции он был арестован агентами Бонапарта.

Полагаю, что Соболевский брал у Погожева книги Гоголя и Пушкина не для себя, а вместе с тем полагаю, что знакомство, или вернее рекомендация, будущей преподавательницы русского языка для Проспера Мериме была сделана именно Соболевским, вероятно, не без помощи Погожева. Во всяком случае первое из известных нам русских писем Мериме написано было именно к В. И. Дубенской-Лагренэ.

Деловая горячка Соболевского в Париже и в Ливерпуле внезапно была скомкана и прервана ужасными строчками письма Ивана Мальцова, посланного 2 февраля 1837 г. из Петербурга * и врученного Соболевскому, прибывшему в Париж в марте того же года.

„Я должен сообщить тебе грустную весть, любезный Соболевский, — нашего милого и любезного А. С. Пушкина уже нет на свете. — Он стрелялся со своим свояком Дантесом и через два дня после неизъяснимых мучений умер от последствия раны".

Графиня Тереза Гвиччиоли посылает Соболевскому благоухающую вышивку, сделанную своими руками. Она пишет, что по этой вышивке

---

* См. А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Том VI, стр. 3^{11} (27).

фабрика Соболевского может сделать сотню прекрасных вещей. Он должен заплатить за нее тридцать франков в пользу бедствующих итальянцев. Соболевский молчит, и в первый раз ему изменяет простая деликатность. Гвиччиоли пишет ему новое письмо: „Как понять ваше молчание? Ради бога напишите хоть одно слово. Приходите в отель княгини Бельджиойозо...“ Соболевский опять молчит.

Раньше времени он срывается с места; из Лондона впоследствии пишет укоризненное письмо Нащокину по поводу смерти Пушкина [1], комкает дела; чтобы не разориться, держится некоторое время в деловой атмосфере Лондона и возвращается в Россию.

Трудно сказать с уверенностью, успел ли Проспер Мериме говорить о Пушкине с Соболевским столько, сколько пишет об этом О. Н. Смирнова в этот тяжелый для Соболевского период. Документы, находящиеся в настоящее время в распоряжении науки, не дают на это никаких указаний.

О. Н. Смирнова вкладывает в уста своей матери рассказы о визитах Мицкевича, Соболевского и Мериме, но все ее сообщения не подтверждаются документами. Письмо А. О. Смирновой Соболевскому (А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Т. VI, стр. 61) не имеет литературного значения. Наличный материал таким образом не позволяет делать никаких больших выводов.

С 1837 г. и до 1844 г. Соболевский безвыездно живет в России. Как это, быть может, ни было бы интересно, но я не вправе задерживать читателя на материале, характеризующем основные моменты биографии Соболевского за это время. Его главная работа состояла в организации вместе с семьею Мальцовых Самсоньевских мануфактур на Неве на Выборгской стороне. Он переписывается по делам Пушкинских наследников с Жуковским и Наталией Николаевной Пушкиной, принимает опекунство над Пушкинским потомством, ведет дела по выкупу Михайловского с Павлищевым, переписывается с Нащокиным; Мальцов еще ранее устроил ему получение его серебра, данного в долг покойному Пушкину и выкупленного из ломбарда потому, что Пушкин успел вписать имя Соболевского в число своих кредиторов перед смертью [2]. Жизнь в России утомила и стала надрывать Соболевского [3]. Пожар — Самсоньевской фабрики — побудил его скорей чем он предполагал снова выехать за-границу. Для своего третьего

---

[1] Замечательное ответное письмо Павла Воиновича Нащокина, этого любимейшего из друзей Пушкина, будет в скором времени опубликовано Н. Ф. Бельчиковым.

[2] Письмо И. С. Мальцова 13 февр. 1837 г. Из СПБ. в Париж. [А.Н.Х.К. и Б. Ф. С. Том VI, стр. 3^{12} (28)] „Пушкин перед смертью составил список своим кредиторам, в этот список рука дружбы к счастию начертала свое и твое имя. Так как государь велел заплатить его долги, то и ты будешь удовлетворен. Я подал записку о твоем серебре l'exposé historique de l'ffaire. — Ты должен теперь написать официальное письмо к Жуковскому, одному из опекунов, чтобы серебро твое было выкуплено и вручено мне для сохранения“.

[3] Ко времени этого пребывания Соболевского в России относится дружба его с Лермонтовым. См. А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. В том VII, стр. 64. Имеется записка Лермонтова, недатированная: *„Любезный Signor Соболевский, пришли мне пожалуйста с сим курьером Sous les tilleuls; да заходи потом сам, если успеешь. Я в ордонансгаузе, на верху в особенной квартире; надо только спросить плац-майора. Твой Лермантов“.*

путешествия Соболевский получил 21 января 1844 г. в Москве паспорт, разрешающий ему выезд в Германию, Австрию, Италию и Англию. В Париже он был 6 июня 1844 г., а 23 августа того же года кронштадтская брантвахта отмечает его возвращение в Россию из Англии.

Нет никаких указаний на его общение с Проспером Мериме в этот приезд. Хотя записки А. О. Смирновой на этот раз дают очень выгодные для нас сведения, к сожалению их нельзя принять без уничтожающих оговорок. „Мериме пробыл у меня целый час, говорил много о Пушкине, Гоголе, о своих переводах; он хитер, суховат, довольно циничен, колок, говорит так же хорошо, как пишет"... Сразу видно, что Ольга Николаевна Смирнова через много лет (почти полстолетия: 1844—1895 г.) начиталась позднейшей литературы, и свои впечатления от чтения очень талантливо вкладывает в уста своей матери. „Затем Мериме говорил о 1830 годе; я рассказала ему, что говорил Пушкин по поводу этой революции, и он ответил „может быть он был прав, во всяком случае это правление продержится насколько возможно" (Пушкин будто бы говорил, что буржуазия, став у власти в 1830 году, скоро, подобно сошедшей со сцены аристократии, возбудит ненависть нового угнетенного сословия).

„Мериме поднес мне один из своих переводов—действительно они превосходны. Он сказал мне, что Сент-Бев и Бальзак в восторге от Гоголя и предложил мне с ними познакомиться"... Тут уже читатель записок возмущается: в „Записках" под 1844 годом значатся переводы, из которых первый появился лишь в 1849 г. („Пиковая Дама"); отзыв Сент-Бева о Гоголе не может относиться ко времени раньше встречи Гоголя с французским критиком в 1847 году и т. д. Мериме и Соболевский везут Смирнову в Версаль—в этом ничего нет невероятного, но Соболевский рассказывает о поездке в Испанию до 1849 года—это выдумка *. Обойдемтесь же без Смирновой, говоря дальше о Соболевском и Мериме. Вероятнее всего, что он просто не застал его в Париже, хотя еще в марте этого года Мериме несомненно никуда не выезжал. 14-го числа этого месяца состоялось избрание его академиком. Более раннему общению препятствовало то обстоятельство, что Мериме попрежнему должен был много путешествовать по Франции в целях регистрации и сохранения исторических памятников, которые будучи

Я датирую это письмо второй половиной марта 1840 года, когда Лермонтов, преданный военному суду при гвардейской кирасирской дивизии за дуэль с де-Барантом, сидел под арестом, а друзья навещали его в ордонансгаузе. См. И. И. Панаев „Литературные воспоминания" стр. 178 — 180. К этому времени библиотека Соболевского пользовалась большой известностью, и Соболевский охотно снабжал книгами своих друзей. Он был сторонником совсем особого книголюбия и новой библиографии, от любительства и собирания курьезов он отшатнулся, создав истинно научную библиотеку и давая систему своему собирательству, вместе с тем он не закрывал друзьям доступа к своим книгам. М. Ю. Лермонтов просит о присылке вышедшего третьим изданием двухтомного романа Альфонса Карра, романтического автора, на двадцать лет пережившего свою славу.

* „Записки А. О. Смирновой" Москва 1895 г. ч. II стр. 68 и далее. По данным архива Соболевского можно заключить, что в этот приезд он пробыл в Париже не больше месяца, именно с середины мая до середины июня.

пощажены Великой Революцией, сильно страдали от невежества и политической грубости Июльской Монархии, когда враждующие стороны словно спохватились, стремясь наверстать еще несовершенные подвиги вандализма. Отчеты Мериме, появившиеся в 38, 39 и 40 годах, необычайно интересны для искусствоведов Франции и по сию пору.

Часть 1844 года Мериме проводил в Безансоне. В 1839—1840 гг. Мериме предпринимает длительное путешествие. Он был на Корсике, в Испании, в Италии. В Чивита-Веккиа он покупает за тысячу франков этрусскую вазу; в Неаполе проводит три недели со Стендалем, затем живет на Балканском полуострове, в Греции и в Константинополе. К этому времени относится его замечательная повесть „Коломба", напечатанная впервые в Revue des Deux Mondes [1]. К этому же времени относят и его педагогическое знакомство с семьей Лагренэ, открывающее собою длинную переписку с самим Лагренэ, с его женой Варварой Ивановной Дубенской, и наконец, уже в более позднюю пору, с Ольгой Лагренэ, их дочерью. В 1845 году Мериме произносит 6-го февраля свою первую вступительную речь академика, а в октябре того же года он печатает одну из лучших своих вещей, известную больше без имени автора: „Кармен".

Четырнадцатилетний перерыв в переписке Соболевского и Мериме не совпадает ни с фактической возможностью видеться (несомненно такая возможность была налицо и, как мы видели, осуществлялась), ни с тоном и характером дошедших до нас писем. Я полагаю, что материалы переписки Мериме и Соболевского за эти годы пока еще не находятся в наших руках. Предпринятая большая работа французских меримеистов гг. Траар и Шампион несомненно ознакомит нас с теми русскими письмами, которые находятся во Франции, будучи адресованы Проспер у Мериме. Совершенно несомненно, что дружеская связь была гораздо более плодотворной и оживленной и выражалась большим количеством исписанных листков бумаги, чем публикуемые ныне первые документы. Подлежат опубликованию письма Мериме к графине Евдокии Петровне Растопчиной и Александре Дмитриевне Лонгиновой, а выпущенная недавно Н. М. Мендельсоном переписка А. И. Герцена дает нам указания на то, что существовала корреспонденция между Николаем Александровичем Мельгуновым [2] и Проспером Мериме по делам Герцена (стр. 32 и 42).

---

[1] В том же 1840 году появился русский перевод Colomba. См. „Библиотека для чтения", стр. 151—302.

[2] Мельгунов Н. А. (1804—1867) писатель известный больше под псевдонимами Н. Ливенский или Л. Бем. Мельгунов в 30-х годах бывал в салоне Ансло. Он мало привился во Франции, но в Германии дружба с некиим Кенигом повела к созданию книги „Literarische Bilder aus Russland" 1837. См. Н. Мельгунов „История одной книги". Москва 1839: Отношения Мельгунова и Соболевского не были дружественными, в документах имеются следы этой ссоры: третейский суд по поводу пользования книгами из библиотеки Соболевского в его отсутствие. См. эпиграмму, принадлежащую перу М. Н. Лонгинова и ошибочно приписанную С. А. С.: „Чья это плешь нарядная, Сократ иль Мельгунов?" Мельгунов—товарищ Соболевского по пансиону-приюту при Главном Педагогическом Институте в Петербурге.

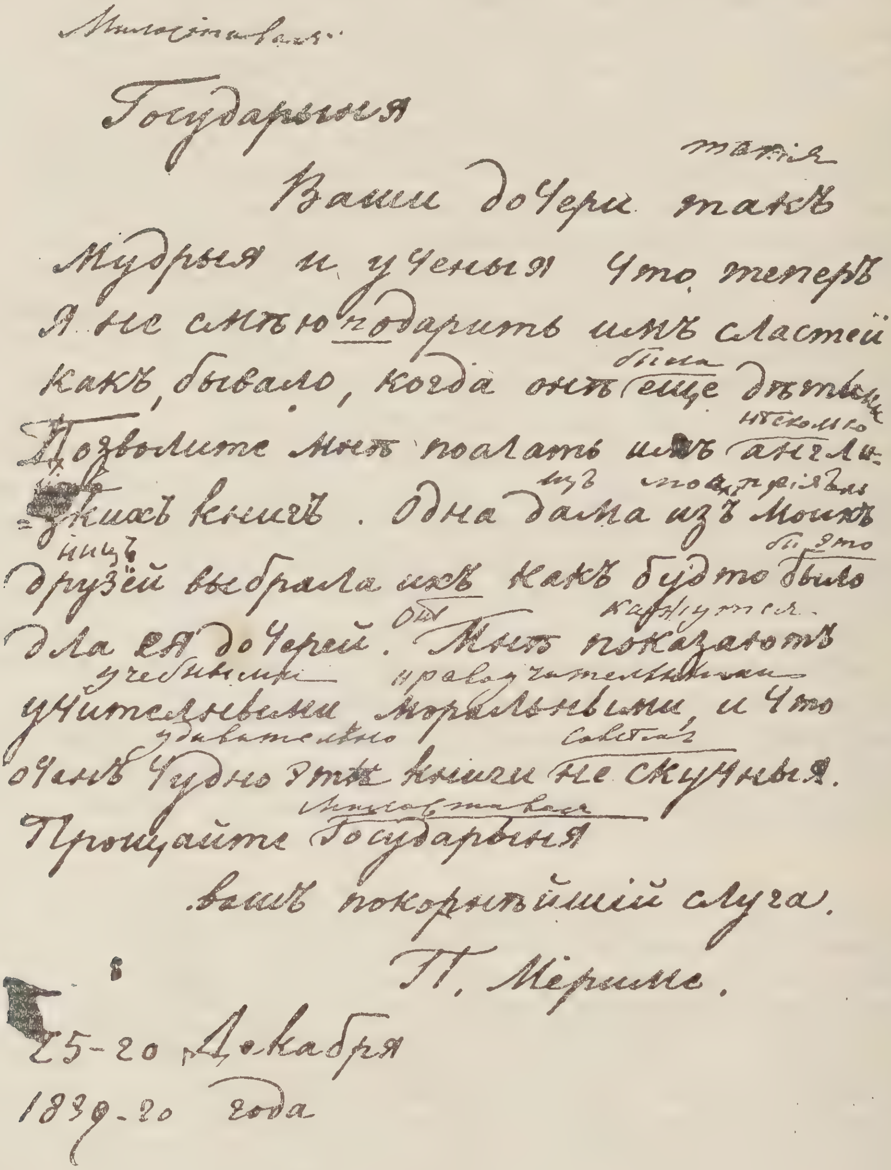
Несомненно, что в архиве Проспера Мериме мы нашли бы лучшие материалы для биографии Соболевского, а вероятнее всего и наибольшее количество его произведений, которые вообще мало известны [1]. Дружа с А. Н. Волконским, хорошо зная итальянские хроники Стендаля, Соболевский не чуждался той атмосферы влюбленности в старинную и новую Италию, которую переживали оба его итальянские друга. В 1845 г. в Москве вышла очень интересная книга: „Рим и Италия средних и новейших времен в историческом, нравственном и художественном отношениях", сочинение кн. А. Волконского, члена Римской Аркадской Академии, часть I и II. Неожиданно для себя идя по стопам Стендаля, Волконский напал на след тех материалов, которые были скопированы Стендалем и впоследствии опубликованы в виде вереницы хроник. Волконский печатает: „Ченчи", „Виктория Аккорамбони", „Герцогиня Пальяно" в том интегральном виде, в каком он их нашел; в отличие от Стендаля не давая литературной переработки. По нашим сведениям, тем же самым занимался Соболевский. Его очерки старинной и нынешней Италии не дошли до нас, но как сам он говорит в них он использовал немало интересных архивных материалов. Не сомневаюсь в том, что по установившемуся между друзьями-ровесниками обычаю, Соболевский охотно оставлял у Проспера Мериме на Лилльской улице в д. № 52 свои рукописи. Они служили Просперу Мериме одним из пособий по изучению хорошего русского литературного языка.

Если верно, что первое знакомство с славянскими языками совпадает для него с детскими годами, проведенными в Иллирии, где эти первые впечатления были незабываемо яркими, так как Рагуза, Далмация и весь этот сноп золотых колосьев Дубровницкой поэзии полны невыразимого очарования, в котором слышатся голоса итальянских поэтов гуманистов, сливающиеся со стонами потуреченных сербов, с воинственными песнями черногорцев, со всем пестрым и ярким шумом итальянско-славянского адриатического рубежа, если эти первые впечатления, взлелеянные годами, дали сборник славянских песен, история которого спрятана автором под черным плащом романтической скрытности, то уж несомненно, что последующие впечатления и вкус к русскому развились во французском романтике под огромным влиянием

---

[1] Мериме умер 23 сентября 1870 года в Cannes на юге Франции, ровно через три недели после Седана, пленения Наполеона III и полного крушения второй империи. Париж выдерживал прусскую осаду до декабря месяца. За это время кто-нибудь из друзей несомненно был на квартире Мериме в доме № 52 на rue de Lille. Занимая центральную часть Парижа, примыкая к набережной Вольтера, эта улица не подвергалась бомбардировке, поэтому спасение документов Мериме мне кажется вероятным. Последующая сумятица и бегство из Парижа быть может виною тому, что эти материалы и до сей поры под спудом. Майские события 1871 года, уличные бои в период Коммуны, сопровождались пожарами; и есть известие, указывающее на то, что дом № 52 по Лилльской улице сгорел до основания со всем имуществом, зажженный снарядом. „Ainsi nous devons considérer comme à jamais perdue les lettres que Tourguéneff écrivit à Mérimée et qui furent brûlées, rue de Lille, sous la Commune. avec les autres papiers de l'auteur de Colomba", пишет Halpérine-Kaminsky в книге „Ivan Tourguéneff" Paris 1901, на основании сообщения А. Филона. Если это даже так, то уцелел Каннский архив. Ждем публикаций профессора Pierre Trahard.

живого и кипучего жизненного таланта Соболевского*. Но короткие сроки общения в течение первых четырнадцати лет знакомства, по крайней мере на основании того, чем мы теперь располагаем, говорят только о том, что Мериме и Соболевский не забывали друг друга, но что первые регулярные уроки русского языка после 1829 года и после 1837 г. Мериме имел возможность брать лишь девять лет спустя, когда в 1846 г. Дубенская согласилась быть его преподавательницей, через шесть лет после свидания и первых опытов в Греции. Вот чем встретил ее Мериме в 1846 году:


Милостивая
Государыня
Ваши дочери такъ
мудрыя и ученыя что теперь
я не смѣю подарить имъ сластей
какъ, бывало, когда онѣ еще дѣтьми
Позволите мнѣ послать имъ англи-
скихъ книгъ. Одна дама изъ моихъ
друзей выбрала ихъ какъ будто было
для ея дочерей. Мнѣ показаютъ
учительными моральными, и что
очень чудно эти книги не скучныя.
Прощайте Государыня
вашъ покорнѣйшій слуга.
П. Мериме.
25-го Декабря
1839-го года

* Пока французская критика держится еще скептического взгляда на вопрос о пребывании Leonor Mérimée в Иллирии.

Датировка этого письма справедливо оспаривается его издателем Шамбоном [1], и я пожалуй склонен был бы согласиться с А. А. Чебышевым [2], который относит это письмо к 1849 г., но на основании приводимых дальше материалов мы должны заключить, что это письмо несомненно должно стоять на том месте, которое хронологически совпадает с приездом семьи Лагренэ в Париж из Азии (Китай), то-есть с 1846 годом, когда, после шестилетнего перерыва, Мериме снова увидел Ольгу и Габриэллу Лагренэ, девочек выросших и уже читающих английские книжки. Мериме посылает им подарок, очевидно возобновляя свои занятия русским языком, начатые без посредства В. И. Лагренэ, а только через Соболевского и других русских. Я полагаю, что это письмо 1846 года есть своего рода экзаменационный доклад Дубенской, с которой он приступает к повторному изучению русского языка. Полагаю что регулярные занятия русским языком с В. И. Лагренэ начались лишь в 1846 году, но предшествующие знания добыты Мериме без ее помощи, частью самостоятельно, частью с помощью Соболевского. Поэтому *первое русское письмо Мериме* (2-ое по порядку публикации Chambon) *возникло в результате чьих-то уроков, но не уроков В. И. Лагренэ.* Согласиться с Chambon и поставить это письмо на втором месте без датировки мы тоже не можем, так как тогда очевиден слишком краткий промежуток времени между началом уроков (1840 г. по Chambon) и этим сравнительно хорошим письмом. Считаю возможным допустить что знакомство с В. И. Дубенской произошло ранее 1840 года, или, если это не может быть доказано, то совершенно очевидно, что Мериме занимался русским языком много раньше [3]. Приведенный автограф равно как и последующие русские письма Соболевскому показывают, что Проспер Мериме хорошо и красиво овладел графикой русского языка. Он не делает орфографических ошибок, но его затрудняет морфология: главным образом падежи с предлогами, а также сложность словосочетаний.

Дубенская вышла замуж в 1834 г. В 1840 г. ее муж Теодоз Лагренэ закончил свою миссию в Греции в качестве полномочного французского министра. Первые письма в отличие от последующих не свидетельствуют о душевной близости. Последующие наоборот очень оживлены, а 1848 г. равно как и 1850 г. совпадают с наибольшим общением и с наибольшим увлечением русским языком. С этого времени, вернее с яркого эпизода

---

[1] „Lettres de Prosper Mérimée aux Lagrenés". Paris 1904 tiré à 75 exemplaire. Эта книга настолько редка: она напечатана всего в количестве 75 экземпляров и в продажу не поступала, что я думаю, не погрешая против интересов русского читателя, привести оттуда наиболее интересные *русские* письма Мериме, так как иного способа ознакомить с ними читателя я не имею. Простая ссылка на совершенно недоступную книгу быть может затруднит читателя не менее, нежели доступ к русским архивным материалам. Благодаря всегдашней любезности Публичной Библиотеки СССР в Ленинграде я пользовался экземпляром № 54 (imprimé pour M. Edmond de Lagrené).

[2] А. А. Чебышев „Проспер Мериме. К его знакомству с Пушкиным и русской литературой". Петроград 1916 стр. 4.

[3] Что касается Соболевского, то он несомненно знал В. И. Дубенскую в Петербурге.

новой встречи с Соболевским начинается для Мериме, по словам Поль де-Сен-Виктора период, когда Мериме „буквально эмигрировал в Россию". В 1846 г. он пишет Лагренэ: „Я уже наизусть знаю те стихи, которые вы мне дали * и если вы мне разрешите я буду читать их сам по-русски в субботу".

Это всего только третье письмо к Лагренэ. Следовательно во всяком случае не Варвара Ивановна была постоянной руководительницей Мериме. Но знание языка и проявленная Проспером Мериме в последующие годы способность переводить наших классиков говорят о том, что он только проверял в семье Лагренэ результаты довольно утомительных, но регулярных занятий. Этот период совпадает с лингвистическими увлечениями Мериме, который даже арабскому языку уделял время своих досугов, впрочем крайне неудачно. Пятое письмо к Лагренэ, написано по поводу цыганских текстов, полученных от Строгонова. А. А. Чебышев напрасно думает, что в этом письме Мериме высказывает свои затруднения по поводу русского языка. Ведь он спрашивает, есть ли соответствие между цыганским текстом молитвы, услышанной им на юге Испании (Кадикс), и между той же молитвой на русском языке. И вся последующая фраза несомненно относится к звукам цыганского языка: „Мне кажется, что мне очень трудно будет научиться читать эти чужие буквы, а чтоб произносить звуки несомненно пришлось бы делать горловую операцию". И уже переходя к своему изучению русского языка, Мериме пишет: „В конце концов, милостивая государыня, еслиб вы соблаговолили принять меня в число ваших учеников, то я обещал бы вам полное прилежание, хотя боюсь что вы найдете меня мало способным и частенько будете иметь случай украсить меня ослиными ушами".

Это еще раз подтверждает мою мысль о том, что 1) во время знакомства в Греции Мериме не имел возможности заниматься русским языком (он виделся с Лагренэ очень недолго), что 2) Мериме начал заниматься с В. И. Дубенской регулярно лишь с 1846 года, но до того *занимался самостоятельно и пользовался в значительной степени* (более значительной, чем позволяет думать *уцелевшая* переписка) *услугами Соболевского.* Смирнова пишет (и это, быть может, верно!) что Соболевский перевел для Мериме „Анчар" Пушкина еще в 1830 году. NB! „Анчар" написан 9 ноября 1828 г.

Седьмое письмо, равно как и следующее, настолько интересны, что я позволяю себе привести их почти целиком, для того, чтобы последующая переписка стала совершенно ясной.

Дубенская-Лагренэ рекомендовала вниманию Мериме, довольно не удачно на мой взгляд, переводы белых стихов Жуковского. Мериме усердно занимается этой нелепой работой и не оставляет ее даже в тревожные летние месяцы 1848 года, когда правительство Республики поручало ему разнообразные обязанности.

---

* Речь идет о стихах Лермонтова. См. письма к Лагренэ III, стр. 5, примечание 4.

Часть писем этого времени, адресованных к Лагренэ, очевидно, не сохранилась, равно как отсутствие ответов В. И. Лагренэ естественно делает впечатление неполным.

Вот письмо 8 мая 1848 года (№ VII, стр. 8)*.

„Сударыня, вам не удастся избавиться от изготовленного мной и посылаемого в этом письме перевода. Вы видите он сделан буквально по тексту. Но есть слова, которых я не нашел в словаре.

1. Я не очень хорошо понял, что значить слово *волень*. Я нашел слово volontiers, но оно не уяснило мне смысла.

2. Я не нашел глагола *равлюбить*. Быть может это будет désaimer, глагол, также не встречающийся в словаре французской академии.

3. Слово *белокурая* опять таки неизвестно моему словарю. Оно содержит указание на что-то белое, но что́, я не знаю . . . . . .

. . . . . .

Тысяча извинений за всю докуку, которую я вам доставляю моим страстным увлечением русским языком. Госпожа Карамзина прислала мне письмо, в котором приглашает обедать у них в понедельник. К несчастью я занят. Двойное огорчение, так как я думал, что имел бы честь обедать у нее с вами и господином де-Лагренэ.

Пр. Мериме

Среда вечером [8-е мая 1848 г.].

P. S. Я не нахожу слово *растворилась*, но нашел *твориться*, что переводят обычно как притворяться или делать что нибудь, исполнять. Мне кажется, что Жуковский очень любит приставку *раз*. Не злоупотребляет ли он неологизмами? Вы видите, что я становлюсь пуристом. Я надеюсь, что через сорок лет меня выберут академиком в вашем Петербурге“.

В июне того же года Мериме отвечает на какое-то письмо В. И. Лагренэ, которым последняя, очевидно, упрекает ученика в неточности эпитета „почтенная“, примененного к легкомысленной женщине. Все это неизвестный материал, но оправдания ученика характеризуют этапы его успехов и поэтому я их привожу. Это письмо № VIII стр. 9.

„Июнь 1848.

Сударыня поверьте мне, что я не счел бы очень *почтенной* даму танцующую вальсы и польки в два часа по-полуночи с капитанами Российской Императорской гвардии; но мой словарь сказал мне (словари говорят очень много глупостей), что почтенный и есть honoré, honorable. К тому же Жуковский заставляет своего рыбака обращаться к рыцарю Гульбронду, человеку очень молодому, как вы знаете, со словами: „почтенный гость“.

---

* Письмо приводится в русском переводе. Оно написано по-французски. Русские слова оригинала отмечаются курсивом.

Стало быть моя ошибка произошла по вине господ Рейфа [1] и Жуковского и потому я прошу вас именно к ним адресовать ваше негодование. Госпожа Карамзина была вчера утром свежа как роза. Она порядком напугала своих русских гостей, заговоривших в моем присутствии по-русски, сказав им, что я их понимаю. Я не стал опровергать.

Я надеюсь иметь честь видеть вас у Карамзиной в понедельник и попрошу вас назначить мне день следующего урока. Я нашел правда в своем словаре слово *кудрь* — boucles но, каким образом можно предположить, чтобы белокурые и седые волосы назывались словом, имеющим по существу один и тот же смысл!!!

Пр. М.

В письме 7-го июля 1848 года [2] Мериме жалуется своей преподавательнице на множество гражданских обязанностей, мешающих ему заниматься русским языком. Привожу конец этого повествования, так как он содержит интересные суждения о русском языке.

„Мне пришлось столько раз стоять на часах и выполнять столько самых разнообразных обязанностей, что я почти оставил занятие русским языком; но все же я неуклонно каждый день перевожу по нескольку русских стихотворений. Я начинаю понимать, почему есть слова, которых я не могу разыскать в словаре, — это потому, что ваш язык исключительно богат: его невозможно целиком запереть в какой нибудь томик in quarto или in folio. Я без особенных затруднений женю своего героя, однако некоторые фразы не поддаются моей проницательности. Например дело идет о буре, которая выбрасывает к рыбаку на берег священника, именно для того, чтобы поженить двух влюбленных. Священник рассказывает, что:

Волны как щепку
Наш челнокъ подымали съ
Хребта на хребеть.

Для „*щепка*“ я нашел слово copeau, а для *хребеть* — échine.

„Хребта на хребеть“, должно быть вошло в пословицу, но я ее не понимаю [3]. Простите сударыня, что я издалека докучаю вам своими уроками. Это только потому, что вы должны вернуться в Париж, имея в виду, что даже в деревне вы не можете избавиться от вашего ученика... Литература умерла 24-го февраля. Для того, чтобы проявился интерес к словам и звукам, надо чтобы замолчали пушки“.

(Без подписи).

---

[1] Проспер Мериме пользовался в своих занятиях многоязычным словарем Рейфа, изобилующим огромными неточностями.

[2] Письмо к В. И. Лагренэ № XV, стр. 19. Курсивом переданы русские записи Мериме с соблюдением его орфографии.

[3] Речь идет о стихотворном переводе „Ундины“ Жуковского, в свою очередь заимствованной из Ламотт-Фуке.

Некоторую вялость и неуспешность в занятиях за этот период времени я склонен объяснить не только обстановкой Парижа 1848 года, но главным образом тем неблагодарным материалом, который выбирала преподавательница для своего ученика. Жуковский ничего не мог дать Проспе́ру Мериме. Ключ к пониманию внезапного толчка дает встреча с Соболевским, после которой работа Мериме сразу изменилась к лучшему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Соболевский в роли „наставника" Мериме. — Мериме занимается Пушкиным. — Соболевский в Испании. — Письма Мериме. — Соболевский — Мериме — Монтихо. — Париж 1850 года

Семнадцатое письмо написано к Варваре Ивановне Дубенской Лагренэ 25-го сентября 1848 г. В нем содержатся очень ценные для нас указания. Это был промежуток между 24-м февраля и 10-м декабря, когда правительство Второй Республики не знало, что делать, когда растерянный Париж был украшен баррикадами, перед тем как 10-го декабря избрать Бонапарта принцем президентом и в довершение бесславия подготовить почву Второй Империи, водворившейся во Франции на двадцать лет. Мериме описывает Париж этих дней и вдруг переходит к сообщению о своих занятиях русским языком: *„Смею вас уверить, что я работаю очень мало и вы найдете меня сильно отставшим. А между тем я занимался с Соболевским, который свалился ко мне однажды в комнату, прибыв из Неаполя. Он рассчитывает на то, что на него не разозлятся, если он месяц проживет в Париже. Он пришел в восторг от моего произношения. Ну, а я нахожу, что у него самого чересчур горловой выговор. Его „ы", а также его „г" словно выходят откуда то из глубины его внутренностей. Он мне посоветовал заняться чтением прозы Пушкина"*

Таково существенное указание этого письма к Лагренэ, которое дает нам возможность установить довольно точно датировку самого первого из новонайденных писем Проспера Мериме к Соболевскому. Оно к сожалению никак не датировано. Это указывает главным образом на то обыкновение Мериме, которое характеризует его внутреннюю парижскую переписку, письма занесенные им самим, записки оставленные в тех случаях, когда он не застал дома, ответы отсылаемые с посланным принесшим какой нибудь вопрос. Это письмо относится ко времени полусекретного пребывания Соболевского в Париже, когда пользуясь всеобщей сумятицей он прожил в республиканском городе, не визируя паспорта со времени выезда из Женевы 2-го августа 1848 г. не один месяц, как сообщает Мериме в письме к Лагренэ, а до 26-го декабря 1848 г., то-есть до того времени, когда Бонапарт уже шестнадцатый день правил Республикой в качестве президента. В Женеве Соболевский жил по паспорту, визированному русским консулом только на въезд в Лондон, без права въезда во Францию.

Не менее важное указание на руководство Соболевского дает еще письмо к Лагренэ, помеченное Dimanche Soir 1848 (№ XVIII). В нем Мериме рассказывает о том, что он обедал у М. Ф. Калергис [1]; не называя ее имени, описывает обстановку ее комнат, и непосредственно после восхищения этой опасной русской красавицей, перейдя к трудностям русского языка, он сообщает: *„Соболевский обещал мне присылать русские книги из Петербурга“*. Письмо заканчивается сообщением о том, что 1/3 (т.-е. министр *Тьер*) [2] не умеет произнести имени Елачича [3], о котором шумят парижские гостиные. Мериме читает его фамилию Jellatchitch с буквы Ж, и производит ее от *„жела“*...

Это предпоследнее, самое большое путешествие Соболевского, в которое мы сейчас вмешались на середине, предпринято было Соболевским 18 марта 1846 г. Ковенская таможня пропустила его 3 апреля и после этого он начал колесить по Европе. В Калише он был 16/28 апреля, в Дрездене 22 апреля (4 мая); в Берлине 16 мая нового стиля; в Аахане 25 июля; в Штутгарте 19 сентября; в Мюнхене 29 сентября, где 30 сентября получает визу на въезд в Сардинское Королевство (Пьемонт). 15 января 1847 г. он едет из Марселя в Ниццу, а 28-го того же месяца мы застаем его в Генуе, откуда он едет во Флоренцию, где останавливается до 10 февраля и спускается на юг, где мы застаем его в Риме 28 марта или 9 апреля нового стиля. Май он проводит в Неаполе и 14 июня едет обратно в Рим, где мы его находим 16-го числа этого месяца. 28 июля нового стиля русская миссия разрешает ему проезд через Флоренцию, Болонью и Милан в Мюнхен. 30 июля мы застаем его в Перудже, 7 августа — во Флоренции; 24 августа — в Лукке; 3 сентября опять во Флоренции; 11 сентября — в Болонье; 12 сентября — в Ферраре; 9 октября — в Венеции; 12 октября — в Вероне; 14 октября — в Мантуе; 16 октября — в Модене; 18 октября — в Реджио и в Тането; 20 октября в Парме; 22 октября в Пьяченце, на пути в Кремону; 7 ноября — в Милане; 11 ноября — в Вероне; 22 ноября — в Венеции; 5 декабря — в Милане; 8 декабря — в Турине, откуда он выезжает в Ниццу, пробыв в Генуе

---

[1] Мария Федоровна Калергис, дочь варшавского генерала Ф. К. Нессельроде, полька по матери, племянница и воспитанница канцлера, белокурая голубоглазая красавица, музыкантша и шпионка бонапартистка, бывшая замужем за греком офицером Деметриосом Калергис, бывшая любовницей Моле, министра Луи Филиппа, увлекала многих французов. Ее любили Теофиль Готье и Мериме, ее знал и ненавидел Гюго. В 1863 году она вышла замуж за С. С. Муханова и поселилась в Варшаве. Соболевский вел с ней и с ее родственником саксонским дипломатом Львом Зебах неизвестные нам интриги. Ее портрет написан в Остафьеве по заказу П. А. Вяземского на плафоне.

[2] Мериме усвоил манеру Стендаля зашифровывать фамилии: *Tiers* значит *третья доля*, поэтому фамилию Тьер Мериме передает дробью 1/3, так же как Стендаль пишет *Dela croix* через *De La* + (croix — крест). Соболевский заимствовал этот способ в написании фамилии С. Д. Полторацкого: он пишет „1 1/2-*цкий*“.

[3] Елачич де Бужим (1801 — 1859) бан триединого королевства Кроации, Славонии и Далмации, вождь национального славянского движения, спровоцированный австрийскими властями в 1848 году и вскоре погибший.

14 декабря, и в Ницце живет довольно долго, лишь 28 июня 1848 г. собравшись выехать на север, будучи почти очевидцем Ломбардо-Венецианского восстания, попытки Карла-Альберта Сардинского объединить Италию, прислушиваясь к шуму небывалой европейской весны: февральских дней в Париже, мартовских дней в Берлине, Пражского восстания, свержения Меттерниха в Вене, республиканских дней в Риме.

2 июля 1848 г. жандармы Понте-дель-Вара просматривают его пропуск, а 2 августа 1848 г. мы застаем его в Женеве, после чего его движение из Швейцарии во Францию остается некоторой загадкой. Архив не дает никаких указаний на время, проведенное им между 2 августа и началом сентября, когда самым главным свидетелем его пребывания в Париже выступает для нас Мериме.

Есть прямые указания на то, что багаж Соболевского страдал при таможенных досмотрах на пограничных остановках дилижансов. Об этом тот же Проспер Мериме пишет много позже своему новому другу, узнавшему также и Соболевского, Лондонскому библиотекарю Антонию Панидци, которому он передает следующее, в письме 23 октября 1861 г.:

„Я только что видел Соболевского, который приехал из Италии. Он находит, что чиновники Пьемонта не проявляют необходимых качеств и что наше объединение [1] совсем не так блестяще двинулось вперед. Он имел возможность видеть только Север. К моему огромному удивлению он рассказывает, что именно во Флоренции чувствуются значительные и успешные перемены. Режим ненавистен населению Мархий [2]; они жалуются на пограничных жандармов и префектуру, которая действительно все время изрекает инструкции и декреты, в то время, как в управлении св. отца каждый имел своего фратоне и можно было жить и делать как кому нравилось“ [3].

Есть основание думать, что архив Соболевского за этот период был бы много богаче, если бы не эти таможенные досмотры, а русская жандармерия побудила его, вероятно, задолго до таможни расстаться с немалым количеством драгоценного материала из числа наблюдений, схваченных им в пути.

О времени, проведенном Соболевским в Париже в эти тревожные месяцы его собственный архив говорит довольно мало. В это самое длинное свое путешествие он был в Париже три раза в промежуток между 1846 и 1851 годами. Шесть полных лет он провел за-границей и не очень торопился вернуться в Россию. Первый раз между 14 ноября 1846 г. и 2 января 1847 г. он виделся с Проспером Мериме или очень немного, или не виделся совсем. Я склонен утверждать последнее потому, что Мериме уезжал в Мадрид.

---

[1] Речь идет об аннектировании Францией Ниццы и Савойи после войны Наполеона III с Австрией в 1859 г.

[2] Мархиями назывались пограничные области главным образом итальянско-австрийских владений.

[3] Lettres à Panizzi“. Paris 1881 vol. I, p. 232 № LXXXVI.

Правительство Луи-Филиппа вело войны с мусульманским миром северо-африканского побережья. Один из друзей Проспера Мериме, сын и спутник знаменитого Александра Лаборда в его путешествии к арабам, рассказал Мериме о тех варварствах, которые позволяют себе французские войска среди захваченных дуаров Алжира. Мериме решил вмешаться в качестве ревизора в расследование дел французского командования в Африке, и собрался впервые поехать на черный материк. Он составил проект ревизии, в котором подчеркивал, что „французские офицеры с величайшим безразличием истребляют памятники арабской и римской культуры". Придравшись к этой формуле и испугавшись огласки со стороны авторитетного и ревностного „ревизора культурных памятников", военно-политическое бюро не разрешило этой поездки ни Мериме, ни Лаборду.

Всеобщее недовольство монархией росло в Париже. Мериме предрекал трагический конец Луи-Филиппа, страх интервенции не покидает его даже в декабре 1848 года, когда он полушутя, полусерьезно пишет к Монтихо (25/XII 48): „Я занимаюсь русским языком; это мне пригодится для разговоров с казаками, когда они прибудут в Тюльери". Казаки не появились в Париже, вместо них Мериме видел перед собой огромную фигуру Соболевского и практиковал с ним русский разговор. Вернемся к Соболевскому.

Мы остановились на втором его приезде в Париж, который укладывается в промежуток четырех с половиной месяцев между 24 августа 1848 г. и первыми числами января 1849 г. Именно об этом приезде упоминает Мериме в вышеприведенном письме к В. И. Лагренэ. Первоначально он жил я думаю у Мериме, а потом в Hôtel d'Orient, занимая комнату № 8. Одиннадцатый том архива Соболевского хранит в себе совершенно простую без всяких должностных обозначений визитную карточку *Проспер Мериме* и шесть его писем 1849 и 1850 годов.

Под несомненным влиянием Мериме, внушившего Соболевскому интерес к Испании, как бы в обмен за экзотическое увлечение Россией, Соболевский стремится за Пиренеи, и уже на четвертом месяце своего пребывания в Париже начинает подготовлять это путешествие. В 1848 г. выходит из под пера Мериме внушенная графиней Монтихо „История дона Педро I, Кастильского короля". Соболевский ее читает, прочитывает, за три года перед тем напечатанную, „Кармен", очевидно вместе с Мериме читает статью Штирлинга об „Искусствах в Испании", а появившаяся в январе 1849 г. еще до отъезда Соболевского анонимная заметка о „Толэдском мосту в Мадриде", принадлежащая перу того же Мериме, увеличила для Соболевского привлекательность этой поездки.

Вопреки обыкновению Соболевский мало рассказывал о путешествии в Испанию, но вокруг него сложилось не малое количество полу-легенд, полу-анекдотов, часть которых в неряшливо перепутанном виде передана Н. В. Бергом, в его „Воспоминаниях", печатавшихся в „Русской Старине" за 1891 г. Встречая Соболевского у Ростопчиной, Берг из его отрывочных рассказов сплел путаницу всех пяти его путешествий за границу, а Бартенев и Кир-

пичников, равно как и Стороженко прибавили к этому не мало своих догадок. Теперь есть полная возможность установить, что, взяв рекомендательные письма Проспера Мериме, Соболевский выехал из Парижа в январе 1849 г. и въехал в Испанию через Байонну 16 января. Проследить его маршруты было бы совершенно невозможно в виду скудости уцелевшей его переписки, находящейся почти целиком во Франции, и, если бы не заботливость тогдашней полиции, особенно испанской, испестрившей огромный паспорт Соболевского, как леопардову шкуру, пятнами своих штемпелей, то мы и до сих пор не знали бы подробностей этого интересного десятимесячного эпизода в жизни Соболевского. За несколько лет перед поездкой Проспера Мериме в Испанию дороги были настолько дики, что первые дилижансы, спустившиеся с западных Пиренеев, были сожжены населением вместе с багажом путешественников, а последующие экскортировались вооруженными всадниками. В 1849 г. этого уже не случалось, но грабежи по дорогам Испании были явлением довольно частым. Тем не менее уже в глубине Испании, оставив дилижанс дона Замора и его компаньонов, Соболевский купил лошадь и странствовал по Андалузии и Валенсии верхом, побывав почти всюду где был Мериме, и в местах, описание которых несколько лет спустя было напечатано Василием Петровичем Боткиным.

Соболевский выбрал дорогу через землю басков. 16 января испанский чиновник отмечает в его паспорте проезд через Ирун. Главный предмет его стремлений это конечно Мадрид, куда он приезжает, как мы видели, не с пустыми руками. Мы об этом ничего не узнали бы, если бы не случайность: Соболевский перед отъездом часто бывал у Корэфа (в одиннадцатом томе архива Соболевского мы находим довольно много его писем), но не успел во-время зайти к Мериме. Это дало нам возможность теперь читать второе по счету письмо Мериме к Соболевскому, или первое из уцелевших и ныне находящихся в его архиве. Оно не датировано, следовательно написано в Париже и направлено парижскому адресату. Я датирую его 2 или 9 января 1849 г. [1].

I

Mardi soir

Mon cher Maître, j'ai compris votre Russe tout courament et je vous en remercie en faisant les mêmes voeux pour vous. Je suppose que le froid vous effraye et que vous attendez le dégel pour partir. Si vous attendez quelques jours encore veuillez me renvoyer la lettre pour le Président de l'Académie, je ne puis différer mon remerciement. Dites moi encore si vous avez un jour fixé pour votre départ, je pourrai bien vous charger d'une lettre encore.

Je suis du Jury pour 15 jours, et je ne sais si je pourrai vous dire adieu. Ecrivez moi de Madrid, et je vous y ferai tenir une lettre pour Barcelone.

[1] Как видно из письма к Франциску Малевскому, напечатанного в Korrespondencja A. Mickiewicza (III t. Paris 1876) Соболевский 19 октября 1848 года был на обеде у Т. Гвиччиоли в честь Луи Бонапарта (в канун выборов Бонапарта в президенты), а 21 декабря 1848 г. приходил к Мицкевичу прощаться перед отъездом в Испанию.

N'oubliez pas de vous faire introduire par Mad. de Montijo à Madrazo dont il faut voir la collection de tableaux. Le Dr Leonore vous fera faire connaissance avec les bibliothécaires que vous trouverez fort ignorants. Tachez de ne pas faire confusion dans vos lettres car il y en a une très particulière—adieu et bon voyage.

P. Mérimée

Mad. Xifré vous fera faire la connaissance de son fils qui est un jeune homme fort distingué.—Demandez encore à voir la bibliothèque du duc d'Osuna. Calderon vous y conduira. Il vous enseignera les bouquinistes; le meilleur est Puerta del Sol, presque en face de la poste.—J'ai oublié son nom. C'est un juif mais bien approvisionné.

I.

Вторник. Вечер

„Мой дорогой Наставник. Я вполне хорошо понял Ваше русское письмо и выражаю Вам за него большую благодарность, желая Вам того же самого, что и Вы шлете мне в Вашем письме. Я думаю, что Вас пугают холода и Вы ждете теплой погоды, чтобы легче было ехать. Если задержитесь еще на несколько дней будьте добры пришлите мне письмо к Президенту Академии [1], я не могу больше откладывать своей благодарности. Дайте мне знать еще раз, если Вы уже назначили день своего отъезда; я еще пожалуй смогу вручить Вам одно письмо. Я назначен в состав жюри на пятнадцать дней, и не знаю, удастся ли мне притти проститься с Вами. Напишите мне из Мадрида, а я направлю Вам письмо в Барселону [2]. Не забудьте попросить госпожу Монтихо представить Вас дону Мадрацо; Вам следует осмотреть его собрание картин. Доктор Леоноре познакомит Вас с тамошними библиотекарями, которых Вы найдете весьма невежественными. Постарайтесь не перепутать Ваши письма, так как одно из них имеет особенное значение [3].

До свидания и счастливого пути.

П. Мериме

[P. S.] Госпожа Шифрэ познакомит Вас со своим сыном, очень изящным молодым человеком. Попросите, чтобы Вам показали библиотеку герцога

---

[1] Речь идет о рекомендательном письме к президенту мадридской академии с выражением благодарности за предоставление возможности использовать испанские архивы, к которым Мериме имел исключительно широкий доступ.

[2] Очевидно маршрут был выработан для Соболевского Проспером Мериме: совершив круг по Испании, перерезав ее с севера на юг, Соболевский на обратном пути избирает своим пристанищем Барселону. Испанская почта ходила крайне неисправно.

[3] Мериме дал Соболевскому письма к Монтихо—старшей и к ее дочери Евгении, но быть может он своей просьбой имеет в виду предупредить смешение отца и сына Шифрэ: отец — фанатик и клерикал — ненавидел Мериме, бывшего в его глазах не только вольнодумцем, но даже „некрещеным".

Осуна. Кальдерон [1] сведет Вас туда. Он Вам даст сведения о букинистах. Самый лучший из них около Puerte del Sol [2], почти напротив почты. Я забыл его имя. Это еврей, владеющий огромными фондами".

Это письмо сразу вводит нас в круг интересов, которые волновали друзей. Мериме оказался не меньшим библиофилом нежели Соболевский. Он предупреждает, что испанские библиотекари крайне невежественны. Среди документов Соболевского сохранился анекдот о библиотекаре, которого посетитель в разговоре с королем предлагал в министры финансов Испании на том основании, что этот библиотекарь „во всяком случае никогда не прикоснется к сокровищам ему вверенным".

В своих скитаниях по Европе, Соболевский собрал замечательную библиотеку и, как тонкий знаток книги, был очень оценен Проспером Мериме во время многочисленных библиофильских бесед в Париже, когда друзья встречались втроем в Библиотеке Института: Мериме, Соболевский и Клерк-Ландресс, занимавший скромную должность помощника библиотекаря Института, членом коего был Мериме.

Уезжая в Мадрид и останавливаясь на Calle de Alcala № 15, Соболевский ожидал наступления своей сорок шестой осени, а та особа, с которой он познакомился через несколько дней после приезда, и которую московская молва устами графини Ростопчиной называла его неудавшейся невестой: Евгения Монтихо только вступала в свою двадцать третью весну. Ею действительно любовался весь Мадрид, когда она в своей любимой андалузской одежде, с тонкой сигареткой в зубах, участвовала в кавалькадах, голубоглазая и рыжая, с золотисто красным ореолом волос, сиявшим вокруг ослепительно белого лица. Она сохранила эти черты, унаследованные от северных предков еще ее матерью, старой Монтихо, приехавшей с самого юга Испании, из Мáлаги, где ее отец Киркпатрик, наполовину шотландец, наполовину рыжеволосый валлон, занимал должность английского консула и вел крупные коммерческие дела. Как во время многократных приездов Мериме в Испанию, так и теперь в 1849 г. семья Монтихо не имела никакого политического значения. Пережив и карлистские войны, и победу христиносов, и низвержение регентства самой Христины, молодая Евгения слишком хорошо запомнила рассказы Стендаля о Наполеоновских походах. Ей грезился Бонапарт; но тот Бонапарт, который 10 декабря предшествовавшего года был избран президентом французской Республики, возбуждал ее опасения. Во всяком случае она стремилась в Париж, гонимая легкомысленной жаждой собственного блеска и тонкими расчетами умной и дипломатической матери. И вряд ли она была склонна особенно серьезно относиться к ухаживанию сорокашестилетнего русского сеньора. Берг описывает приключения Соболевского в Испании с его же собственных слов и говорит, что знакомство Соболевского с „эксцентричной графиней",

[1] Дон Серафино-Кальдерон, испанский поэт (родился в 1801 г.) издатель старинных канцоньеров и в то же время крупный чиновник.

[2] Главная площадь Мадрида.

Mardi soir.

Mon cher Maître, j'ai compris votre Russe tout courament, & je vous en remercie en faisant les mêmes vœux pour vous. Je suppose que le froid vous effraye et que vous attendez le dégel pour partir. Si vous attendez quelques jours encore veuillez me renvoyer la lettre pour le Président de l'Académie, je ne puis différer en son remerciement. Dites moi encore si vous avez un jour fixé pour votre départ, je pourrai bien vous charger d'une lettre encore. Je suis du Jury pour 15 jours, et je ne sais si je pourrai vous dire adieu. Écrivez moi de Madrid, et je vous &

ferai tenir une lettre pour Barcelone
N'oubliez pas de vous faire introduire par
Mad. de Montijo à M. Madrazo dont il
faut voir la collection de tableaux. Le Dr.
Levane vous fera faire connaissance avec
les bibliothécaires que vous trouverez fort ignorants
Tâchez de ne pas faire confusion dans vos
lettres car il y en a une très particulière —
Adieu et bon voyage

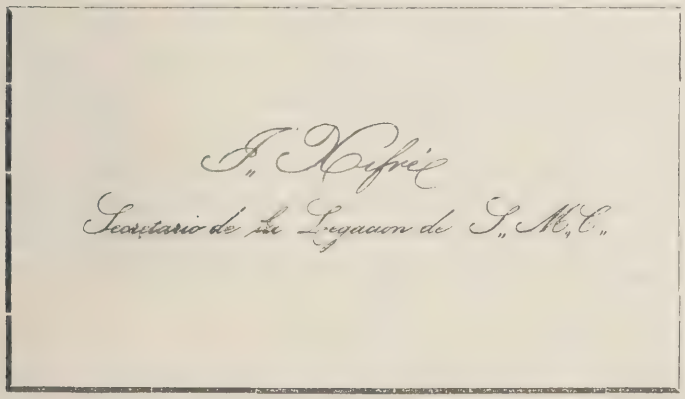
P. Mérimée

Mad. Xifré vous fera faire la connaissance
de son fils qui est un jeune homme fort
distingué. — Demandez encore à voir la
bibliothèque du duc d'Osuna. Calderon vous
y conduira. Il vous enseignera les bouquinistes
le meilleur est Puerta del Sol, presque en face de

la porte – J'ai oublié son nom. C'est un
brief mais bien approvisionné.

ознаменовалось тем, что Соболевский „устраивал для нее русские тройки". Возможно конечно, что прекрасные андалузские лошади на удивление обитателям Мадрида, запряженные тройкой, катали молодую графиню и ее двоюродного брата герцога Осуна, который впоследствии вызвал ревнивые вопросы Соболевского в письмах к его испанским друзьям, но мне кажется, что все же самым вожделенным предметом поисков Соболевского в Испании были замечательные книги, найденные им с помощью профессора Гайянгоса, с которым он очень подружился. Эта дружба продолжалась почти до смерти Соболевского. Соболевский искал испанские издания „Легенды об Амадисе", коллекции путешествий в Индию, собранные Де-Бри, испанские инкунабулы и красивые сборники испанских песен XVI века, известные под именем „Cancoñeros". Один такой сборник он купил для себя, а другой впоследствии Гайянгос нашел для Проспера Мериме, о чем с торжеством пишет Соболевскому. Неизвестно писал ли Соболевский из Мадрида Просперу Мериме. Черные и гладкие, как слоновая кость, с золотым шрифтом визитные карточки испанцев изобильно украшали приемный столик его комнаты в Мадриде, которой так восхищался молодой дон Хозэ-Шифрэ. С небольшими выездами Соболевский проводит время в Мадриде до 19 апреля. Пожалуй самая интересная визитная карточка, присланная в комнату Соболевскому, это карточка самого секретаря испан-

Евгения Монтихо с портрета Винтерхальтера



ской миссии дона Хозе Шифрэ. Исписанная с обратной стороны, она оказалась тщательно заклеенной рукою Соболевского [1]. Но на просвет совершенно ясно читается следующее послание:

„Госпожа Монтихо поручила мне передать Вам, что она будет в полном восторге от возможности видеть Вас сегодня вечером, — Вы можете притти к ней в 10 часов: в это время она будет почти одна“.

Речь идет конечно о матери, о старой графине, потому что вначале письма поставлено M-me. Я знаю, что это разочарует многих, пожелавших вместе с москвичами прошедших лет использовать это письмо, как свидетельство любовной интриги.

29-го января в понедельник Соболевский получил голубой билет, исписанный золотыми буквами, которые гласили следующее:

La Condesa Viuda del Montijo y de Miranda Duquesa de Peñaranda tiene el honor de convidar á V[2]. para el bayle „que dara en su casa la noche del 29 Enero á les 10 de la misma. Sr. D[n] Serge Sobolefski.

„Вдовствующая графиня Монтихо и де-Миранда герцогиня Пеньяранда имеет честь пригласить Вас на бал, который она дает в своем доме в ночь 29 января с 10 часов вечера того же дня“.

Соболевский глубоко окунулся в испанский быт и нравы испанского общества с помощью Мериме, который счел необходимым ввести своего друга в Испанию через старые испытанные двери на „Калле дель Сордо“, где жила семья его друзей — Монтихо, когда-то радушно принявшая его двадцатисемилетним молодым человеком. Естественно конечно, что Соболевский успешно использовал это посредство, он вошел в испанскую жизнь во всех ее проявлениях гораздо глубже, чем то сделали его предшественники, бывшие в Испании незадолго до него, или спустя после его путешествия немного лет. Я говорю о В. П. Боткине об А. В. Мещерском. Исключение составляет „Пушкин русской музыки“ Михаил Иванович Глинка, который был в Испании в 1845 г. Елим Мещерский познакомил Глинку с испанским представителем Суза, который взялся обучить компо-

---

[1] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского. Том XI стр. 82.

[2] Vuestra Merced—вашу милость. Это извещение равно как и пригласительный билет министра Лессепса на обед 22 февраля 1849 находятся в XI томе архива Соболевского. Стр. 82—87. На 87 стр. помещено вторичное письмо Xifré приглашение С. А. С. к Монтихо, которая собирается вести Соболевского на какую-то дворцовую церемонию.

[3] А. В. Мещерский издал великолепный альбом цветных литографий in f-o, посвященный самым характерным ландшафтам и городам Испании.

зитора испанскому языку, а Глинка, услышав, что Лист поехал в Испанию только и думал о том, чтобы встретиться с ним там. Но Глинка воспринял Испанию совершенно иначе, его „Каприччио Бриллианте" и особенно его „Арагонская Хота" являются самым талантливым преломлением испанских впечатлений. Соболевский интересовался другой Испанией: его интересовала Испания старинных песен, Испания открытий, Испания конквистадоров, проложивших новую дорогу по мосту старинной Антлантиды, как выразился его друг Пасквале Гайянгоса, который уже в те годы, судя по письмам, путешествовал по Африке в целях определения старинной связи материков. Если просматривать каталоги библиотеки Соболевского, то мы увидим, как богато отразились его испанские розыски на ее пополнении: богатейшие и лучшие коллекции целого ряда европейских библиотек были обязаны щедрой руке русского путешественника Соболевского.

Московская легенда связывает с его пребыванием в Мадриде повесть об его дружбе с испанской королевой Изабеллой II, которая, кстати сказать, в ту пору была втрое моложе Соболевского, и, хотя впоследствии прославилась романическими скандалами и любовными приключениями до такой степени, что была низложена в 1868 г., но всетаки история с полным основанием утверждает, что в ту пору, выйдя замуж за своего двоюродного брата, молодого Франсиско д'Ассизи она была увлечена своим принцем супругом настолько, что естественно, не могла заинтересоваться сорока шестилетним русским сеньором, которого она к удивлению нашему пережила на 34 года [1].

22 февраля 1849 г. на парадном обеде у французского министра Лессепса в Мадриде Соболевский познакомился с целым рядом новых испанских друзей. Там был *Иван Вальдехулли* русский консул, единственный представитель России в Испании в то время, Серафин Кальдерон, Кабалерио Деграсиа, Франсиско де Пауло Лопец, Эредиа, Адольфо де Кастро, Рамирец и Ласказас; Франсиско де Аризала и де Люна, Хозе Ховер из Альмерии, дочь которого Мария Ховер до такой степени пленилась русским сеньором, что впоследствии долго с ним переписывалась, называя его нежнейшими именами и пересылая ему в Петербург семена южных растений, посаженных когда то его рукою в ее саду.

Шифре однажды приглашает Соболевского на дворцовый выход с графиней Монтихо, которая быть может намеренно не смогла достать отдельного билета для Соболевского и согласилась быть его провожатой.

Соболевский ознакомился еще с одной особенностью испанского быта: мелкие партийные группировки тогдашнего времени, не касавшиеся глубины крестьянской и ремесленной Испании, сводились к тому, что по своим симпатиям и антипатиям испанские идальго делились на группы, примы-

[1] Умерла в Париже в 1904 г. Мериме писал об Изабелле: „она меняет любовников, как ночные рубашки". Несмотря на невоздержанный образ жизни, Изабелла прожила на свете с 1830 до 1904 года. Евгения Монтихо дала образец еще большего долголетия; потеря трона, ранняя смерть сына—ничто не уменьшило ее живучести. Родившись в 1826 году, она умерла всего пять лет тому назад, в 1922 году.

кавшие к своеобразным политическим клубам, имевшим место в маленьких кофейнях, дневных и ночных кабачках, *Casino*. Эти казино давали право входа только представителям той группы или тех обывательско политических симпатий, которые на данное время господствовали в округе. Казино было местом развлечений, веселости и политических споров. Женщины были, не менее усердными, нежели мужчины, посетительницами этих казино. Архив Соболевского содержит добрый десяток входных билетов в такие кабачки для разных мест Испании, и самым первым билетом является данный ему на тридцать дней билет в „Казино Дель Принсипо", выданный ему в Мадриде 27 января 1849 г. Семейство Монтихо и друзья Соболевского, приобретенные при его посредничестве в Мадриде, позаботились о том, чтобы каждое казино в Испании, примыкавшее к партии либерально-прогрессивных христиносов или Эспартеро, открывало двери „графу" Соболевскому, а профессор Гояйнос и Серафин Кальдерон позаботились о том, чтобы в каждом городе ему был оказан надлежащий прием в среде библиофилов, библиографов и монастырских библиотекарей Испании. Вот почему романтический заряд, полученный Соболевским в Париже после знакомства с Проспером Мериме, продолжал свое изумительное действие в течение всего его пути, набросившее таинственное и странное покрывало, обволакивавшее дни его пребывания в Испании настолько, что быть может одна Евдокия Петровна Ростопчина знала всю прелесть и обаяние этих испанских десятимесячных скитаний.

Силас Коррео в Мадриде выдало Соболевскому 19 апреля 1849 г. подорожную и в тот же день в испанском дилижансе он выехал в Кордову. Из Кордовы на Севилью он выезжает 23 апреля, после того как семейство Монтихо, заинтересованное слухами о Бонапарте, уезжает из Мадрида на север Франции, в Бельгию и наконец в Лондон, где мать будущей французской императрицы чувствует себя, как дома, и, словно предвидя события, пришедшие через двадцать лет после этого, она подготовляет в Лондоне связи и знакомства своей дочери Евгении, еще не зная, что в 1870 г. ее дочери суждено будет искать в Лондоне приюта в качестве развенчанной императрицы под фамилией графини Пьерфон.

Из Севильи Соболевский едет на юг, ринувшись в водоворот рынков, базаров, зрелища боя быков, в водоворот больших дорог и малых тропинок Хаэны, Андалузии и Валенсии. Никаких следов поездки в дилижансе этот точный и аккуратный человек, оставивший в своем архиве все подорожные мальпостов, эльвагенов, дилижансов, почтовых карет и брик, нам не оставляет со времени своей поездки в Кордову. Из письма Мериме мы узнаем, что он ездит верхом по тропинкам и пустыням, по горным склонам и долинам Валенсии. Он посетил Эсиху, Лоху, между 14 и 28 июня был в Кадиксе, между 8 и 15 июля был в Хибралтаре и Алжесирасе, а 11-го июля нового стиля русский консул визирует его въезд в Малагу и опять в Хибралтар. В Малаге он был 17-го июля нового стиля, *а в середине августа приехал в Генарду, откуда 22-го числа этого месяца пишет в Париж Просперу Мериме письмо*, насыщенное небывалой для него эмоцио-

нальностью, перемешанной с озорством и с медвежьей гривуазностью, и просит, чтобы Мериме ответил ему в Барселону. Это письмо вызвано, отчасти тем, что его талантливый ученик в своей романтической борьбе, стремясь дать новый стиль простого реалистического рассказа, поднял в Париже знамя Александра Пушкина, как величайшего в мире поэта, и, памятуя недавние уроки Соболевского, успешно (за мелкими исключениями) перевел „Пиковую Даму". Соболевский смущен парижской рекламой, говорившей о Пушкине и Мериме, полученной случайно в Гренаде ко дню его приезда, и вот, предполагая что Мериме пишет *о Пушкине*, Соболевский шлет своему французскому другу письмо, исполненное упреков по поводу необстоятельного использования еще недавних уроков русского языка. Насколько серьезно и удачно было указание Соболевского на прозу Пушкина можно видеть уже из того увлечения, которое овладело Проспером Мериме после отъезда Соболевского в Испанию. Пушкин стал настольной книгой. Неизвестно, сколько времени Мериме работал над своим первым переводом Пушкина. О пушкинской прозе он упоминает в связи с Соболевским 25 сентября 1848 года, а 25 февраля следующего года, уже проводив Соболевского в Испанию, Мериме вступает в спор о Пушкине с Ламартином на обеде у Биксио, председателя комиссии по охране культурноисторических памятников. Тут присутствуют Делакруа, Мейербер и Скриб, который под влиянием этого разговора написал драматический этюд „Пиковая Дама". Ламартин объявил, что он читал Пушкина, а Мериме с торжеством ловит Ламартина на том, что Пушкин ни разу не был переведен на французский язык[1].

15 июля 1849 года в № 11 „Revue des Deux Mondes" выходит первый перевод Пушкина на французский язык (если не считать ненапечатанного перевода „На выздоровление Лукулла", сделанного Жобаром) сделанный по совету Соболевского: „La Dame de Pique".

Итак Соболевский путешествует.

25-го июля 1849 г. вчетвером с тремя неизвестными друзьями Соболевский почти не выходит из Альхамбры, а 25-го августа держит путь на Мурсию, предварительно побывав в Малаге и Альмерии, где он заводит дружбу с семьей дона Хозе Ховер. В Мурсию он приезжает 8 сентября, откуда направляется в Валенсию, где живет с небольшими выездами две недели, а 28 сентября выезжает в Барселону, в которой живет, как в последнем прощальном местопребывании в Испании, до первых чисел декабря.

Его самым деятельным корреспондентом за это время, если не считать единичных писем русского консула Эбелинга из Ниццы и денежных писем князя Торлониа[2] из Италии, является Паскуале Гайянгос. Его письма

---

[1] См. Felix Chambon „Notes sur Prosper Mérimée". Paris. Aux frais de l'Auteur. 1902, стр. 256.

[2] У Марино Торлониа в Риме Соболевский встречался со Стендалем. См.—А. К. Виноградов „Русские Встречи Стендаля".

мы находим: от 4-го апреля 1849 г. в Севилью, 10-го июля 1849 г. в Гренаду, с упоминанием о путешествии *мадам* и *мадемуазелль*, как он всегда называет мать и дочь Монтихо; 29-го августа в Валенсию, 23-го сентября туда же и наконец три октябрьских письма в Барселону [1]. В одном из писем он сообщает: „Евгения Монтихо вовсе не выходит замуж за герцога [2], как о том говорят; по моему она даже вовсе и не склонна к этому, кроме того мне кажется, canot make uphis mind, что герцог и не сможет сделать по своему“ [3].

Барселона была последним длительным местопребыванием Соболевского. Здесь он получил посланные в дилижансе покупки Гайянгоса, сделанные для него; как опытный библиофил и библиограф, забраковал плохой экземпляр коллекции путешественников De-Bry [4], чем немало рассердил мадридского профессора; здесь же он получил второе известное нам письмо Проспера Мериме, посланное из Парижа 31-го августа 1849 г. Привожу его целиком по-русски вместе с факсимиле и французской транскрипцией.

II

Paris, 31 Août, jour de la réception
de l'honorée votre datée de Grenade 22.

Je me doutais bien mon cher ami, que vous êtes acoquiné auprès de quelque andalouse, et je n'étais guère en peine de vous—mais votre lettre m'inquiete, et votre voyage equestre à Valence me fait appréhender pour vous les aventures les plus poétiques, je veux dire, la rencontre de *caballeritos* qui vous couperont les oreilles d'abord, et la gorge par dessus le marché. Je ne sais s'il est prudent de vous écrire, car je crains que ma prose ne soit perdue. J'écris à tout hazard pour vous ou pour vos *manes*. Vous avez raison de dire qu'on a gâté l'Espagne par l'introduction des chapeaux et l'expulsion des moines. Je vois que vous avez le goût bon puisque vous aimez la canaille. Elle est adorable en Andalousie et a des manières excellentes. Je pense à me faire mendiant à Ecija lorsque les socialistes auront détruit l'Académie. J'ai lu la fin (russe) de votre lettre et l'ai comprise. C'est ainsi que commence une lettre arabe, mais le plus difficile a été de déchiffrer vos augustes caractères que vous n'avez guère p e r l é s à mon intention. Vous faites vos *И* vos *Н* vos *Ш* et vos *Т* si parfaitement semblables que si je n'etais un véritable Oedipe, je ne m'en serais pas tiré.

Comment se fait il qu'avec votre expérience vous croyiez encore aux réclames de Journaux? comment avez vous pu supposer que j'écrirais sur Pouchkine autrement que sous votre dictée. Non, j'ai traduit tout bonnement

---

[1] АНХК и Б. Фонд Соболевского. Том XI стр. 86, 87, bis-1.

[2] Своего двоюродного брата герцога Осуна.

[3] Орфография подлинников соблюдается во всех цитатах иностранных писем.

[4] См. письмо С. А. С. к Brunet, напечатанное в „Manuel du Libraire“, Paris 1860, vol. I., p. 1898.

une nouvelle de P[ouchkine] *Пиковая Дама*. Elle a plu ce me semble. Je trouve que la phrase de Pouchkine *Пиковая Дама* est toute française, j'entends française du XVIII-e siècle, car on n'écrit plus simplement aujourd'hui.

Je me demande quelquefois si vous autres *Бояре* vous ne pensez pas en Français avant d'écrire en Russe? y a-t-il quelque livre écrit en Russe avant qu'on ne sut le Français? On me parle d'un recueil de Poesies populaires très remarquables. Quand vous irez *из Чужи в очизну* envoyez moi donc des vers de Moujiks, sans oublier cette piece que vous m'avez promise.

J'ai lu Eugène Oniéguine qui me semble un peu long. Il y a des passages admirables, mais je ne puis admettre les parenthèses continuelles. C'est une invention de Rabelais trop imitée. Les *Цыганы* me paraissent après tout le chef-d'oeuvre. J'aime beaucoup Boris Godounof. Cela m'a donné envie de lire Karamsin. Nous n'en avons qu'une traduction française à l'Institut, traduction qui me parait pietre, mais l'histoire ne vaut guère mieux à mon sens. Il me semble difficile d'être plus lourd, plus vertueux, plus *common place* et plus médiocre. Je ne parle que de ce que j'ai lu, l'épisode du faux Dimitrius. Après cela Lanrdresse (qui vous dit mille choses) m'a donné la relation du capitaine Margeret, édition originale, 1607, que ce monstre a achetée 15 centimes: pendez vous! C'est tout bonnement charmant. La connaissez vous? Vous trouverez des bouquins à Barcelone, et je vous engage à vous adresser à M-r Bofarull, pour qui vous avez je crois une lettre de moi. Sinon vous trouverez Jose Xifre (*hijo*) à Barcelone, que bien vous connaissez, sinon, allez le voir de ma part, tout le monde vous indiquera sa maison, mais, no te equivoque *V* [*uestra Merced*] ne vous adressez pas au père, auprès de qui je ne suis pas en odeur de sainteté. Si vous revenez de Barcelone par terre (ce serait une bonne occasion de vous faire couper par les trabucaïres ce qui pourrait vous rester d'oreille) nous pourrions peut être nous rencontrer quelque part dans le languedoc oú je serai pendant le mois de 7 h. Donnez moi votre itinéraire á Bordeaux, poste restante = Vos vers sur les pouvoirs élastiques des culs espagnols révélent un génie poétique. Demandez à quelque homme vertueux les vers de Maria Rosa de Galvez, si vous ne les avez déjà, je parle de son sonnet: *Ertabase un largo y colosal carajo* etc. Et traduisez le en Russe, pour l'édification des dames de St. Petersbourg. Je vous approuve d'aimer Murillo, mais Velazquez est un bien plus grand peintre à mon avis Reconnaissez slave farouche, que ce n'est pas le peintre que vous admirez dans Murillo,mais le poéte. Or il faut que chacun fasse son métier.

A propos de poésie je trouve le Prince Pasquéwitch fort poëtique: „Sire, la Hongrie est à vos pieds"—Les autrichiens lui en ont la même reconnaissance qu'ils montrérent à Sobieski. Adieu—méfiez vous d'un marquis qui rôde sur la rambla et exerce la louable profession de *maqueresso* á Barcelone. J[osc] X[ifre] vous indiquera ce qu'il y a de curieux—c'est peu de chose. J'ai trouvé dans les oeuvres de Pouchkine une lettre de moi à vous et une partie de la *Guzla* traduite. Je lui ai rendu la politesse en traduisant la dame de Pique. Mille amitiées et compl[iments]

P. M.

II

„Париж 31-го августа, в день получения Вашего милостивого послания датированного: Гренада 22. Я уже так и думал мой дорогой друг, что Вы влюбились в какую нибудь андалузску, и не беспокоился о Вас более, но Ваше письмо меня встревожило, ибо Ваше путешествие верхом по Валенси заставляет меня предчувствовать Ваши самые поэтические приключения, я хочу сказать встречу с *Caballeritos* [1], которые прежде всего обрежут Вам уши, и в качестве приложения к этому приветствию перережут горло. Не знаю, будет ли благоразумно писать Вам при таких условиях, так как я искренно опасаюсь, что моя проза просто пропадет. Я пишу только на всякий случай, если не для Вас, то для Ваших родных покровителей *mânes*. Вы правы, говоря, что Испанию испортили введением моды на шляпы, и изгнанием монахов. Я вижу, что Вы обладаете изысканным вкусом, так как имеете пристрастие ко всякой сволочи. В Андалузии она правда восхитительна и обладает прекрасными манерами. Я сам подумываю, не сделаться ли мне нищим в Эсихе, когда социалисты разгромят академию. Я прочел *русский* конец Вашего письма и понял его. Так кажется начинается одно арабское письмо [2]; но самым трудным было разобрать Ваши августейшие письмена, которыми Вы ничуть не постарались сделать для меня разборчивыми: Вы пишите Ваши *И*, Ваши *Н*, Ваши *Ш* и Ваши *Т*, настолько одинаково, что я ни за что не выпутался бы из затруднения, если б не оказался настоящим Эдипом.

Как это произошло, что Вы с Вашей житейской опытностью все еще верите журнальным рекламам? Как Вы могли предположить, что я буду писать *о Пушкине*, иначе как под вашу диктовку?? Нет я всего только перевел повесть Пушкина „*Пиковая дама*“. Я нахожу, что фраза П[ушкина] звучит совсем по французски, я конечно имею ввиду французский язык XVIII века, так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют. Иногда я спрашиваю себя, а что, в самом деле, перед тем, как писать по-русски, не думаете ли Вы все *Бояре* по-французски [3]. Существует ли какая нибудь книга написанная по-русски до того, как стал известен французский язык? Мне говорили об одном замечательном сборнике простонародных стихов.

---

[1] Конные бандиты.

[2] После алжирских войн Луи Филиппа, закончившихся в 1839 г. вождь восставших арабов Абд-аль-Ка́дер писал письмо во Францию, начальные строки которого неоднократно повторяются французами в середине XIX века: *„я читал ваше письмо и понял его“*.

[3] Эта очень тонкая мысль, проводящая аналогию между Пушкинской прозой и ясностью французского языка XVIII века, не дает все же права сопоставлять русский язык XVIII века с прозой Вольтера и Гельвеция. Источники „шишковской“ прозы совершенно иные нежели основа французского языка энциклопедии. Последний чужд богослужебного обихода, влиявшего на формирование русской прозы, и даже еще более далекая от нас архаика Раблэ имеет sources laïques, т. к. латинский богослужебный язык никак не влиял на художественную и простонародную прозу Франции. Я считаю большой ошибкой передачу „Contes Drolatiques“ на русский язык прозой Толковой Палеи или апокрифа, как то делает Сологуб в переводе Бальзака или в своих тяжеловесных опытах перевода Double Maitresse — Ренье.

Когда Вы поедете *из Чужи в Очизну* [sic!], пришлите мне стихи Ваших крестьян, и не забудьте о пьесе, которую Вы мне обещали [1]. Я прочел „*Евгения Онегина*". Он показался мне несколько растянутым. В нем есть изумительные места, но мне кажется недопустимым частое применение отступлений и скобок. Это все-таки выдумка Рабле, и ей слишком много подражают. В конечном счете верхом гениальности и мастерства мне кажутся „*Цыганы*".

Я очень люблю „*Бориса Годунова*". Чтение этой вещи побудило меня прочитать Карамзина. У нас в Институте имеется лишь французский перевод его сочинений, перевод кажущийся мне очень неинтересным, но ведь, по совести, и сама „История", не стоит лучшего перевода: трудно быть более тяжеловестным, более добротельным и более *common place*, и, даже, быть может, более пошлым. Я говорю лишь о том, что я читал: об эпизоде Димитрия Самозванца.

После этого чтения Ландресс (который просит передать Вам тысячу приветствий), дал мне книгу: „Повествования капитана Маржрета" в первом издании 1607 г., которое это чудовище купило за 15 сантимов (повесьтесь пожалуйста!). Это прямо таки очаровательно! Вам знакомо это повествование?

В Барселоне Вы найдете кое что из книг, я советую Вам обратиться к господину Бофаруль, к которому я кажется дал Вам письмо. В противном случае найдите в Барселоне Хозе Шифрэ (*hijo*) [2]; Вы его уже хорошо знаете, а если еще не познакомились, то идите к нему прямо от моего имени; его дом Вам всякий укажет, но *no te equivoque V*[*uestra Merced*] [3]: не вздумайте обратиться к отцу, так как он уверен, что от меня и не пахнет святостью.

Если вы надумали возвращаться из Барселоны сухим путем (что было бы удобным случаем дать возможность *трабукаирам* [4] отрезать Вам уцелевшие остатки ушей), то мы быть может имели бы случай встретиться где нибудь в Лангедоке, где я буду в течение сентября месяца. Пожалуйста пришлите мне Ваш маршрут по адресу до востребования в Бордо.

Ваши стихи о необычайной растяжимости испанских задниц, обнаруживают Ваш поэтический гений. Попросите пожалуйста у какого-нибудь добро-

---

[1] Постоянно проскальзывают указания Мериме на соприкосновение с большим количеством русских во Франции: „мне *говорили* об одном замечательном сборнике"; „один из моих *русских* друзей"; „мой *русский* приятель ехавший в Веймар", и т. д.

Относительно народных песен и участия в их издании Соболевского ко всему, что уже известно, интересный комментарий дает письмо П. В. Киреевского к Соболевскому из Москвы в Петербург 20 октября 1833 г. (АНХКиб. Фонд Соб. Том V стр. 47): „Вот приятная новость: Максимович купил все собрание ..... (неразборчиво) малороссийских песен № до 800. Таким образом у него теперь в руках уже около 1000! И он к весне хочет их печатать. Следовательно в 1834 году выйдет гораздо больше 2.000 песен великорусских, 1000 малороссийских и еще тома три черноморских, которые Срезневский издает в Харькове". Невыяснено, о какой пьесе идет речь в конце этой фразы.

[2] *Сына.*

[3] *Не ошибись, Ваша Милость.*

[4] Trabucos — сигарный табак. Trabucaïres — контрабандисты.

детельного человека стихи Марии Роза де-Гальвец, если у Вас их еще нет, я говорю об его сонете, *Estabase un largo y colosal carajo* [1] и т. д., и переведите на русский язык для того чтобы просвещать потом Ваших петербургских дам.

Я очень одобряю Ваше пристрастие к живописи Мурильо, но Веласкец мне кажется гораздо более крупным художником. Сознайтесь, свирепый славянин, что в Мурильо Вы любуетесь не столько художником, сколько поэтом. Но ведь необходимо каждому делать свое ремесло. По поводу стихов: я нахожу изумительно поэтическим князя Паскевича, который произнес: „Ваше величество, Венгрия у ваших ног" [2]. Австрийцы чувствуют по отношению к нему, вероятно, ту же признательность, что и к Собесскому [3].

До свидания.—Остерегайтесь некоего маркиза, рыскающего по Рамбла[4] и занятого похвальной профессией *de maqueresso* [sic] [5] в Барселоне. Х[озе] Ш[ифрэ] покажет Вам самые интересные места; — их немного.

Я нашел в сочинениях Пушкина одно из моих писем к вам и часть Пушкинского перевода „Гусли". Я выразил его памяти признательность тем, что перевел „Пиковую даму".

Тысяча дружеских приветствий.

П[роспер] М[ериме]

5-го ноября нового стиля 1849 г. русский консул в Барселоне отметил Соболевского выезжающим на север, а 7-го ноября уже за Пиренеями во французском пограничном городе Перпиньяне он живет четыре дня в ожидании мальпоста на Тулузу. Неизвестно, состоялась ли встреча его с Мериме на юге Франции. После того как 15-го июля 1849 г. в Revue des Deux Mondes появился перевод „Пиковой Дамы", Проспер Мериме в июле, августе и декабре пишет исключительно археологические статьи, главным образом посвященные югу Франции, а довольно длительное пребывание Соболевского в южно-французских городах: пять дней в Перпиньяне, неделя в Тулузе, говорят скорей о том, что друзья действительно встретились, хотя первоначальные предположения Мериме имели в виду только сентябрьскую поездку. Родственница С. А. Соболевского, Екатерина Александровна Булыгина, на основании рассказов своего отца, передавала мне, что Соболевский в Тулузе виделся с Мериме и что туда же приехали мать и дочь Монтихо. Соболевский любил говорить о своей тулузской встрече; в семье Булыгиных он рассказал об одном бале в Тулузе, на котором Евгения появилась в самом простом, без всяких украшений платье, но

---

[1] Не решаюсь дать перевода первой строки этого непристойного сонета.

[2] Речь идет об интервенции Николая I в Венгрию для подавления русскими войсками Революции 1848 года.

[3] Ян Собесский с польскими войсками спас Вену, осажденную турками в 1683 году, когда султан послал на ее осаду Кара Мустафу с 200.000 войском.

[4] *Rambla* — собственно значит „пески", так называется часть города в Барселоне.

[5] Сводник.

брильянты буквально усыпали ее обувь. Тот же рассказ повторяет на страницах „Русского Вестника“ *Ольга N*, т.-е. Софья Владимировна Энгельгард, рожд. Новосильцова, указывающая на то, что как в Мадриде, так и в Тулузе Соболевский не переставал быть chevalier servant Евгении, несмотря на то, что был вдвое старше ее.

Приведенное письмо для нас интересно во многих отношениях: оно показывает нам, что великий мастер эпистолярного искусства оценивает свои письма, как художественную прозу, и полушутя заявляет, что боится за их утрату. В этом отношении *Новый Вольтер*, как назвали французы Проспера Мериме, не преувеличивает значения своих писем, они не только чрезвычайно важны для его биографии, они не только рельефно и выпукло обрисовывают эпоху, но являются, так же как и все его творчество, интересным этапом победоносной борьбы за стиль, которую начертал на своем знамени этот „черный рыцарь романтизма“, как его называет Георг Брандес, рыцарь, явившийся на международный пестрый турнир романтической литературы в строгом черном облачении ясного стиля, своих реалистических простых и четких повестей.

Сквозь политическое безразличие и беспринципность Проспера Мериме проглядывает детская тревога по поводу того, что вновь появившееся племя социалистов (которых к его ужасу по непонятным для него причинам не чуждается и президент французской республики, принц Бонапарт), рано или поздно может разрушить академию, и что же делать ему, как не принять на себя поэтический облик нищего в южно-испанском местечке Эсихе при таких горестных обстоятельствах! Это письмо говорит нам также о том, что автор в достаточной степени овладел русским языком, хотя в первом издании своего перевода „Пиковой Дамы“ наделал ошибок, которые впоследствии исправил. Соболевский писал ему частью или сплошь по-русски, и, как видно из этого письма, Мериме совершенно свободно разобрался вторично не только в русском языке, но и в ужасном, поистине ужасном, почерке С. А. Соболевского. Восхищающие Проспера Мериме четкость и простота французского стиля XVIII века, которую он с радостью открывает в Пушкине, роднит его со Стендалем. Стендаль восхищался простотой языка Гельвеция, а когда писал свои романы, то охотно настраивал себя утренним чтением простых и отчетливых формулировок наполеоновского гражданского кодекса. Отсюда искреннее восхищение Проспера Мериме пленительной простотою Пушкинской речи и отсюда же честное и правильное отрицание напыщено-сентиментального и фальшивого тона карамзинской истории. Я не говорю уже о той необыкновенной ценности, которую дает нам это письмо, вводящее нас в эмоциональную глубь этой до сих пор непонятной дружбы: оказывается, несмотря на малочисленность дошедших до нас писем, эта дружба была гораздо более глубоким явлением, чем то могло показаться по первоначальным биографическим намекам, сохранившим нам известие о существовании этой доселе считавшейся утраченной переписки. Эти два десятка только что найденных и впервые публикуемых писем по тону и характеру гораздо быть может

дружественнее, чем сухие политические рапорты, даваемые нам двухтомной публикацией ста девяноста семи писем Проспера Мериме к библиотекарю Британского Музея Антонию Паницци.

Соболевский был чрезвычайно осторожным и благородным другом Пушкина и, если он поставил Мериме на Пушкинский путь, то это обусловлено было тем, что слишком многое роднило Соболевского с Мериме, а первоначальная дружба, начавшаяся в 1829 г., дружба, овеянная для Соболевского венком Пушкинской музы, заставившая его согласно с Пушкиным отрицательно отнестись к романтическому пафосу Виктора Гюго, эта дружба совпала с одинаковостью взглядов на судьбу французской литературы в период расслоения романтизма. И если Соболевский впоследствии строит свое повествование о *„Таинственных приметах в жизни Пушкина“* по типу романтической новеллы, то Мериме берет все более и более сторону реалистической простоты Пушкинского творчества в противовес Виктору Гюго. Как увидим далее, борьба за стиль оторвала Мериме от французских идей каких бы то ни было: она сделала его четким реалистом повествования, но опустошила идейное и общественное содержание его творчества, в то время как Виктор Гюго, ставший его активным противником, презрительно относился к политическому безразличию Проспера Мериме и вмешался в гущу парижских событий накануне государственного переворота 2 декабря 1852 г.

Перейдем к событиям, непосредственно примыкающим к этой дате. Банкеты подготовили общественное мнение Франции к неизбежности свержения Луи-Филиппа *, последовавшего 24 февраля 1848 г.; и если в революции 1830 г. парижская буржуазия руками парижских рабочих свергла Карла X для того, чтобы следом немедленно оттеснить четвертое сословие, закрепить за собою выгоды, привилегии и власть, то в событиях Второй Республики недовольство рабочей массы играло гораздо большую роль нежели за восемнадцать лет перед тем. Французский пролетариат научился создавать свою идеологию, и значительная часть французских революционеров 48 г. пронесла без потери свой революционный пафос и свою политическую энергию. Виктор Гюго был в первых рядах революционеров этого времени, а банкеты парижской интеллигенции времени Второй Республики говорят нам о том, что общественное мнение Франции было довольно единодушно. Но вот литературная рознь двух птенцов романтического гнезда повлекла к тому, что холодное равнодушие Мериме встречало своеобразный отклик Виктора Гюго, платившего ему горячей и убежденной ненавистью. К этому присоединилось второстепенное по смыслу идейного воздействия, но значительное по личному и биографическому влиянию обстоятельство, именно то, что Евгения Монтихо из незначительной и эксцентричной испанской девушки превратилась к неожиданному удивлению всех, не исключая Мериме, в императрицу Франции, пожелавшую при своем очень слабом и огра-

---

* Луи-Филипп, видя свое дело проигранным, бежал в Англию и остаток своих дней провел в педагогической деятельности: он давал уроки французского языка в Лондоне.

ниченном уме играть политическую роль и игравшую эту роль довольно позорно.

С ноября 1849 г. и до середины марта 1850 г. Соболевский почти безвыездно живет в Париже. Этот период мне кажется временем полного расцвета дружбы Мериме с Соболевским. Мериме называет Соболевского своим „великим учителем", восхищается им, и однажды, 1 января 1850 г. пишет * своему приятелю, библиотекарю Института, Клерк-Ландрессу:

„Боярин Соболевский, который является слишком важной персоной, чтобы ему самому взяться за перо, приказал мне сообщить Вам, что он будет в полном восторге пировать с Вами пулярдой à la Périgueux, у братьев Провансо в четверг, в 6 часов. Если вы не в состоянии быть в это время, на вашей обязанности лежит самому указать ему удобный день, лишь бы только не в среду.

Весь ваш *П. Мериме*

Поздравляю Вас с Новым Годом".

Без писем самого Соболевского к Просперу Мериме наше суждение о характере их отношений в ту пору, конечно, должно являться формой односторонней догадки. С этой оговоркой я берусь высказать свои предположения относительно четырех месяцев, проведенных Соболевским в Париже Второй Республики. Припомним канву событий для того, чтобы не впасть в ошибку П. А. Вяземского, упрекавшего Соболевского в том, что он вмешался в события Июльской Революции 1830 г. и якобы получил ранения, после чего говорили даже о смерти Соболевского. Как мы помним, Соболевский выехал из Парижа на Север еще 10-го апреля 1830 г. и следовательно никакого участия активного или пассивного в июльской бойне принимать не мог. Московская легенда приписывает Соболевскому *почти* бонапартизм, а между тем его первое политическое крещение, данное Кюхельбехером, последующая помощь Мицкевичу в наиболее трудное для последнего, время зимой 1848 г., то обстоятельство, что он, даже много спустя: в 1862, 1863 гг. не мог получить никакого назначения на должности (документы архива свидетельствуют о том, что он предполагал устроиться через М. А. Корфа в Комитет по Делам Печати),—все это говорит о том, что, если он вообще не имел никакой политической активности, то во всяком случае нет никаких оснований утверждать, что он был участником подготовки крушения Второй Республики. Еще менее можно предполагать, что он заискивал перед семьей Монтихо, в ожидании того, что эта семья станет играть роль в политике. Даже, когда его поездка кончилась возвращением в Россию в 1851 г., он не был еще осведомлен о том, что замыслы красавицы Евгении метят так высоко, а что касается самого Шарля-Луи Бонапарта, то Соболевский не уступал в зубоскальстве

---

* Prosper Mérimée „Lettres Inédites" (L'Ouvrage a été privately printed strictement à 42 exemplaires). Одно из редчайших изданий Мериме: письма, выпущенные в книжке 1900 г., напечатанной в количестве сорока двух экземпляров, p. 214.

по его адресу С. П. Шевыреву, который с удовольствием рассказывает ему в письме из Рима, как некий испанец прибил сына Гортензии за некое галантное покушение [1].

Иное дело, когда речь заходит о Мериме. Совершенно безразличный к вопросам культа, полный и чистый атеист, не знавший в семье никакого религиозного гнета, не испытавший даже в младенчестве поливки водою католического крещения, Мериме с таким же безразличием относился к политике вообще. Это безразличие было почвой, на которой выросла его собственная индифферентность в вопросе о достоинстве своей политической карьеры. Неожиданное для него самого сенаторство он нес без всякого энтузиазма. Он его не добивался. Но он и вообще ничего не добивался и не нес никакого идейного багажа, когда судьба выдвинула его внезапно в качестве литературного украшения гостиных Сен-Клу, Фонтенебло и Тюльери. Паркеты и ковры Елисейского дворца не знали его униженных поклонов. Он был просто своим человеком в семье той авантюристки-красавицы, которую в детстве он спасал от строгой гувернантки, и матери которой он был обязан своими испанскими сюжетами и поощрением борьбы за стиль. Когда Евгения спросила его однажды, как понравилась ему напыщенная речь Наполеона III, ее мужа, он на ее испанский вопрос ответил по-испански: Muy necessario [2]. Такой ответ вряд ли можно назвать политической лестью. Он даже совсем не звучит похвалою, но он очень умен, и при всей своей краткости весьма выразителен. Хуже дело обстоит, когда мы начнем оценивать Мериме, как светского человека. Здесь его безразличие доходит до неразборчивости, которую никак нельзя оправдать спокойной позицией борьбы за стиль, „мастерство ради мастерства": здесь есть некоторый артистический цинизм, здесь есть уже элементы той классической и ясной замороженности, человеческих свойств, которая величайшего мастера слова, Флобера, превратила в прекрасную, но мертвую мраморную статую.

Политические горизонты Франции были очень туманны, а президент Бонапарт старался еще более их затуманить, его заботы сводились главным образом к тому, чтобы комбинациями избирательных законов восстановить широкое общественное мнение Франции против Палаты Депутатов. Рожденный в 1808 г. Гортензией Богарнэ, он с детства нес на себе печать подозрения в законности своего рождения от брата Наполеона I голландского короля Луи Бонапарта, так как Гортензия почти не жила с мужем. Через три года после рождения первого сына у королевы Гортензии от ее собственного шталмейстера Флаго родился второй сын, которого уж прямо не знали куда девать, и если первый был почти насильно усыновлен Людовиком, то второму дали фамилию графа Морни. Граф Морни сделался впоследствии министром внутренних дел в правительстве своего брата принца-президента. Это был крупный авантюрист и весьма талантливый негодяй. На почве знакомства с ним произо-

[1] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского. Том I стр. 41. „Князь Louis Бонапартъ, сынъ Гортензіи, у которой я былъ два раза, осрамился и попалъ подъ розги одного ревниваго испанца, женѣ котораго онъ строилъ куры".

[2] Повидимому необходима.

шел однажды едкий разговор Виктора Гюго с Мериме, ценившим таланты Морни. Будущий французский император принужден был вести скитальческий образ жизни без права въезда во Францию, он пишет сочинения на военные темы и даже участвует в революционных кружках Италии. После Страсбургской неудачи 1836 г., когда полк Водрэ провозгласил его императором, арестованный Бонапарт был выслан в Америку, но, вернувшись в Европу через год, он был в силу дипломатического давления Луи Филиппа выслан с континента в Англию, откуда в 1840 г. пытался высадиться в Булони, но был арестован и приговорен к пожизненному заключению в крепости Гамм, где он провел шесть лет. Переодевшись рабочим, с доской на плече, он вышел мимо часовых, и скрывшись вскоре благополучно бежал в Англию. После отречения Луи Филиппа 24 февраля 1848 г. и провозглашения Республики он сделал новую попытку проникнуть в Париж, но был удален временным правительством, хотя объявил себя ярым республиканцем. Какова же должна быть слепота вождей Второй Республики, не имевших кстати сказать никакой программы и немедленно испугавшихся призрака социалистического переворота, чтобы 10 декабря 1848 г. избрать президентом этого типичного авантюриста и захватчика, который немедленно стал готовить государственный удар. Он довольно быстро начал увольнять республиканских генералов, запрещавших инспирированные бонапартистами возгласы в войсках во время смотров. А в мае 1852 г., когда истекал срок президентских полномочий, уже было сделано дело, описанное Виктором Гюго как „история одного преступления".

В такой обстановке среди подготовки этих событий друзья встретились в Париже. На подобие банкетов, вошедших в моду в 1848 г. и здесь повидимому имели место политические банкеты, в которых принимали участие Мериме и Соболевский вместе. Но темы разговоров и поводы для встреч, судя по дошедшей до нас переписке, были совершенно не политического свойства. Самое раннее письмо, которое мы находим в архиве Соболевского за этот период, очевидно падает на 18 декабря 1849 года. Приехав в Париж, Соболевский сохранил весь энтузиазм своих библиофильских поисков. В 1847 г. Мериме рецензировал в Revue de Deux Mondes 1 марта книгу: „Дворец Мазарини", написанную его другом, другом семьи Монтихо, Леоном Лабордом.

Граф Леон Эмануэль Симон Жозеф де Лаборд, сын знаменитого французского археолога Александра Лаборда, давшего замечательные описания Испании, автора „Путешествия в скалистую Аравию", сопровождавший своего отца в поездках по Африке, а и после смерти отца в 1842 г., продолжавший его работы, родился в 1807 г. и умер в 1869 г. В то время он был членом Института, а в 1856 г. сделался первым директором всех архивов Франции. Его перу принадлежит замечательная история книгопечатания. В архиве Соболевского его письмо 18 декабря 1849 г. ошибочно помечено: „*Александр Лаборд*". Как можно видеть из сопоставления дат, Александр Лаборд умер за семь лет перед тем.

Из этих двух писем, которые я сейчас приведу, явствует, что Соболевский обратился к Леону Лаборду непосредственно, и лишь не получая ответа

счел необходимым прибегнуть к посредничеству Проспера Мериме. Привожу оба письма:

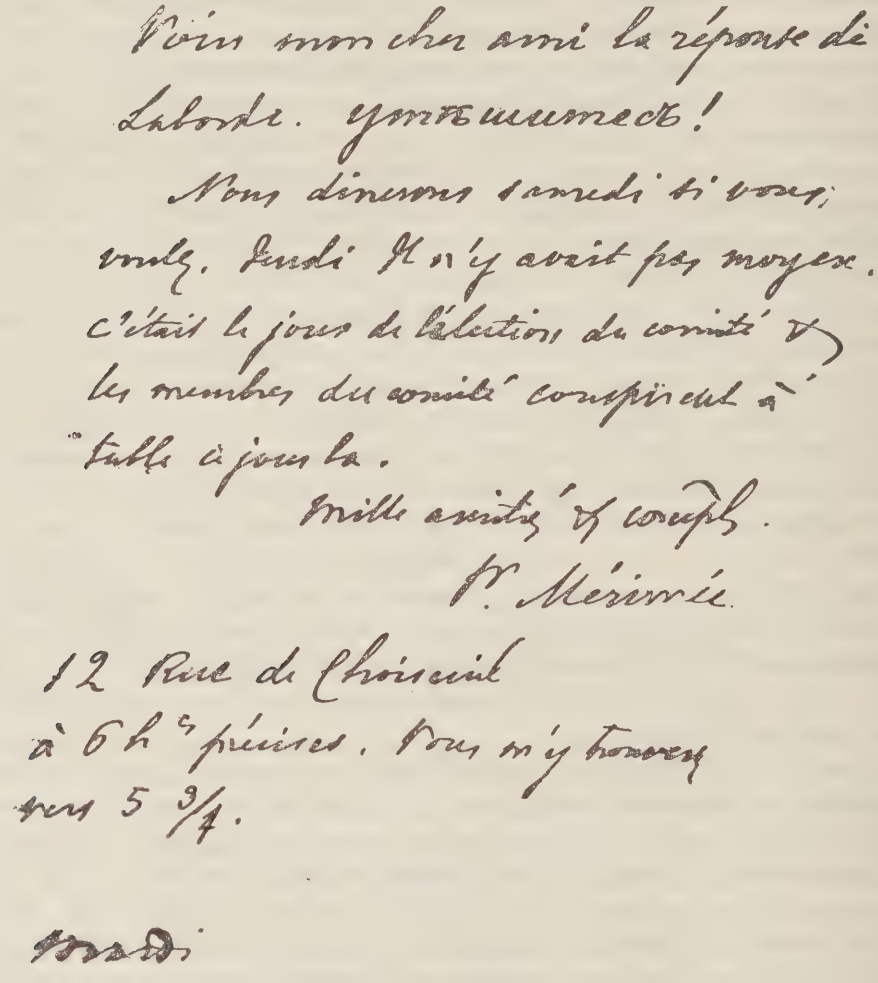
III

Voici mon cher ami la réponse de Laborde, *утѣшитесь*! Nous dinerons samedi si vous voulez. Jeudi il n'y avait pas moyen. C'était le jour de l'élection du comité et les membres du comité conspirent à table ce jour la.

Mille amitiés et compliments.

P. Merimée

12 Rue de Choiseuil à 6-hr précises.
Vous m'y trouverez vers 5¾. Mardi.



III

„Вот, мой дорогой друг, ответ Лаборда. *Утѣшитесь.*

Если Вы хотите, мы пообедаем вместе в субботу. В четверг это было невозможно: был день выборов комитета, а члены комитета в этот день

Paris 31 Août, jour de
la réception de l'honorée votre datée de Grenade [illegible].

Je me doutais bien, mon cher ami, que vous étiez acoquiné auprès de quelque andalouse, et je n'étais guère en peine de vous. Mais votre lettre m'inquiète, et votre voyage équestre à Valence me fait appréhender pour vous les aventures les plus poétiques, je veux dire des remontées de caballeritos qui vous couperont les oreilles d'abord et la gorge par dessus le marché. Je ne sais s'il est prudent de vous écrire, car je crains que ma prose ne soit perdue. J'écris à tout hasard pour vous ou pour vos mânes. Vous avez raison de dire qu'on a gâté l'Espagne par l'introduction des chapeaux et l'expulsion des moines. Je vois que vous avez le goût bon puisque vous aimez la [illegible]. Elle est adorable en Andalousie et a des manières excellentes. Je pense à me faire mendiant à Ecija lorsque les Socialistes auront détruit l'Académie. J'ai lu la fin ([illegible]) de votre lettre et l'ai comprise. C'est ainsi que commence une lettre arabe, mais le plus difficile a été de déchiffrer vos augustes caractères que vous n'avez guère perlés à mon intention. Vous faites vos u vos n vos m et vos m si parfaitement semblables que si je n'étais un véritable Oedipe, je ne m'en tirerais pas très. Comment se fait-il qu'avec votre expérience vous écrivez encore ainsi.

réclames de Journaux? comment avez vous pu supposer que j'écrirais sur Pouchkine autrement que sous votre dictée. Non, j'ai traduit tout bonnement une nouvelle de P. Пиковая Дама. Elle a plu ce me semble. Je trouve que la phrase de P. est toute française, j'entends française du XVIIIe siècle, car on n'écrit plus simplement aujour-d'hui. Je me demande quelquefois si vous autres Бояре vous ne pensez pas en Français avant d'écrire en Russe? Y a-t-il quelque livre écrit en Russe avant qu'on ne sut le Français? On me parle d'un recueil de Poésies populaires très remarquables. Quand vous serez изъ Чужихъ въ Отечествѣ envoyez moi donc des vers de Moujiks, sans oublier cette pièce que vous m'avez promise. J'ai lu Eugène Oniéguine qui me semble un peu long. Il y a des passages admirables, mais je ne puis admettre les parenthèses continuelles. C'est une invention de Rabelais trop imitée. Les Цыганы me paraissent après tout le chef d'œuvre. J'aime beaucoup Boris Godounof. Cela m'a donné envie de lire Karamzin. Nous n'en avons qu'une traduction française à l'Institut, traduction qui me paraît piètre, mais l'histoire ne vaut guères mieux à mon sens. Il me semble difficile d'être plus lourd, plus vertueux, plus common place & plus médiocre. Je ne parle que de ce que j'ai lu. L'épisode du faux Démétr

Après cela, Lembrefe (qui vous dit mille choses) me donne la relation du capitaine Margeret, édition originale, 1607, qu'il a achetée 15 centimes; pendez vous! C'est tout bonnement charmant. Le connaissez vous? Vous trouverez des bouquins à Barcelone, et je vous engage à vous adresser à M^r. Bofarull, pour qui vous avez je crois une lettre de moi. Sinon vous trouverez José Oliver (hijo) à Barcelone, qui bien vous connaissez; sinon, allez le voir de ma part; tout le monde vous indiquera sa maison, mais, pas de équivoque V. ne vous adressez pas au père, auprès de qui je ne suis pas en odeur de sainteté. Si vous revenez de Barcelone <u>par terre</u> (ce serait une bonne occasion de vous faire couper par les trabucaires ce qui pourrait vous rester d'oreille) nous pourrions peut-être nous rencontrer quelque part dans le Languedoc où je serai pendant le mois de 7bre. Donnez moi votre itinéraire à Bordeaux, poste restante. = Vos vers sur les pouvoirs élastiques des culs espagnols révèlent un génie poëtique. Demandez à quelque homme vertueux les vers de Maria Rosa de Galvez, si vous ne les avez déjà, le pièce de son sonnet: Estabase un largo y colosal carajo &c Et traduisez le en Russe, pour l'édification des dames de S^t. Petersbourg. Je vous approuve d'aimer Murillo, mais Velazquez est son Roi, (les gens

peintre à mon avis. Remarquez, Slave farouche, que ce n'est pas le peintre que vous admirez dans Murillo, mais le poète. Or il faut que chacun fasse son métier. A propos de poésie je trouve le Prince Paskévitch fort poétique : "Sire, la Hongrie est à vos pieds." Les Autrichiens lui ont la même reconnaissance qu'ils montrèrent à Sobieski. Infor-mez vous d'une marquise qui rôde sur la rambla et exerce la louable

Al Sr. don Sergio Sobolewski
Barcelona
Espagne

profession de maquerelle à Barcelone. S. L. vous indiquera ce qu'il exige de mieux. C'est peu de chose. J'ai trouvé dans les œuvres de Pouschkine une lettre de moi à vous et une partie de la Guzla traduite. Je lui ai rendu la politesse en traduisant la Dame de Pique. Mille amitiés et compliments.

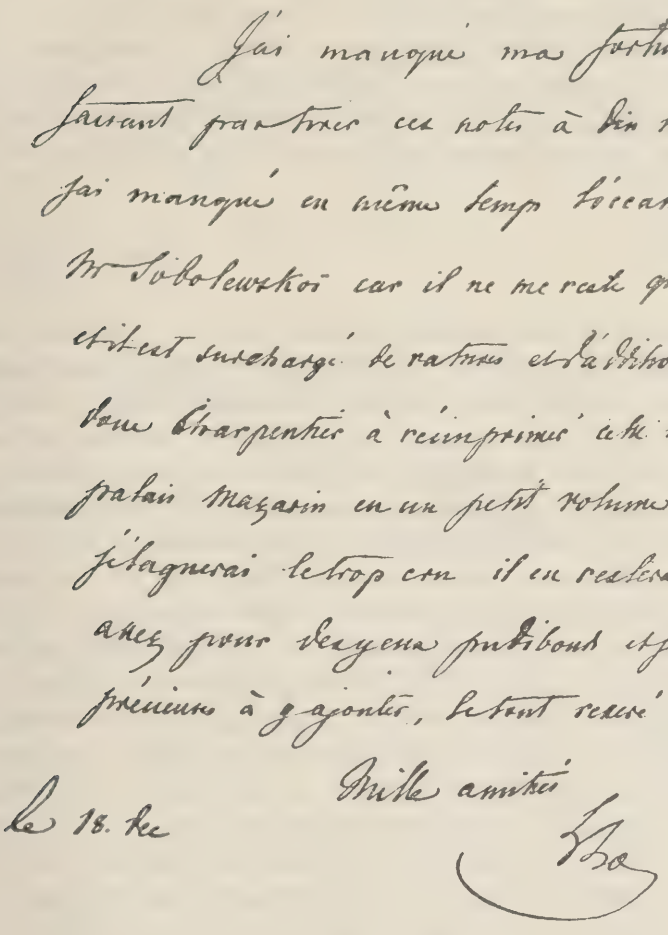
Pr. M.

имеют обыкновение сговариваться друг с другом, устраивая совещания за одним столом.

Тысяча дружеских приветствий. *П. Мериме.*

Улица Шуазель, № 12, ровно в 6 часов. Вы найдете меня там около 5¾ час. Вторник".

К этому сообщению приложена записка Л. Лаборда:



IV

Mardi.

J'ai manqué ma fortune en ne faisant pas tirer ces notes à dix mille exemplaires j'ai manqué en même temps l'occasion d'obliger Mr. Sobolewskoï car il ne me reste que mon exemplaire et il est surchargé de ratures et d'additions. Engagez donc Charpentier à réimprimer cette description du palais Mazarin en un petit volume de sa collection, j'éloignerai le trop cru il en restera encore bien assez pour des yeux pudibonds et j'ai des additions précieuses à y ajouter, le tout resseré dans un volume

Mille amitiés

L. Laborde

Le 18 dec.

IV

Я упустил целое состояние, не догадавшись выпустить эти заметки в количестве десяти тысяч экземпляров, в то же время я упускаю случай оказать любезность господину Соболевскому, так как у меня остается лишь собственный единственный экземпляр, испещренный помарками и вычислениями. Попробуйте уговорить Шарпантье перепечатать это описание дворца Мазарини в виде маленького томика, входящего в серию его изданий; я выброшу оттуда самые острые места и в книге останется еще вполне достаточный материал для самых целомудренных глаз. К тому же я имею добавить драгоценные расчеты, и все это будет заключено в один томик. Тысяча приветствий.

18 декабря.

Л[еон] Лаборд

Указывая на то, что Соболевский потерпел неудачу в своих библиофильских поисках, это письмо своим тоном еще раз подчеркивает характер отношений Мериме к Соболевскому: родство характеров в них было поразительно. Прочитав всю, какая только опубликована доныне, переписку Проспера Мериме, я не нахожу никакой аналогии этим отношениям, этой шутливости, этим сердечным ноткам, которые вообще так мало свойственны языку и стилю, но не внутреннему характеру Мериме. За редкими случайными исключениями, Мериме никого кроме Соболевского не называет такими дружескими именами. Подтверждение этому мы найдем в дальнейшем. Я склонен усматривать в этом способность Соболевского пробуждать чувства горячей дружбы, так как он сам еще в очень молодых годах в элегических стихах сознательно воспевал дружбу, как самое лучшее, что только дано человеку, так и в последующие годы он доказал широкими и благородными жестами не на показ, как он высоко ценит, глубоко понимает и органически ощущает потребность и уменье дружбы. Это действительно был гений и талант дружеского общения, вот почему его любили люди пушкинского закала. Письма к Соболевскому, заключенные в его архиве, показывают, что этот железный характер, своеобразный ум, человек поставленный с самого начала в ложное положение мещанскими предрассудками окружавшей его среды, потерпевший неудачи в искании семейного счастья (он сватался к А. И. Трубецкой, после первого приезда из за-границы, и сватался к Елизавете Сергеевне Неклюдовой после возвращения из третьего путешествия),—этот человек, будучи автором сильных и метких эпиграмм, был тем не менее очень отзывчив на зов дружбы. Здесь не место приводить всего огромного запаса сведений о проявлении этого свойства Соболевского.

Переписываясь за это время с Кутузовыми, Ланскими, Полторацким, Генрихом Ржевуским, библиофилом маркизом Сесоль, считавшим себя учеником и библиографическим последователем Соболевского, с членом Института Жомаром, Соболевский участвует в литературных собраниях,

бывших в „художественном кружке", собиравшемся в доме № 12 на улице Шуазель *.

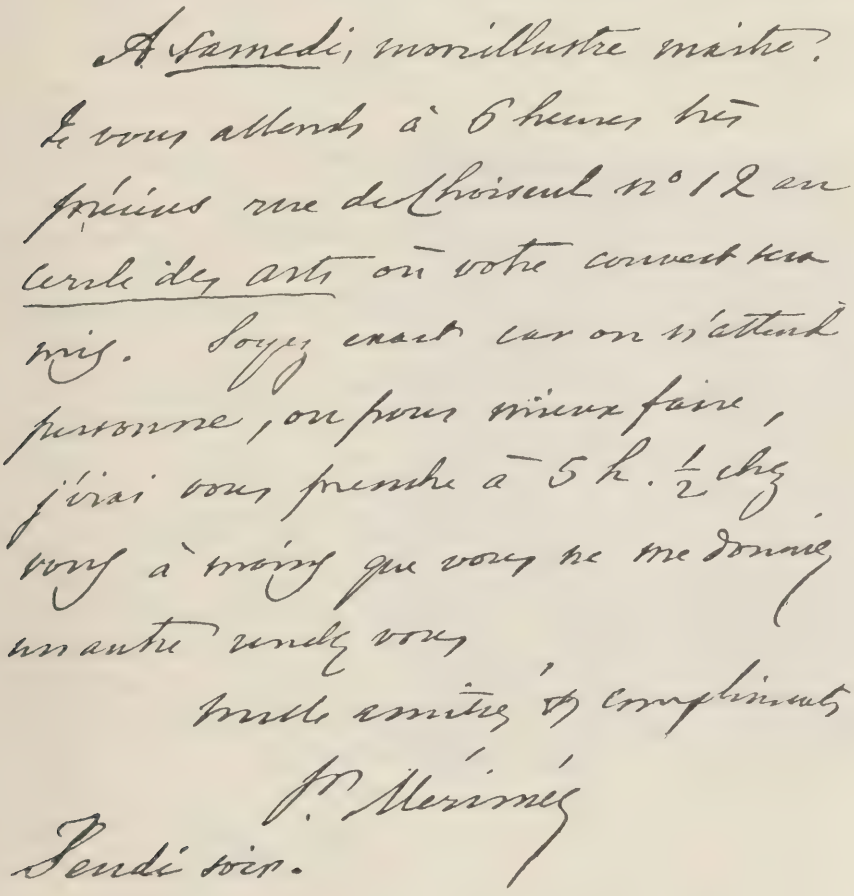
Об одном из таких собраний говорит только что приведенное письмо. Следующее письмо с еще большей ясностью говорит о том, что Мериме был инициатором введения Соболевского в этот кружок.

V

A samedi, mon illustre maître.
Je vous attends à 6 heures très précises rue de Choiseul № 12 en Cercle des Arts où votre couvert sera mis.
Soyez exact car on n'attend personne, ou pour mieux faire, j'irai vous prendre à 5 h. 1/2 chez vous à moins que vous ne me donniez un autre rendez-vous.
Mille amitiés et compliments

Ieudi soir.

Pr. Mérimée



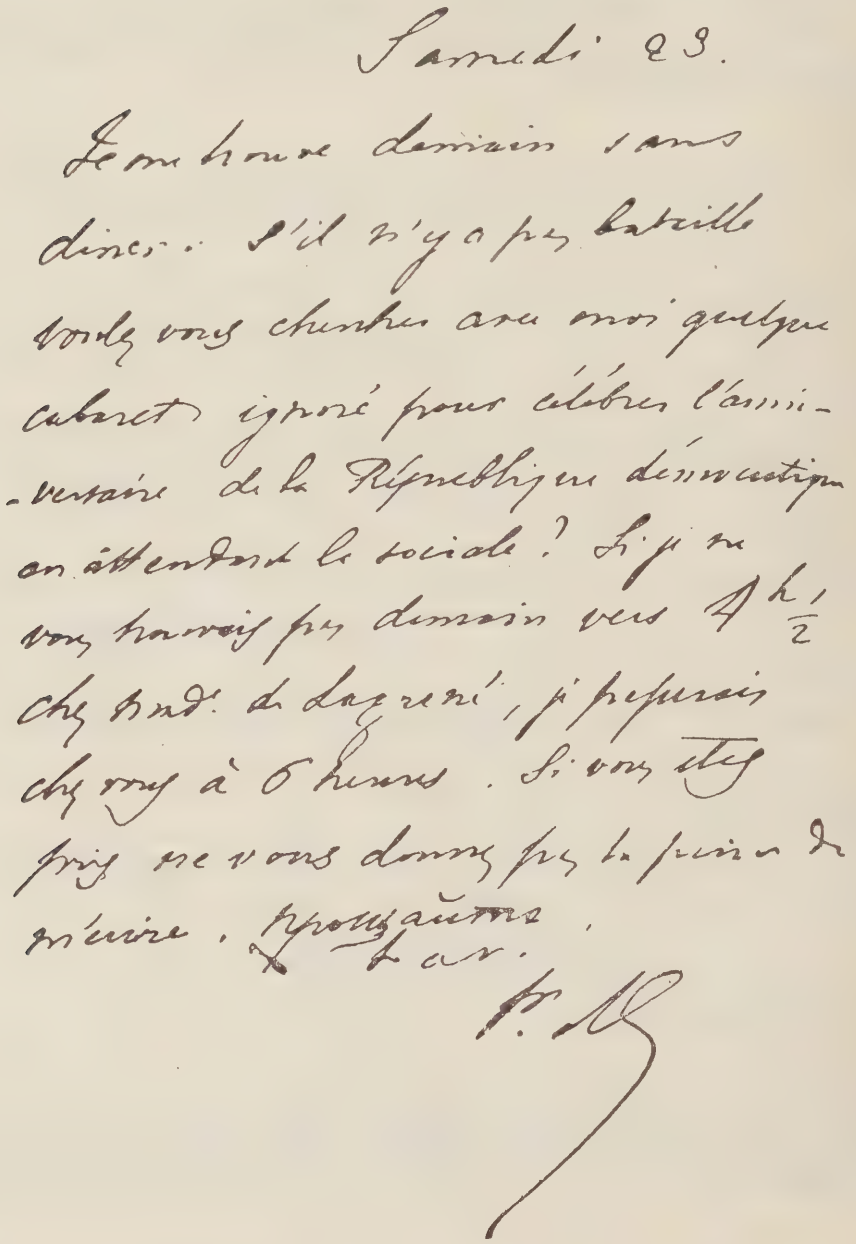
* О характере этого литературного кружка на улице Choiseul ни автор этой книги ни гораздо более компетентный меримеист, проф. P. Trahard, до сих пор не получили ни каких сведений.

V

„До субботы, мой Прославленный Наставник. Я буду ждать Вас ровно к шести часам на улице Шуазель в доме № 12 в Художественном Кружке, там будет накрыт и Ваш прибор. Будьте точны, там не станут ждать никого; а лучше всего я сам за вами зайду в $5^{1}/_{2}$ часов, если впрочем Вы мне не назначите другого места для встречи. Тысяча дружеских приветствий.

Четверг. Вечер. *Пр. Мериме*

Это, V письмо не датировано; я отношу его на конец декабря 1849 г.



Следующее письмо, также не датированное, падает уже несомненно на 1850 г.

VI

Samedi 23.

Je me trouve demain sans dîner. S'il n'y a pas bataille voulez vous chercher avec moi quelque cabaret ignoré pour célébrer l'anniversaire de la République démocratique en attendant le sociale? Si je ne vous trouvais pas demain vers 4 h $^1/_2$ chez Mad. de Lagréné, je passerais chez vous à 6 heurs. Si vous êtes pris ne vous donnez pas la peine de m'écrire. *Прощайте.*

t. a. v. *P-r M[érimée]*

VI

Суббота 23.

„Оказывается, что завтра я остаюсь без обеда. Если не будет бойни на улицах, то быть может Вы захотите отправиться вместе со мной на поиски какого нибудь секретного кабачка, для того чтобы отпраздновать вместе годовщину демократической республики в ожидании республики социалистической.

Если я не застану Вас завтра около $4^1/_2$ часов у мадам де Лагренэ, я сам к Вам приду в 6 часов. Если Вы будете заняты, не трудитесь мне писать об этом. *Прощайте.*

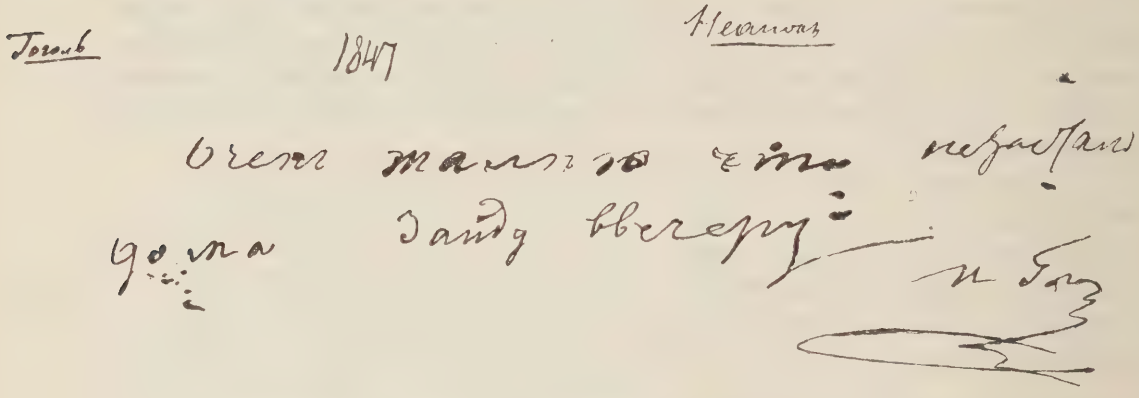
Весь Ваш *Пр. М[ериме]*"

В. И. Дубенская - Лагренэ

Не буду коментировать шутливого тона этого письма. Он в достаточной степени ясен. Приглашение позволяет с точностью датировать это письмо: оно написано в канун воскресенья, приходившегося на 24 февраля 1850 г., т.-е. в годовщину отречения Луи Филиппа. Это письмо интересно для нас, как момент документального установления дружеской связи двух преподавателей Проспера Мериме, Соболевского и его соотечественницы В. И. Дубенской-Лагренэ, у которой происходили очевидно частые встречи Соболевского и Мериме. Архив Соболевского сберег нам визитные карточки Теодоза Лагренэ, оставившего к тому времени дипломатическую карьеру, презиравшего Луи Бонапарта

и бывшего в то время депутатом палаты, что и обозначено под его фамилией на визитной карточке [1].

Семья Лагренэ тщательно сберегла восемьдесят девять писем Проспера Мериме, главным образом Варваре Ивановне и ее дочери Ольге, но к сожалению эти письма напечатаны только для членов семьи. Чтобы познакомить русского читателя с наиболее интересной частью этой переписки, я уже позволил себе однажды привести из нее русские письма Мериме. В дальнейшем необходимы еще примеры этих опытов Мериме, который в присутствии двух преподавателей захотел испробовать свои силы в писании коротких и длинных писем на русском языке. Двоюродный брат В. И. Дубенской-Лагренэ,—Погожев во время второго пребывания Соболевского в Париже присылал последнему Гоголя, прося вернуть книги поскорее, так как они нужны его кузине. Во время этой поездки перед третьим приездом в Париж Соболевский виделся с Гоголем в Неаполе, о чем свидетельствует следующая записка [2].



Соболевский привез в Париж живые впечатления от Гоголя. Это имя пользовалось теперь огромной известностью и несомненно Гоголь стал темой собеседований Соболевского и Мериме, несомненно также, что в течение последующих месяцев Мериме деятельно читает уже свой собственный экземпляр „Мертвых Душ“, а в ноябре 1851 г., т.-е. через восемь месяцев после возвращения Соболевского из за-границы, во второй книжке № 11 Revue de Deux Mondes появляется статья Мериме под названием „Николай Гоголь“.

---

[1] Том XI стр. 102: *M-r de Lagrené Représantant du Peuple, 7, rue de Las-Cases.*

[2] Том XI, стр. 32.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мериме в лихорадке русских увлечений.—Мериме и В. И. Лагренэ-Дубенская.—Лев Пушкин и Мериме.—Письмо Мериме к Пушкину.—Париж накануне Второй Империи.—Полный разрыв Мериме и Гюго

В 1850 году Мериме с увлечением продолжает работу, на которую его натолкнула находка Ландресса. Прочитав Маржрета, он начинает деятельно изучать литературу о смутном времени и очевидно овладевает материалами не без помощи Соболевского, который не только Проспера Мериме, но и Гайянгоса вовлек в розыски старинных сказаний европейских писателей о России. В одном из своих писем испанский ориенталист, ученик величайшего арабиста Сильвестра де-Саси, Паскуале Гайянгос, довольно точно воспроизводит славянскую графику, сообщая Соболевскому о своей находке Нюренбергского издания XVII века, о русских событиях в том числе и о „Степане Разине Донском Казаке". Несомненно, что огромная глубина библиографической осведомленности, а также исключительная начитанность Соболевского были использованы его другом за это время в Париже. Мериме любил библиофилов, но сам библиофилом не был, хотя ему нравилось слушать споры книголюбов, собиравшихся у него в присутствии Соболевского неоднократно *.

Письма всегда свидетельствуют о несомненном общении, но не будет большой смелостью предположить, что письма, написанные зачастую просто в силу случайной невозможности сообщить что либо устно, да и письма, вообще, покрывают собою только ничтожную часть дружеского общения, и поэтому не будет большим грехом, если мы поднимем завесу над биографией Мериме и Соболевского несколько больше, чем то позволяют сделать эти письма. Отсутствие писем у друзей обычно совпадает со временем каждодневных свиданий или совместной жизни, которую не легко воссоздать даже при наличии литературного наследия писателя. В нашем случае дело осложняется еще тем, что Соболевский ничего не создал в литературе. Это не значит, что он ничем не обладал. Натуры исключительно рецептивные могут, не продуцируя, обладать культурными и эстетическими накоплениями. Тогда талант отбора и вкуса сказывается в искусстве жизненного общения, расцветая цветами иногда более яркими, нежели произведения литературы. Не малая заслуга и в этом, особенно если результаты так значительны. Вскрыть эти явления, засыпанные пеплом времени и порослями психологии новой эпохи, чрезвычайно трудно. По

* Мериме обладал редчайшим собранием *erotica*. См. Filon „Mérimée et ses amis", p. 262: „*Elles ont tout vu*".

мелочам надо воссоздавать перед глазами: одну за другой пять комнат Проспера Мериме, прохладную тишину его парижского кабинета на Лилльской улице и двух друзей, сидящих на широкой оттоманке, с маленькими чашками желто-зеленого индийского чая в руках, подаваемого старой Софией; их беседы, замкнуто эстетический или гривуазный характер которых не поддается описанию, их посещения парижских ridotto, в которых впервые возникли за игрою в карты их разговоры о „Пиковой Даме“.

Точки соприкосновения и взаимная поддержка интересов за этот год, связывавшая друзей, мною определены на основании документов. Интересно здесь сопоставить два момента перекрещивания экзотизма у Мериме: когда он пишет Соболевскому о русских темах, которые он желал бы сохранить втайне, он пользуется испанским языком, которым прекрасно владел Соболевский *, когда же он касается каких нибудь испанских секретов, то он прибегает к неменее экзотическому средству, он пишет Соболевскому по-русски. Вот одно из писем, дошедших до нас из числа русских опытов Мериме, доселе неизвестных.

V

Любезный другъ, хотите ли
выправится отъ вашемъ другомъ
Гаванискимъ еслибъ сынъ Мадами
Merlin женился въ Гаванѣ. Мнѣ
говорютъ что онъ вышелъ за мужъ
съ какоей-то дѣвочкѣ очень богатой
изъ Куби. Я желаю гораздо знять
то правда ли. Кажется онъ осталъ
тамъ какою нибудь влюбленную
красавицу, и она ожидаетъ съ
большою тоскѣ эту повость для
самоубійства. Прощайте.
Марта 15, 1850 года.

* Иван Григорьевич Вилламов, дававший немало ученых советов подростку Соболевскому, писал ему 30 августа 1813 г. из Дерпта: „Ну что за охота изучать испанский язык? Неужели ты для того учишься, чтоб Донкишота в оригинале читать? Не трудись он и на французском языке прекрасен“. Соболевскому было в ту пору пятнадцать лет.

Мы уже говорили об этом знакомстве Соболевского с графиней Мерлен. Красивая креолка Мария де Лас-Мерседесс де Харусо родилась на Антильских островах, ее детство прошло в Гаванне, потом она переехала в Испанию и вышла замуж за француза, графа Мерлен. Она имела широкий круг знакомых и ее очень любили в Париже, а концерты Паганини делали ее гостиную предметом вожделений и зависти ее светских соперниц. Она является автором прелестных безделушек, написанных в стиле музыкальных новелл. Мериме был ее усердным почитателем и, тут мы должны конечно согласиться с крупнейшим авторитетом во всем, что касается Мериме, с профессором Траар в том, что именно любовь к экзотическому больше всего влекла Мериме в гостиную этой испанки. Письмо, написанное Мериме таким неуверенным русским языком, обнаруживает нам степень участия Соболевского в жизни дружественной для Мериме семьи. Содержание этого письма уже раскрыто нами на стр. 70 настоящей книги. Это письмо датировано 15-ым марта 1850 г., оно дает нам возможность, помимо его прямого использования по содержанию, судить о той степени овладения графикой русского языка, которой достиг Мериме.

После отъезда Соболевского он продолжает свои эпистолярные опыты и прежде чем Соболевский успел достигнуть русской границы, Мериме уже делится результатами своих работ над темами смутного времени в России с В. И. Лагренэ.

26-го августа 1850 г. он пишет следующее письмо *:

Госпожѣ Лагренэ

Парижъ Августа, 26 дя[sic], 1850 го года.

Милостывая Государыня!

Давно я рѣшился писать вамъ, а дожидался случилосъ (бы) что (то) достойнное объявится вамъ. Но теперъ (никто) въ парижи, отъ (котораго) ножно уснать новостей. Я живу въ (томъ) оставленномъ городѣ какъ будто въ пустинъ не читая ни дневникъ, по тому что, ради Богу, там никто съ (котором) разговоривать о государственных дѣлахъ. Правда сегодня я встрѣтилъ какого-то друга монго возвращаго изъ Англіи, гдѣ посѣщалъ короля. Онъ находилъ его прискорбнымъ, и как безсильнымъ (такъ) что видно онъ (будетъ) скончатся (скоро). Королъ сказалъ что каждый честный человѣкъ долженъ былъ подавать голосъ противъ тенерешнего пресидента Онъ прибавилъ: он италіянецъ; да Шамборъ нѣмец, а сыновья мои вѣрные Французы. Мой пріятелъ надѣялся увѣдомить что нибудъ бо(лѣе) отъ орлеанской герцогини, но напрасно не смотря попытокъ его, не хотѣла говоривать ни слова о нашихъ дѣлахъ. Так вот всѣ вѣсти собранныя мною сегодня въ желѣзопуту между Парижѣ и Понтоазъ.

Я заработываю всегда исторю Лжедимитрія. Я цитаю теперъ большую книгу въ лись, содержащую собраніе государственныхъ грамотъ, гдѣ я находил писемъ отъ главныхъ лицъ современниковъ героя (своего). По

* Письмо приводится с соблюдением орфографии оригинала.

несчастію, у нихъ странный слогъ. Употреблятъ слова нивѣдомыя рассійскому словарю. Я долженъ шкать въ полскомъ словарѣ, и не легко отгадатся, сколко буквъ сочиндется какое нибудъ полское слово. Я переворачивалъ по цѣлому часу чтобы прійскать какъ по-полски писаютъ (Товарищъ). Знаете-ли. пи (саю) ть Towarzysz и этомъ словомъ означается всадникъ вооруженній броною и провожденный не (которыми) слугамм. Вчера я читал наказъ Лжднмитрія секретарю своему котораго отправилъ къ невѣстѣ своей, Маринѣ. Онъ шлетъ ей наученіе какимъ образомъ должна она вести себя въ Росиѣ, и пишетъ рукою своею: волосовъ бы не наряжала. За чьемъ не наряжать волосъ? имѣлъ ли онъ дурный вкусъ, или наряженные волосы въ этотъ время не нравилисъ Россіянинам? я не могу догадать, а предполагаю что вы можете изъяснить мнѣ эту зададку. Вы увѣдомленія что не смотря вакацю, я продолжаю докучивать професора своего. Я боюсб, это писмо будетъ вамъ такъ невнятное, как будто бы писано (въ) китаискомъ языкѣ, et d'autant plus que l'heure de la poste me presse, je veux vous demander pardon, en Français, d'avoir été si longtemps sans vous demander de vos nouvelles. On s'abruitit dans la solitude, et je me rendrais justice en vous faisant grâce des bêtises qu'un reclus pourrait vous dire. J'espère que vous êtes tous en santé et prospérité. Je vois d'ici vos deux filles escaladant les montagnes, buvant l'eau des caves et portant des capulets. N'est-ce pas ainsi que vous nommez cette pièce d'étoffe rouge que les femmes mettent sur la tête? Je me représente plus difficilement M. de L[agrené] réduit à deux ou trois journaux et privé du sabbat infernal auquel il a dû s'habituer dans l'établissement du Palais Bourbon. Quant à vous Madame, je suppose que vous êtes toujours occupée à votre ordinaire, c'est à dire pesant aux autres et guère à vous même, faisant des cigares à votre monstre de mari et des sermons à Olga sur les inconvénients de prendre des chamois à la course. Je vous ai dit ou du moins j'ai voulu vous dire ce que je faisais dans ce grand désert de Paris. Je vis avec Marine et Démétrius, quand mon gouvernement ne me donne rien à faire. Je donne des conseils à mes confrères sur le mot accrober. N'est-ce pas assez d'affaires pour un homme seul. Il fait un temps du diable; beaucoup du pluie, peu de soleil, presque toujours du froid. Je vais aller dans quelques jours faire un tour en Provence pour me chauffer, s'il y a encore du soleil en Provence. Adieu Madame, veuillez me mettre aux pieds de vos deux filles & agréer l'expression de tous mes respectueux hommages.

(Без подписи)

Таков третий опыт эпистолярного русского языка, проделанный Проспером Мериме. Он достаточно длинен, но под конец чувствуется, что автор устал. Он еще не мог найти в словаре термина, соответствующего молодому французскому обозначению *chemin de fer*, и не стесняясь творит новое слово „*железо-путь*“.

Политические вести, полученные от „*друга возвращающего из Англии*“, вероятно были простою беседой с итальянцем Антонио Панизци, с которым Мериме случайно начал переписку в 1850 г.

Похоронив Стендаля за восемь лет перед тем, Мериме 31 декабря 1850 г. захотел помочь сестре своего умершего учителя и друга продажей в Британский Музей его рукописей, главным образом копий с материалов новелл и хроник, сделанных в римских архивах. Панизци был библиотекарем Британского Музея; к нему то Мериме и обратился с просьбой выяснить, не может ли Британский Музей купить архив покойного Бейля. После этого началась оживленная переписка, а потом дружба, в результате чего и Соболевский был включен в этот библиофильский триумвират. Но в отличие от остальных видов корреспонденции Мериме, его переписка с Панизци, целиком совпавшая со временем второй империи, является почти исключительно сухим обменом политических мнений. Чтобы потом не возвращаться к этому я позволю себе привести необходимые сведения об этом замечательном человеке. Панизци родился 16 сентября 1797 г. в Италии. Молодость его прошла в борьбе за итальянскую свободу, в борьбе, которая закончилась полным изгнанием его из пределов Италии австрийской полицией. С 1828 г. он беспрерывно живет в Лондоне, а с 1831 г. посвящает весь свой огромный талант и силы своего южного темперамента работе над усовершенствованием и коренной реорганизацией библиотеки Британского Музея. Введение ускоренных библиотечных процессов, реформа каталогов, разбор огромного количества залежей, все это встревожило консервативную и не талантливую часть библиотечной администрации настолько, что путем интриг удалось поставить уже не молодого Панизци перед специальным судом Палаты Общин, который восемнадцать дней подряд производил специальные расследования острого и непозволительного для Англии конфликта в Британском Музее. Прежде всего Палата Общин натолкнулась на неожиданное открытие: жалобщики не отметили, что трудами Панизци были заполнены зияющие пробелы в книжных собраниях Британского Музея, на восполнение которых не было уже никакой надежды даже у энергичных предшественников Панизци. Далее экспертиза показала полную целесообразность его мероприятий, и, несмотря на то, что его враги удвоили усилия, через год Панизци восторжествовал. Он был целиком оправдан, а как непосредственное последствие этого, пережил естественное явление: его недавние враги охотно подписывали свои имена под проектами Панизци, и выдали себя за авторов его мероприятий. С надорванным здоровьем Панизци усиленно продолжал работать. Он часто наезжал в Париж, был очень дружен с Мериме, хорошо оценил Соболевского, который упоминается в переписке Мериме и Панизци. Мне кажется, что анонимная заметка под названием „Воспоминания итальянского дворянина", помещенная в четвертом томе Revue Britannique за 1826 г., принадлежащая как теперь установлено Стендалю, воспроизводит почти биографически молодые годы Антонио Панизци. *Было бы весьма интересно выяснить участие Панизци в редактировании и фабрикации мемуаров Казановы.*

Во всяком случае, если действительно вышеприведенное письмо Мериме говорит о встрече его с Панизци, то передача последним мнения английского двора о президенте Бонапарте более чем примечательна, так как сам

Паницци относился к Луи Бонапарту с некоторым оттенком сочувствия за юношеские увлечения этого принца-авантюриста идеями итальянской революции и его антиклерикальные конспирации в Папской Области. Все это потом было расшифровано; император Наполеон III показал и свою необузданную глупость и свой цинизм в последующих ватиканских делах.

Наблюдения Мериме над польской графикой, его заметки о русском языке старинных государственных актов, о языке Лжедмитрия, очень интересны в устах французского писателя. Очевидно уроки обоих преподавателей не прошли даром.

Был конец августа, а между тем Париж пустовал. И это не было простое вакационное опустение города, в столице Франции все дышало напряжением, и те, кому трудно было переносить это напряжение, стремились уехать.

Около этого времени Мериме пишет Лагренэ письмо о том, что он настолько занят, что даже не имеет времени для русского языка.

„Я боюсь, что вы сочтете меня лентяем не достойным занятий с вами". Дело в том, что „госпожа Монтихо уже несколько дней как в Париже и мне столько нужно ей рассказать и у нее спросить, что я совсем не имею времени" (письмо XXII стр. 33).

Появление Монтихо младшей в Париже 1851 г. наделало большого шуму. Замечательная красота испанской гостьи заставляла собираться к подъезду Большой Оперы целые толпы. Монтихо никому не оказывала большого внимания и благосклонности, но через год ее появление на охотах принца президента обнаружило ее истинные замыслы. Она проявила изумительные способности наездницы и ловко сделала свой ход конем, выиграв брачную партию в шахматной игре Бонапарта. Когда авантюрист-президент провозгласил себя императором, и это провозглашение наполеонида произвело довольно дурное впечатление на правительства Европы, его династическое сватовство было в презрительной форме отклонено всеми, даже безработными принцессами европейских государств. Ему не оставалось ничего иного, как закрепить свою сердечную привязанность к прекрасной испанской охотнице регистрацией своего „законного" брака в 1853 году.

Необходимо остановиться на событиях, предшествующих этому обстоятельству для выяснения и характеристики некоторых моментов биографии Проспера Мериме. Так как в мае 1852 г. истекал срок президентских полномочий Бонапарта по выборам, и не было никакой надежды на то, что законным образом он поладит с народными представителями, то президент-заговорщик в годовщину Аустерлицкой битвы 2-го декабря 1851 г. совершил государственный переворот. Была выпущена прокламация, валившая все невзгоды Франции на Палату Депутатов и требовавшая десятилетней бессменной власти для главы государства. А на другой день Париж начал сопротивление захвату. Республиканцы объявили Бонапарта вне закона, захватили типографии, но специальный подбор войсковых частей начал с ними борьбу. Активнейший участник республиканского сопротивления, —

Виктор Гюго, снова встречается в эти дни с человеком, которого он сам тридцать лет перед тем назвал „первым мастером французской прозы". Теперь этот первый мастер французской прозы, холодный и безразличный к происходящему перевороту, приближающийся к пятидесяти годам своего возраста, был встречен Виктором Гюго как опасный враг. Я привожу запись этой встречи, сделанную Виктором Гюго в его великолепной повести о республиканской борьбе, написанной им в изгнании под названием „История Одного Преступления".

„В ночь с 3-го на 4-ое декабря, около трех часов, все типографии были очищены. Капитан сказал Серрьеру: „нам дано приказание сосредоточиться в наших кварталах". Серрьер, рассказывая нам это, прибавил: „что-то готовится".

Я имел накануне разговор, относительно сопротивления, с Жоржем Бискарра, неподкупным и храбрым человеком, о котором мне еще придется упоминать. Я назначил ему свидание в доме № 19 в улице Ришелье. И потому в это утро, 4-го, между № 15, где мы заседали, и № 19, где я ночевал, происходили сношения.

Была минута, когда я находился на улице. Я только что расстался с этим честным, мужественным гражданином, как увидал совершенную противоположность: *господина Мериме*, шедшего ко мне навстречу.

— А! — сказал Мериме: — я вас искал.

Я отвечал ему:

— Надеюсь, что вы меня не найдете.

Он подал мне руку. Я повернулся к нему спиной.

С тех пор я не видел его. Кажется, он умер.

Этот Мериме, как-то раз в 1847 г., говорил со мной о Морни; и между нами произошел следующий диалог. Мериме сказал: „У г. де-Морни великая будущность", и потом спросил меня: „Знаете вы его?"

Я отвечал:

— „А! у него великая будущность? Да, я знаю г. де-Морни. Он умен, вращается постоянно в свете; он делец, занимающийся промышленными предприятиями. Разработка цинковых рудников, люттихских каменноугольных копей—все это он затеял. Я имею честь его знать! Это мошенник!"

Нас с Мериме разделяло одно: я презирал Морни, а он его уважал. Морни платил ему тем же. И это было вполне справедливо.

Я подождал, пока Мериме повернет за угол. Когда он исчез, я возвратился в № 15".

Париж покрылся баррикадами. Бонапарт арестовывал своих еще недавних сторонников. Были арестованы также Тьер и неудачный конкурент Бонапарта на выборах—Кавеньяк. Обстановка декабрьских дней в Париже перед бойней и ссылками 4-го декабря горячо и страстно описана Виктором Гюго в той же книге. Так как он в эту обстановку вводит Проспера Мериме, то нам небезынтересно его выслушать. Вот его рассказ.

„Один национальный гвардеец, по имени Буалле де-Доль, стоял в карауле с 3-го на 4-ое в Елисейском дворце. В кабинете Луи Бонапарта, находившемся в нижнем этаже, окна были освещены всю ночь. В соседней комнате происходил военный совет; Буалле, с своего поста, видел в окнах темные профили, жестикулировавшие тени; это были Маньян, С. Арно, Персиньи, Флери—привидения преступления.

Туда были вызваны: Корт, кирасирский генерал, и Карелле, командовавший дивизией, которая наиболее работала на другой день, 4-го. С полуночи до трех часов утра, генералы и полковники то и дело приходили и уходили. Являлись даже простые капитаны. Около четырех часов, подъехало несколько карет „с женщинами". Оргия была неразлучна с этим изменническим делом. Будуар во дворцах и лупанарий в казармах шли рука об руку.

Двор был наполнен уланами, державшими под уздцы лошадей совещавшихся генералов.

Две женщины из приехавших туда в эту ночь, до некоторой степени, принадлежат истории. На вторых планах бывают такие силуэты. Эти женщины имели влияние на несчастных генералов. Обе принадлежали к большому свету. Одна была маркиза, с которой произошло такое обстоятельство, что она сперва обманула своего мужа, а потом влюбилась в него. Она уверилась, что муж был надежнее любовника. Это случается. Она была дочь маршала Франции, известного оригинала, и той хорошенькой графини, которой Шатобриан, после ночи, проведенной в ее объятиях, написал следующее четверостишие. Его можно привести, так как все уже умерли:

De rayons du matin l'horizon se colore,
Le jour vient éclairer notre tendre entretien,
Mais est-il un sourire aux lèvres de l'aurore
Aussi doux que le tien?

Дочь обладала столь же прелестной улыбкой, как и мать; но влияние этой улыбки было пагубнее. *Другая женщина была К.* [1] *— русская; белая, высокая, белокурая, веселая, участвовавшая в темных дипломатических интригах, показывавшая шкатулку, наполненную любовными письмами г. Моле* [2]*, немножко шпионка, вполне обольстительная и ужасная.*

Предосторожности, принятые на случай, замечались даже извне. Еще накануне, из окон соседних домов можно было видеть во дворе Елисейского дворца две запряженных, почтовых кареты, готовых к отъезду с кучерами на козлах.

В Елисейских конюшнях, в улице Монтень, стояло еще несколько заложенных экипажей и оседланных лошадей.

---

[1] Это Мария Федоровна Калергис, рожденная Нессельроде. См. выше, глава шестая примечание на стр. 89. О ней же говорит Мериме в письме к Лагренэ 7 июля 1848 г.

[2] *Моле*, министр иностранных дел Луи-Филиппа, совершенно утративший значение при Наполеоне III. В гостиной Моле часто бывал П. А. Вяземский. Именно там он познакомился со Стендалем в 1839 году.

Луи Бонапарт не спал. Всю ночь он отдавал какие-то таинственные приказания; и потому на этом бледном лице читалась, по утру, какая-то ужасающая ясность.

Успокоившееся преступление—вещь, поселяющая тревогу.

В это утро—он почти смеялся. Морни входил в его кабинет. Луи Бонапарт, чувствуя лихорадку, призывал Конно, который присутствовал при их разговоре.

Морни принес донесения полиции. Двенадцать рабочих национальной типографии отказались, в ночь 2-го сентября, печатать декреты и прокламации. Их немедленно арестовали. Полковник Форестье был арестован. Его перевезли в форт Бисетр, вместе с Крочо Спинелли, Жинельe, Ипполитом Мажаном, мужественным и даровитым писателем, Гудунешем и Полино. Это последнее имя поразило Луи Бонапарта. „Что это за Полино?"—„Он был офицером на службе у персидского Шаха" отвечал Морни. И прибавил: „Смесь Дон-Кихота и Санчо-Пансы. Этих арестантов посадили в каземат № 6". Новый вопрос Луи Бонапарта: „Что это за казематы?" Морни отвечал: „Подвалы, без света и воздуха, в двадцать четыре метра длины, восемь ширины, пять вышины с мокрыми стенами и сырым полом". Луи Бонапарт спросил: „Кладут ли им хоть соломы?" Морни сказал: „Пока еще нет. Потом увидим". Он прибавил: „Те, которых сошлют—в Бисетре; а которых расстреляют—в Иври".

Луи Бонапарт осведомился о принятых предосторожностях. Морни вполне успокоил его на этот счет. Он сообщил ему, что на всех колокольнях поставлены сторожа; что все печатные станки запечатаны; что все барабаны национальной гвардии под ключом; и что, следовательно, нечего было бояться. Ни одна типография не выпустит прокламации; ни в одной мерии не пробьют сбора; ни на одной колокольне не ударят в набат.

Луи Бонапарт спросил: все ли батареи в комплекте, напомнив, что каждая должна была состоять из четырех пушек и двух гаубиц. Он особенно настаивал на том, чтобы употребляли в дело только пушки, имеющие восемь, а гаубицы—шестнадцать сантиметров в диаметре.

— „Это правда", сказал Морни, который был посвящен в тайну.— „Всему этому завтра будет много работы".

Потом Морни говорил о Мазасе, что там на дворе находилось 600 человек республиканских гвардейцев; все народ отборный, который, если на него нападут, будет защищаться до последней крайности; что солдаты принимают арестованных представителей с хохотом, и что они приходили смотреть на Тьера „прямо под нос ему"; что офицеры удаляли солдат, но мягко, с „некоторой почтительностью"; что трое арестованных были посажены в „секретную"; Греппо, Надо и член социалистического комитета Арсен Менье. Последний занимал № 32, в шестом отделении. Рядом с ним, в № 30, сидел один представитель правой, который все кричал и стонал, что забавляло Арсена Менье, и рассмешило Луи Бонапарта. Еще подробность: фиакр, в котором привезли База, въезжая на двор Мазаса, ударился о ворота; при этом фонарь, упав на землю, разбился.

Кучер стал сокрушаться об убытке. „Кто мне заплатит за это?“ вскричал он. Один из агентов, сидевший в фиакре вместе с арестованным квестором, сказал кучеру: „Не беспокойтесь; поговорите с ефрейтором. Когда в таком деле бывает „битая посуда“ (quand il y a de la casse), то платит правительство“.

Бонапарт улыбнулся и произнес: „Это правильно“.

Другой рассказ Морни также насмешил его.—Это был рассказ о гневе Кавеньяка, когда он вошел в каземат Мазаса. В двери каждого каземата пробито окошечко, в которое наблюдают за арестантами, незаметно для них. Сторожа следили за Кавеньяком. Сначала, он ходил взад и вперед, скрестив руки; но так как комната невелика, то вскоре присел на скамейку. Эти тюремные скамейки не что иное, как узенькая доска на трех ножках, соединяющихся в одной точке, и которые, проходя сквозь доску, в середине ее, образуют бугорок, так что сидеть на ней очень неудобно. Кавеньяк вскочил и ногой отшвырнул скамейку в другой угол комнаты. Потом, в ярости, с бранью разбил кулаком маленький столик, который, вместе с скамейкой, составляет единственную тюремную мебель.

Этот пинок и этот удар кулаком очень развеселили Луи Бонапарта.

— „А Мопа все боится“, сказал Морни.

Бонапарт опять рассмеялся.

Морни после своего рассказа ушел. Луи Бонапарт направился в соседнюю комнату. Там ждала его женщина. Повидимому, она пришла просить за кого-нибудь. Доктор Конно слышал следующие характерические слова: „Я извиняю вам ваши привязанности. Извините мне мои ненависти“.

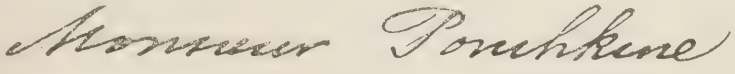
Ни предшествующая обстановка, ни переписка Мериме за эти месяцы не указывают на его политическую активность. Нижеприводимое обвинение Виктора Гюго, говорящее о том, что Мериме принимал какое то участие в сватовстве Бонапарта, основано вероятно только на неприязни, как последствии литературного разрыва, осложненного различием политических темпераментов, хотя конечно горячность Виктора Гюго производит гораздо более благоприятное впечатление, чем полная политическая атрофия его противника. Как мы увидим из дальнейшего, Евгения Монтихо имела в резерве на случай крушения с Бонапартом в запасе своего двоюродного брата герцога Осуна. Об этом Мериме пишет к Лагренэ в письме 31 августа 1849 г. (№ XXI), об этом Гайянгос пишет Соболевскому в письмах за апрель месяц 1851 г. в Петербург. Кроме того характер переписки самого Мериме за эти месяцы вовсе не говорит о каком-нибудь пристрастии к политике. Он усердно занимается русским языком. Он изучает „Бориса Годунова“, сравнивает пушкинскую драму довольно неудачно с „Гецом Берлихенгеном“, в том же письме, в котором он сообщает Лагренэ об ухаживаниях Осуна за Евгенией, он спрашивает Лагренэ о значении фразы „*вот тебе бабушка и Юрьев день*“. А его вопросы, обращенные в 1848 г. к Лагренэ (письмо № 17 от 25 сен-

тября 1848 г.), показывают его полную неосведомленность касательно планов Бонапарта [1].

Еще до 28 августа 1851 г. он пишет Лагренэ о том, что он читает Загоскина: „Рославлев", и находит его не высоким по качеству романом. Приводимые им сравнения внешности своих французских знакомых с героинями русских произведений говорят о том, что Мериме читает в это время „Русалку". Письмо заканчивается сообщением о том, что он только что *познакомился со Львом Сергеевичем „Пушкиным находящимся сейчас в Париже".—„Это довольно забавный „белый негр", человек умный, но быть может несколько помешанный. Он очень хорошо говорит о своем брате, нисколько не утрируя при этом своего восхищения*" [2].

В собрании П. Л. Вакселя сохранилось письмо Мериме к Льву Сергеевичу Пушкину. Это письмо, ныне принадлежащее Библиотеке СССР в Ленинграде, доселе полностью не было известно. Однажды оно было упомянуто в журнале „Столица и Усадьба" № 33, 1915 года, стр. 11. Мне любезно указал на него Б. Л. Модзалевский. Оно ошибочно записано, как адресованное Василию Львовичу Пушкину. Привожу его факсимиле, транскрипцию и перевод.

Письмо сложено вчетверо и на белой стороне имеет надпись рукою Мериме:



без адреса.

VI

Paris 18 rue Jacob
19 Août.

Monsieur,

On m'écrit du M-ère de l'Interieur que M-r de Tourguenief n'étant pas inscrit sur le liste des Réfugiés politiques on n'a pas son adresse actuelle on doit la demander à la Prefecture de Police. En attendant on suppose que vous pourriez savoir où il habite en vous adressant à son dernier logement à Paris,

[1] Если бы меня спросили, был ли Мериме бонапартистом, я ответил бы „нет", но все дело в том, что Бонапарт стал „меримеистом". Это объяснимо, но в этом нет преступления Мериме.

[2] Лев Сергеевич Пушкин писал Соболевскому из Одессы 8 января 1852 года: *„Ты знаешь или не знаешь, что я уже 2 года при смерти; ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ мнѣ помогли, но не вылѣчили меня. Доктора рѣшили, что Одесское лѣто меня убьетъ, а жизнь в Россіи сѣвернѣе Одессы запрещена. Мнѣ нужно отправиться весною в Ниццу или Венецию"* (А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского т. XVI, стр. 470). Это последнее письмо Л. С. Пушкина; в 1852 году он умер.

Rue n-ve du Luxembourg № 14. Dès que j'aurais une indication plus certaine je m'empresserais de vous la communiquer.

J'ai lu quelques passages de l'Iliade qui me semblent traduits avec une fidelité extraordinaire. Cependant j'aurais à reprocher à l'auteur quelques mots

VI *recto*

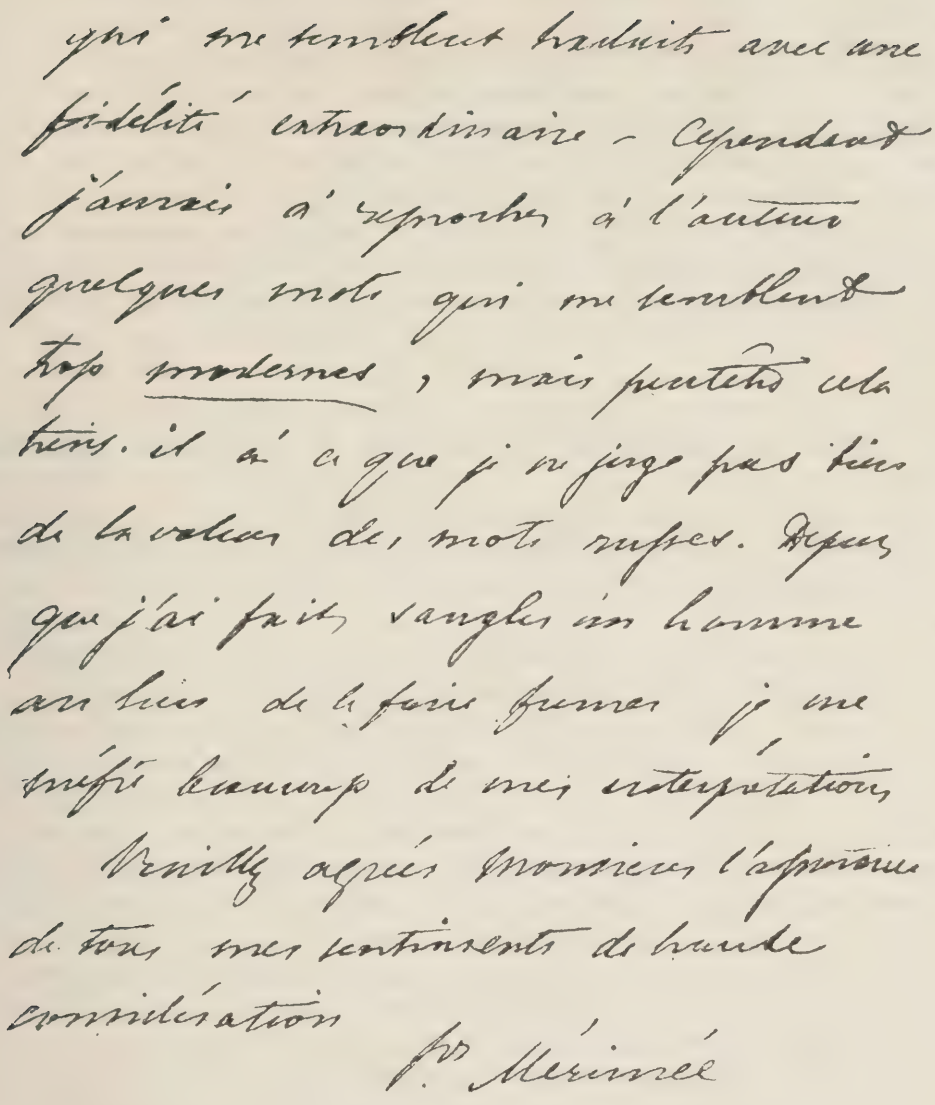
Paris 18 rue Jacob
19 Août.

Monsieur

On m'écrit du Mère de l'Intérieur que Mr de Tourguenief n'étant pas inscrit sur la liste des Réfugiés politiques on n'a pas son adresse actuelle on doit la demander à la Préfecture de Police – En attendant on suppose que vous pourriez savoir où il habite en vous adressant à son dernier logement à Paris, Rue n^ve du Luxembourg N° 14 Dès que j'aurai une indication plus certaine je m'empresserai de vous la communiquer.

J'ai lu quelques passages de l'Iliade

VI *verso*



qui me semblent trop *modernes,* mais peutêtre cela tient il a ce que je ne juge pas bien de la valeur des mots russes. Depuis que j'ai fait sangler un homme au lieu de le faire fumer je me méfie beaucoup de mes interpretations.

Veuillez agréer monsieur l'assurance de tous mes sentiments de haute considération.

Pr. Mérimée

VI

Париж, улица Жакоб № 18.

Милостивый Государь,

мне написали из министерства внутренних дел, что так как г. Тургенев не состоит в списках политических беглецов, то его настоящий адрес там

неизвестен; надлежит обращаться в полицейскую префектуру. Пока что, высказывают предположение, что вы можете узнать его местожительство, обратившись по старому адресу Ново-Люксембургская улица № 14. Как только я узнаю что-нибудь, я постараюсь вас известить немедленно.

Я прочел несколько мест из Илиады. Перевод мне кажется чрезвычайно точным. Но все же я мог бы упрекнуть автора в чрезмерной модернизации некоторых выражений. Впрочем, быть может, это подходит. Я вообще боюсь давать оценку русских выражений: с тех пор, как я заставил человека *затянуть ремень*, вместо того чтобы *закурить*, я не доверяю своей способности переводчика. Примите уверение в чувстве самого глубокого уважения к вам.

П-р Мериме

Письмо это, свидетельствующее о том, что Л. С. Пушкин стремился свидеться с декабристом Н. И. Тургеневым, не может быть датировано временем раньше июля 1849 года, так как упоминание об ошибке, допущенной Мериме в „Пиковой Даме"—„*sangler* au lieu de le faire *fumer*"—говорит именно об этой его работе над переводом. Известно, что Л. С. Пушкин первый указал Мериме на эту ошибку. Таким образом я полагаю, что это письмо написано 19 августа 1851 года, Льву Сергеевичу Пушкину, а Василий Львович Пушкин умер в 1830 году и не мог быть его адресатом.

В письме 22 сентября 1851 г. (№ 26) к той же Лагренэ, Мериме пишет, что он усиленно занимается историей Лжедмитрия, кончает статью о Гоголе, просит разрешения прочесть с ней вместе свои отрывки из переводов „Мертвых душ" и „Ревизора", и заканчивает это письмо словами: „по поводу моего перевода, — Пушкин сказал мне, что я допустил бессмыслицу в своей „Пиковой Даме". Вместо того, чтобы правильно перевести слова „он затянулся", я перевел: „подтянул пояс". Но оказалось, что в специфическом языке господ русских офицеров слово затянуться означает вобрать глоток табачного дыма. Я надеюсь, что и вам это не было известно, как и мне".

За этими занятиями Мериме мало похож на политического заговорщика, да еще бонапартиста. Но тем не менее Виктор Гюго пишет в той же „Истории Одного Преступления":

Домашние люди.

Мериме был низок от природы. Не надо за это претендовать на него.

Что касается до Морни — это другое дело; он больше стоил. В нем было что-то разбойничье.

Морни обладал мужеством. Разбойничество обязывает.

Мериме лгал, выдавая себя за одно из лиц, посвященных в тайну переворота. А ведь казалось бы, что тут нечем хвалиться.

Но дело в том, что ни в какие тайны его не посвящали. Луи Бонапарт не любил бесполезно доверяться.

Прибавим, что едва ли Мериме, в эпоху ближайшую ко 2 декабря, состоял в непосредственных сношениях с Бонапартом, хотя, по некоторым признакам, можно бы думать противное. Сближение произошло уже позже; сначала Мериме знал только Морни.

Морни и Мериме принадлежали оба к интимному кружку Елисейского дворца; но различно. Можно верить Морни, но не Мериме. Морни был посвящен в крупные тайны, Мериме—в маленькие. Любовная интрига—вот его настоящее призвание.

Домашние люди в Елисейском дворце были двух родов: приближенные и льстецы. Первым из приближенных был Морни; первым, или последним из льстецов был Мериме.

Карьеру Мериме сделало вот что:

Преступления красивы только в первую минуту; они скоро блекнут. Этому роду успеха недостает прочности. Надо скорей прибавить к нему что-нибудь.

Елисейский дворец нуждался в литературном украшении. Некоторый академический оттенок не вредит вертепу. Мериме был не занят. Ему было на роду суждено подписываться: „шут императрицы". *Г-жа Монтихо представила его Луи Бонапарту* *, который благосклонно принял его и пополнил двор свой этим плоским талантливым писателем.

Этот двор представлял из себя коллекцию; лестница низостей; зверинец пресмыкающихся; гербарий ядов.

Кроме приближенных, которые несли службу, и придворных, которые служили украшением, были еще помощники.

В некоторых случаях требовалось подкрепление. Иногда это были женщины, „Летучий эскадрон"; иногда мужчины: С. Арно, Эспинасс, С. Жорж, Мопа. Иногда, ни женщины, ни мужчины: Маркиз С...

Замечательное окружение. Скажем о нем два слова.

Тут был Вьельяр — наставник, атеист с католическим оттенком, отличный игрок на бильярде. Вьельяр был рассказчик. Он с улыбкой рассказывал следующее: В конце 1807 года, королева Гортензия, любившая всегда жить в Париже, писала королю Людовику, что она не может более оставаться в разлуке с ним; что она чувствует неодолимое желание видеть его, и приедет в Гаагу. Король сказал: „Она беременна". Он призвал своего министра Ван-Маанена, показал ему письмо королевы и прибавил: „Он скоро явится. Пусть так. Наши комнаты рядом. Дверь, посредством которой они сообщаются, королева найдет заколоченной". Людовик как видно, смотрел на свою королевскую мантию серьезно, потому что воскликнул: „Мантия короля не должна служить одеялом для проститутки". Министр Ван-Маанен пришел в ужас и сообщил обо всем императору. Император прогневался не на Гортензию, а на Людовика. Но Людовик не сдался. Дверь хотя и не была заколочена, но король остался непреклонен, и когда королева приехала, повернулся к ней спиной. *Это не помешало*

* Курсив наш. А. В.

Наполеону III родиться. Приличное число пушечных выстрелов приветствовало это рождение.

Такова была история, которую летом 1840 г., в Сен-Ле-Таверни, при свидетелях, и между прочим при Фердинанде Б., и маркизе де ла Л., товарище детства автора этой книги, рассказывал Вьельяр, иронический бонапартист, преданный скептик".

Описывая последующие события и желая из близости Мериме к Марии Мануэле Монтихо сделать вывод о политической физиономии Мериме, Виктор Гюго невольно ослабляет краски тем составом, которым хочет их сгустить. В осенние месяцы, именно 9 августа 1852 г., т. е. значит в тот момент, когда казалось бы политическое напряжение заговорщиков перед объявлением империи должно быть в высшем напряжении, оказывается, что Мериме прибегает к русскому языку для того, чтобы избегнуть подозрений наполеоновской полиции. Лишь много спустя, после 30 января 1853 г., когда Монтихо превратилась в императрицу Евгению, гражданская безопасность Мериме была гарантирована неожиданным сенаторством; при чем нелепость той стоимости, которую Мериме невольно уплатил за эту гарантию, вряд ли была им даже осознана. Я привожу это письмо, как четвертый по счету опыт Мериме писания на русском языке, иллюстрирующий эту книгу.

Парижъ, августа, 9, 1852 года.

Милостивая Государыня!

Знаете ли въ міромъ какое-нибудъ дѣло скучнѣе переборки. Я хотел бы быть кальмыкомъ пожившимъ подъ сѣнью шатра. Мнѣ не привыкшему ко хозяйствѣ, такъ трудно является перемѣнить покой какъ будто бы править Республику. Книги уже давно перевозились, а шкафы не еще готовые сохранить их, и лежат какъ ни попало на полѣ. Я продалъ всю старинную мебель, а не вносятъ ко мнѣ новую, такимъ образомъ остаюсъ же съ однимъ стуломъ и постелею своею в пустинныхъ комнатах. Гораздо жалѣю о вашимъ удаленіемъ отнявшимъ отъ меня принужденный вашъ совѣтъ. Скажите мнѣ, Бога ради, гдѣ найдутся столовыхъ стульевъ? Лучше ли купить кожаныхъ или камышеныхъ или обойных? и наконецъ сколько денегъ стоятъ?

Вчера я ѣхалъ въ La Celle Saint Cloud обѣдать у Г. Де Сіркура. Случилось княгина Меншикова живувшая въ Сенъ-Жерменѣ, мнѣ была спутницою въ вагонѣ. Я никогда не видѣлъ ее днемъ, но явилась мнѣ сторіцею пригожѣе подъ солнечными лучами нежели подъ свѣтію лампадъ. У нея волосы точно золотые и глаза, как восточное небо. Мы узнялись. Сказала, что я должный вѣнчатся. Я подносилъ вдругъ руку свою, но отказаласъ отъ нея. Естъ ли мужъ у нея? И какимъ образомъ могу послать ней ядъ? Спутствола съ какимъ то княземъ Ладановымъ * ежелибъ

---

* Лобанов-Ростовский из Министерства Иностранных Дел.

дослышалъ хорошо имя его. Онъ молоденкій, лицомъ самый Татаринъ возвратившій изъ Египта и Богъ знаетъ откуда. Онь живаетъ говорилъ въ своей яхтѣ и не можетъ остатся въ какое нибудъ мѣсто дольше двухъ недѣлъ. Онъ ли внучка Г. Нарышкини? Я вздумалъ никто кромѣ Англичанина любилъ кочевать на синее море, но ваши земляки принимаютъ чуждые вкусы и нравы так легко какъ учятся всѣм языкамъ. Князъ будетъ опять посадится на яхту свою черезъ одну недѣлу.

Тотчасъ прибыло ко мнѣ писмо от канцлера. Вопроситъ о министрѣ Фортулѣ, истинно ли онъ не дозволитъ намъ преставатъ в Академій, цѣну для розыскъ о красноречіем англискихъ ораторовъ. Правда, не хочетъ, и писалъ къ намъ Академія не достаточно разсмотрѣлъ на опасность такой матерій въ это время. Фортулъ не виновалъ. Возжелаетъ сделатся академикомъ, и почуетъ безъ сомнѣнія что потераетъ всю надежду такою глупостію. Видно какая мочная особа попутала его. Наши правители боются о сѣнь ихъ. Какой кабакъ! * Вотъ друзья наши опять призванные изъ изгнания. Будут ли возвратится? Что же дѣлать? Я гулялъ бы до зимы, и теперъ волвращаюсъ въ отчизну какъ будто бы странствовалъ охотно. Гдѣ мужъ вашъ? Вѣроятно онъ готовъ растатся изъ Пиренейскихъ горей. И вы когда придете в Пикардю. Я остаюсъ въ Парижѣ до перваго дна сентябра. Ежели полиція любопытная и читаетъ вашихъ писма, это будетъ трудно для нея. Воображаю никто кромѣ васъ можетъ разумѣть такое дурное нарѣчіе. Прощайте, остаюсъ вашъ покорныи и преданныи слуга.

П. М.

---

* Восклицание, в котором слышится голос Соболевского: это обычное для его выражение негодования. В обращении к даме этот возглас не является вполне удобным, но Мериме, очевидно, к нему привык в разговоре с Соболевским.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Письма Мериме в Россию. — Пушкин и Гоголь. — Приезд Дона Хуана Валеры к Соболевскому.—Растопчина и Соболевский

Возвратимся к Соболевскому. 18 марта 1850 г. он был еще в Брюсселе и до конца этого месяца успевает посетить Кельн, Гамм, Ганновер, Брауншвейг, Вольфенбюттель, Бремен, а в апреле живет частью в Берлине, частью в Бреславле и Гамбурге. В мае с 22 числа он поселяется в Варшаве, занимая № 14 в „Английской Гостинице". Там он живет почти полных десять месяцев, и лишь 13 февраля нового стиля в 1851 г. выезжает из Варшавы в Петербург. Мне не удалось установить, что задержало Соболевского в Варшаве так надолго. Он жил, повидимому, у Павлищевых некоторое время. Предшествующие факты его биографии по материалам его архива говорят о том, что он любил польские города, и, хотя для его польских друзей не было тайной его чистое русское происхождение, но все же и они, и он сам делали какие то психологические выводы из приписки Сергея Александровича к польскому роду. Валерьян Красинский, Мицкевич, Лелевель и особенно Генрих Ржевуский, который прямо обращается к Соболевскому с наименованием *Корвин Соболевский*, указывая на его гербовую фамилию *Слеповрон*, охотно принимали его в свой круг, Соболевскому очень нравилось в своем дневнике вписывать целые польские фразы. Переписываясь с Адамом Мицкевичем по-французски в обычном разговоре с ним, он прибегает к польскому языку. Конечно, значение имело и то обстоятельство, что Соболевский мало скучал по России. Она была ему мачехой, а николаевская Россия более чем когда-либо была тускла и неприветлива. Недаром де-Кюстин своим умным пером записывает анекдот, подслушанный в Любеке о том, как русские с веселыми лицами въезжают в Европу через Любекские ворота, и с очень печальными минами через них же возвращаются назад.

В Петербурге Соболевский нашел несколько писем от Гайянгоса. В одном из них испанский друг спрашивает его о книге Боткина „Письма об Испании" и сообщает целый ряд сведений о Евгении Монтихо, „которая еще не подцепила герцога Осуна, забавляющегося в настоящее время с Фреццолини". Он сообщает об ее поездке в Лондон, сомневается в том, чтобы она смогла вернуться в Мадрид, который покажется ей трущобой после Лондона", и, рас-

сказывая о своих научных занятиях, рецензирует Соболевскому книгу Тикнора „История Испанской Литературы", приводит ему историю мести их общего друга Серафина Кальдерона некоему Галларду, написавшему на Кальдерона памфлет, в котором выставил его под видом некоего смехотворного Альхами-Малахон-Фарфалла. Близкий ко двору Изабеллы, Кальдерон устроил своему противнику ссылку на восемь лет, вследствие чего Галлардо буквально через несколько дней умер, не перенесши удара.

В Петербургских литературных кружках, где очевидно Соболевскому пришлось говорить о Мериме, ему указали на ошибки, допущенные французским автором в переводе Пушкина. Вследствие этого Соболевский пишет своему другу письмо, на которое Мериме отвечает 14 апреля 1852 г. Вот этот ответ Мериме:

VII

Paris rue Jacob 18.
14 Avril 1852.

Mon cher ami, si j'ai mis tant de retard à vous répondre n'allez pas croire qu'il m'a fallu trois mois pour comprendre votre Russe, prose et vers. Je pourrais commencer ma lettre par vous dire à la manière des Arabes: „J'ai lu la votre et l'ai parfaitement comprise;" j'ajouterai, ne vous en deplaise, malgré votre écriture qui laisse fort à desirer, surtout pour quelqu'un n'est pas déjà très fort sur la lettre moulée = J'avais déjà appris mon énorme erreur au sujet de *затянулся* par Mr. Pouchkine dont j'ai fait la connaissance à Paris l'automne dernier. Mon excuse c'est que soupçonnant quelque chose de mysterieux sous ce mot, je m'en étais enquis auprès de M. de L[agrené] qui me dit que vos officiers curieux d'avoir la taille fine, étaient sans cesse occupés à resserrer leur ceinture. *Затянулся*. Le contresens est réparé dans un in 18 qu'on a publié l'autre jour, ou j'ai mis pour remplir le volume une traduction des *Цыганы* etc. On imprime le mois prochain mon Demetrius. En attendant j'ai fait dans le Journal des Savants une tartine sur les mémoires publiés par Mr. Oustrialof (Fevrier, Mars) que je soumets a votre critique. Nous sommes je crois du même avis sur le non identité du *самозванец* avec le moine Otrepief. Je crains que ce ne soit un article de foi apud vos et que cela ne me nuise parmi les gens craignant Dieu. Mais la vérité avant tout. Après avoir bien étudié mon affaire, l'idée m'était venue d'écrire l'histoire comme elle a dû se passer, affirmant au lieu de présenter une hypothèse. J'ai fait sur ce thême quelques scènes qui m'ont conduit jusqu'en Pologne. Là remontrant Pouchkine, j'ai abandonné mon projet (grand dommage) et j'ai écrit une vulgaire histoire. J'ai lu avec grand plaisir le Ms de Zolkiewski. Il me semble que ce fut la dernière bonne tête qu'aient eu les Polonais. Maskiewicz et Zolkiewski sont à mon avis d'excellents conteurs. J'ai essayé de lire les mémoires du prince Kourbski, mais c'était trop difficile, et j'ai vu plus d'un de vos compatriotes renâcler sur des phrases qu'ils m'ont dit écrites en petit Russien. Dieu sait en quelle langue Kourbski écrivait.

Tout Petersbourg est à Paris. Vos dames de P[etersbourg] ne me plaisent guère. Les unes me semblent ne vivre que pour faire vivre les couturières, les

autres, sont des Blues pires que celles d'Albion. Mad *W[oronzoff] la hija de la s-a N[arychkine] jode* * *à pierna tendida con el agregado à la embajada de Austria, y una porcion de otros, lechuguinos quando se han vaciado los huevos del susodicho agregado. Lo que me gusta en ella, es que lo hace con la mayor serenidad, y como cosa de su derecho. La mas hermosa que hay es una tal Baxmetief, griega, casada con un tàrtaro, de cuyo los abuelos han desempeñado un papel al tiempo de Demetrio. Pero dicen que teme al diablo, y no tîra sino con su marido. Que làstima Q[ui] no sepa lo feo que es tirar con un marido.*

J'éspérais que vous viendriez à Paris pour la vente de la bibliothèque de Louis Philippe.

Tout s'est vendu à des prix extravagants. J'ai acheté quelques volumes dont un fort cher, parce qu'il y avait imprimée sur la couverture, la trace du soulier ferré d'un vainquer de février. Il y avait un autre volume qui contenait dans l'intérieur une trace bien plus monstrueuse, et qui n'a pas nui à la vente. Ce n'est pas un adorateur du grand lama cependant qui l'a acheté. Quelles droles de gens vous êtes, messieurs les collectionneurs? Est il vrai que Gogole ait brulé le second volume de *Мертвые Духи* avant de mourir. Mr. de St-Priest m'écrivait de Moscou qu'il passait son temps a se donner la discipline. Je ne sais trop comment reconcilier cette vie là, avec ses oeuvres.

Il me semble qu'il y a une fatalité sur vos beaux génies. N'avez vous pas peur de crever un de ces jours? Avant de passer l'avenu à gauche, ayez soin de mettre au net vos oeuvres complettes et de m'envoyer le manuscrit. Je les publierai avec votre oraison funèbre et des commentaires, pour les demoiselles qui auraient besoin d'explications, le tout suivi d'un glossaire des erotica verba. En attendant dites moi ce que devient votre littérature. Vous me parlez de travaux historiques et archéologiques. Donnez moi des titres de livres.

A-t-on fait quelque chose de bon sur les Kourganes et les statues qui les sermontent. A ce que je vois par le livre du baron de Haxthausen, on attribue bien des choses aux Finnois. Mais qu'est ce que les Finnois? y a-t-il quelqu'un qui se soit occupé des langues de toutes les peuplades non slaves, répandues en Russie, ce les rattache-t-on nettement à la souche finnoise? Connaissez vous une traduction française d'une épopée finnoise intitulée le Kalevala? On dit, il est vrai, que c'est traduit du suèdois (à ce propos dites moi quel homme est Mr. Léouzon le Duc qui est ou était demeuré à Petersbourg, et qui fait proffession de finnois?) par quelqu'un qui ne l'entendait guère. Et la traduction d'une traduction admet un nombre ilimité de contresens. On m'a parlé d'une vie de Boris Godounof qui serait une oeuvre remarquable. Quid dicis Tome? Adieu mon cher ami je combats la vieillesse tant que je puis, et jusqu'à présent avec quelque succès.

Seulemment je m'apperçois que je me f. de trop de choses, ce qui est mauvais signe. Quand on est arrivé à ce point sublime de la philosophie on est

---

* Надо читать не jode, а joge=лежит.

bien près de déchoir. Oh, les illusions de ma jeunesse. Adieu encore. N'oubliez pas que notre jour de cinquantaine nous devons boire une bouteille de champagne à la santé l'un de l'autre. J'y compte de votre part comptez y de la mienne. N'imitez pas ma paresse, et écrivez moi.

P. M.

VII

Париж, улица Жакоб, 18.
14 апреля 1852 г.

„Мой дорогой друг,

если я отвечаю Вам с таким запозданием, то не подумайте, что мне понадобилось целых три месяца для того, чтобы понять Ваш русский язык, Вашу русскую прозу и русские стихи. Я мог бы начать мое письмо словами араба: „Я прочел Ваше письмо и прекрасно его понял“ [1] прибавлю к этому (уж не прогневайтесь), понял вопреки Вашему почерку, оставляющему желать так много лучшего, особенно для тех, кто, как я, не слишком силен даже в печатных буквах Вашего языка. Я уже знаю о своей огромной ошибке по поводу перевода выражения „*затянулся*“ от Пушкина [2], с которым я познакомился в Париже прошлой осенью. Мое оправдание в том, что, подозревая в этом слове нечто совсем для меня тайное, я обратился за разъяснением к госпоже де Л[агренэ], которая мне сказала, что Ваши офицеры, стремясь обладать тонкой талией, беспрестанно занимались тем, что стягивали свои пояса. *Затянуться.* Бессмыслица исправлена в томике, выпущенном мною на днях в восемнадцатую долю листа, в котором я поместил также, чтобы сделать его пополней, свой перевод *Цыган* и т. д.

В следующем месяце я буду печатать своего: „Димитрия“. В ожидании этого я пока дал в Journal des Savants статейку по поводу мемуаров, изданных Устряловым (февраль и март). Предлагая эту статью Вашей критике, мне кажется, что мы оба стояли на одной и той же точке зрения по поводу мнения о тождественности *самозванца* с монахом Отрепьевым. Я боюсь, что это мнение принято на веру apud vos и что моя точка зрения может мне повредить в среде Ваших богобоязненных людей (я боюсь что это заблуждение у Вас отнесено к числу религиозных убеждений и поэтому моя точка зрения может уронить меня в глазах представителей Вашей религиозности).

Но истина — прежде всего. После того как я обстоятельно изучил свою тему, мне пришла в голову мысль написать историю так, как она должна была происходить, высказывая утверждение вместо того, чтобы предлагать гипотезы. На эту тему я написал несколько сцен, которые привели меня к Польше. Но тут, стремясь подняться до Пушкина, я решил отказаться от своего проекта и написал самую простую историю. Я с большим удовольствием прочел записки Жолкевского. Мне кажется

[1] Мериме приводит в целом ряде писем эти слова арабского повстанца Абд-аль-Кадара, которые, после алжирских войн, почему то казались многим европейским литераторам образцом восточного эпистолярного стиля.

[2] Льва Сергеевича Пушкина, жившего в Париже в 1851 г. для лечения. См. письмо VI-е.

это была последняя хорошая голова, которой обладали поляки. Маскевич и Жолкевский по-моему являются превосходными рассказчиками. Я попробовал читать мемуары князя Курбского, но это оказалось слишком трудно, и я видел, что не один, а многие из Ваших соотечественников застрявают на фразах, написанных, как они мне сказали, по-украински. Одному богу известно, на каком языке писал Курбский.

Весь Петербург перекочевал в Париж. Ваши П[етербургские] дамы мне совершенно не нравятся. Одни из них, кажется, существуют только для того, чтобы дать возможность прокормиться портнихам, другие еще хуже, чем дочери Альбиона, Mad. W. la hija de la S-a Nar. jode à pierna tendida con el agregado à la embajada de Austria, y una porcion de otros lechuguinos, quando se han vaciado los huevos del susodicho agregado. Lo que me gusta en ella, es que lo hace con la mayor serenidad, y como cosa de su derecho. La mas hermosa que hay es una tal Baxmetief, griega casada con un tártaro, de cuyo los abuelos han desempeñado un papel al tiempo de Demetrio. Pero dicen que teme al diablo y no tira sino con su marido. Que lastima q[ue] no sepa lo feo que es tirar con un marido [1].

Я надеялся, что Вы приедете в Париж на распродажу библиотеки Луи Филиппа. Все было продано по черезмерным ценам. Я купил несколько книг, из которых за одну заплатил очень дорого, потому что на крышке переплета отпечатлелся след подкованного железом сапога одного из февральских победителей. Продавался еще другой том, который уже внутри книги имел совсем непозволительный след, что однако не повредило продаже. Он куплен был вовсе не каким-нибудь „почитателем великого Ламы". Ах до чего Вы смешные люди, господа коллекционеры!

Напишите пожалуйста, правда ли, что Гоголь сжег вторую часть романа „*Мертвые Духи*" (sic) перед смертью. Де-Сен-При [2] написал

---

[1] Я принужден оставить эти испанские фразы без перевода в силу их чрезвычайно неприличного смысла, а для желающих получить безошибочный перевод советую исправить описку Проспера Мериме, допущенную в слове jode, надо читать joge, что значит „лежит". Речь идет о любовной интриге дочери Нарышкиной, графини Воронцовой, с австрийским дипломатом и „прочими вертопрахами" (lechuguinos), заменяющими ей ослабевающего временами австрийца. Далее Мериме пишет о Бахметеве, женатом на красавице гречанке, которая из боязни чорта хранит супружескую верность: *no tira sino*, кроме как со своим супругом, татарином, „предки коего получили отпускную грамоту во времена Лжедимитрия". Тут речь идет о Петре Владимировиче Бахметьеве, дмитровском предводителе дворянства, женатом на Александре Николаевне Ховриной, писательнице, родившейся в 1825 году. Ховрины, по семейному преданию, происходят от таврических греков, которые в XIV веке владели Судаком и Балаклавой. Что же касается Воронцовой, рожденной Нарышкиной, то это, повидимому, жена Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова — Александра Кирилловна, умершая в Париже в 1856 году после второго замужества за бароном де Поальи (Poilly).

[2] *Saint Priest* (Armand-Emmanuel-Charles-Guignard de) 1782—1863. Из семьи эмигрантов; был губернатором в Одессе. Женился на Софии Голицыной. Его дочь Ольга вышла замуж за Василия Долгорукова. Его сын, карикатурист прославленный Пушкиным умер в Италии странной смертью в 1851 году. St-Priest хорошо знал русские дела и состоял в переписке с Проспером Мериме и его матерью Анной Мериме, умершей в 1852 году. Письма Мериме и St-Priest находятся на руках N. Z.

мне из Москвы, что Гоголь проводил свое время в посте и молитве. Я не знаю, как можно согласовать эту жизнь с его произведениями.

Мне кажется, что над Вашими лучшими гениями всегда нависает страшная судьба.

Скажите, а Вы не подохнете в один из ближайших дней? Перед тем, как перейти на левую сторону дороги, прошу Вас позаботиться о том, чтобы привести в порядок полное собрание Ваших сочинений и переслать мне Ваши рукописи. Я издам их после Вашего погребения вместе с примечаниями для молодых девиц, которые будут нуждаться в объяснениях, все это с приложением словарика erotica verba. А в ожидании этого, скажите, как Ваши литературные занятия. Вы мне пишете об исторических и археологических работах. Сообщите мне пожалуйста заглавия новых книг. Написано ли что нибудь по поводу курганов и стоящих на них изваяний? На основании книги барона Гакстхаузена, я вижу, что многие вещи приписываются финнам. Но что собою представляют финны? Занимается ли у Вас кто нибудь языками всех этих огромных неславянских племен, рассеянных по пространствам России?

Знаком ли Вам французский перевод финского эпоса, именуемого „Калевала"? Правда ли говорят, что этот перевод сделан со шведского языка кем то, кто в довершение всего и этого языка не знает (по этому поводу: скажите мне, что за человек Леузон [1], проживающий или живший когда то в Петербурге, который занимается финнским языком?) Ведь перевод с перевода влечет за собою неисчислимое количество бессмыслиц.

Мне кто то говорил о готовящемся замечательном произведении: „Жизнеописание Бориса Годунова". Quid dicis Tome? [2].

До свидания мой дорогой друг. Я борюсь со старостью насколько хватает сил и, пока что, добиваюсь некоторого успеха. Я замечаю только, что я стал плевать на слишком много вещей, а это уже плохой признак. Когда человек достигает наивысшей точки философии, он близок к тому, чтоб сорваться.

О иллюзии моей юности!

До свидания еще раз. Не забудьте, что в наш общий день, когда нам исполнится пятьдесят лет, мы обещали друг другу выпить по бутылке шампанского: один за здоровье другого. Я верю, что Вы это сделаете и обещаю Вам со своей стороны исполнить то же.

Не подражайте моей лени и пишите мне чаще.

П. М.

---

[1] Речь идет о переводе „Калевалы", сделанном Леузоном ле-Дюком [Léouzon le Duc]. В 1851 году Мериме поместил в I части XVIII тома (16 мая) „Memoires de L'Institut de France" отчет „Notice de M. Léouzon Leduc sur les Tchoudes". Эта заметка о чудском племени вызвала у Мериме вообще большой интерес к финнам. Догадка его была правильна. Ледюк перевел „Калевалу" со шведского языка. Он долго жил в России и написал записки о времени Александра II.

[2] Намек на скептицизм Соболевского.

Соболевский привез в Россию интерес к Проспер у Мериме, Его стали читать и переводить. Таким образом открыв для Мериме источник огромной творческой свежести в творениях Пушкина, Соболевский выполнил интереснейшее культурное дело: в те дни, когда разочарованный французский талант бросился искать опоры в культурах чужих стран со всею свежестью молодого романтического мироощущения, меняющего облик литературного мира, именно в это время Соболевский открыл европейцу окно в русскую культуру, в ее величайшее и лучшее достижение, осуществленное музой Пушкина. Правда, Соболевскому было, *что* показать и было на *чем* остановить внимание молодого французского романтизма: он остановил внимание Мериме на действительном гении, вознаградившем его за преодоление колоссальной трудности русского языка. Совсем иные результаты мы видим в тех случаях, когда романтика приводит к увлечению только бытовой экзотикой чужих культур. Эти увлечения и не прочны, и скоро проходящи.

Через несколько месяцев, в июне 1852 г., в отечественных записках появился разбор русских переводов Мериме, при чем критик заявлял: „Господин Проспер Мериме, как известно, сам не знает по-русски, а знает несколько наш язык его брат". Критик, не обладающий хорошим знанием и своего, русского языка, разбирает Проспера Мериме с очень авторитетной, придирчивой манерой, но без достаточных сведений о своем предмете. Указание на несуществующего брата Проспера Мериме, будто бы суфлирующего ему в его переводах, никем тогда не было опровергнуто, наоборот даже в 1894 г. П. Матвеев в своем большом фельетоне в „Новом Времени", посвященном Проспер у Мериме, утверждает на основании такой же легенды, что Мериме не только писал к автору „Юрия Милославского", но даже был у Загоскина в России. Все эти легенды тем более удивительны, что Матвеев, очевидно, получавший сведения и даже видевший одно письмо Проспера Мериме у некоей А. Л-овой (которую я, кстати сказать, имею сейчас возможность назвать полностью *Александрой Дмитриевной Лонгиновой*), имел возможность убедиться на основании того, что А. Д. Л. была дружна с Соболевским, в том, что, если Мериме и собирался приехать в Россию в 1857 г., то все же это намерение не осуществилось в силу тогдашних осложнений Наполеона III с Россией. Что же касается легендарного „брата" Проспера Мериме, то тут конечно речь идет о некоем Мериме, действительно бывшем в России, написавшем книгу о России,—о путешественнике, не состоявшем с Проспером Мериме ни в каком родстве, но писавшем своему однофамильцу. Это был Анри-Александр Мериме де-Легль. Окончательное решение этого вопроса об однофамильце Мериме было делом недавних лет, когда Chambon [1] точно установил генеалогическое разобщение этих фамилий, но первая заслуга этого разобщения принадлежит А. А. Чебышеву, давшему прекрасный очерк о знакомстве Мериме с Пушкиным и русской литературой.

[1] Chambon. „Notes sur P. Mérimée" p. XII note I.

Этот очерк помог мне разобраться в целом ряде важнейших вопросов, связанных с моей темой.

Приведенное письмо Мериме адресовано автором по-русски. Сохранилась вырезка из конверта: „*Его Высокоблагородію Милостивому Государю Сергѣю Александровичу Соболевскому на Выборской (sic!) сторонѣ близь Самсонія въ С.-Петербургѣ*“.

В скором времени Соболевский выехал из Петербурга на постоянное жительство в Москву.

Высшей степени примечательным является восклицание Мериме о страшной судьбе, губительно-тяготеющей над русскими гениями. Французский писатель, которого привыкли считать не только холодным, но и поверхностным [например, А. И. Яцимирский в толковании „Песен Западных Славян“] высказал мысль, которая буквально совпадает со словами самого Гоголя, никогда не читанными Проспером Мериме: „*Слышно страшное в судьбе наших поэтов*“. Гоголь умер 6 марта нового стиля 1852 года. Узнав из письма Сен-При об обстоятельствах последних лет его жизни, Мериме сопоставил смерть Пушкина, Грибоедова, Лермонтова и Гоголя, но как всегда, испугавшись выражения яркого чувства и словно спохватившись, он серьезность последующего вопроса о судьбе Соболевского, которого он считал большим талантом, вуалирует шутливым тоном и напускной грубостью: „скажите, а вы не подохнете в один из ближайших дней?“ И дальше уж переходит к обычному тону пикантной шутки.

Письмо все-таки взволнованное. Во всей переписке Мериме, опубликованной доселе, я не нахожу восклицания равному этому: „*о иллюзии моей юности*“. Указания на старость и успешную борьбу с ней не звучат достаточно искренне, потому что слова о целом море племен, населяющих огромную русскую равнину, слова о финском эпосе и степных курганниках полны прежним молодым романтическим интересом. В одном из последующих писем мы видим перед собою уже старого Мериме, бросающего стрелы из тугого башкирского лука. Его никогда не покидала романтика — это молодое мироощущение, посещающее культурные поколения, всякий раз, когда стареющие зимы сменяются в человечестве революционными веснами вечно юной земли. То поколение, в которое вошел молодой Соболевский, приехав в Париж в ноябре 1829 г., навсегда сохранило волнующие ощущения пятнадцатилетнего юнги, смотрящего в золотистый туман с корабля, отплывающего в неизвестные страны.

С 1852 г. переехав в Москву, Соболевский очень сближается с Евдокией Петровной Ростопчиной. Быть может к тому были причиной польские симпатия Ростопчиной, за которые она пострадала, была изгнана от двора и должна была оставить Петербург. Дело в том, что она в 1845 г. написала свой „Насильный Брак“, где аллегорически изобразила отвратительную картину угнетения Польши Николаем I. Николаевские жандармы в то время были главными истолкователями литературных аллегорий.

Каменный дом на Садовой, купленный Ростопчиными у Ермоловой, по субботам был местом светских и литературных сборищ. Там стал часто

появляться Соболевский. За этот период и до самой смерти Ростопчиной, последовавшей 1858 г., Соболевский часто бывал у нее и переписывался с нею. Именно там познакомился с Соболевским Н. В. Берг, успешно соединивший в своем писательстве полицейские обличения поляков-повстанцев и недурное знание польской литературы. Его переводы, не блещущие красотой и правильностью, не погашают впечатления производимого переводчиком, как николаевским чиновником.

Берг неизвестно почему почувствовал антипатию к Соболевскому. Описывая Ростопчинский кружок в своих воспоминаниях, он смешивает Соболевского разных периодов; и тому, кто проверит сообщения Берга по другим источникам, станет ясно, что его манера изложения приводит его к целому ряду неточностей и фактических ошибок. Общая характеристика, даваемая Соболевскому, сводится к следующему: „Уставший скиталец по белу свету, библиоман, англоман, друг поэтов и артистов всего мира, Сергей Александрович Соболевский, который умел составить себе литературное имя еще в 20 годах этого столетия, близкий дружбою и кутежами с Пушкиным, который любил его преимущественно за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами“ [1]. Далее Берг сообщает со слов Соболевского историю смерти Грибоедова на основании показаний друга и компаньона Соболевского, Мальцова, единственно уцелевшего из состава русского посольства в Тегеране. По словам Берга Соболевский получил большое наследство от своей богатой матери, купчихи Карской [2]. Далее Берг рассказывает о дружбе с Мериме, о знакомстве с Монтихо, о заказе Пушкинского портрета Тропинину, в мастерскую коего на Ленивке Пушкин ходил ежедневно, и заканчивает: „Этот то самый Соболевский, в своем роде маленькая знаменитость, утомясь от двадцатилетнего скитания по чужой стороне и, может быть, соскучившись по России, явился вдруг на горизонте Москвы, уже порядочно устарелым, обрюзгшим, стал по старому по вечерам заглядывать в Английский клуб. Посетил несколько старых знакомых, отыскал Ростопчину, с которою встречался за-границей. Он резко отделялся от всего, что у ней собиралось из молодежи, манерой говорить обо всем небрежно, презрительно, с какой то вечною ядовитою усмешкою; так же небрежно и презрительно разваливаться в креслах (как никто из гостей Ростопчиной не разваливался); однажды он так развалился, что сломал ручку кресла, которая упала на пол и при этом сказал самодовольным тоном: „Какая еще сила! не могу сесть на кресла, чтобы их не сломать“. Кружок „Москвитянина“ был недоволен вторжением, так сказать в свои владения, этого старого фанфарона и брюзги. Когда он бывал у графини все москвитяне умолкали, не то поглядывали на часы и на шапки“.

Переписка Ростопчиной с Соболевским за этот период была конечно неизвестна Бергу. Она производит совершенно обратное впечатление, а ее

[1] „Русская Старина“. Февраль 1891 г. Стр. 252 — 258.

[2] На самом деле Анна Ивановна Лобкова, рожденная Игнатьева.

Mérimée
12

Paris rue Jacob 18
14. Avril 1852.

Mon cher ami si j'ai mis tant de retard à vous répondre n'allez pas croire qu'il m'a fallu trois mois pour comprendre votre Russe, prose et vers. Je pourrais commencer ma lettre par vous dire à la manière des Arabes : "J'ai lu la vôtre et l'ai parfaitement comprise," j'ajouterai, ne vous en déplaise, malgré votre écriture qui laisse fort à deviner, surtout pour quelqu'un qui n'est pas déjà très fort sur la lettre mouillée = J'avais déjà appris mon énorme erreur au sujet de за матушкой, par Mr Pouchkine dont j'ai fait la connaissance à Paris l'automne dernier. Mon excuse c'est que soupçonnant quelque chose de mystérieux sous ce mot, je m'en étais enquis auprès de Mr de L. qui me dit que vos officiers curieux d'avoir la taille fine, étaient sans cesse occupés à resserrer leur ceinture. За матушкой. Le contresens est réparé dans un in 18 qu'on a publié l'autre jour, où j'ai mis pour remplir le volume une traduction des Цыганы &c. On imprime le mois prochain mon Demetrius. En attendant j'ai fait dans le journal des savants un article sur les mémoires publiés par Mr Oustrialof, (Février et Mars) que je soumets à votre critique. Nous sommes je crois du même avis sur la non identité du Самозванца avec le moine Otrepief. Je crains que ce ne soit un article de foi apud vos et que cela ne me

quitte parmi les gens craignant Dieu. Mais la vérité avant tout. Après avoir bien étudié mon affaire, l'idée m'était venue d'écrire l'histoire *comme elle a dû se passer*, affirmant au lieu de présenter une hypothèse. J'ai fait sur ce thème quelques livres qui m'ont conduit jusqu'en Pologne. En rencontrant Pouchkine, j'ai abandonné mon projet (grand dommage) et j'ai écrit une vulgaire histoire. J'ai lu avec grand plaisir le Ms de Zolkiewski. Il me semble que ce fut la dernière bonne tête qu'aient eu les Polonais. Mickiewicz et Zolkiewski sont à mon avis d'excellents conteurs. J'ai essayé de lire les mémoires du prince Kourbski, mais c'était trop difficile, et j'ai vu plus d'un de vos compatriotes *vriàder* sur les phrases qu'ils m'ont dit écrites en petit Russien. Dieu sait en quelle langue Kourbski écrivait.

Saint Petersbourg est à Paris. Vos dames de P. ne me plaisent guères. Les unes me semblent ne venir que pour faire vivre les couturières, les autres sont des *Blues*, pires que celles d'Albion. Mad W. la hija de la Sra Nar jode à pierna tendida con el agregado à la embajada de Austria, y una porcion de otros lechuguinos, quando se han vaciado los huevos del susodicho agregado. Lo que me gusta en ella, es que lo hace con la mayor serenidad, y como cosa de su derecho. La mas hermosa que hay es una tal Baxmetief, griega, casada con un tártaro, de cuyo los abuelos han desempeñado un papel al tiempo de Demetrio. Pero dicen que teme al diablo, y no tira sino con su marido. Que lástima q. no sepa lo feo que es tirar con un marido.

J'espérais que vous viendriez à Paris pour la vente de la bibliothèque de Louis Philippe.

Tout s'est vendu à des prix extravagants. J'ai acheté quelques volumes, dont un fort cher, parce qu'il y avait imprimé sur la couverture, la trace du soulier ferré d'un vainqueur de février. Il y avait un autre volume qui contenait dans l'intérieur une trace bien plus monstrueuse, et qui n'a pas nui à la vente. Ce n'est pas un adorateur du grand lama cependant qui l'a acheté. Quelles drôles de gens vous êtes, messieurs les collectionneurs? Est-il vrai que Gogol ait brûlé le second volume des Мертвыя души avant de mourir. M. de St Priest m'écrivait de Moscou qu'il passait son temps à se donner la discipline. Je ne vois trop comment s'accommodent cette vie là, avec ses œuvres. Il me semble qu'il y a une fatalité sur vos beaux génies. N'avez-vous pas peur de crever un de ces jours? Avant de passer l'arme à gauche, ayez soin de mettre en ordre vos œuvres complètes et de m'en envoyer le manuscrit.) Je les publierai avec votre oraison funèbre, et des commentaires pour les demoiselles qui auraient besoin d'explications, et suivi d'un glossaire des <u>erotica verba</u>. En attendant dites-moi ce que devient votre littérature. Vous me parlez de travaux historiques et archéologiques. Donnez-moi des titres de livres. A-t-on fait quelque chose de bon sur les Kourganes et les statues qui les surmontent. A ce que je vois par le livre du baron de Haxthausen, on attribue bien des choses aux Finnois. Mais qu'est-ce que les Finnois? Y a-t-il quelqu'un qui se soit occupé des langues de toutes les peuplades non slaves répandues en Russie, et les rattache bien nettement à la souche finnoise? Connaissez-vous une traduction française d'une épopée finnoise intitulée le Kalewala? On dit, est-il vrai, que c'est traduit du médoc

(à ce propos dites-moi quel homme est Mr Léouzon Leduc, qui est ou était domicilié à Pétersbourg, et qui fait profession de finnois?)

par quelqu'un qui ne l'entendait guère. Et la traduction d'une traduction admet un nombre illimité de contresens. On m'a parlé d'une vie de Boris Godounof qui serait une œuvre remarquable. Quid dicis Tome? Adieu mon cher ami, je combats la vieillesse tant que je puis, et jusqu'à présent avec quelque succès. Seulement je m'apperçois que je me f. de trop de choses, ce qui est mauvais signe. Quand on est arrivé à ce point sublime de la philosophie on est bien près de déchoir. Oh! les illusions de ma jeunesse. Adieu encore. N'oubliez pas que notre jour de cinquantaine nous devons boire une bouteille champagne à la santé l'un de l'autre. J'y compte de votre part, comptez y de la mienne. N'imitez pas ma paresse, et écrivez moi.

P. M.

С. А. Соболевский в 1858 году

стихи, обращенные к Соболевскому, показывают нисколько не угасшее влияние его на лучшие круги литературной молодежи Москвы и Петербурга. Этот период совпадает для Соболевского с интересным и значительным его участием в жизни Российской Публичной Библиотеки и библиографических кружков обеих столиц[1].

21 сентября 1855 г. Е. П. Ростопчина обращается к Соболевскому с просьбой, которая сохранилась в его архиве [2]. Вот это письмо в переводе той части, которая наиболее нас интересует".

„ . . . А теперь скажите мне пожалуйста, не могу ли я просить Вас написать препроводительное письмо Вашему приятелю Просперу Мериме, чтобы я с Вашим письмом могла отправить к нему экземпляр моих сочинений. Попросите его взять на себя труд написать по поводу моих произведений статью в какой либо французской „Revue". „Очень печально конечно, что иностранцы мало нас знают и не имеют возможности высказываться с надлежащим беспристрастием о наших соотечественниках. Если Вы захотите дать мне такое письмо, то я найду способ препроводить его с дипломатической почтой французского посольства".

Судя по дальнейшей переписке с Мериме, Соболевский исполнил просьбу Ростопчиной, а 15 ноября 1856 г. Проспер Мериме ответил своему другу. Очень интересно, что это письмо пришло не обычным почтовым путем, а его привез испанец дон Хуан Валера. Имея титул секретаря испанской миссии, Валера явился в Петербург в качестве официального лица и был у Соболевского 10 марта 1857 г. Вот необходимые о нем сведения, он родился в 1827 г. Следовательно, когда он прибыл в Петербург ему было 30 лет. Это был красивый человек, стяжавший себе литературную славу на своей родине, занимавшийся философией и литературой, писавший критические статьи и действительно прекрасные стихи. Тетрадка его рукописей со стихами сохранилась в архиве Соболевского [3]. Не изданные доселе три строфы „На смерть маленькой девочки" дышат изумительной прелестью. Человек большого темперамента, Валера принимал некоторое участие в политической жизни своей страны. Он был депутатом с 1859 г. Из его ученых трудов упоминаются обыкновенно основные: его работы по: „Истории поэзии и искусства арабов Испании и Сицилии", представляющие собою оригинальные дополнения работы Шака. Своеобразная романтика с оттенком легкой насмешки характеризуют роман дона

[1] В 1847 г. отмежевавшись, как „чужеземец" от славянофилов, он тем не менее обращается именно к ним через Шевырева, чтобы они принялись за организацию в Москве большой Публичной Библиотеки. Эта мысль по его же почину была выражена другом и сожителем С. А. С. кн. В. Ф. Одоевским в докладной записке о переводе Румянцовской Библиотеки в Москву (Русск. Арх. 1909 г.)

[2] А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Том XVI, стр. 480—85.

[3] А.Н.Х.К. и Б. Фонд Соболевского. Том XIII, стр. 53.

Хуана Валеры: „Иллюзии Доктора Фаустино“, произведение, которое роднит его пожалуй с Бенжаменом Констаном, его герой значительно совпадает основными чертами характера с „Адольфом“ Констана, которым увлекались Вяземский и Пушкин. Но перевод романа испанского писателя появился значительно позже, он издан был в Петербурге в 1894 г. в серии „Моя библиотека“ М. М. Ледерле.

Явившись на квартиру Соболевского 8 марта 1857 г. и не застав его дома, Валера не решился оставить ему письмо, тем более, что оно было адресовано по Московскому адресу и надписано рукой Мериме: *„Сергею Александровичу Соболевскому на Девичьем поле в доме Манцова в Москве“*. Вызванный потом Соболевским Валера вручил ему письмо, в котором мы читаем следующее:

IX

Paris 52 rue de Lille.
15 Nov-re 1856.

Mon cher ami, si vous êtes encore de ce monde, comme je me plais à croire, je vous présente et vous recommande le porteur de cette lettre, un de mes bons amis Mr Valera secretaire de la Légation espagnole. Il est poète et homme d'esprit. Il sait, que vous réunissez ces deux qualités quelquefois incompatibles. Dites lui ce qu'il faut qu'il voie pendant son court sejour à Moscou, et si malgré la neige son sang andaloux le tourmenterait trop, faites lui de la morale et enseignez lui où se trouvent les meilleures *молодушки* de Moscou.

Vous souvient il d'un serment que nous avons fait de boire une bouteille de vin de champagne à la santé l'un de l'autre le jour où nous aurrions accompli une certaine année — mettons la vingt cinquième. J'ai célébré cet anniversaire avec ponctualité et selon les anciens rites à Madrid avec Serafin Calderon et autres grands hommes. J'éspère que de votre côté vous n'y avez pas manqué. Valera est grand ami de Calderon et vous en donnera des nouvelles. Il vient de perdre sa femme et est devenu comme il dit une Artemisia *macho*.

Nous faisons de grands progrès en morale et en religion. Tout les salons sont devenus ennuyeux comme la peste. Il n'y a plus de femmes d'esprit que vieilles. Il est bien temps que la fin du monde arrive. Ecrivez moi à quoi on passe le temps à Moscou, il ne serait pas impossible que j'allasse vous faire une visite l'année prochaine si j'avais de l'argent et de la santé. Se manifeste-t-il quelque génie dans la littérature? Se fait-il quelque bon travail historique? On me dit que l'Empereur a chargé un homme de talent dont je ne me rappelle plus le nom d'ecrire une vie de Pierre le grand et qu'il a mis toutes les archives à sa disposition. Quand cela paraîtra-t-il? J'ai bouquiné il y a quelques jours un magnifique exemplaire du Diarium itineris in Moscoviam de Georges Korb, qui vous rendrait jaloux, idem une traduction italienne de Herberstein de 1550. Sa relation latine que j'ai aussi est de 1551.

J'ai reçu une lettre de la comtesse Rostoptchine avec deux volumes de ses poèsies dont elle me prie de rendre compte aux barbares de l'occident.

J'ai oublié trois des six mots de Russe que je savais et en outre je ne suis pas capable de juger des vers lyriques. C'est ce que je lui explique dans une lettre dont je charge Valera.

Veuillez faire ma paix avec elle et lui dire que je suis amoureux de son portrait.

Jugez si je voyais l'original. Les livres augmentent de prix tous les jours Bauzonnet ne travaille plus et les bibliophiles se donnent au diable. Landresse me charge de ses compliments et vous recommande d'envoyer des livres à la bibliotheque de l'Institut. Adieu mon cher ami, portez vous bien, tenez vous en joie et lorsque vous vous marierez faites m'en part pour que j'imite votre exemple.

Pr. Mérimée

IX

[*Рукою Соболевского*] С. П. 10 март, 1857, пол. в С. Петербурге.
Париж 52 улица Лилль.
15 ноября, 1856.

„Мой дорогой друг, если Вы еще существуете на этом свете, как мне это хочется думать, то позвольте мне представить и рекомендовать Вам подателя этого письма, одного из моих добрых друзей, господина Валера, секретаря испанского посольства. Он поэт и человек большого ума. Ему известно, что и Вы также соединяете в себе эти два порой несовместимые качества. Расскажите ему обо всем, что ему следует повидать за время короткого пребывания в Москве, а если несмотря на снег его андалузская кровь будет слишком волноваться, прочтите ему нравоучение и укажите где проживают самые лучшие „*московские молодушки*".

Помните ли Вы о клятве, которую мы дали друг другу в том, что мы всегда будем выпивать бутылку шампанского за здоровье друг друга, когда будем достигать известных лет,—ну, положим хотя бы двадцати пяти. Я с точностью ознаменовал эту годовщину, следуя старинным обычаям, в городе Мадриде вместе с Серафином Кальдероном и прочими великими людьми. Я надеюсь, что и Вы в свою очередь не позабыли сделать того же. Валера большой друг Кальдерона, он Вам об нем расскажет. Он только что потерял жену и превратился, как он говорит в *Artemisia macho* *, мы делаем большие успехи в области морали и благочестия, благодаря этому гостиные стали скучнее и страшнее чумы. Из женщин живой ум сохранили только старухи, очевидно настает кончина мира. Напишите мне, как проводят время в Москве. Нет ничего невозможного в том, что я приеду навестить Вас в будущем году, если соберусь с деньгами и буду здоров. Не возник ли в литературе новый гений? пишется ли какое нибудь прекрасное литературное сочинение? Мне сообщили, что император поручил одному талантливому человеку, имени которого я уже не помню, описать жизнь Петра Великого, для чего были предоставлены в его распоряжение все архивы. Когда эта книга появится?

* Артемизия, вдова царя Мавзола, построившая мужу роскошную гробницу; Artemisia macho комическое выражение „Артемизия мужского пола".

Несколько дней тому назад я купил великолепный экземпляр книги „Diarium Itineris In Moscoviam", Георгия Корба. Вы мне конечно очень позавидуете. Я купил также итальянский перевод Герберштейна 1550 г. Латинская передача текста Герберштейна у меня имеется в издании 1551 г.

Я получил письмо графини Ростопчиной, и два тома ее стихов, о которых она просит меня дать отзыв для „западных варваров". Я позабыл три из шести слов русского языка, известных мне раньше, а кроме того Вы знаете, что я неспособен к суждению о лирических стихах. Все это я ей объяснил в письме, врученном мною господину Валера.

Прошу Вас, постарайтесь заключить между мною и ею мир, и скажите ей, что я влюбился в ее портрет, — посудите, что стало бы со мною, если бы я увидел оригинал.

Книги дорожают с каждым днем. Бозоннэ больше уже не работает, а библиофилы шлют друг друга ко всем чертям. Ландресс поручил мне передать Вам свой дружеский привет и просит Вас присылать книги в Библиотеку Института.

До свидания дорогой мой друг. Будьте здоровы и веселы. Дайте мне знать когда соберетесь жениться, чтобы я мог последовать Вашему примеру.

Пр. Мериме

Таким образом, препровождая в Петербург своего приятеля, дружба с которым отмечена в истории литературы, Мериме рекомендует его единственому близкому человеку, С. А. Соболевскому. Пока неизвестны размеры переписки Мериме с Николаем Александровичем Мельгуновым (род. 1804 — ум. 1867 г.), но часть своих находок я имею возможность в недалеком будущем опубликовать. Во всяком случае с Мельгуновым было гораздо меньше точек соприкосновения, нежели с Соболевским, а кроме того Мельгунов огромную силу своего посреднического таланта израсходовал на ознакомление с русской литературой германского ученого мира. Мериме никогда сам не писал Мельгунову, но обычно давал короткие ответы на его письма. Их отношения не носили характера дружбы, окрашенной большой близостью, и вопросы затрагиваемые этой дружбой не выходили из предела литературы. Мериме не поверял Мельгунову своих личных дел, и никого к нему не направлял из друзей.

Мериме сообщает о своей поездке в Мадрид и о том, что во время встречи с поэтом Кальдероном он вспоминал Соболевского в Испании. Очевидно Соболевского живо помнили его испанские друзья. Именно около этого времени ему часто визитировали представители Испании, бывавшие в Петербурге и в Москве. Их визитными карточками за эти годы пестрят страницы архива Соболевского.

Украшенный мундиром национального гвардейца в первые месяцы второй республики, Проспер Мериме зевает от скуки в гостиных второй империи: „Мы делаем большие успехи в области морали и благочестия, — благодаря этому гостиные стали скучнее и страшнее чумы". Императрица Евгения

вводила клерикальные порядки, а ее супруг в чаянии добрых отношений с Ватиканом заботился о декоративном благочестии не менее чем Реставрация. Мериме начал скучать. Стремление к путешествиям его не покидает. После Парижского Конгресса, он начинает серьезно подумывать о поездке в Россию. Но сборам этим так и не удалось осуществиться. Поездка не состоялась. На этот раз Мериме уже не прибегает к романтической насмешке описывания впечатлений „из несостоявшегося путешествия", как это было в 1827 году, но он и без этого производил впечатление человека, приехавшего из России. Слова Поля де-Сен-Виктор *, о литературной эмиграции Мериме в Россию, действительно выражают главное направление интересов Мериме за эти годы. В письме, переданном Соболевскому испанским поэтом, он пишет о покупке Корба и Герберштейна, дразнит библиофильство Соболевского, и просит сообщить о том, кто пишет жизнеописание Петра I. Очевидно ему сообщили о многотомной работе, начатой, но не законченной Устряловым. К этому времени в результате его русских увлечений появились уже в печати переводы Пушкина: „Цыганы", „Гусар" (1852), „Выстрел" (1856), а кроме того: 1) Рецензия на книгу Гастхаузена о России, 2) „Лжедмитрий— эпизод из истории России", названный в издании 1853 году, 3) „Выступления авантюриста". Продолжая работать по книге капитана Маржерета, Мериме вносит исправления русских слов и названий в обработку его сочинения. Теперь мы можем считать документально доказанным, что эти исправления делались для Мериме Соболевским, который при этом обнаружил не только библиографическую сноровку, но и филологическую эрудицию. К этому же времени (1854) относится первый этюд „О казачестве Украины", и наконец труд, пленявший Мериме все более и более, примыкающий к его первоначальной заметке о Гоголе: перевод гоголевских произведений. В 1853 году вышел в его переводе „Ревизор". Неудачный французский критик нашел возможность сравнивать Мериме с Гоголем. Не стоило бы останавливаться на таком сравнении, если бы оно не вызывало в памяти другого очень интересного имени помимо имени Мериме. В своих скитаниях по Европе Гоголь встретился однажды с Сент-Бевом. Именно Сент-Бев приводит, как ненужное, это сопоставление Гоголя и Мериме. Встреча произошла, очевидно, около 1843 г. или быть может в 1847 г., во время трехлетних скитаний Гоголя по Италии и Германии. Сент-Бев встретил русского писателя на пароходе, шедшем из Марселя в Неаполь, и был совершенно очарован его умом, быстротою его убедительной речи и яркостью его пересказа: Гоголь убеждал Сент-Бева обратить внимание на молодого итальянского поэта Белли, стихами которого он увлекался, познакомившись с автором недавно. Это было одно из мимолетных, и к сожалению не оставивших никакого следа, заграничных знакомств Гоголя, и поэтому чрезвычайно трудно по этим отрывочным сведениям воссоздать полную картину гоголевских соприкосновений, начиная от его первой поездки 1836 года и кончая палестинским путешествием.

---

* Paul de St. Victor. 1) „Barbares et Bandits" 2) „Le Prusse et la Commune". Paris. 1871 p. 147.

Мельхиор де-Вогюэ в своей книге о „Русском Романе“ бросает такую фразу: „Мериме первый вскрыл для Франции имя Гоголя; он заявил с обычной для него остротой и меткостью суждений, что Гоголь недостаточно оценен, как величайший мастер современной художественной прозы. Однако тогда Мериме знал только небольшую часть произведений своего друга; а в этих произведениях его интересовала главным образом литературная редкость Гоголя“ (Париж 1866 стр. 1).

По имеющимся доселе сведениям и документам трудно установить не только время, но и самую возможность знакомства Мериме с Гоголем. Гоголь был на шесть лет моложе Мериме и Соболевского и на пять лет моложе Сент-Бева. Гоголь выехал из России с Данилевским 6-го июня 1836 г., после большого утомления, вызванного постановкой „Ревизора“, и его первое путешествие совпадало со вторым путешествием Соболевского, с которым он виделся на спектакле в Александринском театре и, как мы помним, за день, за два до спектакля. Соболевский выехал только через два месяца. Как мы помним на брант-вахте Кронштадтской гавани его выезд отмечен 8-го августа 1836 г. Нет никаких следов встречи Соболевского с Гоголем заграницей до 1847 г. (Неаполь). Я вовсе не хочу сказать, что Гоголь нуждался в непременном посредничестве Соболевского для знакомства с Проспером Мериме, — я имею в виду нечто другое: невозможно было бы допустить, чтобы встреча Мериме с Гоголем была неизвестна Соболевскому. Гоголь был в Париже в последние месяцы 1836 г., работал над первой частью „Мертвых Душ“ в то время, когда Мериме находился в Германии. Мы имеем письмо Гоголя из Парижа к Жуковскому 12-го ноября 1836 г. Там ни слова не говорится о встрече с Мериме ни в Германии, ни во Франции. Вообще имя *Мериме в известных доселе письмах Гоголя вовсе не упоминается*. Соболевский с 11-го ноября 1836 г. был в Лондоне. Следовательно, если случайная встреча и могла бы произойти, то она падает исключительно на первые месяцы 1837 г., когда Соболевскому пришло письмо Мальцова с первым известием о смерти Пушкина, известие, которое и Гоголь получил в Париже и на которое так горячо отозвались его письма, обращенные в Россию. В марте 1837 г., когда Гоголь уехал в Рим, Соболевский оставался в Париже, а перед этим, как мы видели, он брал книги Гоголя для чтения (самому или для Мериме) у двоюродного брата Варвары Ивановны Лагренэ, Погожева. Вряд ли это было бы возможно, если бы Соболевский соприкасался с Гоголем непосредственно.

В 1839 г. Мериме живет со своим другом Бейлем в Италии (Неаполь), но именно в это время Гоголь находится в Москве. Одно из русских впечатлений, вывезенное Стендалем в Италию, это была встреча в апреле 1839 г. в гостиной у Моле с Петром Андреевичем Вяземским, записавшим острые словца и тонкие сплетни Стендаля *.

* Сочинение П. А. Вяземского, том IX стр. 192, 193: „Моле *не сказал мне* ни единого слова. Вообще осуждают короля за то, что он не хочет лично открыть заседание палат. Бель-Стендаль говорил, что qu'en France il ne faut jamais accepter un ridicule, и продолжать свое дело, как будто ни в чем не бывало...

Таким образом последующие годы: второе путешествие Гоголя в 1840 г., которое закончилось осенью 1841 г.; и последнее путешествие Гоголя, начавшееся летним пребыванием его на водах в Германии, продолжавшееся с октября 1842 г. поездкой вместе с Языковым в Рим, последующее свидание с друзьями во Франкфурте с Жуковским, в Риме с Ивановым, с Соболевским в Неаполе в 1847 г., закончилось поездкой на Восток, а весной 1848 г. Гоголь был уже в Васильевке; таким образом эти последующие годы давали возможность только для какого нибудь гадательно-случайного соприкосновения Гоголя и Мериме, при чем у первого не осталось в памяти никаких следов этих встреч. Это дает мне пока основание к предварительному выводу о том, что Мериме впервые ознакомился с произведениями Гоголя только через Соболевского*.

Приведенный перечень занятий Мериме за это время, и его возвращение к Гоголю, который не остановил французского писателя трудностью своего языка, позволяют нам сделать вывод, что его извинения перед Ростопчиной, пославшей ему свои произведения, отказ писать о ней, основанный на том, что он будто бы позабыл три из шести слов русского языка, известных ему раньше, являются лишь дипломатической уловкой писателя, оставшегося себе верным в оценке лирической поэзии вообще, а в особенности милой, но мало талантливой лирики, красивой светской русской дамы. Мериме так и не написал о ней ни строчки, но его восхищение наружностью неожиданной корреспондентки было совершенно искренне, хотя русская поэтесса и послала ему свой портрет, имевший уже к тому времени двадцати трехлетнюю давность: эта замечательная миниатюра была написана с нее в 1833 г., когда Ростопчиной было еще только двадцать два года. Мне не удалось найти никакого отзвука знакомства испанского поэта с русской поэтессой, равно как не удалось найти письма к ней Проспера Мериме. Корреспонденция не поддерживалась тем более, что через год, в 1858 году, Ростопчина умерла. Письмо заканчивается вопросом о том, не собирается ли Соболевский жениться. Оба они, и Мериме, и его русский ровесник так и не собрались сделать этого, еще более дополняя этим сходство своих житейских характеров.

Характерна фраза Мериме о том, что Ростопчина просит написать статью об ее произведениях „для западных варваров". К этому времени Мериме был уже в курсе спора славянофилов и западников, и так

Талейран сказал о M-me Flahaut и ее сыне: elle est un vieux intrigant et lui une vieille coquette. За час перед тем Бель-Стендаль рассказал мне у Моля другой анекдот о M-me Flahaut. Она уверила Талейрана, что ее сын, его сын, и узнавши, что кто то в Memoires своих хотел объяснить, чей он сын в самом деле, она отправилась к нему и умоляла его не разуверять Талейрана". Сущность анекдота состоит в том, что сыном штальмейстера Гортензии, графа Флаго, был знаменитый авантюрист, брат Н. III-го — Морни.

* Все французские авторы к сожалению основывают свои догадки на quasi-воспоминаниях А. О. Смирновой. Мы уже говорили о невозможности пользоваться „начитанным" фабрикатом О. Н. Смирновой в качестве историко-литературного документа. Смирнова, напр., утверждает, что известие о дуэли Пушкина застало Гоголя в Риме. Об отношении Гоголя к творчеству Мериме будеть речь дальше.

как очевидно Соболевский обильно снабжал его сатирическим стихотворным материалом, то несомненно, что точка зрения Соболевского была ему известна. Не интересуясь ближайшим образом внутренними распрями Московской кружковщины, Соболевский и его друг Михаил Николаевич Лонгинов библиофил и талантливый историк литературы, вдвоем сочиняли ядовитые эпиграммы на славянофилов*.

Мериме считал необходимым сообщать своему другу все события библиотечной и библиофильской жизни Парижа, а в среде библиотекарей и библиофилов Европы имя Соболевского пользовалось гораздо большей известностью и приязнью, нежели в России последующих десятилетий,

* Привожу один из документов этого совместного эпиграмматического творчества:

ПРИЕЗД СЛАВЯН

Субботич, Сундечич, Талан,
Гловацкий, Маяр, Мациевский
И множество разных Славян
На берег появятся Невский.

И встретит Славянский сей хлам
Известная всем Антонина,
Приявшая Костича там
Под сень своего кринолина.

Приедут они и в Москву
На диво для всех идиотов.
Зане уж давно ранде-ву
Здесь дан им от всех патриотов.

Пред стаей Богемцев, Болгар
Русинов, Хорватов, Словаков
Покажут ораторский дар
Самарин, Погодин, Аксаков.

Ламанский, Щебальский, Попов
И прочие славянофилы
Докажут потоками слов
Что значат народные силы.

Затмится тут разума свет
И мало подобных оказий
Представится в несколько лет
Охотникам до безобразий.

Предвижу я праздник большой
Приличный одним Эскимосам
И всякому, кто лишь душой
Весь занят славянским вопросом.

И будут в награду даны
Самарину: „Жизнь Еруслана".
Венок из листов белены
И цельный ушат кукольяна.

2 мая 1867 г.

и несомненно, причину этого забвения Соболевского надо искать в молодой незрелости московской и петербургской культуры, в разрозненности ее интелектуальных слоев. Отсюда возможность таких небрежных по невежеству отзывов, как вышеприведенный отзыв Н. В. Берга. Впечатления, которые получил Валера от свидания с Соболевским, для нас очень интересны, как свидетельство полной противоположности тому, что говорит Берг. В одном из поздних писем, полученных Соболевским из Испании, Гайянгос пишет Соболевскому уже в Москву:

Евдокия Петровна Растопчина

„Мой дорогой друг, в то время, когда я считал вас уже ушедшим из этого мира, не имея от вас известий почти два года, вот тут вдруг появляется Валера и рассказывает мне, что видел вас бодрым и здоровым, несмотря на Петербургские условия, что нашел в вас библиофила такого же, какого я некогда встретил в вас; он мне сообщил, что вы сохранили в вашей памяти привязанность ко всем, кто с такой же искренностью как я сохраняет к вам приязнь".

Тот же Гайянгос сообщает Соболевскому о покупке целого ряда первоклассных материалов по истории „Лжедмитрия", о покупке книг для Проспера Мериме, о целом ряде своих испанских новостей, считая повидимому совершенно естественным тон большой дружественности и доверительности по отношению к человеку, с которым он провел в жизни не более трех месяцев, и на которого когда то не на шутку рассердился по поводу того, что этот северный варвар Соболевский, диктовавший свои вкусы и свои взгляды библиофилам западной Европы и ее библиографам, вдруг осмелился забраковать добытую с величайшим трудом за 3000 франков профессором Гайянгосом коллекцию путешествий, изданную Де-Бри. Каталог Франке

и Листа, изданный в Лейпциге в 1874 г. к распродаже библиотеки Соболевского, говорит о том, что в этом частном московском собрании была единственная в мире и не повторимая коллекция литературы о путешествиях. Простим Соболевскому его неистовую расправу с мадридским профессором, желавшим ему услужить повидимому бескорыстно.

Русская литература к этому времени имела следующие ознакомляющие ее с творчеством Проспера Мериме переводы его произведений: 1) „Испанские разбойники" („Телескоп" 1832 г.), 2) „Илльская Венера" (Библиотека для чтения XXIV 1837 г.), 3) „Коломба" (Библиотека для чтения 1840), 4) „Любовь африканки" (Москвитянин 1855), 5) „Двойная ошибка" 1859 г. Москва. А кроме того в сто сорок седьмом томе „Библиотеки для Чтения" за 1858 г. появляются обстоятельные изложения и разбор с переводом работы Мериме „О Лжедмитрии". Написанный харьковским историком А. Зерниным, этот обзор отмечает и переводы работы Мериме на немецкий язык, и погрешности Мериме против русского и старо-русского языка, а вместе с тем дает резюме, к которому нынешная наука может вполне присоединиться: „справедливость требует заметить, что сочинение Проспера Мериме „О Лжедмитриях" должно быть отнесено в число лучших иностранных исторических сочинений о России, уж потому, что он не только чужд всякого предубеждения, столь гибельного для науки, но проникнут еще участием к предмету своей задачи".

До 1860 г., т.-е. до новой поездки Соболевского во Францию, переписка друзей не возобновлялась. Соболевский еще более сдружился за это время с Михаилом Николаевичем Лонгиновым, а Проспер Мериме, продолжая переписываться с семьей Лагренэ, отмечает свои встречи в 1859 г. с женой Михаила Николаевича, Александрой Дмитриевной Лонгиновой. Имея от природы слабые легкие, Мериме все чаще и чаще должен был оставлять Париж для того, чтобы зимние месяцы проводить на Средиземноморском побережьи в Каннах. В LXVIII письме к Теодозу Лагренэ от 28-го декабря 1859 г. Мериме пишет об А. Д. Лонгиновой: „Русская дама очень красивая, несмотря на некоторые крайности своих кринолинов; ее фамилия Лонгинова. Она белокура, округла, имеет большой рост и в глазах бархатистый блеск. Она довольно чувствительная дама и немало скучает, я советую Эдуарду С... поразвлечь ее немного, хотя может быть она чересчур высока для него ростом".

В этом же письме, он сообщает о том, что он начал читать „Семейную хронику" Аксакова. А через месяц 27 января 1860 г. в LXIX-ом письме, адресованом на имя Ольги Лагренэ, он пишет опять таки из Канн: „У нас здесь преобладают русские, а среди них довольно красивая, очень белокурая дама, госпожа *Лонгинова*, которой мы дали прозвище *long enought* *. Кажется это племянница господина Киселева".

* Long enought— долговязая или довольно длинная.

Я полагаю, что между А. Д. Лонгиновой и Проспером Мериме возникла переписка. Ее следы имеются в литературе, и в конце настоящей книги я приведу выдержки из единственно уцелевшего письма. Но по сообщению Б. Л. Модзалевского, дочь М. Н. Лонгинова, в замужестве А. М. Козловская, передала в Пушкинский Дом при Академии Наук далеко не весь архив своего отца, удержав и, повидимому, уничтожив не только те части переписки М. Н. Лонгинова, которые тревожили ее дамскую щепетильность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Последнее путешествие Соболевского заграницу.—Париж 1860—1861 гг. Мериме—И. С. Тургенев—Паницци—Соболевский.—Мериме и Соболевский на юге Франции

21 июня по новому стилю 1860 г. в Москве Соболевский получил заграничный паспорт и через три дня, проезжая Вержболовской таможней, отправился в свое последнее заграничное путешествие, продолжавшееся полтора года. 11 августа 1860 г. он был в Лейпциге. 10 мая 1861 г. в Ницце, а перед этим успел побывать в Бельгии, в Англии и во Франции. В Париже он был дважды. Первый раз зимою 1860 г., а второй раз после длительного пребывания на Ривьере зимою 1861 г. Но уже 31 декабря 1861 г. Вержболовская таможня отметила его въезд в Россию. Счета, оставленные им в назидание потомству, говорят о том, что он прожил полтора месяца в Париже в первый раз, *т. е. с 29 августа по 10 ноября 1860 г.* он жил в Луврской гостинице в Париже; но и 8 декабря 1860 г. он, как оказывается, обедал с Яковлевым в кофейной Каройца, выехав перед этим на короткий срок в Англию. 18 декабря 1860 года он останавливается в Марселе в Hôtel Impérial. а затем с января 1861 года он почти полгода живет в Ницце, откуда выезжает 12 июня 1861 г. в Геную, Турин, Парму, Модену, на Альпийские озера и в последних числах июля 1861 г. мы его видим в Италии, в Швейцерии: в Базеле, Берне, Цюрихе, наконец в Германии: в Бадене, Гедельберге, Кельне; а затем в Бельгии и Голландии в течение августа месяца в Брюсселе, Антверпене, Амстердаме и Гааге. Потом он снова мечется по Германии: в Гедельберге, в Штутгарте, в Мюнхене, Нюрнберге, Бамберге, Карльсруэ до середины сентября. А 20 сентября 1861 г. он поселяется опять в № 32 Луврской гостиницы в Париже, и там живет до 21 декабря 1861 г., выезжая только 7-го и 8-го октября в Фонтенебло, дни, когда произошло его единственное свидание с Наполеоном III. Это пребывание в Париже ознаменовано легкими обедами и тяжелыми кутежами у Маньи, у Люкас, у Дюбока, у Бруно Гаити, в „Избушке с Желтой Дверью“ в Венсенской роще и в прочих, более или менее веселых местах. Забавнее всего, что никогда не покидавший Соболевского бухгалтерский педантизм заставил его и здесь брать расписки с содержательницы дома свиданий, в котором он поселил на улице св. Гонория № 318 особу, пленившую его сердце ровно на два месяца. Вот список важнейших адресов за

Проспер Мериме Сенатор

Ch. 10 Mars 1857

non. de Chateaubriand

Paris 52 rue de Lille
15 Novre 1856

Mon cher ami, si vous êtes encore de ce monde, comme je me plais à le croire, je vous présente et vous recommande le porteur de cette lettre, un de mes bons amis M. Valera secrétaire de la Légation espagnole. Il est poète et homme d'esprit. Il sait que vous réunissez ces deux qualités quelquefois incompatibles. Dites lui ce qu'il faut qu'il voie pendant son court séjour à Moscou, et si malgré la neige son sang andalouse le tourmentait trop, faites lui de la morale et enseignez lui où se trouvent les meilleures Mortodyneku de Moscou.

Vous souvient il d'un serment que nous avons fait de boire une bouteille de vin de champagne à la santé l'un de l'autre le jour où nous

...mois accompli une certaine année, nettons le vingt cinquième. J'ai célébré cet anniversaire avec ponctualité et selon les ... ités à Madrid avec Serafin Calderon et autres grands hommes. Dépêche que de votre côté vous n'y avez pas manqué. Valera est grand ami Calderon et vous en donnera des nouvelles ... vient de perdre sa femme et est devenu comme il dit une Artemisia macho.

Nous faisons de grands progrès en morale et en religion. Tous les salons sont devenus ennuyeux comme la peste. Il n'y a plus de femmes d'esprit que vieilles. Il est bien temps que la fin du monde arrive. Écrivez moi ce que on passe le temps à Moscou, il ne serait pas impossible que j'allasse vous faire une visite l'année prochaine si j'avais de l'argent et de la santé. Si ... quelque ...

dans la littérature? Se fait-il quelque bon travail historique? On me dit que l'Empereur a chargé un homme de talent dont je ne me rappelle plus le nom d'écrire une vie de Pierre le grand et qu'il a mis toutes les archives à sa disposition. Quand cela paraîtra-t-il? J'ai bouquiné il y a quelques jours un magnifique exemplaire du Diarium itinerarii in Moscoviam de Georges Korb, qui vous rendrait jaloux, ibidem une traduction italienne de Herbertstein de 1550. La relation latine que j'ai aussi est de 1551.

J'ai reçu une lettre de la comtesse Rostoptchine avec deux volumes de ses poésies dont elle me prie de rendre compte aux barbares de l'occident. J'ai oublié trois des six mots de Russe que je savais et en outre je ne suis pas capable de juger du vers typiques. C'est ce que je lui explique

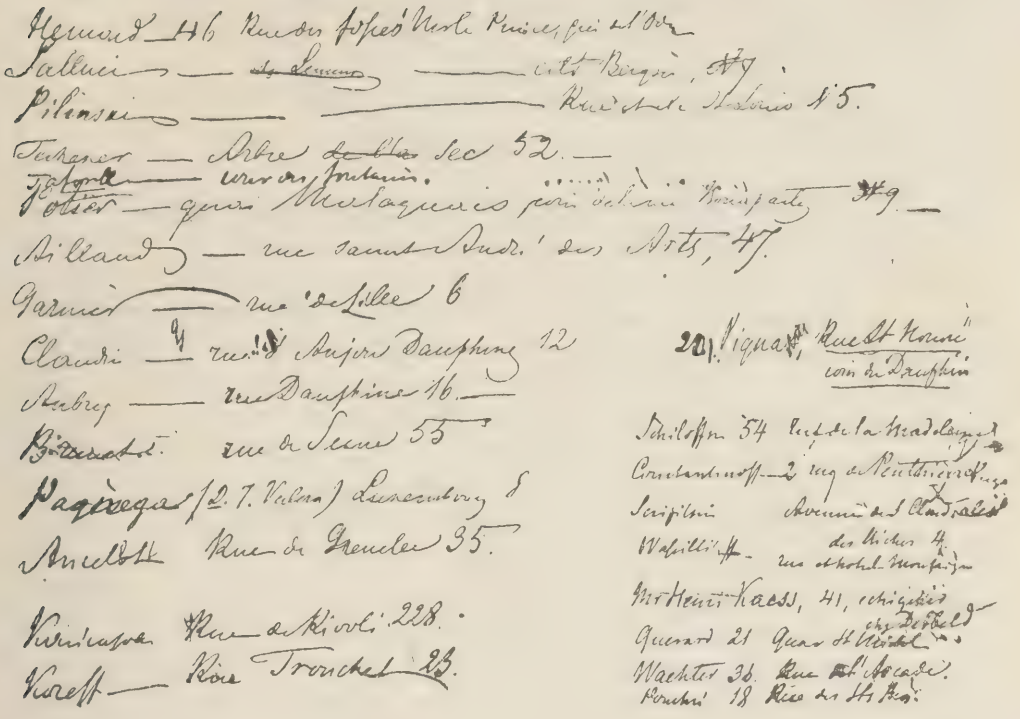
dans une lettre dont je charge Valen
Veuillez faire ma paix avec elle et lui d
que je suis amoureux de son portrait
Jugez si je voyais l'original.

Les livres augmentent de prix tous les jours. Bauzonnet ne travaille plus et les bibliophiles se donnent au diable. Landrefse me charge de ses complimens et vous recommande d'envoyer des livres à la bibliothèque de l'Institut. Adieu mon cher ami, portez vous bien, tenez vous en joie et lorsque vous vous marierez faites m'en part pourquoi j'imite votre exemple.

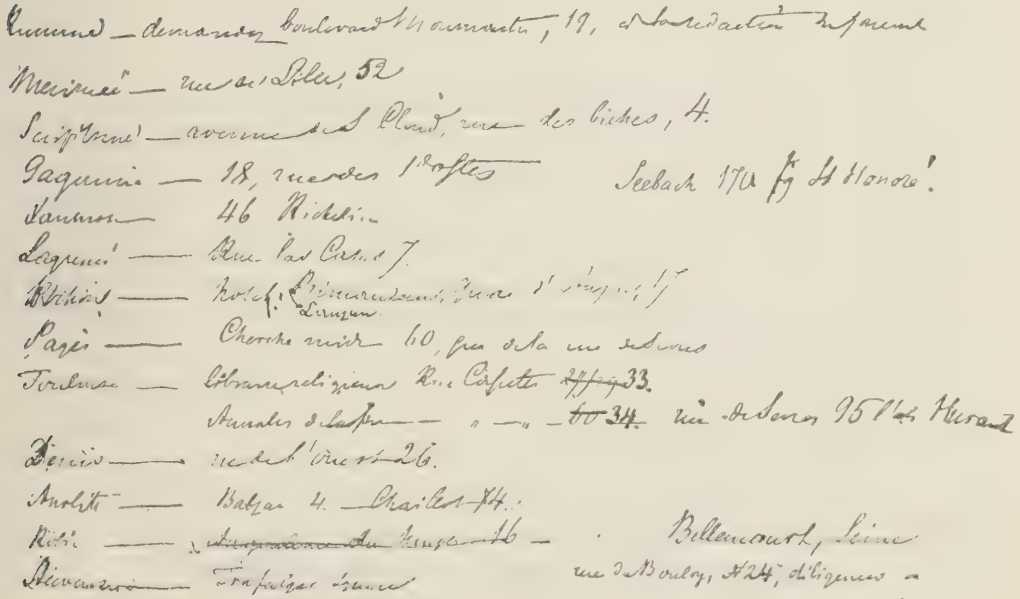
P.r Mérimée

время последней поездки, сделанный рукою Соболевского (том XVIII, стр. 76):

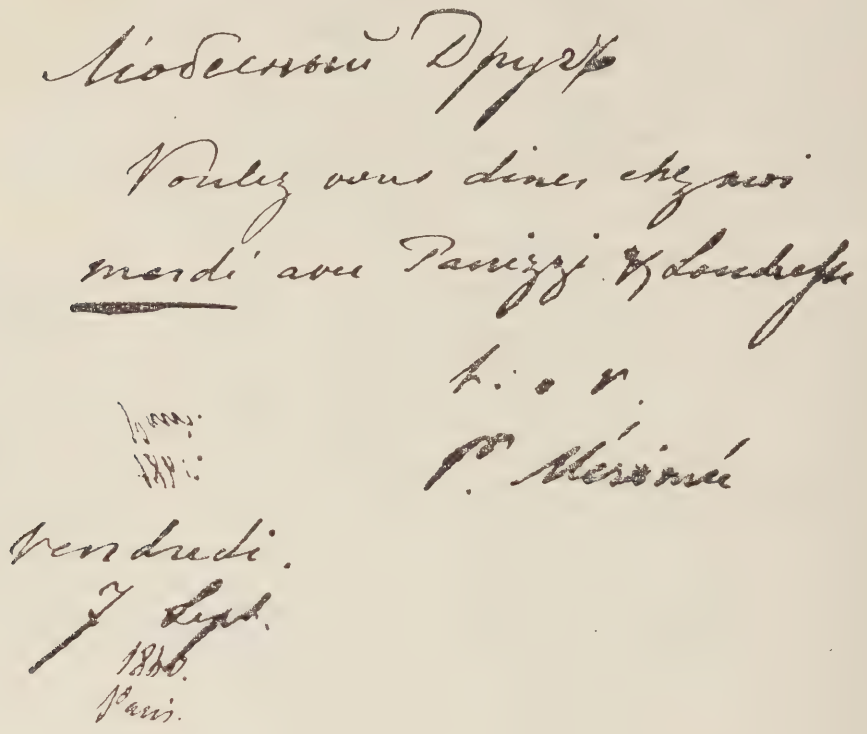
I *recto*



II *verso*



В переписке Проспера Мериме за 1860—61 гг. не сохранилось никаких данных, касающихся встреч Соболевского и Мериме до 6 сентября, и поэтому за исходный документ нужно считать коротенькое письмецо, помеченное пятницей 7 сентября с отметкой Соболевского „*1860 г. Париж*“:



X

Любесный Другъ
Voulez vous diner chez moi mardi avec Panizzi et Landresse.

t. a. v.

Vendredi 7 Sept. [1860 Paris. Sob.].

P. Mérimée

X

„*Любесный Друг* не хотите ли пообедать у меня во вторник вместе с Паниццы и Ландрессом“.

Пятница 7 сентября.

Весь Ваш
П. Мериме

С 1856 г. Паниццы носил должность главного директора Британского Музея. Он часто наезжал в Париж и все чаще и чаще виделся с Проспером Мериме. Ровно за месяц перед этим Проспер Мериме был у него в Лондоне, а ко времени свидания 7 сентября Мериме успел написать Паниццы сорок

одно отчетное письмо, где главным образом он сообщал своему другу политические новости второй империи. Читатель помнит, что первое письмо было написано к Паницци по поводу рукописей Стендаля в 1850 г., т. е. в то время, когда Мериме разбирал рукописное наследие своего старшего друга и учителя и когда он издал в 15 экземплярах свои анонимные воспоминания озаглавленные „А. Б. разсказанный Одним из Сорока“ [1]. В числе пятнадцати владельцев этой величайшей редкостью оказались Виргиния Ансло, Габриель Делессер и несколько ближайших друзей Мериме, в числе которых, кажется, можно назвать Пакиту Монтихо, герцогиню Альба. Второе письмо Паницци было адресовано по случайному поводу: Лагренэ-отец вместе с дочерью Ольгой собрались в Лондон в июле 1855 г. и Мериме просил Паницци оказать им содействие и помощь в знакомстве с Лондоном и Британским Музеем.

Подбор обедающих у Мериме 11 сентября 1860 г. был сделан хозяином так, что сходились люди, имеющие главной точкой соприкосновения любовь к книгам и библиотекам. Сами Мериме и Соболевский были ревностными собирателями книг, а Паницци и библиотекарь Института, Клерк Ландресс, были представителями богатейших книжных собраний.

Трудно сказать, к какому времени относится первое знакомство Соболевского с Антонио Паницци [2]. Соболевский часто бывал в Англии, как мы видели из описаний его предшествовавших маршрутов, но в письмах Мериме, которые написаны были до 1861 г., он не упоминает Соболевского, иногда перечисляет, впрочем, целый ряд русских имен, между прочим в письме 1859 г. от 27 мая он упоминает И. С. Тургенева, с которым он познакомил Паницци на „знаменитом банкете в Париже год тому назад“ [3]. Мериме рассказывает Паницци в этом письме, что Тургенев предсказывает войну с Германией, в которой Франция потеряет Эльзас, а Россия Курляндию, добавляя при этом, что в настоящее время все русские симпатии на стороне Гарибальди, и что в Москве ненавидят австрийцев.

Иван Сергеевич Тургенев познакомился с Проспером Мериме в 1857 году, вероятнее всего в Париже на рауте у Юсуповых. Об этом Тургенев вскользь упоминает в письме к П. В. Анненкову, написанном совместно со Львом Толстым из Дижона в феврале 1857 года: „Напишите в Париж, мой адрес rue de l'Arcade № 11. *А propos, я познакомился с Мериме — похож на свои сочинения*“ [4].

Характерной чертой переписки Мериме и Паницци является ее насыщенность политикой и более чем сдержанный тон в отношении к Наполеону III.

[1] „H(enri) B(eyle) par un des quarante“. „Один из сорока“, т. е. член Французской Академии.

[2] Соболевский уже в 1849 г. пишет о том, что Британский Музей имеет в виду покупку его библиотеки. „Русский Архив“ 1909.

[3] Lettres à Panizzi. Vol. I.

[4] См. „Вечерняя Красная Газета“ № 119 (1437), 6/v—1927, Н. Пенчковский „И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой—Анненкову“.

В большинстве случаев Мериме в иносказательной форме иронически рассказывает о хозяине, хозяйке и их мальчике, называя так семью Бонапарта.

После сентября 1860 г. Мериме прямо называет Соболевского в письмах к Паницци, считая знакомство упроченным.

Как бы отголоском этой беседы четырех книголюбов, появилась статья Проспера Мериме в „Moniteur“ под названием „Доклад о книжном обмене между библиотеками“. Эта статья появилась 30 декабря 1860 г. и хотя датирована авторской подписью июлем месяцем, но все же долгий срок, прошедший со времени ее написания, указывает на то, что эта дата искусственная: ни одна из статей Мериме сданных в „Moniteur“ не залеживалась в портфеле редакции, которая очень ценила сотрудничество сенатора Мериме.

Через шесть дней после первого письма за этот период и через два дня после обеда четырех библиофилов на Лилльской улице в квартире Мериме, Соболевский получил следующее письмо, помеченное в его архиве собственноручно 13-ым сентября 1860 года.

XI

13 Sept. 1860.

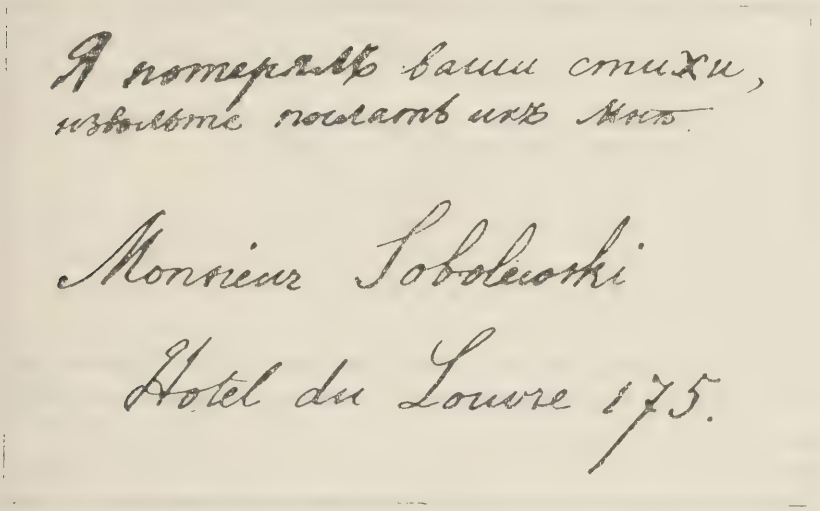
Любезный Другъ,

Называютъ его Октавомъ Пенгилимъ Лгаридономъ (Penguilly L Haridon) Онъ не полковникъ, а Маіоръ и директоръ артиллерійскаго Музея, на площадѣ св. Ѳомы Акинскаго.

Преданный

П. Мериме

Это письмо есть повторное, указание на то, до какой степени непосредственным было общение Мериме и Соболевского. В библиотечных, музейных поисках, равно как и в целом ряде житейских случаях веселый *Российский Марциал* пользовался услугами Проспера Мериме, который охотно шел на встречу всем просьбам своего друга и был для него и справочником, и адресной книгой, и посредником его библиофильских, поисков. Само письмо в достаточной степени объясняет лицо *, интересующее Соболевского, это письмо интересно для нас еще и в том отношении, что свидетельствует о почерке и русском языке автора в 1860 году. Но интереснее всего конверт с надписью на русском языке. Он указывает, где нужно искать утраченные произведения Соболевского. Очевидно Мериме имел самые полные их списки, не боявшиеся никакой цензуры.

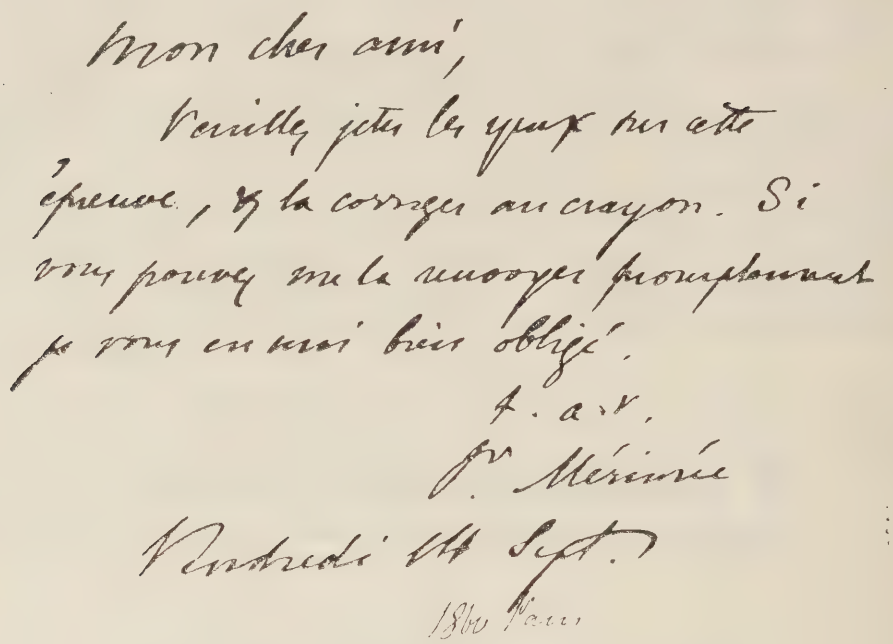


Конверт письма Мериме 13 сент. 1860 года

В архиве Соболевского вместе с третьим по порядку письмом 1860 года подклеен рисунок Проспера Мериме, на котором Соболевский сделал отметку: *6 сентября 1860 г. Париж Мериме.* Свидетельствует ли этот рисунок о том, что друзья виделись в этот день, заключить трудно. Шестое сентября было десятым днем приезда Соболевского в Париж, так что свида-

* Octave Penguilly L'Haridon родился в Париже в 1811 году в семье крупного военного чиновника, имел расположение к занятиям живописью, но отец пустил его по военной службе. Он учился тем не менее у художника Charlet и уже в 1835 г. показал свои работы (рисунки пером), имевшие успех. С 1850 г. до 1854 г. он занимал педагогическую должность в Политехнической Школе в Париже.

ние это было вполне возможным, но рисунок приклеен рукой Соболевского к письму Мериме следующего содержания:



XII

Mon cher ami.

Veuillez jeter les yeux sur cette épreuve, et la corriger au crayon. Si vous pouvez me la renvoyer promptement, je vous en serai bien obligé.

Vendredi 14 Sept. t. a. v.
1860 Paris. *P-r Mérimée*

XII.

„Мой дорогой друг, потрудитесь посмотреть эту корректуру и исправить ее карандашом. Если Вы сможете ее мне прислать обратно как можно скорей, я буду Вам очень обязан.

Пятница 14 сентября.

Весь Ваш *Пр. Мериме*

Рукой Соболевского отмечено: „*1860 Париж*“. Несомненно никакой связи между этим письмом и рисунком нет, так как между ними расстояние в восем дней. О значении этого рисунка будет сказано ниже, а переходя сейчас к вопросу о том, какою могла быть эта корректура, я должен указать на две возможности. Первая: 1861 г. в июле месяце в „Journal des Savants“ появилась работа Мериме „Казаки давних времен—Стенька Разин“. Я более всего склонен думать, что эта статья была подготовлена осенью 1860 г. и корректирована Соболевским. Но возможно и другое: в письме, адресованном Соболевскому в Барселону 31 августа 1849 г., Ме-

риме дает ему обещание: *„не писать о Пушкине иначе, как под диктовку“* Соболевского. Статья о Пушкине датирована Проспером Мериме временем значительно поздним, именно январем 1868 г. Но если предположить, имея в виду, что Мериме годами выдерживал рукописи, не сдавая их в печать, что здесь имело место выдерживание материала, то ни сколько не будет удивительно, что первый опыт со статьей о Пушкине был сделан именно в это время для того, чтобы использовать приезд Соболевского. В этой статье есть прямое указание на Соболевского: Мериме пишет в примечании: *Один из моих друзей владеет рукописью драмы „Борис Годунов“ с карандашными пометками императора*“. Таким другом мог быть, конечно, только Соболевский, у которого было собрание Пушкинских рукописей и автографов, из которых в теперешнем составе его архивного фонда уцелели только многократно напечатанные уже Пушкинские письма. Но письма Полтарацкого, Погодина, Бартенева и целого ряда других лиц указывают на то, что, во-первых, у Соболевского были рукописи „Евгения Онегина“, некоторые песни которого Соболевский читал Погодину на своей „Бутырской даче“, как пишет Погодин; во-вторых, у него были списки поэмы „Цыганы“, которая была издана Соболевским, при чем экземпляр самого Соболевского был напечатан на пергаменте и украшен дарственным автографом бессмертного поэта; в третьих, Соболевский предоставил в распоряжение Геннади и Анненкова сто восемнадцать стихотворений Пушкина, о чем говорит Полтарацкий; и наконец, в четвертых (я мог бы продолжить этот список еще страницы на две), Соболевский владел подлинной рукописью „Гавриилиады“, но, повидимому, ее уничтожил, а у себя оставил хороший собственноручный список, помеченный 1827 годом [1], дающий самую полную редакцию поэмы, список, который я думаю никому не выдавался, так как судя по последнему письму, опубликованному ныне в XXXI выпуске „Пушкин и Его Современники“ на имя Лонгинова, Соболевский очень берег имя Пушкина и не ставил его имя при жизни поэта в связь с этой, как он выражается „прелестной пакостью“. Эту прелестную пакость усердно выпрашивает у Соболевского Николай Маркевич в письме из Туровки 20 ноября 1828 г. [2]:

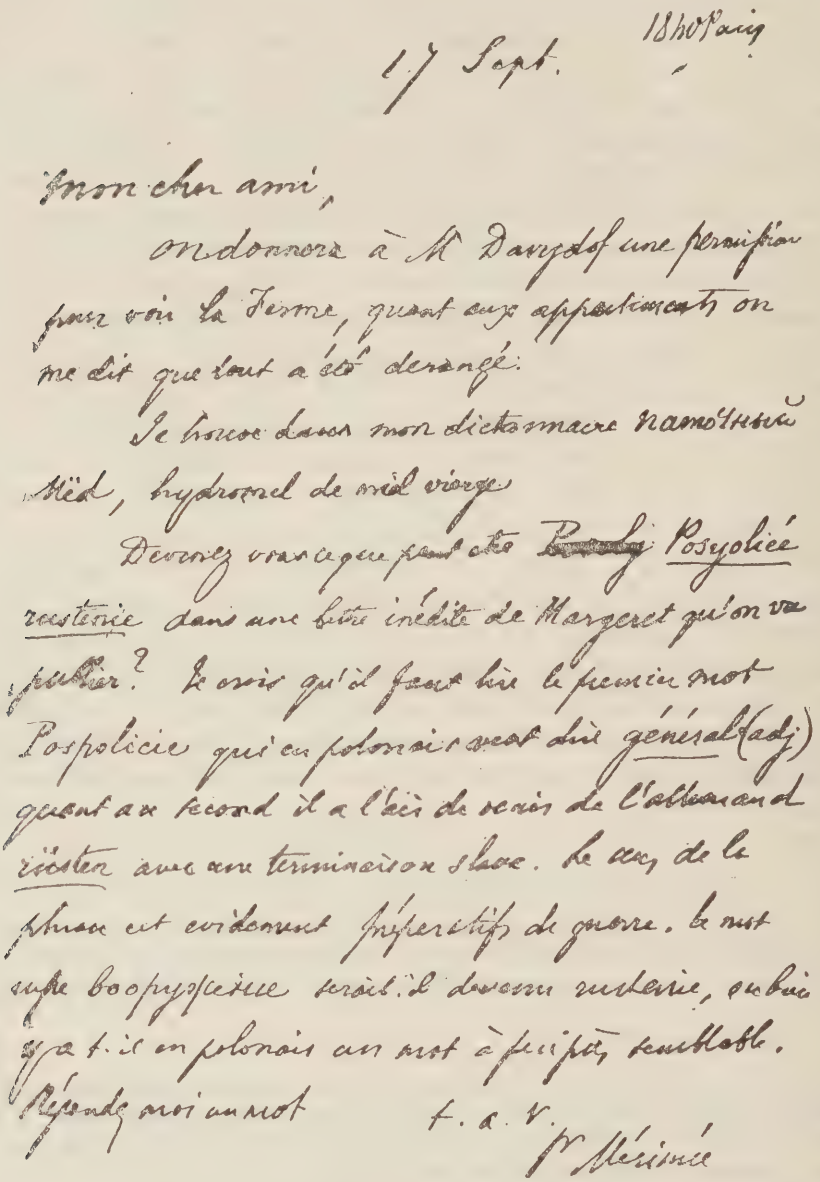
„Ябъ тебя просилъ отдать списчику переписать для меня „Гавриліаду“ соч[инненіе] А[лександра] П[ушкина], и что тебѣ бы стоило ябъ

[1] Avant le voyage том I, стр. 119, двенадцать листков голубой бумаги большого почтового коммерческого формата „Marion“. На последнем листке стихи: „Знать хотите ль господа, как живет наш славный Пушкин...“, а также гусарская песенка: „И в ненастные дни, собирались они“ с непристойной редакцией первой строфы.

[2] Avant le voyage I, 135. В этом же томе имеется важное сообщение 12 июля 1822 года, пожалуй самое раннее о „Гавриилиаде“. Товарищ С. А. С. по пансиону Станислав Станиславович Петровский пишет: *„Новости литературныя. Выходитъ А. Пушкина поэма Кавказкой Плѣнникъ. Говорятъ что превзошел Бейрона въ описаніи дикихъ и величественныхъ картинъ природы и простыхъ нравовъ жителей горныхъ Кавказа. Шелонскій [sic!] узникъ Жуковскаго... Написана А. Пушкинымъ поема Гавриліада или Любовь Архангела Гавріила съ Дѣвой Маріей. Онъ [Пушкин] тотъ же. Ежели достану пришлю къ тебѣ“.*

немедля выслалъ, но не знаю выполнишь ли ты мою просьбу, а мне очень бы хотелось это сочиненіе и я бы тебѣ прислалъ мою „Паризину“ за это. Несносной человѣкъ, я отъ тебя ничего добраго не дождусь. Пришли „Гавриліду“.

Медвѣдь



Единственно внутреннее возражение по существу против того, что Соболевский перебелил статью Мериме о Пушкине это то, что романтик Мериме оказался гораздо более реалистом и художником, чем его русский друг, сгустивший суеверие, как романтический сюжет в рассказах, собранных им под названием „*Таинственные приметы в жизни Пушкина*“

в то время, как Мериме, со своей огромной любовью к ясности, делает совершенно гениальные сравнения двух методов художественного использования „сказания“ и „поверия“ двух художников, которые одинаково глубоко знают свой предмет: Пушкина, тонко знавшего сказки и поверья России, и Бекфорда, который купался в мусульманском востоке, как в родной стихии. Мало известный автор гениального „Ватека“ и прославленный гений „Руслана и Людмилы“ по мнению Мериме двумя путями приходят к одной и той же ошибке: Пушкин тоном веселой насмешливости оттеняет забавные и смешные стороны поверий, точно так же, как Бекфорд, для которого арабский язык и культура были ближе чем родные, изобретает сказку роман и превращает серьезнейший и ужаснейший материал в какую-то жертву легкой и сухой насмешки, едва заметной для читателя.

Пока мы владеем односторонним материалом писем, мы не сможем здесь решить вопроса о том, какую рукопись на этот раз корректировал Соболевский по просьбе Мериме.

Французским исследователям осветить поднятый мной вопрос пока также не удалось.

XIII

1860 Paris
17 Sept.

Mon cher ami,

on donnera à M. Davydof une permission pour voir la Ferme, quant aux appartements on me dit que tout a été derangé.

Je trouve dans mon dictionnaire *паточный мед*, *hydromel* de miel vierge.

Devinez vous ce que peut etre *Posyolicé rustenie* dans une lettre inédite de Margeret qu'on va publier? Je crois qu'il faut lire le premier mot *Pospolicie*, qui en polonais veut dire général (adj.) quant au second il a l'air de venir de l'allemand *rüsten* avec une terminaison slave. Le sens de la phrase est évidement préparatifs de guerre, le mot russe *вооружение* serait il devenu *rustenie* ou bien y a t-il en polonais un mot à peu prés semblable.

Répondez moi un mot.

t. a. v. *Pr. Mérimée*

XIII

1860. Париж.
17 сент.

„Мой дорогой друг,

господину Давыдову будет дано разрешение на посещение Мызы, что же касается внутренностей дома, то мне сказали, что все было разрушено.

Я нашел у себя в словаре *паточный мед hydromel de miel vierge*. Не догадываетесь ли Вы, что может значить *Posyolicé rustenie* упоминаемое в одном письме Маржрета, которое будет вскоре издано. Мне кажется, что первое слово надо считать *Pospolice*, что по польски означает всеобщее (прилагательное), что касается второго слова, то оно повидимому

носит черты немецкого происхождения от *rüsten* со славянским впрочем окончанием. Смысл фразы очевидно приготовление к войне. Могло ли перейти русское слово „*вооружение*" в *rustenie* или быть может по-польски есть слово приблизительно на него похожее.

Черкните мне словечко.

Весь Ваш *П. Мериме*

Владимир Петрович Давыдов, впоследствии граф Орлов-Давыдов, был в Париже в 1859 году и вернулся в октябре 1860 г. в Петербург. Он неоднократно пользовался услугами Соболевского при осмотре малодоступных достопримечательностей Парижа и его окрестностей, а Соболевский прибегал в затруднительных случаях к Мериме, как влиятельному сенатору, музееведу, искусствоведу и бывшему инспектору исторических памятников Франции. Письмо показывает, что, несмотря на заявление, сделанное графиней Ростопчиной о том, что Мериме наполовину позабыл русский язык, Мериме продолжает изучать тонкости этого языка; мало того, он делает экскурсы в область инославянских языков и тщетно бьется над попыткой исправить варварские искажения польского языка, допущенные французским капитаном Маржретом, очень плохо написавшим по слуху простое польское выражение *pospolite ruszenie*, что значит действительно *поголовное ополчение* или всеобщая мобилизация.

Мериме в первый раз обращается к Соболевскому с вопросами, касающимися польского языка. Я уже имел случай сказать, что Соболевский не отказывался от психологических аналогий и выводов из своей польской фамилии.

В промежутке между этим и последующими письмами Соболевский переписывается с московскими друзьями и больше всего с Михаилом Николаевичем Лонгиновым. Умные и чрезвычайно интересные, большие письма Лонгинова характеризуют полную солидарность двух друзей в вопросе о симпатиях к последним явлениям бонапартизма и позволяют нам начисто обелить Соболевского от раскраски старинной московской сплетней, навязавшей ему чуть ли не дружбу с Наполеоном III. По архиву Соболевского мы видим, что он был в Фонтенебло всего один раз 7-го и 8-го октября 1861 г. Его отношение к Бонапарту было более чем критическое; и несмотря на на то, что полиция второй империи занималась перлюстрацией писем с гораздо большим талантом, чем черный кабинет Николая I, всетаки мы видим, что друзья обменивались мнениями не стесняясь, и эти мнения были высказаны вполне отчетливо, как отрицательные. В ответ на письмо Соболевского 24 сентября 1860 г. Лонгинов пишет из Москвы 20 октября по новому стилю:

„Все, что ты пишешь о Франции и ее повелителе, верно. Если я считаю его не твердым, то это по причинам, которые весьма важны, несмотря на подкуп большинства фондами. Гнушаясь всякого рода убийствами, я принял бы с отвращением всякую насильственную смерть его; однако же

нельзя и не признать, что нет человека в мире, который имел бы столько шансов, как он, погибнуть от руки убийц. Он это знает, и нет страны, где бы принималось столько серьезных предосторожностей для государя, когда он путешествует, но часто это не спасает . . . . . .
. . . . . .
Гибель Наполеона III это потребность человечества Delenda est Carthago— гибель Наполеону, водворяющему эпоху Цезаря и упадка цивилизованного мира . . . . . .
Ты говоришь о множестве денег в Париже, и сам же прибавляешь, что Париж высасывает соки всей Франции. А каково в провинциях, которые несут в тамошние трактиры, театры, магазины и бордели все денежные средства страны? *Все это искусственно, как и финансовые обороты Наполеона и подобных ему мошенников: Морни, Персиньи, Мирессы и т. п. друзей его и все это должно приниматься в расчет, когда придет le quart d'heure de Rabelais*".

21 ноября нового стиля того же года, отвечая на письмо Соболевского, Лонгинов снова пишет:

„Толкуют, что пришлось выкупать бриллианты покойной государыни и Аничковский дворец, который был заложен за три миллиона франков прощалыге Морни, так же как и бриллианты. Еще рассказывают, что идиоту и каналье Неаполитанскому, ныне Гаэтскому, королю послали в подарок двадцать миллионов франков".

Далее переходя от ближайших событий в России и оценивая внешнюю политику Александра II, Лонгинов описывает свежие впечатления и слухи по поводу свидания Александра II с австрийским императором Францем Иосифом в Варшаве. Он пишет:

„Варшавское свидание было неудачно на месте и произвело на мнение впечатление вроде венгерской войны, с тем утешением, что все уверены в невозможности для нас действовать реакционно: у нас нет ни гроша, мы поставлены в угол за шалости незабвенного *. Для чего было это свидание?

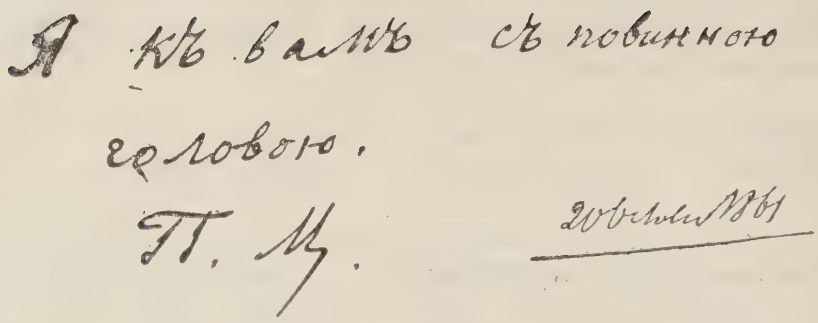
В славянских землях страшное впечатление произвели австрийские мундиры в Варшаве".

20 октября 1861 г. Проспер Мериме приходит к Соболевскому. Неизвестно, что происходило перед тем, но Соболевского он не застал и оставил ему следующее письмо, которое мы приводим в автографе:

---

* Намек на финансовую политику Николая I. Варшавское свидание было задумано Александром II, пригласившим австрийского Франца Иосифа, в противовес австро-французскому сближению. Это сближение, ознаменованное Виллафранкским договором, испугало А. II, так как перед этим Наполеон III обязался не заключать сепаратного соглашения с Австрией, к которой и русская, и французская дипломатия относились отрицательно. Франц Иосиф боялся России—этим объясняется покаянный тон его в Варшаве, когда речь зашла о договоре с Наполеоном III за спиною А. II.

XIV



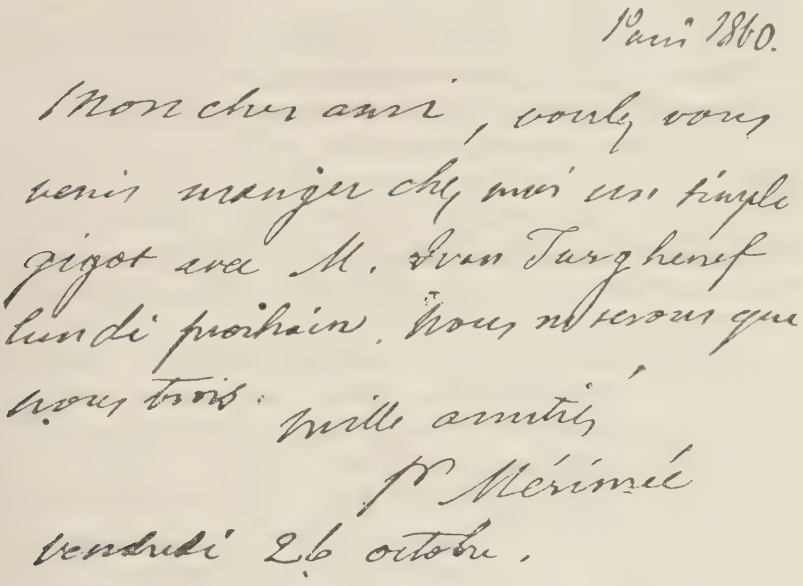
Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, в чем винился перед Соболевским его французский друг, но, перелистывая переписку с Паниццы, бывшим тогда уже в Лондоне, я нашел письмо, датированное в Париже средою 31 октября 1860 г., в котором есть некоторые указания на то, под влиянием чего Проспер Мериме воспользовался этой готовой формулой извинения, шутливо звучащей в его устах. Письмо к Паниццы воспроизводит в точности впечатление Мериме, очевидно бывшего под влиянием не только рассказа, но и взгляда Соболевского на варшавское свидание двух императоров по вопросу о польской зоне. Мериме пишет:

„Примите за достоверное то, что я Вам сейчас сообщу относительно Варшавы. Император Франц Иосиф поспешно подошел к императору Александру со следующей русской фразой: *Ja k'vam s' povinnoïou golovoïou*, а это значит: ego ad te cum noxio capite. Это формула, которую обычно произносит холоп, являющийся пред лицо господина в ожидании казни. Эта манера обращения вызвала взрыв всеобщего негодования; возмущены все, не исключая Александра. К тому же: не пришли ни к какому политическому решению, не вынесли никакого постановления, и все прошло во взаимных вежливостях, очень холодных со стороны Александра и еще более холодных со стороны пруссаков. Горчаков торжествует по всей линии".

Когда то названный в письме Лонгинова „незабвенным" в ковычках, Николай I отправил русских солдат с интервенцией, усмирившей Венгерскую Революцию, и тому же Николаю I пришлось выслушать слова Шварценберга о том, что „Австрия удивит мир своей неблагодарностью", когда Австрия ответила Николаю на его жандармскую любезность 1848 года посылкой австрийских войск против России в 1855 году. Новый возглас Франца Иосифа „*Я к вам с повинной головою*", звучит такой же моральной ноткой, как и слова Шварценберга. Сынтриговав за спиной Александра II заключением Виллафранкского договора, австриец извиняется перед обманутым, но все еще сильным противником.

Сорока двухлетний Иван Сергеевич Тургенев, насчитывавший тогда уже четвертый год знакомства с Проспером Мериме, 24-го августа 1860 г. приехал на неделю в Париж и потом уехал в Куртанвель. 30-го сентября

и 12 октября нового стиля того же года, он приезжает в Париж на зиму и живет там до апреля 1861 г., после чего уезжает в Россию, а 16-го сентября 1861 г. снова приезжает в Париж. Оба последние приезда Мериме и Соболевский виделись с Тургеневым, причем инициатива этих свиданий, повидимому, принадлежала Мериме. Первое свидание произошло в понедельник 29-го октября 1860 г. В архиве Соболевского сохраняется следующее письмо.



XV

Paris 1860.

Mon cher ami, voulez vous venir manger chez moi un simple gigot avec M. Ivan Tourghenef lundi prochain. Nous ne serons que nous trois.

Mille amitiés

P. Mérimée

Vendredi 26 octobre.

XV.

Париж 1860.

„Мой дорогой друг, не пожелаете ли придти ко мне, чтобы пообедать самым легким жарким вместе с Иваном Тургеневым в следующий понедельник. Кроме нас троих никого не будет.

Тысяча приветствий.

П. Мериме

Пятница 26 октября

Архив Соболевского не содержит никаких иных упоминаний о встречах с Тургеневым, хотя косвенные указания на то, что он встречался с ним у графов Сиркур можно почерпнуть из писем Анастасии Сиркур, рожденной Хлюстиной к Соболевскому. Она упоминает о Тургеневе в последующие годы в письмах к Соболевскому, ссылаясь на то, что Тургенев, бывая

в свете, все же редко к ним заходит. Сиркур, муж Хлюстиной, был в большой дружбе с Мериме. Мериме рекомендовал его Паниццы, когда Сиркур уезжал в Лондон [1]. Русские круги не любили старого графа отчасти потому, что он был „полиньякистом" и иезуитом, по выражению С. П. Шевырева, а отчасти потому, что стареющие русские литераторы вспоминали красавицу Хлюстину в те годы, когда за ней ухаживал Мицкевич, Соболевский и десяток других, и когда она неожиданно для всех вышла замуж за Сиркура.

Тургенев был моложе Соболевского на пятнадцать лет. Ставши в Париже своим человеком, он очень сблизился с Мериме [2]. Работа будущего исследователя покажет степень этой близости, после опубликования полного собрания писем Мериме, как это намечено профессорами Пьером Траяром и Анри Монго в замечательном издании Эдуарда Шампиона. Можно с уверенностью сказать, что определяющую роль в интересе к России и русской литературе для Проспера Мериме сыграли не поздние его знакомства с Варварой Ивановной Дубенской, с И. С. Тургеневым и т. д., а именно ранняя его встреча с Сергеем Александровичем Соболевским, которая к 1860 году насчитывала почти сорокалетнюю давность. Я думаю, что встреча с Мельгуновым мало отразилась на русских увлечениях Мериме, а фантастическая встреча с Гоголем, утверждаемая как факт Мельхиором де-Вогюэ, до сих пор мало чем подтверждается. Я уже говорил о том, что в 1836 и 37 гг. встреча эта никак не зарегистрована, если только она имела место. Возвращаясь к этому еще раз, напомню читателю о том, что, живя в Париже в 1836—37 гг. в доме № 13 на Биржевой площади, Гоголь писал „Мертвые Души", часто ходил к А. О. Смирновой, жившей в доме № 21 на улице Монблан, бывал у Мицкевича, у Свечиной, где часто бывал и Соболевский, мог конечно случайно встретиться с Проспером Мериме, но умонастроение его было в эти годы таково, что он вряд ли мог найти точки соприкосновения с французским писателем, которому были совершенно чужды Ламменэ, Монталамбер и тот католический кружок, который под римским влиянием Кайсевича и Залесского стал посещать Гоголь в Париже. К числу значительно поздних упоминаний скорее даже не самого Мериме, а по поводу героев Мериме, относится приписка Гоголя после подписи в письме к П. А. Плетневу из Дюссельдорфа 6-го октября 1843 г.:

„Получили ли „*Матео Фальконе*" от Жуковского? Я интересуюсь знать о нем; хоть это и не мое дитя, но я его воспринимал от купели и торопил к появлению в свет. Вы заметили я думаю, что он переписан моею рукою" [3].

Здесь речь идет конечно не о восприятии от купели того дитяти, которое Проспер Мериме произвел на свет в 1829 г. [4], но о произведении

[1] См. Hubert Saladin. „Le Comte de Circourt, son temps ses écrits". Paris. 1881, а также Архив С. А. С. т. XVIII.

[2] См. Halperine-Kaminsky. „Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français". Paris 1901, pp. 12, 14, 16, 24, 209, 212, 301, 302, 324, 325, 326, 327, 329, 330, 332, 343.

[3] См.: „Записки о жизни Гоголя" С.Пб. 1856 стр. 335 *Николай М...*, т. е. Пантелеймон Кулиш.

[4] „La Revue de Paris", июль 1829 г.

Жуковского, являющемся простым переложением белыми стихами этой новеллы Мериме. Жуковский писал Плетневу в 1843 году „Я еще написал *две повести ямбами без рифм.* Посылаю вам одну из этих статей (*Матео Фалконе*) для помещения в „Современнике". Желаю, чтобы попытка прозы в стихах не показалась бы вам прозаическими стихами" [1].

Трудно определить, к чему относится восхищение Гоголя: ленивый на переписку (в Риме он Анненкову *диктует* „Мертвые Души") Гоголь ради своего старшего друга (Жуковский был старше его на шестнадцать лет) переписывает целых 223 строчки стихотворения Жуковского.

Следуя Пушкину, Гоголь высоко ценил Мериме. Н. С. Тихонравов в десятом издании „Сочинений Н. В. Гоголя" в VI томе (стр. 399) печатает по копии Трушковского „из невышедшего в свет номера журнала „Царь-Колокол" следующую заметку Гоголя о Проспере Мериме, развивающую характеристику, данную Пушкиным:

„Мериме бесспорно замечательный писатель XIX века французской литературы. Пушкин уважал его много. Он называл его остроумным и оригинальным писателем, а сочинения — замечательными в нынешнем униженном, жалком упадке французской литературы (смотри: Сочинения Пушкина, том IV, в предисловии к „Песням Западных Славян"). Имя Мериме не было так часто на устах Европы, как других, менее награжденных дарами гения, но более плодовитых писателей, которые метили на эффект и желание изумить, во что бы ни стало. Немного произведений вышло из-под пера Мериме; но все они носят яркую печать таланта. Много правды, много верности и в беглых и, так сказать, мимоходом разбросанных заметках, много познаний и опыта. Драматические сцены, вышедшие под названием „Театра Клары Газюль", блестят поэтическими чертами. Многое из средних веков в них придвинуто чрезвычайно близко и почти рисуется перед глазами. Везде заключена мысль, и является что-нибудь из сильных и отличительных движеней тогдашних характеров.

Ныне (вышедшее) в переводе: „Души в Чистилище" без всякого сомнения, поразит читателя прекрасным поэтическим созданием сюжета, живым, быстрым, увлекательным рассказом, свежими красками Испании, тонкими наблюдениями, острыми и смелыми замечаниями. И сколько рассыпано ума на этих немногих страницах! *Мериме,* как очень легко можно видеть из всех... *вовсе не был занят тем, чтобы угождать вкусу публики; он шел как-то совершенно в стороне; даже предметы избирал не те, которых требовала модная потребность* [sic!] читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава, как будто бы в одни только минуты отдыха от жизни и бездельно-делового течения дней ее писал он свои произведения. И сама жизнь его как-то не сходится с общей жизнию Европы. Его имя не попало в современную политическую сферу; его не слышно в палате перов. Он не публицист; нет ни одной речи, им произнесенной. *Он взял себе должность инспектора памятников и древностей, рассеянных по Франции: их*

[1] Сочинения В. А. Жуковского, изд. Глазунова т. VI стр. 191.

[2] Жуковский был старше Гоголя на шестнадцать лет.

осматривать, доносить о состоянии их, исследовать и поддерживать—вот что определил он своим действием. *Мериме обладает кроме того той способностью, которая не дается французу,—именно способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее и даже подделаться под нее.* Всем известно выданное им собрание славянских песен, под именем: „Гусли". Собранием их он поддел даже самого Пушкина, который принял их за подлинные и с такою верною простотою передал их в полновесных стихах своих. Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для француза: по природе своей эти две нации не сходятся между собою в характерах; к тому же *французу трудно забыть на минуту, что он француз. С этой то стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников*".

Вопрос о гоголевских маршрутах, сопоставленных с теми данными, которые добыты в настоящее время профессором Трааром для полной биографии Проспера Мериме, осветят нам не один эпизод из *„литературных контактов"*, дававших в прошлом неожиданные вспышки, озарявшие историю культуры яркими и цветными огнями. Будем с нетерпением ждать этого времени.

К числу более легких тем относится вопрос о соприкосновениях Проспера Мериме с И. С. Тургеневым. Если мы не имеем возможности определить связи с Гоголем, из произведений которого Мериме знал к 1851 г. только „Вечера на хуторе близ Диканьки", „Мертвые Души" и „Ревизор", то теперь, когда прошло четверть века со дня выхода книги Гальперина-Каминского „Тургенев по его переписке с Французскими Друзьями", мы можем требовать от французских ученых опубликования дефинитивного материала по этой теме. Для нас эта тема интересна в том отношении, что она определяет занятия Проспера Мериме русской литературой, после того, как интерес к ней, *внушенный* Соболевским, был подхвачен и *технически удовлетворен* преподавательской деятельностью Дубенской, а впоследствии *эстетически поддержан* и обновлен Иваном Сергеевичем Тургеневым, который застал Проспера Мериме, так сказать, на рельсах русского языка и литературы, проложенных Соболевским *.

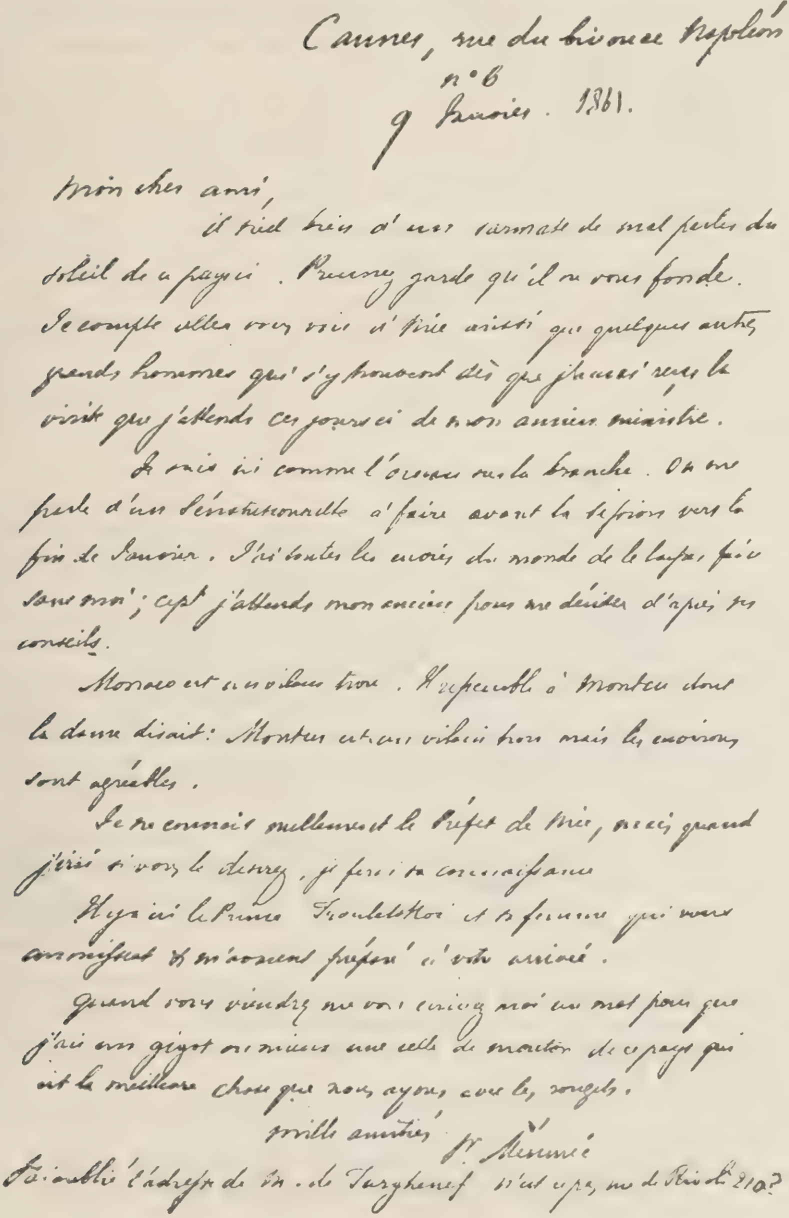
Просперу Мериме и Сергею Соболевскому шел пятьдесят восьмой год. С годами Мериме чувствовал значительное ослабление здоровья: его легкие почти не выносили парижского климата зимою, тем не менее его разнообразные обязанности были причиной того, что он именно это время должен был оставаться в Париже. В 1861 г. здоровье Мериме настолько ухудшилось, что ему пришлось выехать в самом начале января месяца на юг Франции, где обычным его местопребыванием стали Канны. Еще раньше,

---

* Необходимо оговорить, что основные суждения Мериме о Гоголе не были одобрены его русскими друзьями. Мериме впоследствии и не включил этой статьи в свой сборник „Portraits Historiques et Littéraires". Тургенев в письме к П. Виардо из Петербурга 12 февраля 1852 года, передавая подробности смерти Гоголя, пишет:—„Les esprits les plus pénétrants parmi les étrangers, un Mérimée par exemple, n'ont vue en Gogol qu' un humoriste à la façon anglaise".

в конце ноября 1860 г., Соболевский уехал в Ниццу. Тургенев выехал из Парижа в Россию в апреле 1861 г. Все трое встретились снова осенью 1861 г. в Париже, куда Соболевский приехал 20-го сентября, а Тургенев 16-го сентября 1861 года.

За время пребывания в Ницце Соболевский был частым гостем Долгоруких, у которых в домашнем кругу разыгрывали не талантливые пьесы Октава Фелье, бывшего придворным литератором Наполеона III. Соболевский, повидимому, часто скучал и выезжал из Ниццы. Во всяком случае это путешествие на юг Франции было почти совместным путешествием двух друзей. 9-го января 1861 г. Мериме пишет Соболевскому следующее письмо:



Cannes, rue du Bivouac Napoléon
n° 6
9 Janvier. 1861.

Mon cher ami,

il vient bien d'un sarmate de mal parler du soleil de ce pays-ci. Prenez garde qu'il ne vous fonde. Je compte aller vous voir à Nice ainsi que quelques autres grands hommes qui s'y trouvent dès que j'aurai reçu la visite que j'attends ces jours-ci de mon ancien ministre.

Je suis ici comme l'oiseau sur la branche. On me parle d'un Sénatusconsulte à faire avant la session vers la fin de Janvier. J'ai toutes les envies du monde de le laisser faire sans moi; cependant j'attends mon ancien pour me décider d'après ses conseils.

Monaco est un vilain trou. Il ressemble à Montreu dont la dame disait: Montreu est un vilain trou mais les environs sont agréables.

Je ne connais nullement le Préfet de Nice, mais quand j'irai si vous le désirez, je ferai sa connaissance.

Il y a ici le Prince Troubetskoi et sa femme qui vous connaissent et m'avaient préparé à votre arrivée.

Quand vous viendrez ne vous écrivez moi un mot pour que j'aie un gigot ou mieux une selle de mouton de ce pays qui est la meilleure chose que nous ayons avec les rougets.

Mille amitiés. Pr. Mérimée

J'ai oublié l'adresse de M. de Turghenef n'est-ce pas rue de Rivoli 210?

XVI

Cannes, rue du Bivouac
Napoléon nº 6
9 Janvier 1861.

Mon cher ami,

il sied bien à un sarmate de mal parler du soleil de ce pays ci. Prenez garde qu'il ne vous fonde. Je compte aller vous voir à Nice aussi que quelques autres grands hommes qui s'y trouvent dès que j'aurai reçu la visite que j'attends ces jours ci de mon ancien ministre.

Je suis ici comme l'oiseau sur la branche. On me parle d'un sénatusconcille à faire avant la session vers la fin de Janvier. J'ai toutes les envies du monde de le laisser faire sans moi; cependant j'attends mon ancien pour me décider d'après ses conseils. Monaco est un vilain trou. Il ressemble à Montcuq dont la dame disait: Montcuq [?] est un vilain trou mais les environs sont agréables. Je ne connais nullement le Préfet de Nice, mais quand j'irai si vous le desirez, je ferai sa connaissance. Il y a ici le Prince Troubetskoï et sa femme qui vous connaissent et m'avaient préparé à votre arrivée.

Quand vous viendrez me voir écrivez moi un mot pour que j'ai un gigot ou mieux une selle de mouton de ce pays qui est la meilleure chose que nous ayons avec les rongets.

Mille amitiés *P. Mérimée*

J'ai oublié l'adresse de M de Tourghenef n'est-ce pas rue de Rivoli 210?

XVI

Канны, Бивуак Наполеона № 6.
9-го января 1861.

„Мой дорогой друг,

какому нибудь сармату вполне простительно дурно отзываться о солнце этого края, но берегитесь, как бы оно Вас не расплавило.

Я рассчитываю выехать для того, чтобы навестить Вас в Ницце и увидеться там с прочими находящимися в Ницце великими людьми. Я приеду сейчас же после того, как дождусь посещения моего старого министра, который должен быть здесь на днях.

Я живу в Каннах как птица на ветке. Мне напоминают о необходимости созвать сенатское совещание еще до начала сессии, т. е. в конце января. Я горю желанием предоставить им действовать без меня; однако я жду своего старика, для того чтобы принять какое нибудь решение посоветовавшись предварительно с ним. Монако—скверная дыра. Монако похоже на Монткю, о котором одна дама говорила: „Монткю скверная дыра, но его окрестности очень приятны".

Я совершенно незнаком с префектом в Ницце, но если Вам это нужно я познакомлюсь с ним, когда туда приеду. Здесь живут князь Трубецкой с женою. Они Вас знают и уведомили меня о том, что Вы приедете. Когда Вы соберетесь ко мне приехать, предварительно черкните мне словечко, чтобы

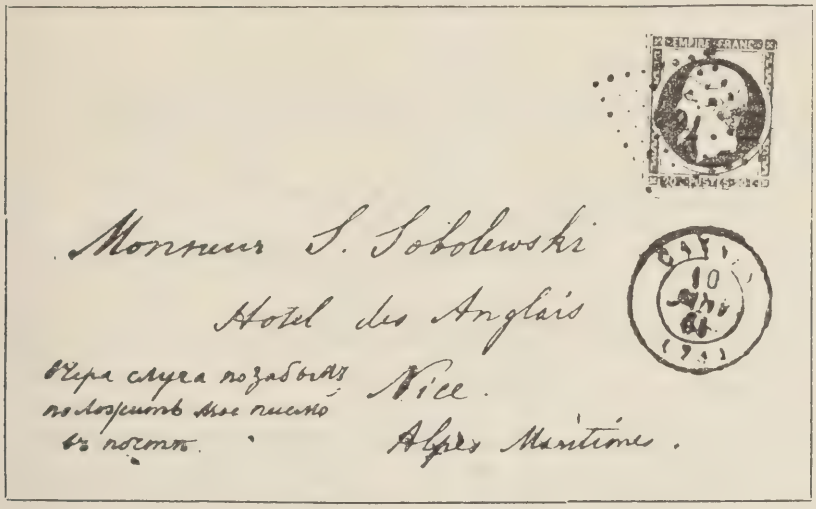
я приготовил жаркое или лучше всего самое приятное здешнее кушанье баранье седло, которое здесь подают вместе с косточкой.

Тысяча приветствий

П. Мериме

Я забыл адрес Тургенева. Может быть это улица Риволи 210?"

Письмо очевидно является ответом Соболевскому на его жалобу на погоду. Не имею представления, о каких именно Трубецких говорит здесь Мериме. Их было так много во Франции 1860 года, что точное указание невозможно. Всего вероятнее, что это были Елизавета Эсперовна и Петр Никитич Трубецкие. Несколько пренебрежительный тон письма в отношении к сенаторским обязанностям на этот раз является совершенно искренним.



Маленький конверт с почтовым штемпелем 10 января 1861 г. с почтовой маркой изображающей Наполеона III приводится мною в натуральную величину, ради очень характерной отметки в левом нижнем углу. Мериме любил дописывать письма даже после запечатывания конверта. Эта приписка сделана, очевидно, на другой день, так как письмо датировано 9 января, но не сдано на почту. Мериме заботливо оправдывает опоздание своею русскою надписью, делая обычные для себя ошибки в падежах и предлогах.

В промежуток шести дней Соболевский очевидно успел ответить, а Мериме очевидно успел повидать „своего министра" *, потому что уже 16 января Мериме пишет следующее.

XVII

Cannes 16 J-er

Mon cher ami,

Je mets cette lettre *sur* la poste pour vous dire que je vais aller à Nice vendredi ou samedi pour y passer deux jours. Si vous êtes d'humeur à venir avec moi à Cannes, nous partirons ensemble.

---

* Возможно, что это министр народного просвещения Фортуль.

Le Prince Troubetskoï et sa femme me paraissent l'un et l'autre très aimables. Sa femme est très jolie, mais s'ennuie beaucoup. Venez la consoler.

Vous faites des calambourgs si détestables que je crains que vous ne fréquentiez mauvaise compagnie à Nice. Il parait qu'on vous a retiré votre préfet. On vous envoie un corse pur sang, ce qui vous en promet d'autres, les corses étant comme les scorpions toujours entourés de leurs confrères.

Je prends une résolution généreuse qui est d'écrire à mon Président que ma santé ne me permet pas d'essuyer les platres dans notre nouvelle salle. Je pense rester ici jusqu'au commencement de la session.

I *recto*

Cannes 16 Jer

Mon cher ami

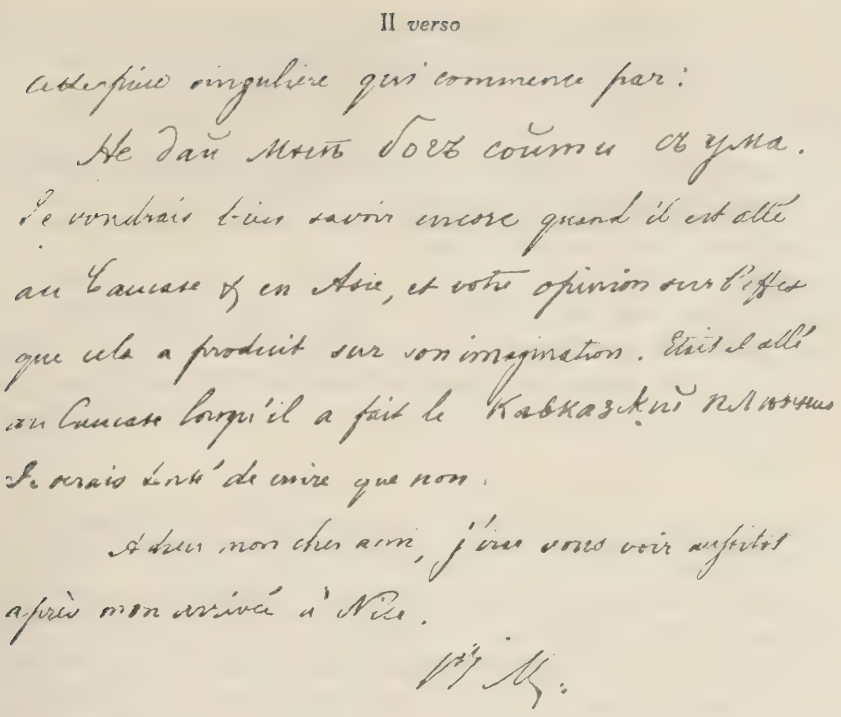
Je mets cette lettre sur la poste pour vous dire que je vais aller à Nice vendredi ou samedi pour y passer deux jours si vous etes d'humeur à venir avec moi à Cannes, nous partirons ensemble

Le Prince Troubetskoï et sa femme me paraissent l'un et l'autre très aimables. Sa femme est très jolie mais s'ennuie beaucoup. Venez la consoler.

Vous faites des calembourgs si détestables que je crains que vous ne fréquentiez mauvaise compagnie à Nice. Il paraît qu'on vous a retiré votre préfet. On vous envoie un corse pur sang, ce qui vous en promet d'autres les corses étant comme les scorpions toujours entourés de leurs confrères.

Je prends une résolution généreuse qui est d'écrire à mon Président que ma santé ne me permet pas d'essuyer les plâtres dans notre nouvelle salle. Je pense rester ici jusqu'au commencement de la session.

Savez vous à quelle occasion Troubetskoï a écrit



II *verso*

Savez vous à quelle occasion Pouchkine a écrit cette piéce singulière qui commence par:

Не дай мнѣ богъ сойти съ ума.

Je voudrais bien savoir encore quand il est allé au Caucase et en Asie, et votre opinion sur l'effet que cela a produit sur son imagination. Etait-il allé au Caucase lorsqu'il a fait le *Кавказскій Плѣнникъ*. Je serais tenté de croire que non.

Adieu mon cher ami, j'irai vous voir aussitot après mon arrivée à Nice.

P-r M.

XVII

Канны, 16 января [1861 г.]

„Мой дорогой друг, несу это письмо на почту, чтобы сообщить Вам о своем отъезде в Ниццу в пятницу или в субботу. Я проведу у Вас два дня. Если Вы будете в настроении поехать со мной в Канны, то обратно мы отправимся вместе.

Князь Трубецкой и его жена кажутся мне очень милыми людьми. Она очень хороша собой, но скучает здесь. Пожалуйте сюда ее утешать.

Вы сочиняете такие отвратительные стихотворные каламбуры, что меня берет страх: уж не посещаете ли Вы в Ницце самое низкопробное общество.

Кажется Вы лишились Вашего префекта. Вместо француза Вам посылают чистокровного корсиканца, а это обещает приезд еще и других корсиканцев, так как они обладают свойством, подобно скорпионам, всегда

ходить в окружении своих соплеменников. Я принял великодушное решение: написать моему Президенту, что мое здоровье не позволяет мне вытирать собою штукатурку в нашей новой зале. Я думаю прожить здесь до начала сессии.

Известно ли Вам, по какому поводу Пушкин написал удивившее меня стихотворение, начинающееся словами:

Не дай мнѣ богъ сойти съ ума.

Мне очень нужно узнать, когда Пушкин ездил на Кавказ и был в Азии. Сообщите мне Ваше мнение о том, какое влияние эти путешествия оказали на его воображение. Совпадают ли написание *Кавказскаго плѣнника* со временем его путешествия по Кавказу. Я склонен думать, что нет.

До свидания, мой дорогой друг. Я приеду к Вам немедленно по прибытии в Ниццу. *Пр. М.*

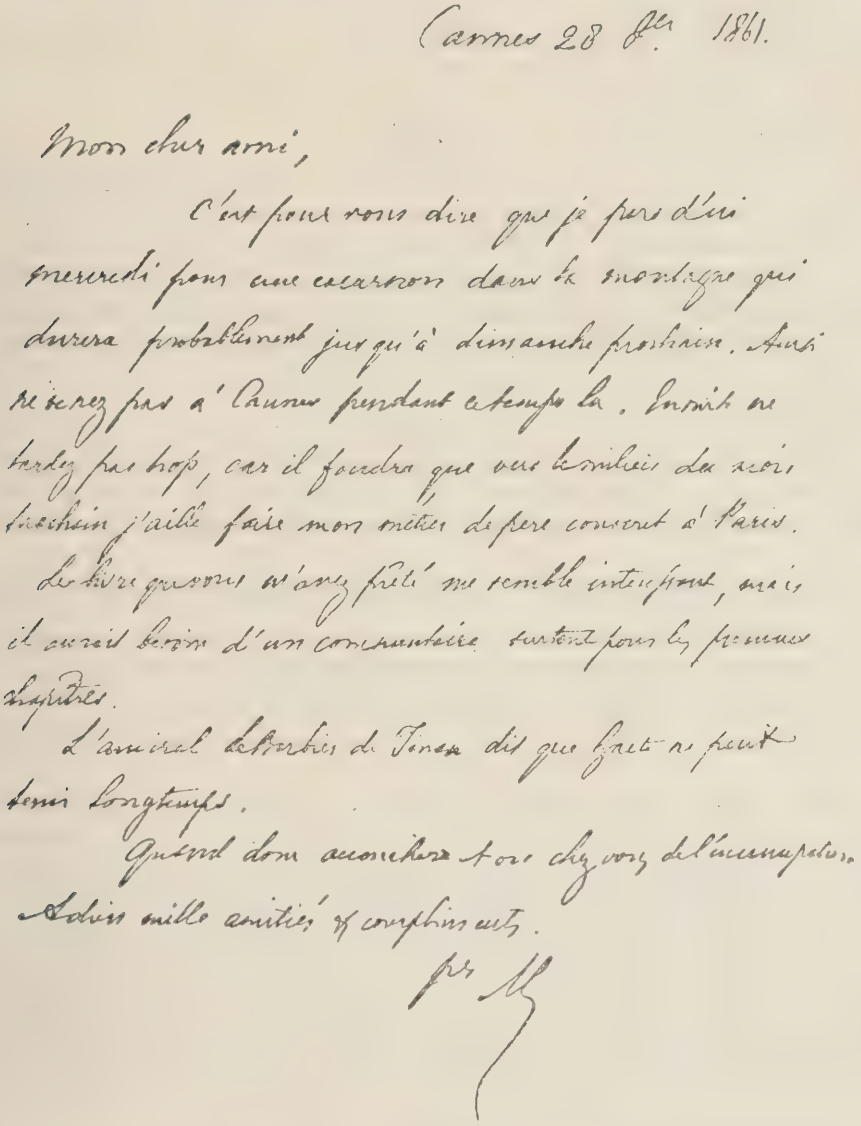
Очевидно занятия Пушкиным не прекращались у Мериме, и Пушкин был его чтением, даже в период отдыха на юге Франции в 1861 г. Будет очень интересно прочесть то письмо, которое было послано в ответ Проспери Мериме Соболевским, но возможно, что их свидание состоялось гораздо раньше и выяснение вопроса, интересовавшего Мериме, произошло в той неповторимой для истории литературы словесной форме, тысячи оттенков которой ускользают при эпистолярной документации материалов. Соболевский имел возможность рассказать и о спектакле петербургского балета 15 января 1823 г., когда под музыку Кавоса воспетая Пушкиным Истомина, из за которой Грибоедов повредил руку простреленную на дуэли, выступала в танцах черкешенки героини „Кавказского Пленника". Быть может Соболевский точно сообщил, что Пушкин выехал на Кавказ вместе с Раевскими в мае 1820 г. и что лишь в Кишеневе в марте, 1821 г. он закончил свою поэму посвятив ее Раевскому. Точную дату окончания „Кавказского Пленника" мы узнаем из кишеневского письма Пушкина к Дельвигу 23 марта 1821 г. „Кавказский Пленник" вышел из типографии в августе 1822 г.

Если бы мы располагали письмами Соболевского к Мериме, то быть может этим вопросом Мериме была бы решена задача отыскания повода для загадочного стихотворения Пушкина: „Не дай мне бог сойти с ума". Вернувшись в 1833 году в Россию, Соболевский был главным собеседником Пушкина о Мицкевиче и лучше чем кто-либо иной мог объяснить, как в ответ на Ustęp польского поэта Пушкин отозвался и этим стихотворением, и отрывком „Он между нами жил", и главным образом поэмой „Медный Всадник". Об этом подробнее мы говорим в приложении.

П. И. Бартенев назвал Соболевского не совсем точно русским Марциалом. В нем нет желчи и злости римского поэта, но крупная соль и не совсем приличный обиход выражений роднят этих двух поэтов „музы пламенной сатиры". Забавные и озорные стихи Соболевского, очевидно, в этот раз посланные французскому другу для упражнений в изысканном русском языке, поразили даже ко всему привычного Мериме. Мы лишены возмож-

ности прочесть эти произведения Соболевского в печати когда бы то ни было, даже при самой снисходительной цензуре. Профессору Траар пока неизвестны письма Соболевского к Мериме *.

Трудно определить, состоялось ли это свидание. Мелкие выезды Соболевского из Ниццы не датированы, но через двенадцать дней после этого письма было написано третье, последнее, письмо, относящееся ко времени пребывания друзей на юге Франции.



XVIII

Cannes 28 J-er 1861.

Mon cher ami,

C'est pour vous dire que je pars d'ici mercredi pour une excursion dans la montagne qui durera probablement jusqu'à dimanche prochain. Aussi ne

* Частное письмо ко мне Pr. P. Trahard.

venez pas à Cannes pendant ce temps la. Ensuite ne tardez pas trop, car il faudra que vers le milieu du mois prochain j'aille faire mon métier de père conscrit à Paris.

Le livre que vous m'avez prêté me semble interessant, mais il aurait besoin d'un commentaire surtout pour les premiers chapîtres.

L'amiral Le Barbier de Tinan dit que Gaete ne peut tenir longtemps. Quand donc accouchera t-on chez vous de l'emancipation? Adieu mille amitiés et compliments

P-r M.

XVIII

Канны, 28 января [1861].

„Мой дорогой друг, пишу Вам для того, чтобы предупредить Вас, так как я уезжаю в среду в горную экскурсию, которая продлится вероятно до будущего воскресенья. Поэтому в течение указанного срока не извольте приезжать в Канны, но после этого не откладывайте Ваших сборов ко мне надолго, так как к середине будущего месяца мне придется уезжать в Париж; возвратиться к исполнению моих обязанностей, в среде таких же как я *patres conscripti* [1].

Книга, которую Вы мне одолжили, меня заинтересовала, но при ней, конечно, должен быть приложен коментарий в особенности для первых глав [2].

Адмирал Барбье де-Тинан говорит, что Гаэта не сможет держаться много времени.

Когда же Ваша страна наконец разродится эмансипацией?

До свидания. Тысяча дружеских приветствий.

Пр. М.

Весною 1861 г. Мериме был в Париже. Его занимало и волновало дело библиотекаря Парижской Национальной Библиотеки, Либри, обвиненного в продаже рукописей и книг, принадлежащих библиотеке. Мериме вмешался в это дело с неожиданной для него силой темперамента уже тогда, когда Либри был накануне вторичного осуждения. Двухтомное производство дел, собранное Либри, было впоследствии куплено Соболевским для С. Д. Полтарацкого и вместе с его библиотекой поступило при участии Соболевского в Румянцовский музей. Либри уехал в Лондон. Обстоятельства его обвинения, произнесенного еще при Луи Филиппе, заставили Мериме

---

[1] Отцов сенаторов.

[2] В архиве Соболевского никаких указаний на то, какая это книга, не сохранилось. Судя по дальнейшему, возможно, что это был какой-либо политический трактат, если исходить из того, что следующая строчка говорит о Гаэте. Гаэта удел, бывшего Неаполитанского короля, живо интересовала Соболевского, который переписывался по этому поводу с Лонгиновым. См. выше стр. 179.

взять Либри под свою защиту, но дело это настолько осложнилось, что одновременно началась травля и самого Либри, и Проспера Мериме [1].

На летние месяцы 1861 г. именно с 12 июня Соболевский уехал в Геную. В июле мы застаем его в Турине. Модене, Мантуе [2], Болонье, Парме, Флоренции, на Швейцарских Озерах, а в конце июля в Берне и Базеле, откуда он выезжает на север в Баден, где проводит неделю, а затем, он странствует по Германии, нигде не останавливаясь больше чем на день, на два. Через Франкфурт-на-Майне, Кельн, Брюссель, Антверпен, Амстердам, Гаагу, Висбаден, он кружит доезжая опять до Гейдельберга, где мы видим его 2 и 3 сентября, затем опять идут: Штутгарт, Мюнхен, Нюрнберг, Бамберг, Кальсруэ и снова Гейдельберг, в котором он проводит около недели, а 20 сентября мы снова видим его в Париже, где, как выше было указано, он проживает до 21 декабря 1861 г., впервые украсив после этого путешествия страницы своего архива огромными, как простыни, билетами европейских железных дорог [3].

За этот промежуток времени, с сентября по декабрь, Мериме был очень занят, но возможно, что слабость переписки после приезда Соболевского в Париж обусловлена была более частыми чем обычно свиданиями. Мериме пишет 23 октября 1861 г. в Лондон к Паниццы: *„Я только что видел Соболевского вернувшегося из Италии“*. Характер дальнейшего сообщения Паниццы заставляет предположить, что Соболевский до того времени не успел видеться с Проспером Мериме, но с другой стороны приехавший 16 сентября 1861 г. Тургенев вряд ли не виделся с Мериме до октября месяца. Поэтому приводимое мною далее приглашение Соболевского к Мериме я отношу на сентябрь месяц, так как оно подробно не датировано. Полагаю, что если бы это первое свидание Мериме, Соболевского и Тургенева было в октябре, то в письме к Паниццы Тургенев был бы упомянут. Поэтому приводимую записку я считаю написанной не позже начала октября 1861 г.:

---

[1] Первое адвокатское вмешательство Мериме в дело Либри стоило адвокату двухнедельного ареста, так как Мериме без документов в руках раскрыл корыстные соображения судей Либри. Мнение относительно виновности французского библиотекаря и по сие время расходятся: многие склонны видеть в нем „библиомана и книгопреступника“.

См. „Lettres à M. de Falloux ministre de l'instruction publique et de cultes contenant le recit d'une odieuse persecution et le jugement porté sur cette persecution par les hommes les plus compétents. Par G. Libri“. Paris 1849; а также „Réponse de M. Libri au rapport de M. Boucly“ Paris 1848; или Pr. Mérimée „Les Procès de M. Libri“ Revue des Deux Mondes 15 avril, 1 mai 1852. Письма Libri Соболевскому. См. А.Н.Х.К. и Б., Фонд Соболевского Том IX, стр. 9, и том XI, стр. 25.

[2] Пребывание в Мантуе С. А. С. было вызвано вторичным после 1831 года исследованием Соболевского о происхождении принадлежавших А. Д. Лухманову Рафаэлевских arazzi. Соболевскому удалось установить, что они ведут свое происхождение от Ягужинских, купивших эти картоны в Вене после разорения потомков Гонзага в 1708 году. Об этом „Современная летопись“ 1863 г. № 25.

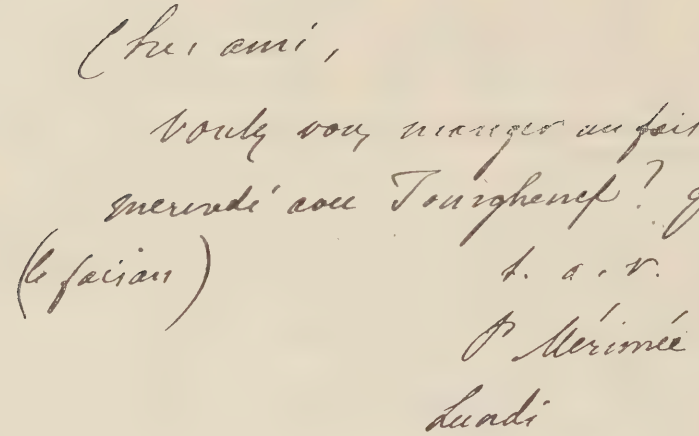
[3] Все письма Мериме, равно как и прочие материалы, относящиеся к этой главе, находятся в XVIII томе архива Соболевского.

XIX

Cher ami, [1861 Paris].

Voulez vous manger un faisan mercredi avec Tourghenef? qui arrive (le faisan). Lundi. t. a. v. *P. Mérimée*

1861 Paris



XIX

„Дорогой друг, (1861. Париж)

не угодно ли вам будет откушать фазана в среду у меня вместе с Тургеневым. *Он* должен прибыть (*фазан*, конечно).

Понедельник. Весь Ваш *П. Мериме*

11 июня 1861 г. появилась статья Проспера Мериме по делу библиотекаря Либри, перенесенному уже в Сенат [1]. Познакомившись с Либри довольно близко и имея от него несколько писем, Соболевский принял в нем участие. В октябре он обратился к Проспери Мериме с просьбой дать ему окончательный материал по процессу Либри, страшно затянувшемуся и измучившему этого несчастного человека. Мериме ответил Соболевскому письмом 27 октября 1861 г [2].

XX

Mon cher ami, 27 Octobre 1861

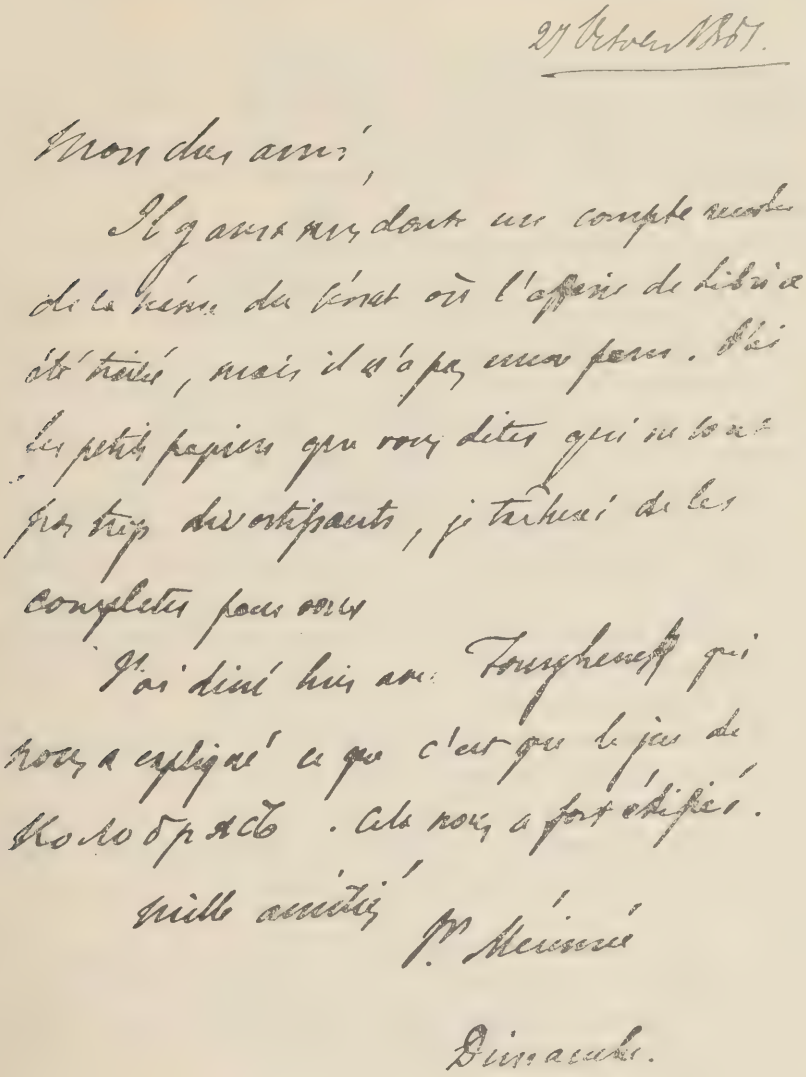
Il y aura sans doute un compte rendu de la séance du Sénat où l'affaire de Libri a été traitée, mais il n'a pas encore paru. J'ai les petits papiers que

[1] „Le Moniteur" 11 juin 1861. „Discours au Sénat sur la petition de M-me Libri".

[2] А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соболевского. Том XVIII, стр. 83.

vous dites qui ne sont pas trop divertissants, je tâcherai de les completer pour vous. J'ai diné hier avec Tourgheneff qui nous a expliqué ce que c'est que le jeu de *колобрясъ*. Cela nous a fort éxités.

Dimanche. Mille amitiés *P. Mérimée*



XX

27 октября 1861.

„Мой дорогой друг,

по всей вероятности будет выпущен в свет специальный отчет о том заседании сената, в котором разбиралось дело Либри; но пока еще он не появился. У меня есть лишь клочки и обрывки документов, о которых вы

говорите, но так как они не представляют большого интереса для вас, то я напишу для вас дополнения.

Вчера я обедал вместе с Тургеневым, который объяснял нам, что представляет собою игра *колобряс*. Это всех нас очень расшевелило.

Тысяча приветствий.

Воскресенье. *Пр. Мериме*

Я должен повиниться перед читателем этой книги в том, что мои старания не увенчались успехом, я не мог установить значение слова „колобряс" и выяснить сущность этой игры, демонстрация которой так развеселила и расшевелила общество, окружавшее Тургенева и Мериме в субботу 26 октября 1861 г.

Мне кажется наиболее вероятным объяснением этимологическая догадка А. Е. Грузинского, который предложил мне словопроизводство „колобряс" вести от к о л о или к о л ь ц о, к о л е ч к о, а вторую часть приведенного Проспером Мериме выражения исправить, получая таким образом „б р я с" — б р я ц. В соединении к о л о б р я ц дает довольно распростаненное увеселение, известное мне по Калужской и Тульской губернии, состоящее в том, что металлическое колечко надевается на тесьму, за тесьму берутся двумя руками играющие, расположившись по кругу, а в центре круга находится тот, кто „водит". Сущность игры сводится к тому, чтобы тот, кто водит, указал, в чьей руке находится колечко, передаваемое по тесьме из рук в руки с обязательным „бряцанием". Вот по такому бряцанию колечка и нужно отыскать себе смену. Из всех объяснений этой игры, показанной Тургеневым в Париже на пятом десятке своей жизни, это объяснение кажется мне наиболее правдоподобным.

Приведенное письмо является последним, написанным Проспером Мериме Соболевскому во время его пребывания заграницей. По крайней мере нынешний состав архива Соболевского не дает других указаний [1].

Проехав по Германии в железнодорожном вагоне, Соболевский 31 декабря 1861 г. предъявил свой паспорт в Вержболове и въехал в Россию.

Самая ранняя дата, относящаяся к Просперу Мериме, сделанная рукою Соболевского на страницах архива за описанный период времени, написана под рисунком, изображающим молодую женщину быть может чересчур легкую и чересчур стройную. Это подпись: *P. Mérimée 6 Sept. 1860.* Как мои французские друзья, так и русские меримеисты тщетно высказывали предположение о том, какое значение имеет этот рисунок. Единственное возможное для меня истолкование допустить, что это зарисовка юной подруги Проспера Мериме, к которой он питал чувства отеческой привязанности и нежности старшего брата, это была умершая в молодых годах Ольга Лагренэ. Семья Лагренэ, издавшая

[1] Мною прочитаны все письма до XXIV тома: повидимому с 1861 и до 1863 года Мериме Соболевскому не писал вовсе.

переписку Проспера Мериме в количестве семидесяти пяти экземпляров в Париже 1904 г., дает последние письма, начиная с 1853 г. почти исключительно к Ольге Лагренэ. Я думаю, что приведенный здесь рисунок является именно портретом дочери Теодоза Лагренэ и В. И. Дубенской. Прическа и изгиб бровей допускают некоторое сходство с Евгенией Мон-

тихо, которой в 1860 году было всего 34 года. Если сравнить портрет Imperatrice Eugenie à Compiegne, помещенный на стр. 216 тома I-го книги *Comte Fleury et Louis Sonolet* „La Société du Seconde Empire". Paris, Vol. I—IV, то мы увидим некоторое сходство, но прическа делает, увы, все портреты красивых женщин похожими.

Не располагая ничем кроме догадок, я склонен оценивать этот рисунок безотносительно к оригиналу, как красивый графический опыт Мериме. Но почему он попал к Соболевскому? На это ответить не так легко.

В 1862 г. Мериме, который был вообще хорошим рисовальщиком, украшает одно из писем Ольге Лагренэ рисунком женской головки с просьбой, чтобы его молодая подруга причесывалась так, „как причесана была *вчера*“ госпожа Кастильоне [1]. Вот это письмо:

Ma chère Olga,

Je suis à Paris mais obligé de travailler comme un negre à de la prose arriérée. J'irai vous voir pourtant avant d'aller faire mes Pâques à Cannes & je vous apporterai un billet. Je n'en ai qu'un seul. J'ai promis l'autre il y a tantôt un an. J'espère que Madame de Lagrené & Madame de Brohé vont bien.

Portez vous les cheveux comme Madame de Castiglione les avait hier :

Ever yours
P. Mérimée
18 mars

[1] Графине Кастильоне, фаворитке Н. III, было тогда 22 года (1840 — 1900 гг.). О ней см. Frédéric Loliée „La comtesse de Castiglione“ Paris 1912. Особенно портрет работ Giraud, писанный гуашью; стр. 5.

Ma chère Olga,

Je suis à Paris mais obligé de travailler comme un negre a de la prose arrierée. J'irai vous voir pourtant avant d'aller faire mes Pâques à Cannes et je vous apporterai un billet. Je n'en ai qu'un seul. J'ai promis l'autre il y a tantot un an. J'espère que Madame de Lagrené et Madame de Broché vont bien.

Portez vous les cheveux comme madame de Castiglione les avait hier:

P-r Mérimée

18 Mars.

„Моя дорогая Ольга, я в Париже, но изнурен работой как негр, сидя над своей запущенной прозой. Я всетаки приеду вас повидать перед тем как уезжать на праздник Пасхи в Канны и привезу вам билеты. У меня всего только один. Другой я обещал уж год тому назад. Надеюсь, что госпожа Лагренэ и госпожа Броше совершенно здоровы. Причесываетесь ли вы так, как причесана была вчера госпожа Кастильоне?"

18 марта.

Пр. Мериме

Французский комментатор Шамбон считает, что нарисованная здесь головка изображает графиню Кастильоне*. Но конечно это не так. Каким образом Проспер Мериме, человек такой деликатный, мог предлагать молодой девушке переменить прическу и при этом в письме к ней изображать в желаемой прическе не ее самое, а какую то другую женщину. Если мы сопоставим портрет Ольги Лагренэ, воспроизведенный здесь с миниатюры, и оба рисунка Проспера Мериме один с другим, то мы полным правом сделаем вывод о том, что Проспер Мериме нарисовал Соболевскому на листке 6 сентября 1860 г. свою молодую подругу, Ольгу Лагренэ.

Жизнь была богаче переписки, доступ к дням и часам Проспера Мериме для нас закрыт, но если мы припомним, что в 1860 г. Соболевский был желанным гостем у Лагренэ, что В. И. Дубенская помнила Соболевского в Петербурге в Пушкинском кружке и в качестве постоянного спутника Льва Пушкина, то для нас совершенно естественным станет то обстоятельство, что Поспер Мериме первым делом по приезде Соболевского в Париж по прошествии девяти лет со времени его последней поездки, рассказал ему о том, как выросла и похорошела та маленькая девочка, которая была совершенно незаметной фигурой в семье Лагренэ в 1840 г.

Я высказываю впрочем только свое предположение и твердого документального обоснования ему сейчас привести не могу.

Дело, начатое Соболевским, дело ознакомления Проспера Мериме с русским языком и лучшими произведениями русской литературы, продолженное В. И. Лагренэ, после отъезда Соболевского продолжал неуклонно

---

* „Lettres aux Lagrenés", № LXXVI, p. 129.

И. С. Тургенев. В 1863 г. Мериме пишет работу о казаках, выпускает этюды „О Богдане Хмельницком“ и печатает предисловие к французскому переводу романа И. С. Тургенева „Отцы и Дети“. В 1864 г. они вдвоем с Тургеневым переводят французской прозой поэму Лермонтова „Мцыри“ [1], а осенью того же года Мериме печатает статьи о процессе царевича Алексея, сына Петра I. В 1866 г. Мериме переводит Тургеневскую новеллу „Привидения“; в 1867 г. пишет статьи о молодости Петра I, а в 1868 г. появляется в окончательной обработке статья о Пушкине, носящая в себе следы влияния и Соболевского и Тургенева. В майском номере того же „Moniteur“, в котором появилась статья о Пушкине, Мериме печатает характеристику творчества Тургенева. В 1869 г. появляются переводы: „Жида“, „Петушкова“ и „Собаки“, трех рассказов Тургенева под названием „Московские новеллы“, а в „Journal des Savants“ в том же году Мериме помещает историю „Лже-Елизаветы II“, княжны Таракановой, и наконец, в год смерти Проспера Мериме появляется в печати его последний перевод Тургеневского рассказа „Странная История“.

Было бы интереснее подробнее остановиться на совершенно неразработанном материале русской колонии в Париже, но наша книга и без того уже разрослась, а материал остается попрежнему не исчерпаемым. Поэтому я остановлюсь только на характеристике двух продолжателей дела католика В. С. Печерина [2], с которыми сносился Соболевский по книжным делам и которых слегка знавал Проспер Мериме. Это русские иезуиты: Августин Голицын и И. М. Мартынов. Оба беглецы, искавшие приюта своим мятежным душам и нашедшие этот приют в отвратительных объятиях иезуитского обезволения и полного подчинения человека механически проводимой не критикуемой чужой директиве. Фанатик Голицын и Мартынов участвовали в организации русской иезуитской эмиссуры в Дамаск и Бейрут, для фанатического служения римской церкви. Голицын играл не маловажную роль в клерикальных кружках Парижа и вот мы встречаем его в качестве забавного цензора Тургеневского романа, перевод которого на французский язык он искажает намеренно ради охраны целомудрия парижского общества от влияния безнравственного русского писателя. Речь идет о переводе Тургеневского романа „Дым“ [3], сделанном Голицыным. Мериме пишет по этому поводу:

„Существует на свете князь Августин Голицын, который перешел в католицизм и не очень силен в русском языке. Он перевел роман г. Тургенева „Дым“, который печается в „Correspondant“, клерикальном органе. Мне поручили посмотреть корректуру. Между тем в этом романе есть вещи довольно смелые, которые приводят в отчаяние князя Голицына; так, например, о ужас! есть русская княгиня, занимающаяся любовью с отягающим

---

[1] „Revue Moderne“ том 34 (1 июля 1864 г. стр. 31 — 43) на обложке I. Tourgueneff et P. Mérimée.

[2] См. Гершензон. „Жизнь Печерина“.

[3] Перевод 1867 года.

обстоятельством супружской неверности. Он пропускает места, особенно коробящие его, а я их восстановляю по подлиннику. Князь весьма щекотлив, как вы увидите. Знатная дама позволяет себе придти на свидание с своим любовником в отель, в Бадене. Она входит в его комнату, и на этом глава кончается. Следующая начинается такими словами в русском оригинале: „Два часа спустя, Литвинов сидел один на своем диване". Неокатолик перевел: „Час спустя, Литвинов был в своей комнате". Как видите, это гораздо нравственнее, и сократить время на один час, значит ослабить на половину грех. Затем комната — вместо дивана; это гораздо добродетельнее: диван может служить для предосудительных целей. Но я, непреклонный на счет возложенных на меня обязанностей восстановил „два часа" и „диван": однако главы, где это находится, не появились в „Correspondant" за нынешний месяц. Полагаю, что почтенные люди, редактирующие его, подвергли их безусловной цензуре. Это меня очень забавляет. Если роман будет печататься дальше, то они найдут прекрасную сцену, где героиня рвет кружево; это гораздо рискованнее дивана. Я подстерегаю их на этом..." *

Ольга Лагренэ

В июне 1880 г. Тургенев написал свою знаменитую речь, читанную на публичном заседании Общества Любителей Российской Словесности

---

* Мериме корректировал переводы Тургенева, сделанные Голицыным, по просьбе автора. В одном из начальных писем А. Голицыну, Тургенев прямо указывает, что Мериме сам хотел его переводить. В письмах 7 и 9 июля 1867 г. на имя Г. Тургенев досадует на неточности перевода и требует от Голицына принятия всех поправок Мериме (см. Halpérine-Kaminsky, pp. 324 и 325).

Анализ взаимоотношений Тургенева и Мериме еще не выполнен за недостатком материала. Известно, что Мериме иногда допускал иронию в суждениях о Тургеневе. Известно также, с какой горячностью Тургенев защищал Мериме от нападок Флобера. Последний, после спора с Тургеневым об умершем уже Мериме, потребовал его сочинения и стал критически разбирать и уничтожать строчку за строчкой. Тургенев сначала спорил, не замечая намеренной заостренности критика, потом растерянным голосом стал повторять, когда Флобер перешел к насмешкам: „я вас не понимаю... я вас не понимаю". Этот случай записан был Эмилем Зола, свидетелем адвокатского выступления Тургенева и нападок Флобера.

по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. В этой речи Тургенев сказал: „Прямодушная правда и честность ощущений поражают в творении Пушкина не одних нас, но и тех иноземцев, которым он стал доступен. Суждения таких иноземцев бывают драгоценны: их не подкупает патриотическое увлечение. „Ваша поэзия", сказал нам однажды Мериме известный французский писатель и поклонник Пушкина, которого он не обинуясь называл величайшим поэтом своей эпохи чуть ли не в присутствии самого Виктора Гюго: „ваша поэзия ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собою, наши поэты совсем идут противоположной дорогой: они хлопочут прежде всего об эффекте, остроумии, блеске, и если ко всему этому им представится возможность не оскорблять правдоподобия, так они и это пожалуй возьмут в придачу"... „У Пушкина", прибавлял он: „поэзия чудным образом расцветает как бы сама собою из самой трезвой прозы". Тот же Мериме постоянно применял к Пушкину известное изречение: „Proprie communia dicere, признавая это уменье самобытно говорить общеизвестное — за самую сущность поэзии, той поэзии, в которой примиряются идеальное и реальность. Он также сравнивал Пушкина с древними греками, по равномерности формы и содержания образа и предмета, по отсутствию всяких толкований и моральных выводов. Помнится, прочтя однажды „Анчар", он после конечного четверостишия заметил: „всякий новейший поэт не удержался бы тут от комментариев". Мериме также восхищался способностью Пушкина вступать немедленно in medias res, брать „быка за рога", как говорят французы, и указывал на его „Д.-Жуана", как на пример такого мастерства".

Все в этом свидетельстве примечательно, все интересно и все правдиво, даже такая сомнительная вещь, как произнесение суждения о Пушкине Проспером Мериме в присутствии Виктора Гюго. Но этого никак не могло случиться после 1851 г.: ни одна комната не могла вынести совместного пребывания Мериме и Гюго. Мериме сам увлекался стилем Вольтера, а язык „Пиковой Дамы", которую он прочел вместе с Соболевским и которую перевел немедленно после его отъезда в Испанию, действительно чист и прозрачен, и своей простотой напоминает французский язык XVIII века. Пренебрежение к напряженному языку и стилю Виктора Гюго роднит мастера французской прозы с русским гением, а то явление, которое до сих пор еще не отмечено и не оценено русской критикой, а именно отвращение к лирической поэзии и к стихам вообще у Проспера Мериме — который был верным учеником Стендаля и в этом отношении, отвращение, которое немедленно превращается в свою противоположность, как только дело касается таких стихотворений как „Анчар" или таких поэм, как „Цыганы", указывает нам не на простое увлечение, а скорее на ученичество и преклонение французского автора перед гением величайшего русского поэта.

Проспер Мериме

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Соболевский в России и избрание Мериме в члены Общества Любителей Российской Словесности.—Письма Мериме к Погодину, Соболевскому и Лонгиновой.—Борьба за стиль.—Романтизм и реализм.—Заключение

Соболевский в Москве поселился на Смоленском или тогдашнем Зубовском бульваре в доме князя Волконского, рядом с квартирой своего старого друга Владимира Федоровича Одоевского [1], он часто встречается с Полтарацким, Бартеневым и особенно с Михаилом Николаевичем Лонгиновым; принимает деятельное участие в жизни Общества Любителей Российской Словесности и возбуждает вопрос об избрании Мериме в члены этого общества. Это было совсем не такое простое дело, как кажется теперь. Избрание иностранца в члены Общества могло быть пропущено, как некая вольность, лишь в дни увлечений „великими реформами", когда еще не остыл патетический либерализм Александра II. В архиве Соболевского [2] имеется следующее письмо М. Н. Лонгинова, датированное 21-м апреля 1862 г.

---

[1] В. Ф. Одоевский был близок с Соболевским еще в 20-ых годах. Для характеристики этой дружбы приведу письмо В. Ф. Одоевского Соболевскому, написанное в сентябре 1826 из СПБ в Москву [Молчановка близъ церкви Николы на Пескахъ в доме Ренькеича] [*sic!*] АНКК и Б. Ф. С. Т. I. стр. 100. *„Увѣдомь меня гдѣ и что Грибоѣдовъ—останется ли онъ въ Москвѣ и поѣдетъ ли въ Грузію или нѣтъ, какъ и когда къ нему писать; обо всемъ увѣдомь обстоятельно, скажи ему, что Ж[уковскаго] я только и видѣлъ одинъ разъ въ день пріѣзда, что онъ уѣхалъ въ деревню и я не имѣлъ случая съ нимъ болѣе свидѣться. Скажи еще Гриб[оѣдову], что теперь не могу ничего писать къ нему, но есть много писчего—оставлено до удобнѣйшаго случая, поцѣлуй его отъ меня и отъ души—слышишь ли сколько в тебѣ достанет ; надобно же, чтобы судьба насмѣхалась такъ надо мною — онъ выѣхалъ изъ Петербурга на другой день моего пріѣзда. Разскажи ему о моей женитьбѣ, опиши ему женщину, которая одна осмѣлилась понимать меня, принять во мнѣ участіе, женщину со свѣтлою головою, съ горячимъ сердцемъ, однимъ словомъ разскажи ему все, что знаешь, вырази ему то, чего я самъ словами не могу выразить. Гриб[оѣдовъ] пойметъ етотъ [sic!] нѣмой языкъ—скажи ему, что я скоро ему все самъ опишу. Прощай будь здоровъ.*

Твой Владиміръ.

Такой же степенью доверия и надеждой на прекрасное посредничество Соболевского в делах дружбы полна вся мимолетная переписка с ним Одоевского.

[2] А. Н. Х. К. и Б. Ф. С. Т. XXI, стр. 131.

„Сегодня балотируют Мериме. Привези в Клуб и в Общество справку: как его зовут „по батюшке“ (Проспер ...ичь). Это нужно и для того, чтобы вставить в письмо к нему от Председателя и в диплом, который сейчас уже надо заказать.

М. Лонгинов

А в протоколах Общества, записанных Лонгиновым, значится: „В почетные члены принят известный французский писатель, член „Французской Академии Проспер Мериме — знаток и страстный любитель русского языка и литературы, провозгласивший нашего Пушкина величайшим и первым из современных европейских поэтов“ [1].

Таким образом отзыв Мериме о Пушкине стал предметом суждения русского общества задолго до того времени, когда Тургенев сделал его достоянием печати, *и то, что именно Соболевскому принадлежит первая редакция этого отзыва на русском языке указывает полную вероятность моего предположения о том, что в этой формулировке отзыв о Пушкине был дан Проспером Мериме в присутствии Соболевского и Гюго.* Тогдашний председатель Общества Любителей Российской Словесности М. П. Погодин фигура глубоко не оригинальная и вызывавшая частые насмешки Соболевского, обратился к Просперу Мериме с уведомлением об избрании его в почетные члены ОЛРС. Повидимому широкий, пергаментный диплом, который обычно выдавался членам Общества, не был послан Просперу Мериме, так как в него печаталось полное без сокращения имя избранного, а в данном случае ОЛРС не желало отступить от традиции и оставить диплом, „без отчества“ избираемого. Не располагая сведениями, ждали ответа Мериме на письмо Соболевского, посланное по просьбе Лонгинова для выяснения вопроса о том, какое из своих имен пожелает взять себе Мериме в русской редакции своего полного имени. Поэтому Погодин направил к Мериме по адресу, указанному Соболевским, простое письменное уведомление о состоявшемся избрании. Мериме ответил Погодину 6 июня 1862 г. из Лондона. Вот это письмо [2]:

XXI

Londres 6 Juin 1862.

Monsieur,

je reçois ici la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser à Paris, pour m'annoncer que la Société des Amis de la Littérature Russe avait bien voulu m'accordé le titre de membre honoraire. Je suis bien flatté que

---

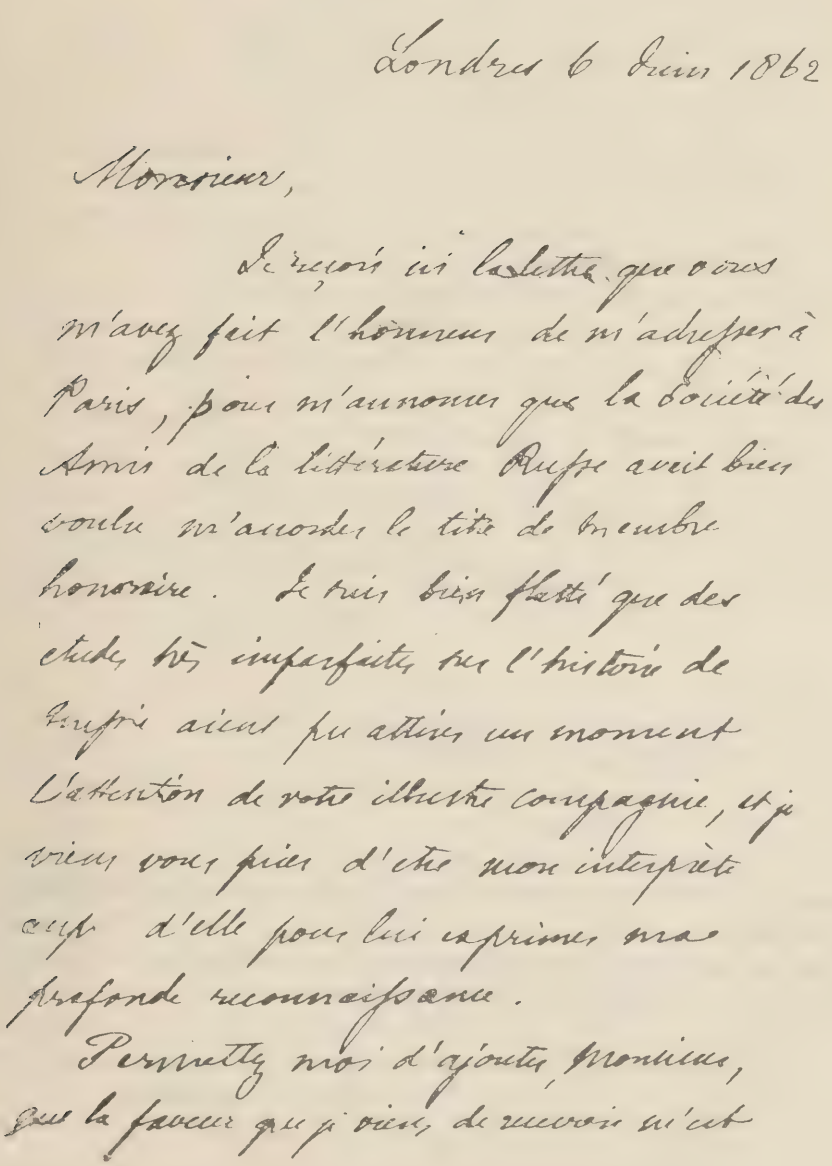
[1] См. М. Лонгинов. „История русской литературы XVIII и XIX ст.“ т. I стр. 564 отчет IV по ОЛРС. Москва. 1915 г.

[2] Оригинал в Отделе Рукописей Публичной Библиотеки СССР им. Ленина. Погодинский Архив № 3456.

des études très imparfaites sur l'histoire de Russie aient pu attirer un moment l'attention de votre illustre compagnie et je viens vous prier d'etre [*sic!*] mon interprète auprès d'elle pour lui exprimer ma profonde reconnaissance.

Permettez moi d'ajouter, monsieur, que la faveur que je viens de recevoir m'est doublement precieuse puisqu'elle me fournit l'occasion d'entrer en relation avec vous. Je connais une très faible partie de vos travaux et malgré mon ignorance 'ai pu juger jusqu'à un certain point par moi même de leur importance et de leur mérite. Ils m'ont donné le plus vif désir de les connaître

I *recto*


Londres 6 Juin 1862

Monsieur,

Je reçois ici la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser à Paris, pour m'annoncer que la Société des Amis de la littérature Russe avait bien voulu m'accorder le titre de membre honoraire. Je suis bien flatté que des études très imparfaites sur l'histoire de Russie aient pu attirer un moment l'attention de votre illustre compagnie, et je viens vous prier d'être mon interprète auprès d'elle pour lui exprimer ma profonde reconnaissance.

Permettez moi d'ajouter, Monsieur, que la faveur que je viens de recevoir m'est

II *verso*

doublement précieuse puisqu'elle me fournit l'occasion d'entrer en relations avec vous. Je connais une très faible partie de vos travaux et malgré mon ignorance j'ai pu juger jusqu'à un certain point par moi même de leur importance et de leur mérite. Ils m'ont donné le plus vif désir de les connaître entièrement et surtout d'exprimer à leur auteur tout mon estime pour son talent et son caractère.

Veuillez agréer Monsieur l'assurance des sentiments de la plus haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Votre très humble et très obeissant
S[erviteur]

Paris, 52, rue de Lille. *P-r Mérimée*

Paris, 52, rue de Lille.

XXI

Лондон 6 июня 1862.

„Милостивый Государь,

сюда мне переслали письмо, которым Вы удостоили меня, адресовав его на мой парижский адрес, с тем, чтобы уведомить меня об избрании в почетные члены Общества Друзей Русской Литературы. Я очень польщен тем, что мои, весьма несовершенные, занятия историей России могли остановить внимание Вашего славного Общества, и я прошу Вас не отказать быть перед Обществом истолкователем чувства моей глубочайшей благодарности за избрание.

Позвольте присоединить к этому мое заявление Вам, милостивый государь, о том, что полученная мною радость удваивает для меня свою ценность тем, что дает мне случай вступить в общение с Вами. Я, правда, ознакомился с очень небольшой частью Ваших трудов, но несмотря на мою недостаточную осведомленность в этом отношении, я все же мог составить себе представление об их значительности и заслугах. Они внушают мне живейшее желание узнать их в целом, и в особенности выразить мое уважение их даровитому автору.

Примите же, милостивый государь, выражения чувства самого глубокого почтения, с которым имеет честь пребывать

Вашим много обязанным и покорнейшим слугою

Париж, 52, улица Де Лилль.

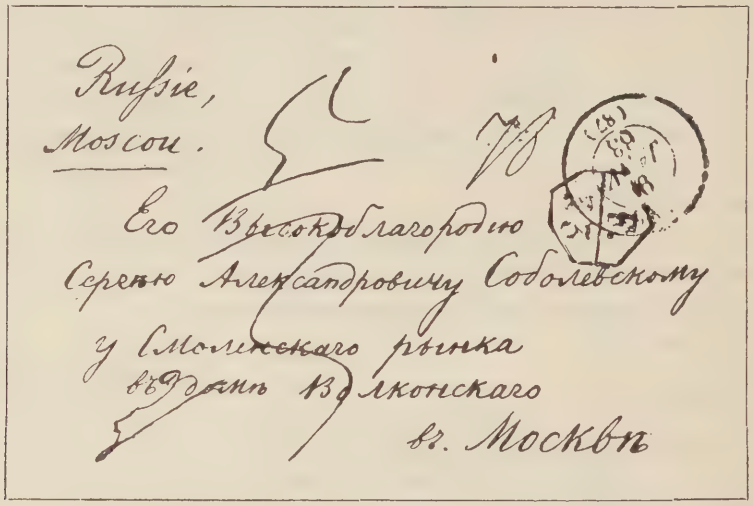
Проспер Мериме

Это строгое, официальное письмо, несмотря на свою холодную учтивость, свидетельствует об искренней радости. Мериме, умевший все скрывать в шутливой форме, писал однажды к Лагренэ еще в 1848 г. (8-го мая), после разбора свойств языка Жуковского: вы видите я делаюсь пуристом; через какие нибудь тридцать или сорок лет я надеюсь меня выберут в члены Петербургской Академии.

Общество Любителей Российской Словесности в те годы не было, конечно, основным выразителем литературных мнений и настроений своей эпохи. Тем не менее оно являлось местом пересечения многих литературных влияний, и поэтому входить в его состав было делом почетным. Мериме считал себя членом русской литературной семьи. Любовь к русскому языку только однажды покинула его; и эту измену надо отнести к его чести: тогда он отказался дать хороший отзыв о плохих стихах Ростопчиной, ссылаясь на то, что он забыл половину слов русского языка. Эта ссылка дает, как раз обратное доказательство, она показывает нам, что весьма галантный и светский ум Проспера Мериме все же не разрешал ему кривить душой в художественно-эстетических оценках. Он отказался дать отзыв о стихах, которые слишком хорошо понял и слишком мало оценил, чтобы писать о них. Ростопчина нашла себе дорогу через посредство Александра Дюма Младшего, своего кавказского спутника, который тем более оказался отзывчив, что был женат на русской, на авантюристке

Надежде Ивановне Кноринг, по первому мужу Нарышкиной, любовнице А. В. Сухово-Кобылина и французского министра Морни [1].

Что касается Проспера Мериме, то, как мы видели, он не только помнил русский язык, но и развивал в себе чувство и понимания этого языка. За год до смерти, 10-го февраля 1869 г. Проспер Мериме увлекательно характеризует свою привязанность к русскому языку в письме к Павлу Стапферу: „Это прекраснейший из всех европейских языков, не исключая и греческого. Он гораздо богаче немецкого и отличается необычайной ясностью, а так как этот язык находится еще в том периоде молодости, когда педанты не успели ввести в него свои правила и свои фантазии, то он необыкновенно хорошо приспособлен к поэзии".



По просьбе Лонгинова Соболевский написал Проспер Мериме письмо с просьбой урегулировать вопрос относительно дипломного „отчества" новоизбранного почетного члена Общества Любителей Российской Словесности. Мериме отвечает 9-го января 1863 г. письмом, адресованным в Москву *„Его Высокоблагородію Сергѣю Александровичу Соболевскому. У Смоленскаго рынка въ домѣ Волконскаго"* (написано по-русски без единой ошибки, рукой Мериме) [2]. Привожу это, последнее из найденных мною, письмо Проспера Мериме в Россию [3].

---

[1] В 1856—1857 гг. орни был в Петербурге в качестве французского посла. Женился на Трубецкой. Русская литература обогатилась прекрасным исследованием, вскрывающим всю сложность отношений и окружений А. В. Сухово-Кобылина, см. „Дело Сухово-Кобылина" Л. П. Гроссмана.

[2] 4-го июня 1860 года С. А. С. заключил договор на снятие квартиры в десять комнат за 500 рублей в год в доме кн. Волконского № 105 во 2-м квартале хамовнической части. См. Архив С. А. С. т. XXIV.

[3] Прочие не замедлят последовать за этой публикацией. Нам неизвестно то письмо С. А. С. к Мериме—которое отвез в Париж и вручил Е. А. Баратынский в ноябре 1843 года. Соболевский не прекращал переписки с Мериме и пользовался всякими окказиями и в последующие годы. Так было и после этого каннского письма. В 1863 году искусствовед

XXII

Cannes 9 Janvier 1863

Mon cher ami,

Je ne sais pas trop comment vous arrangerez le nom de mon père à la Russe. Il s'appelait *Leonor*; c'est un nom qui est dans notre famille et que je donnerais à mon fils, ou au votre si nous nous marions. Vous ne vous décidez pas encore? Vous êtes mon ainé de quelques jours, et c'est à vous à me donner l'exemple. Vous souvenez vous de Dansas, le secretaire de la légation de Portugal. Il vient de se marier et il passe ici la lune de miel avec sa femme qui est assez dodue et jolie.

J'ai écrit, il y a déjà quelque temps à la Société des amateurs de la litterature Russe, pour la remercier de l'honneur qu'elle m'a fait. En membre respectueux j'ai affranchi ma lettre.

D'après ce que vous me dites ce n'est pas le plus sûr moyen de la faire arriver. En effet je me demande quel intérêt ont les facteurs à remettre des lettres qu'on ne leur payera point?

Vous voyez que je suis à Cannes; mais depuis quelques jours, le temps nous a tenu rigueur. Nous avons ici des pluies abominables. La plaine entre Cannes et la montagne de Lest est inondée. Depuis deux jours le soleil a reparu mais bien pale et n'ayant rien de méridional dans la physionomie. Le nombre des etrangers est énorme. Les logements hors de prix quand on en trouve. On vend le sable et les rochers autour de la ville à 50 f[rancs] le metre. Enfin la civilisation fait des progrès gigantesques.

Panizzi est allé avec moi cet été prendre les eaux de Bagnères de Bigorre qui nous ont donné de cruelles coliques. Puis nous sommes allés à Biarritz chez le gouvernement où nous avons mené très agréable vie. Et de ce non content, le dit Panizzi s'en est allé à Naples l'autre jour.

S'il y avait des Baschkirs dans la société, vous pourriez leur dire à ma louange que j'ai appris depuis que je suis ici à tirer de l'arc. Je me chauffe de pommes de pin que je décroche à coups de flêche, chose difficile, car l'autre jour j'ai mis quatre grandes fleches chinoises d'un metre 15 chacune, dans un seul cone, sans pouvoir le faire tomber. Moyenant cet exercice, qui m'a été recommandé par un médecin, je remonte mes poumons qui sont un peu leuts à faire leur service.

Ma pauvre cuisinière est morte chez moi il y a trois mois. Sophie que vous vous rappelez peut etre, a voulu lui succeder. Il en résulte, je crains, que mon pot au feu n'est plus aussi mijoté qu'autrefois. On tâchera cependant de vous le faire manger.

К. К. Герц, давший на страницах № 25-го „Современной Летописи" сведения об открытии Соболевским в собрании А. Д. Лухманова нескольких Рафаэлевских arazzi подобных мантуанским, собрался ехать заграницу и 5-го июня пишет С. А. С.: „Милостивый Государь Сергей Александрович! Так как во вторник на следующей неделе я уезжаю заграницу то я осмеливаюсь напомнить вам любезное ваше обещание дать мне рекомендательные *письма к г. Панизци и Мериме*". Архив Соболевского, Том XX, стр. 58.

J'ai eu ici la visite du roi de Baviere Louis, du f e u r o i, comme son aubergisté est venu me l'annoncer. Il m'a paru homme de beaucoup d'esprit, très vicieux o f c o u r s e et ferré à glace en matière d'art et d'archéologie. J'ai fait de mon mieux pour le faire parler de Lola Montes et de son fils Othon pendant que nous allions aux îles de Lerius, mais il m'en a conté bien d'autres et des plus salées. Je rends compte dans le journal des savants de l'ouvrage de M. Kostomarof sur Bogdan Chmielnicki. Je lui sais un bien mauvais gré d'avoir mis tant de petit-russien dans son livre. Sans Tourguenef je ne m'en serais jamais tiré.

Adieu mon cher ami, quand j'irai à Nice, je ferai votre commission à M. de Cessoles. Il est l'oncle d'une aimable femme, Mad. de Viry dame d'honneur de l'Imp-ce qui m'a recommandé à lui. Vous savez que le pauvre Landresse est mort. C'est Roulisi qui lui a succédé. Tout à vous

P. Mérimée

XXII

Канны, 9 января 1863.

„Милый друг,

не знаю, как вам удастся переделать имя моего отца на русский лад. Его звали *Леонором* это наше семейное имя, и дал бы его своему сыну или вашему ребенку, если бы мы с вами женились. Вы все еще не решаетесь на этот шаг.

Вы старше меня на несколько дней, и вам надлежит первому подать пример. Помните ли вы Данзаса [?] секретаря Португальского Посольства? Так вот он только что женился и проводит медовый месяц здесь со своей довольно пухленькой и хорошенькой женой.

Несколько времени тому назад я отправил письмо в Общество Любителей Российской Словесности с выражением благодарности за оказанную мне честь. Будучи не только почетным, но и почтительным членом Общества, я послал свое письмо заказным пакетом. Но, если судить по тем сведениям, которые вы мне сообщаете, даже это может оказаться не самым верным средством для того, чтобы мое письмо достигло места своего назначения. Я спрашиваю себя: в самом деле, какой интерес может представлять для почтальонов передача письма, за которое они сами ровно ничего не получают?

Вы видите, что я в Каннах; но уже несколько дней, как погода на нас злится. Здесь идут ужаснейшие ливни. Долина, находящаяся между Каннами и горой Лестерель, совершенно затоплена. За последние два дня проглянуло солнце, но оно очень бледно и его вид не имеет в себе ничего южного.

Количество иностранцев в Каннах невероятное. Помещения, если их только можно найти, оцениваются баснословно. В окрестностях Канн продаются владения, состоящие из песку и голых скал по цене пятьдесят франков за метр. Вообще цивилизация идет гигантскими шагами.

Паницци ездил со мной этим летом пить воды в Баньер де-Бигорр, от которых мы страдали оба жестокими коликами, затем мы отправились в Биарриц, к властям [1] и вели там жизнь, полную счастья. Но не довольствуясь всем этим, этот самый Паницци на днях уехал в Неаполь.

Если бы вы в вашем обществе могли встретить башкиров, вы могли бы рассказать им в похвалу мне, что с тех пор как я здесь поселился, я выучился стрельбе из лука. Я топлю свою печь шишками огромной ели, которые сбиваю стрелами; это довольно трудно, так как на днях я израсходовал четыре больших китайских стрелы длиною каждая больше метра, целясь в одну и ту же шишку, которую не мог сшибить сразу.

Это упражнение, предписанное мне врачами, укрепляет мои легкие, которые с трудом выполняют свои обязанности.

Моя бедная стряпуха умерла три месяца тому назад. София, которую вы быть может помните, пожелала ее заменить. Боюсь, что последствием этого будет то, что мой суп будет уж не так хорошо заправлен, как в доброе старое время. Однако мы постараемся вас подкормить.

Меня посетил здесь Людвиг король Баварский [2], блаженной памяти король (feu roi), как мне о нем доложил хозяин гостиницы. Он показался мне человеком большого ума of cours, очень порочным, но подкованным на все четыре копыта в области искусства и археологии. Я старался навести разговор на темы о Лоле Монтец, и об его сыне Оттоне пока мы шли на острова Легрэн, он не уклонился, но порассказал еще и о многом другом, о многом довольно таки рискованном.

Я даю заметку в „Journal des Savants“ по поводу труда Костомарова о Богдане Хмельницком. Я мало ему признателен за то, что он уснастил свою книгу таким количеством украинизмов. Я никогда не распутался бы в них без помощи Тургенева [3]. До свидания, дорогой мой друг; когда я поеду в Ниццу, то непременно исполню ваше поручение и побываю у господина Сесоль [4], он приходится дядей одной очень милой даме

---

[1] „Вилла Евгении“ — императорская дача.

[2] Карл Август Людвиг I (род. 1786—ум. 1868). Не смешивать с Людовиком Баварским, покровителем Вагнера, безумным королем. Людвиг I окружал себя учеными, был почитателем искусств и в то же время прославился скандальными любовными приключениями. С 1846 г. он подпал сильному влиянию энергичной испанской авантюристки, танцовщицы Лолы Монтец, которая сумела взять в руки даже этого крутого характером и скупого баварца. Она вмешивалась в политику, и баварское министерство 1847 года было прозвано даже „министерством Лолы“. Сын Л. I-го, Оттон, сделался королем Греции, оставаясь на содержании баварского казначейства. Революция 1848 г. заставила Л. I-го отречься от престола.

[3] Мериме между январем и июлем 1863 г. в „Journal des Savants“ поместил свой третий очерк „Казаки былых времен“, озаглавив его „Богдан Хмельницкий“.

В 1863 г. в мае вышел французский перевод „Отцы и дети“ Тургенева с предисловием Мериме.

[4] Маркиз де-Сесоль, один из крупнейших и образованнейших библиофилов Франции, был большим другом Соболевского. Письма Сесоля к Соболевскому насчитываются в архиве последнего десятками. Обычное обращение Сесоля своему другу начиналось латинской фразой и словом Matricius, почти все его письма подписаны условным именем Nombrilis.

госпожи де-Вири придворной особы императрицы. Именно она познакомила меня с Сесолем.

Известно ли вам, что бедный Ландресс скончался? Его замещает теперь Рулизи.

Весь Ваш

П. Мериме

Этим письмом закончилась известная нам переписка Проспера Мериме с Соболевским. Нынешний состав архива Соболевского обрывается XXIV томом, который располагает в алфавитном порядке авторов писем на последние буквы алфавита. Хотя с XIX по XXIV том, все томы содержат „Souvenirs", датированные на корешке 1862—1868, но в числе писем встречаются и письма 1870 года, т. е. последнего года жизни Мериме и Соболевского. Нет никаких оснований предполагать, что письма Мериме не попали бы в эти томы, если бы Мериме писал Соболевскому и после 9 января 1863 г. Я делаю предположения, что это действительно последнее письмо. Деловые сношения с Францией у Соболевского продолжались. Они не могли не продолжаться, так как капиталы Ново-Сампсоньевских мануфактур были вложены им в акции французских железных дорог. И я полагаю, что последующие, исчезнувшие томы архива Соболевского представляли собою именно его деловую переписку.

Болеслав Маркевич * в своем длинном романе: „На переломе", который является продолжением романа „Четверть века назад", описывает Соболевского под фамилией Горностаева приблизительно так же неосновательно, как и Н. В. Берг в своих „Воспоминаниях". Фотографии Соболевского этих годов показывают нам человека действительно утомленного и смотрящего холодными и умными глазами вокруг себя, не без некоторого пренебрежения к окружающему. Эти глаза слишком много видели, и эта голова слишком много знала, чтобы не чувствовать пренебрежения к той среде, которая утратила общий язык с Пушкинской эпохой. Несомненно влияние Соболевского на Пушкина со стороны сюжета, коего Соболевский был вообще тонким знатоком, и также несомненно доверие к нему Пушкина. Совместная жизнь в Москве после приезда из Михайловского,вызов к Николаю во дворец, куда Пушкин отправился с квартиры Соболевского, рассказ именно Соболевскому в письме о том, как Николай „освободил его от цензуры", так что получилась цензура еще худшая, тысяча мелочей рассеянных по всевозможным мемуарам и в особенности последние опубликованные письма Соболевского, говорящие о благородных побуждениях его молчания о Пушкине в такую пору, когда к имени Пушкина пришивалось имя любого бездарного критика, — все это черты и мелкие подробности,

---

* Болеслав Михайлович Маркевич познакомился с Соболевским в октябре 1865 года на почве общего интереса коллекционеров. Маркевич просил С. А. С. помочь ему напечатать секретные записки Канкрина о крестьянских делах. См. Архив Соболевского Т. XXI, стр. 147.

пока не позволяющие дать полного облика Соболевского, но черты и детали, дающие намеки на крупный характер значительного человека, который писал, но не печатал, придавая печатному слову значение исключительной ценности, который разнообразно сумел проявить свой многосторонний талант и свое широкое образование, применяя его со своей точки зрения наиболее целесообразным способом: „он одаривал своих друзей собою и сумел вызвать их благодарность", Соболевский был интересен, не только как собеседник и корреспондент; но всей массой своего характера умел дать много даже в тех случаях, когда берущий сам обладал большой одаренностью. Мериме никому не дарил своей дружбы напрасно. Приведенная переписка показывает нам, что Соболевский не был случайной встречей на пути французского писателя, что это был друг полезный, интересный, у которого многое можно было позаимствовать. Соболевский дружбу ставил очень высоко, и дружескую помощь считал долгом и прежде всего своим долгом. В письме 19-го июля 1831 г.[1] он пишет: *В случае нужды каждый из нас не только может, но под опасением оскорбить дружбу* (тягчайшее преступление!), *должен сказать прочим: поите, кормите, одевайте меня. Что за дьявольская дружба, которая состоит только в говорении друг другу ты!*". Речь идет о том, чтобы больной Рожалин не отказывался от услуг братьев Киреевских [2].

С. А. Соболевский в 1869 году

Уже на склоне дней, когда человек обыденного склада успокаивается и приобретает чувства безразличия к явлениям возмутительным, Соболевский показал пример, не единственный, конечно, энергичной поддержки человека ему далекого и по своему положению, и по разделяющему про-

---

[1] „Русский Архив" 1906 г.

[2] Часто приходилось слышать о сухости сердца и об эгоистических чертах характера Соболевского. В этой книге мы не имели в виду давать биографии С. А. С., и потому подробно касаться таких мнений не можем, но в большой биографической работе необходимо подробно остановиться на сердечном отношении С. А. С. к своему воспитаннику, Нилу Александровичу Александрову, питавшему чувства сыновней преданности к Соболевскому. Этот мальчик погиб в 1869 году в четырнадцатилетнем возрасте, он утонул, катаясь на лодке подаренной ему самим же воспитателем. Соболевский переживал месяцы полного отчаяния после гибели мальчика.

странству. В 1867 г. в „Русском Архиве“ появилась коротенькая заметка *„О влиянии Смоленского бульвара на Португальский Парламент“*. Иронический талант Соболевского сразу чувствуется в этой оригинальной заметке. Он рассказывает о том, как португальский ученый де-Сильва должен был прекратить печатание своего большого био-библиографического труда. Соболевский, бывший подписчиком, обратился к нему с просьбой объяснить причины неприсылки следующих выпусков к нему в Москву, на Смоленский Бульвар, и узнав тяжелые обстоятельства, сопровождавшие де-Сильву в его труде: безразличие общества, бедность и незащищенность Лисабонских ученых, он пишет ему письмо, в котором выражает свое удивление по поводу всех этих фактов, указывая на то, что правительство, имеющее уважение к науке, должно бы дать субсидию на продолжение этой работы, и общество, уважающее культуру, должно бы беречь своих ученых. Де-Сильва напечатал письмо Соболевского в газетах и результат был совершенно неожиданный. При открытии сессии парламента по интерпеляции секретаря, основанной на письме С. А. С., палата вотировала кредиты на продолжение издания де-Сильва. Таких маленьких иллюстраций можно привести десятки [1]. Все они характеризуют группу людей, часто встречаемых нами, группу талантливых вдохновителей чужого ума, гениальных посредников, одаренных воспламенителей и инициаторов чужого творчества, которые сами не оставляют по себе многотомных трудов, по причинам совершенно иного свойства, нежели отсутствия таланта или леность. История культуры и в частности биографическая наука должны уделить внимание общественным явлениям этого порядка и вручить наименование и таланта таким людям, которые действительно, будучи талантом, сумели зажечь десятки огней вокруг себя, не рассчитывая даже на благодарность. То, что они дали, должно быть им возвращено, как их свойство, как их творчество. К числу таких людей принадлежали в России Н. В. Станкевич, А. И. Тургенев, а в кружке Проспера Мериме Альберт Стапфер. Эти люди имели влияние на литературное и умственное движение своего времени, хотя сами они почти не писали, а если писали, то не печатали. Мы не имеем ничего, кроме нескольких десятков эпиграмм, собранных и напечатанных впервые с именем Соболевского через тридцать три года после его смерти. Там допущены естественные ошибки [2]. Разбросанные по журналам библиографические статьи показывают нам драгоценные песчинки огромных золотоносных рудников, основные жилы которых пролегают где то в глубине, далеко от наших глаз. В одном из писем к Швыреву 30-го августа 1830 г. Соболевский сообщает: „Пишу свои записки, пишу по-французски об России, а главное думаю о такой вещи некоей, от которой в год толкну Россию на десять в два на пять-

---

[1] Среди визитных карточек в XXIV томе А. С-го сохранилась карточка Константина Тишендорфа с выражением горячей благодарности ученому Соболевскому за серьезную помощь, оказанную палеографу К. Тишендорфу.

[2] Например „Чья эта плешь нарядная“ стихотворение М. Н. Лонгинова приписано Соболевскому, и т. п. ошибки.

Cannes 9 Janvier 1863

Mon cher ami,

Je ne sais pas trop comment vous arrangerez le nom de mon fils à la Russe. Il s'appelait Léonor ; c'est un nom qui est dans notre famille et que je donnerais à mon fils, ou au votre si nous nous mariions. Vous ne vous décidez pas encore ? Père, en, mon aîné de quelques jours, a c'est à vous à me donner l'exemple. Vous savez vous de Dantes, le secrétaire de la légation de Portugal. Il vient de se marier et il passe ici la lune de miel avec sa femme qui est assez laide et jolie.

J'ai écrit, il y a déjà quelque temps à la Société des amateurs de la littérature Russe pour le remercier de l'honneur qu'elle m'a fait. En

membre respectueux j'ai affranchi ma lettre
D'après ce que vous me dites ce n'est pas le plus
sûr moyen de la faire arriver. En effet je me
demande quel intérêt ont les facteurs à remettre
des lettres qu'on ne leur paye point?

Vous voyez que je suis à Cannes; mais
depuis quelques jours, le temps nous a tenu
rigueur. Nous avons eu des pluies abominables
La plaine entre Cannes et la montagne de Lesterel
est inondée. Depuis deux jours le soleil a reparu
mais bien pâle et n'ayant rien de méridional
dans la physionomie. Le nombre des étrangers est
énorme. Les logements hors de prix quand on
en trouve. On vend le sable et les sorbiers autour de
la ville à 50 f. le mètre. Enfin la civilisation fait des
progrès gigantesques.

Pamzzi est allé avec moi cet été prendre les
eaux de Bagnères de Bigorre qui nous ont donné d

cruelles coliques. Puis nous sommes allés à Biarritz chez le gouvernement où nous avons mené très agréable vie. Et de ce non content, le dit Panizzi s'en est allé à Naples l'autre jour.

S'il y avait des Baschkirs dans la société, vous pourriez leur dire à ma louange que j'ai appris depuis que je suis ici à tirer de l'arc. Je me chauffe des pommes de pin que je décroche à coups de flèche, très difficile, car l'autre jour j'ai mis quatre grandes flèches chinoises d'un mètre 15 chacune, dans un seul cone sans pouvoir le faire tomber. Moyennant cet exercice, qui m'a été recommandé par un médecin je remonte mes poumons qui sont un peu lents à faire leur service.

Ma pauvre cuisinière est morte chez moi il y a trois mois. Sophie que vous vous rappelez peut-être, a voulu lui succéder. Il en résulte, je crains, que mon pot au feu n'est plus aussi mijoté qu'autrefois. On tâchera cependant de vous le faire manger.

J'ai eu ici la visite du roi de Bavière, Louis, du ten roi, comme son aubergiste est venu me l'annoncer. Il m'a paru homme de beaucoup d'esprit, très vicieux of course, et ferré à glace en matière d'art et d'archéologie. J'ai fait de mon mieux pour le faire parler de Lola Montes & de son fils Othon, pendant que nous allions aux îles de Lérins, mais il m'en a conté bien d'autres et des plus salés.

Je rends compte dans le journal des Savants de l'ouvrage de M. Kostomarof sur Bogdan Chmielnicki. Je lui sais un bien mauvais gré d'avoir mis tout de petit-russien dans son livre. Sans Turguenef je ne m'en serais jamais tiré.

Adieu mon cher ami, quand j'irai à Nice, je ferai votre commission à M. de Cepoles. Il est l'oncle d'une aimable femme, Mad. de Viry dame d'honneur de l'Imp.ce qui m'a recommandé à lui. Vous savez o le pauvre Landrefe est mort. C'est Rouelin qui lui a remédié. Tout à vous

Pr Mérimée

десят, в три на сто лет. Хочу всю Россию исчертить паровыми телегами, паровыми каретами, возами и прочее. Да об этом—тс, тс, тс...“

Бартенев предполагал, что эти записки находятся в архиве Соболевского, купленном Шереметевым. Но там их не оказалось. Равно я не нашел и его „Записок путешественника“ или как Соболевский называет их иначе „*Были и Небылицы*“. Соболевский писал по поводу этого произведения: „Цель моя была представить беспристрастнейшую картину нынешней Италии в сравнении с ее блеском от 1200 до 1530 гг. в истории, повестях, описаниях, и под этой побасеночной одеждой выставить ее резким примером гнусности, зависимости внутренней и внешней, фактной и умственной... Потом в четвертой части слегка показать теперешнюю Францию“.

От этого произведения к нам дошло только заглавие, украденное у Соболевского Мельгуновым для своей книги „*О былом и небывалом*“.

Письма Проспера Мериме лучше всех других характеристик оценивают для нас фигуру Соболевского, о котором в этой книге естественно приходится говорить большим количеством слов, нежели о французском авторе писем, потому что перед нами нет писем Соболевского к своему другу, и основным свидетелем в этой книге выступает только сам Проспер Мериме.

Нами было указано, в какой среде и в каких обстоятельствах Соболевский познакомился с французским писателем, если он сошелся с ним, а не с Виктором Гюго, не с Шатобрианом, не с Альфредом де-Виньи, то это объясняется только тем, что очевидно нашлись общие черты характера и точки соприкосновения, породнившие и подружившие обоих сверстников. Перевес заинтересованности должен падать конечно на сторону Проспера Мериме, который в своей характеристике романтического направления, примыкая к Стендалю, исходил из увлечения национальными характерами. В одном из своих писем к старой графине Марии Мануэле Монтихо, Мериме пишет жестокую фразу: „пошлость, перешедшая в подлость, глубоко въелась в наши нравы и вошла в характеры французов“ *. Эта строчка была написана через шесть лет после смерти Стендаля, она почти буквально повторяет один из вариантов вереницы его суждений на тему о французском характере. Мериме, приближенный испанской дамой, случайно ставшей императрицей Франции, продолжает оставаться верным своей основной точке зрения, хотя в 1850 г. в своей анонимной книжечке, посвященной Бейлю, он тоном сомнения говорит, что Бейль „часто незаслуженно обвиняет в легкомыслии нашу великую нацию“.

Мы уже коснулись вопроса относительно причин, вызывавших такую оценку французского ума и характера в среде лучших представителей Франции, взошедших на дрожжах революции и идей просвещения и ставших лицом к лицу с новым правящим классом этой страны, создавшим реставрацию, реакцию и вторую империю. Мы не будем повторять анализа, устанавливающего количественное отношение французских тем Проспера Мериме ко всей остальной массе его произведений. В этом своеобразное

* Письмо 1848 г.: „c'est bien la lacheté que fait le fond de caractère français“

проявление его романтического вкуса, его романтического выбора, который не только формально, но и по существу творчества связывает его с романтической школой. Это не исключает того последствия, что творческий метод Проспера Мериме, его борьба за мастерство, за стиль, за простоту разработки сюжета чуждого фантастики и потусторонности, делают его реалистом в полном смысле этого слова, а годы, последовавшие за его смертью, превратили его если не в классика, то во всяком случае в классического автора в том же смысле, как мы даем это название Пушкину и Байрону. Вопрос о том, был ли Пушкин классиком или романтиком разрешился просто: Пушкин был прежде всего Пушкиным. В отличие от классической и романтической эпохи, он создал Пушкинскую эпоху. Но в ту пору, когда еще только намечалось в недрах романтической школы зарождение новой литературы в виде реалистического романа и повести, сломавшей рамки старого классицизма, в ту пору и Пушкина можно было назвать романтиком с точки зрения французской классификации, даваемой романтической декларацией Стендаля.

Стендаль объяснял романтизм, как „правильно избранное лекарство, которое, будучи дано обществу своевременно и уместно, сможет оказать ему помощь и доставить наслаждение". Не менее своеобразно у него определение противоположности романтизма: „Классицизм, напротив, дает обществу умственную пищу, которая доставляла наибольшее наслаждение предкам этого общества. Софокл и Эврипид были романтиками вполне; они давали грекам, сходившимся в Афинском театре, впечатления, которые при нравственных свойствах этого народа, при его религии и предрассудках относительно человеческого достоинства, должны были доставлять ему громадное наслаждение. Подражать теперь Софоклу и Эврипиду и уверять, что эти подражания не заставят зевать французов XIX столетия — это классицизм. Я нисколько не колеблюсь утверждать, что Расин был романтиком; он давал маркизам двора Людовика XIV изображение страсти, умеряемое чрезвычайным достоинством, которое тогда было в моде, и вследствие которого какой-нибудь герцог 1670 года, даже в нежнейших излияниях отеческой любви, никогда не забывал называть своего сына *monsieur*. Шекспир был романтиком, потому что он представлял англичанам 1590 года кровавую катастрофу междоусобных войн и, как контраст,—тонкое изображение движений человеческого сердца, оттенки едва уловимых страстей. Сто лет гражданских войн и переговоров, бесчисленное множество измен, казней и самопожертвований—приготовили подданных Елизаветы к такого рода трагедии, которая держала зрителей в сфере высших возбуждений человеческой эмоции. И люди, и события, опоэтизированные Шекспиром, имеют действительно колоссальные размеры. Эти люди и события возбудили бы страшное негодование сентиментальных и надушенных кукол, которые во время царствования Людовика XV не могли видеть паука без того, чтобы не падать в обморок..."

„Случайно новая французская трагедия похожа на трагедию Шекспира, но только потому, что наши события приблизительно те же, как и события

в Англии 1590 года. У нас тоже есть партии, казни и заговоры. Один из тех, которые хохочут, читая эту брошюру, через неделю попадет в тюрьму, другой, вторивший ему, будет его судить. Вскоре у нас будет новая французская трагедия, если будет достаточно безопасности, чтобы заняться литературой; я говорю безопасности, потому, что вся беда заключается в нашем напуганном воображении. Так как мы неизмеримо выше по уму англичан XVI столетия, то наша трагедия будет проще. Шекспир постоянно прибегал к реторике, потому что он нуждался в приспособлении к понятиям публики тех или других драматических положений, так как публика была невежественна и в ней было гораздо больше храбрости, чем сообразительности. Французский ум в особенности отвергнет немецкую галиматью, называемую многими немецким романтизмом. Шиллер копировал Шекспира, главным образом—его реторику; у него не достало ума предложить своим соотечественникам трагедию, соответствующую их нравам".

Таким образом построение какой нибудь „Мессинской Невесты" по типу древне-греческой трагедии с хорами казалось Стендалю „немецкой галиматьей". По той же причине Пушкинские „Цыганы", построенные по принципу простоты и естественности, кажутся Просперу Мериме гениальным произведением. Отсутствие формальных драматических признаков, отсутствие хоров не умаляет для Мериме трагического значения этого драматического отрывка. Заключительные строчки:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет

роднят эту драматическую поэму Пушкина с тем истинно романтическим, что Стендаль находил в трагедиях Эсхила и Софокла, показавши современникам *необходимость*, господствующую в мире и тяготеющую над всеми поступками человека под видом Судьбы или Закона.

Путаница в понятиях о романтическом в литературе приводила и к некоторой житейской путанице. Доктор Корэф, бывший другом Мериме, Стендаля, Гейне, писавший множество писем Соболевскому, был проводником именно тех крайностей немецкого романтизма, которые сводили с ума Людовика Баварского, покровителя Вагнера, крайностей, которые обнаружились в сказках Теодора Амедея Гофмана, давшего изумительные образцы фантастической литературной перегонки простого немецкого алкоголя, навсегда отравившего его мозг и в виде утонченного вещества продолжающего давать эвфорию фантастики читателю его сказок. Тем более странной кажется оригинальная дружба такого нелюбителя фантастики, как Стендаль, с этим „интелектуальным авантюристом", доктором Корэфом, послужившим прототипом Винцента из „Серапионовых Братьев". Тот лагерь романтиков, который допускал „ироническую" фантастику, разрешал также фантастику „Пиковой Дамы" Пушкина, но именно так, как это сделал Пушкин: это была бредовая фантастика больного мозга Германа, которая врезалась руководящей идеей в его реальные поступки. Романтика реалистической школы, ожи-

вившая литературные формы, обеспечившая изгнание условностей, омертвивших „материю“ литературы ради преобладания традиционной „формы“, не мирилась всетаки с теми безудержанными сюжетами, которые превращали литературу в лабораторию интелектуальных ядов. Вот почему прекраснейшее из произведений Франции тридцатых годов—„Пармская Шартреза“ навсегда останется неповторимым памятником французской романтики, хотя серебро и брильянты на лиловой одежде ее героя не прикрывают никаких таинственных приключений.

В библиотеке Пушкина под № 1408 значатся два тома вполне разрезанного до последней страницы романа Стендаля „Le Rouge et le Noir“ в издании 1831 г.; а под № 1154 значится „Guzla“ в издании 1827 г.; под № 1155 издание „Mosaïques“ Мериме; под № 1156 его же „Заметки из путешествий по югу Франции“ 1835 года и, наконец, под № 1157 два томика „Театр Клары Газуль“ *.

Пушкин конечно не имел возможности читать „Пармскую Шартрезу“, так как она вышла только в 1839 г., но ее читал Гоголь, в библиотеке которого были оба главнейшие произведения Стендаля.

Из произведений жестокой романтики Пушкин и Гоголь увлекались оба тем безымянным романом, который, судя по вышеприведенному письму Стендаля к Виргинии Ансло и его, увлек тоже; это „Мертвый Осел или Обезглавленная Женщина“ (часть I и II, Москва университетская типография 1831 стр. 183+179). Произведение автора, который в силу литературной свободы, данной романтическим манифестом, смело разорвал с традициями стерновского сентиментализма, совершенно так же, хотя конечно не с таким талантом, как Пушкин разорвал с прозаической традицией сентиментальной „Бедной Лизы“. Поэтому я склонен рассматривать стихотворную переделку „Матео Фальконе“ Жуковского, как некоторый возврат к устарелым до-романтическим формам. Лишь Гоголь использовал сюжет убийства предателя-сына родным отцом в совершенном согласии с настоящим духом свежей романтики, когда он на место корсиканца „Матео“ поставил яркую и могучую фигуру запорожского казака, и заставил Тараса Бульбу стрелять в родного сына.

До сих пор мало занимались вопросом о влиянии вольтеровской прозы на Пушкина. На основании приведенного мною письма Проспера Мериме, мы можем ему предоставить инициативу в этом вопросе. Желательно, чтобы вопрос, поднятый французским писателем, был во всей широте рассмотрен и доследован русскими историками литературы. Но и по вопросу о том, какие были родственные моменты в наблюдательности Пушкина и в наблюдениях Бейля, мы можем найти не мало интересного. Повесть „Барышня Крестьянка“ имеет строчки текстуально воспроизводящие Стендаля, еще раньше чем Пушкин имел фактическую возможность прочесть из него хоть строчку („Барышня Крестьянка“ написана в 1830 г.). Припомните суждения о девушках, воспитавшихся в провинции: „воспитан-

* Номера обозначены по книге Б. Л. Модзалевского.

ные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек... В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование, но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы".

Если мы возьмем черты национальных характеров и племенных особенностей, подмеченных Пушкиным в „Капитанской Дочке", если мы внимательно с карандашом просмотрим „Арап Петра Великого", то мы увидим те же свойства прозы и ту же наблюдательность в произведениях Проспера Мериме. Не преувеличивая влияния пушкинской прозы на знаменитого французского новеллиста, мы можем все же назвать это влияние Пушкина огромным, хотя конечно сама французская проза XVIII века, оказывая воздействие на Мериме, не менее чем Пушкин, отбила у него вкус к напыщенности и пафосу Виктора Гюго.

Применение фантастического в сюжетах Мериме объясняется отчасти влиянием Тургенева, влиянием, которое по существу, конечно, явилось порчей хорошего вкуса. Оторвавшись от родных корней и не ставши своим на чужбине, Тургенев, этот сфинкс без тайны европейского романтизма, усваивал себе позднюю формацию романтического направления, и порвав со своим удивительным мастерством рассказчика, каким он явился в „Записках Охотника", он стал писать совершенно больные вещи: „Странная история", „Клара Милич", „Привидения". Первая и третья вещи переведены Проспером Мериме скорей из вежливости, в благодарность за помощь при чтении Костомарова. Но насколько применение фантастического целесообразно и трезво у Мериме! За год до смерти Мериме пишет новеллу из литовской жизни: „Локис". Когда то посмеиваясь над применением „местного колорита" в письме к Соболевскому, в этом произведении Мериме почти злоупотребляет таким материалом. Но основная тема наследственность впечатлений на почве особенностей национального характера разработана с неподражаемым изяществом и красотой *, являя собой образчик подлинной романтической трактовки сюжета, исполненной реалистом.

Каково участие во всех этих явлениях Сергея Александровича Соболевского? Двадцати шести лет, попав в самую чащу романтической битвы, он принял в ней участие, явившись в Париж не в качестве простого путешественника: он хранил на себе черты обаяния Пушкинской дружбы, он незадолго перед тем читал, слушал и издавал Пушкина. Этим объясняется легкость и самостоятельность его поведения в Париже и заграницей вообще. Этот заряд веселости, это счастливое сознание обладания сокровищем, давало ему спокойную уверенность, и вместе с житейскими свойствами „боярина", явившегося в гостиную Виргинии Ансло из какой то полусказочной страны, привлекло к нему внимание Проспера Мериме, обратившееся в дружбу и приязнь. Почва была подготовлена. В своих исканиях выхода за рубеж старинной французской ограниченности, Мериме увидел

* См. „Четыре повести". Мериме в переводе М. А. Петровского сохраняет все стилистические богатства оригинала. Это единственные переводы Мериме, удавшиеся безусловно.

перед собой занимательного представителя славянского характера, который быть может не овладел бы его вниманием в такой степени, если бы он не сделался для него особенно обаятельным, особенно интересным в силу того, что он помимо впечатлений экзотической страны, манившей Мериме, нес с собою отблески пушкинской музы, возбуждал тот интерес, который сопровождает *друга Пушкина*, недавно видевшего и слышавшего поэта. Таким образом первоначальный интерес ко всему русскому, возникший в среде романтиков (от которого впрочем только Стендаль был застрахован тяжелыми впечатлениями русского похода, Смоленскими холодами и Березинской переправой) при ближайшем соприкосновении с языком и литературой, интерес подогретый в Мериме его сверстником, позволил ему в сороковых годах подойти вплотную к Пушкину, а встретившись с этим литературным явлением, Мериме естественно перешел от своего кокетливо-экзотического увлечения Россией, первоначально не превышавшего интереса к Испании, к настоящему искреннему и глубокому, насколько это было доступно его натуре, увлечению Пушкиным.

Вопрос о способе изучения русского языка Проспером Мериме не достаточно выяснен. Главная масса переписки, характеризующая его увлечение русским языком падает на письма к В. И. Дубенской — Лагренэ и вообще в семью Лагренэ. Эта переписка, политическая, светская, и лишь в небольшой части литературная, охватывает восемьдесят девять писем, из которых ни одно не носит характера той дружественной интимности, которой проникнуты письма к его сверстнику Соболевскому. Занятия русским языком с В. И. Дубенской были очень непродолжительны, если мы возьмем самую основную нить биографической канвы Лагренэ.

Теодоз Мари-Мельхиор-Жозеф де-Лагренэ родился в 1800 и умер 1862 г. В 1823 г. мы застаем его на службе в русском посольстве в Петербурге; в 1825 г. он несет дипломатическую работу в Константинополе; в 1826 г. в Мадриде, а в 1828 г. он опять занимает должность второго секретаря посольства, переходя в разряд первых секретарей опять таки на Петербургской службе в 1831 г. В 1834 г. он уезжает из Петербурга в Дармштадт, увозя с собой В. И. Дубенскую, а с 1835 г. и до 1843 г. он занимает должность полномочного французского министра в Афинах. В 1840 г., путешествуя по Греции, Проспер Мериме знакомится с ними впервые, по наслышке зная В. И. Дубенскую от Соболевского, бравшего у Погожева, ее двоюродного брата, сочинение Гоголя в Париже в 1837 году. Встреча Мериме с В. И. Лагренэ в Афинах была слишком кратковременна для того, чтобы Мериме имел возможность начать правильные занятия русским языком, тем более, что в промежуток между 1843 и 1846 гг. семья Лагренэ жила в Китае. А когда в 1846 г. В. И. Лагренэ явилась с мужем в Париж, то Мериме, встретив ее, счел необходимым похвастать уже готовым знанием русского языка. Он пишет В. И. Лагренэ свое первое русское письмо, желая этим показать ей свои успехи.

Таким образом до перевода „Пиковой Дамы“ прошло всего каких-нибудь полтора года нерегулярных занятий русским языком. Из этого

я делаю вывод, что если Дубенская и обучала Проспера Мериме русскому языку, то до 1846 г. все главнейшие соприкосновения с этим языком начались по инициативе Соболевского, а в дальнейшем выбор произведений и главным образом вкус к Пушкину обусловлены были также влиянием Соболевского, равно как и исторические работы Мериме значительно облегчены были библиографическою осведомленностью его русского сверстника. Что касается литературного вкуса, то следует отметить, что в семье Лагренэ сохранилось некоторое предубеждение против Пушкина. В. И. Дубенская никогда не говорила о нем с мужем, не желая касаться неприятного вопроса о несостоявшейся дуэли. В числе произведений, рекомендованных Просперу Мериме для чтения, В. И. Лагренэ указывает и Жуковского и Лермонтова, но ни разу не указала Пушкина. А между тем Мериме в письме к ней коротко, но отчетливо сообщает, что именно Соболевский раскрыл для него Пушкина. В статье 1868 г., сравнивая Пушкина с Байроном, называя обоих величайшими поэтами эпохи, восхищаясь формой пушкинского стиха и красотою русского языка, Мериме пишет: „Русский язык, как всякий слишком совершенный инструмент, представляет своеобразную опасность для невзыскательного художника, обольщая его роскошью и богатством своих форм; это может вредить материи искусства, но ведь только строгое сочетание формы и вещества в искусстве может удовлетворить основному требованию истинной художественности. Именно Пушкин совершенно свободен от такого упрека. Он являет собою изумительное сочетание необычайное по выдержанности формы и материи в искусстве. Владея в совершенстве русским языком, он с величайшим тактом и строгой умеренностью пользуется его богатством, избегает всего лишнего. Он отливает свою мысль всегда в самые простые слова, давая читателю ясно почувствовать, что по другому или еще яснее невозможно было бы ее выразить. Вот в такой простоте и заключается высшее художественное совершенство. В стихах Пушкина содержание, очаровывающее своею прелестью, наполняющее их, всегда богаче, нежели использованный словесный материал, так же как и у Байрона".

Как не дошли до нас документы, характеризующие встречу Мериме с Гоголем в парижской гостиной А. О. Смирновой в 1837 г., также точно лишь из третьих рук мы узнаем о том, что существовала переписка Мериме с Александрой Дмитриевной Лонгиновой. Мы видели выше, что Мериме познакомился с нею в конце пятидесятых годов в Каннах, а в последние годы жизни он писал ей письмо, очевидно, в ответ на ее вопрос о литературных мнениях тогдашнего времени. Уцелевший отрывок этого письма говорит следующее:

„Уступая желанию и настоянию некоторых русских знакомых, я прочел „Преступление и Наказание" Достоевского; мне говорили, что это лучшее из его произведений. Скажу вам откровенно: несмотря на большой талант, Достоевский мне не нравится, в нем есть какая то напряженность и экзальтация чувства, а это вредит ясности художественного созерцания. Он вышел скорее из Виктора Гюго, чем из Пушкина.

Можно ли и достойно ли русскому писателю, имеющему такой высокий образец, следовать по стопам Гюго и вдохновляться им?“

Это заключительное письмо Мериме, написанное почти накануне смерти, особенно знаменательно для русского читателя. И если припомним отрицательное отношение Пушкина к Виктору Гюго, и отрицательное отношение Мериме к психологическому роману вообще, то для нас особенный интерес приобретает это совпадение взглядов двух писателей, которые оба ценили друг друга и выразили эту оценку в печати. Мне хотелось бы предостеречь от чрезмерного увлечения теорией „разных литературных поколений“. Здесь дело не в литературном возрасте поколений, а в тех нестареющих и не ветшающих творческих основах, из которых одни характеризуются гармонической ясностью и созвучной прелестью своих настроений, мироощущений, стиля и сюжета, а другие отличаются чертами прямо противоположными. Так вот Мериме и Пушкин выросли из первого основания. Достоевский и Гюго из второго. А великий мастер литературных соприкосновений, великий посредник, облегчавший культурные сплавы благородных литературных металлов, Соболевский, в деле сближения Пушкина и Мериме сыграл роль, которая обеспечивает ему право на блестящее имя в культурной истории.

МИЦКЕВИЧ — ПУШКИН — СОБОЛЕВСКИЙ

И НОВЫЕ ПИСЬМА МИЦКЕВИЧА

Отношения трех друзей, Мицкевича, Пушкина и Соболевского, складывались по разному в разные периоды. К сожалению самый яркий и самый интересный период общения оставил нам наименьшее количество документальных данных. Скудность дошедшего до нас материала может повергнуть в отчаяние любого исследователя. Впоследствии, когда сбоку от этого тройственного союза возникла фигура Проспера Мериме, свидетельства Соболевского приобретают бóльшую яркость и отчетливость. Но когда уезжает Мицкевич, когда одновременно и его русские друзья расстаются, а потом наступает трагический перелом в отношениях польского поэта к России, то на место документов выступают догадки и предположения. Мицкевич и Пушкин намагничивают друг друга издали, причем дружба пропитывается враждой и вражда до странности похожа на дружбу и любовь. Это промежуток между польской войной 1831 года и временем создания „Медного Всадника", возникновение которого было вызвано Мицкевичем и тем оживлением воспоминаний о Мицкевиче в Пушкине, которое возникло после приезда Соболевского в Россию в 1833 году. Последующее событие, ужаснувшее Мицкевича, именно дуэль Пушкина и его смерть показали, до какой степени были глубоки корни и основания этих отношений.

Со смертью Пушкина выпадает главное звено, связывавшее эту удивительную литературную цепь, скреплявшее лучшие явления в этом союзе поэтического гения, польского и русского. За исключением немногих, оставшихся верными старой дружбе русских друзей, все отшатнулись от Мицкевича. Вот почему предлагаемые сейчас вниманию читателя неопубликованные доселе письма Мицкевича являются драгоценным доказательством этой редкостной дружбы, которая характеризовала лучших представителей русского общества прошлого столетия.

22 октября 1824 года „неблагонадежному" и „неблагонамеренному" Мицкевичу только что вышедшему из Виленской тюрьмы, по делу о тайных обществах филаретов, или польских любомудров, был вручен приказ явиться в столицу империи. Мицкевич приехал в Петербург 9 ноября 1824 года. На всю жизнь сохранилось в нем воспоминание жуткое и зловещее от снежных равнин, от пустынных дорог к финляндскому взморью, где стоит холодный город „с пышным урожаем снега, с колоннами войск, чернеющих на снежном поле", „с конем и всадником, остановившимся над бездной".

Мицкевич на все глянул острыми глазами пойманного сокола. Этот образ явился ему не случайно, когда через восемь лет, на берегах Сены, он рассказал в стихах свой зимний путь из родной Литвы:

По снегу к холодной и дикой равнине
Кибитка летит словно ветер в пустыне;
И очи мои, как два сокола в море,
В тот час когда крылья им больше не служат,
Над морем снегов, в беспредельности кружат
Средь чуждых стихий, озираясь в просторе,
То отдыха ищут, то снова кочуют,
И гибель в дали неизбежную чуют [1].

Так начинается описание „Дороги в Россию" в том „Отрывке", который был издан Мицкевичем около 1833 года в Париже.

Первоначально пребывание его в России было мало заметно, тем более, что 1825 год он провел в Крыму и Одессе. Но московское его пребывание 1826 года было отмечено вхождением в лучшие литературные кружки тогдашнего времени. Мне кажется, что предположение о встречах Мицкевича и Пушкина на юге России не имеют под собой основания. Наиболее интересный материал дают записки Ксенофонта Полевого. Он пишет следующее:

„Зимою 1825 года, явился к брату моему, знакомый ему еще по Курску, полковник Похвиснев, долго живший в Польше и приехавший временно в Москву. Между прочим, он заговорил о Мицкевиче, как о поэте, славнейшем в польской литературе, и прибавил, что Мицкевич в Москве, что он друг его, а в заключение просил к себе на вечер, где обещал быть и польский поэт. Хотя почтенный полковник был сам не литератор, однако его убедительный и торжественный рассказ возбудил в нас любопытство и желание увидеть славного поэта. Я вместе с братом по приглашению полковника также приехал к нему на вечер. Хозяин уже сидел за карточным столом. Он познакомил нас с Мицкевичем и другом его Малевским. Из числа не игравших, кажется, мы были единственные, но разговоры наши тянулись вяло. Мицкевич не знал русского языка [2], мы не знали языка польского, и французский разговор наш больше касался общих предметов, нежели литературы.

После первого свидания нашего с ним прошло несколько месяцев и уже весною 1826 года, близкий приятель нашего брата Ю. И. Познанский тогда молодой офицер генерального штаба, приехавший из Польши, привез с собой несколько стихотворений, переведенных им из Мицкевича, и при свидании с братом изумился, что он почти не знаком с лучшим поэтом Польши, который живет в Москве. Он просил Николая Алексеевича позна-

[1] „Отрывок" приложение к III части „Дзядов". Перевод А. Виноградова.

[2] Это свидетельство отрицает Вяземский, близкий друг Мицкевича, утверждавший прекрасное знание Мицкевичем русского языка.

комить его с Мицкевичем, желая прочитать ему свои переводы. Восхищение, с каким Познанский говорил о великом польском поэте, и переводы его хотя не образцовые заставили моего брата поехать к Мицкевичу и после нескольких свиданий приглашенный к нам Мицкевич был как родной в нашем доме".

Таким образом братья Полевые берут на себя честь введения Мицкевича в русскую литературную семью. В дальнейшем изложении своих записок Ксенофонт Полевой с некоторой затаенной недоброжелательностью к Пушкину * сообщает: „Пушкин, приехавший в Москву осенью 1826 года, вскоре понял Мицкевича и оказывал ему всяческое уважение. Любопытно было их видеть вместе. Проницательный русский поэт, обыкновенно господствовавший в кругу литераторов, был чрезвычайно скромен в присутствии Мицкевича, больше заставлял его говорить, нежели говорил сам, и обращался со своими мнениями к нему, как бы желая его одобрения.

Уважение его к поэтическому гению Мицкевича можно видеть из слов его, сказанных мне в 1828 году, когда Мицкевич и Пушкин жили оба уже в Петербурге. Я приехал туда временно и остановился в гостинице Демута, где обыкновенно жил Пушкин до самой своей женитьбы. Желая повидаться с Мицкевичем, я спросил о нем у Пушкина. Он начал говорить о нем и невольно увлекшись в похвалы ему, сказал между прочим: недавно Жуковский говорит мне, знаешь, брат, ведь он заткнет тебя за пояс.—Ты не так говоришь, отвечал я: он уже заткнул меня.

В другой раз при мне в той же квартире Пушкин объяснял план своей еще неизданной тогда Полтавы, которая первоначально называлась Мазепа. И с каким жаром, каким желанием передать ему свои идеи, старался показать, что изучил главного героя своей поэмы. Мицкевич делал ему некоторые возражения о нравственном характере этого лица".

Показания Полевого и Вяземского о пребывании Мицкевича в Москве об его импровизациях, о его поразительном таланте и прекрасном возвышенном нравственном облике чрезвычайно интересны, но мы не будем останавливаться на них так, как для нас важнее определить, где и когда произошло знакомство Пушкина с Мицкевичем.

Ксенофонт Полевой сообщает о том, что „Соболевский сделался путеводителем Пушкина по Москве". В период, когда отношения между Полевыми и Пушкиным не налаживались, Соболевский делал все, чтобы их помирить. Эта примирительная роль Соболевского должна быть отмечена, как особая его черта. Не даром именно он расстроил две дуэли, назревшие в 1827 году между Пушкиным и Федором Толстым, и между Пушкиным и Владимиром Соломирским.

* Вот характерное сообщение Авдотьи Петровны Елагиной в письме к Соболевскому 1 февраля 1830 года (Архив Соболевского том II[1]): *„Я очень рада, что выручила ваши деньги у Полевого; с ним вообще порядочным людям неприятно иметь дело. Недавно Полевой сказал при многих, что Пушкин, Вязем[ский] и Баратынский одним им стали так известны и что он втопчет их в ту же грязь, из которой вынул".*

Соболевский часто бывал у Полевых и первый познакомился там с Мицкевичем. Мы увидим далее, насколько коротко было это знакомство.

Если мы припомним, что конец 1824 года Сергей Львович Пушкин оставляет своего сына Александра одного в селе Михайловском, отказавшись от порученного ему отеческого надзора, и если мы сопоставим это с тем, что Мицкевич проживает в Москве * с декабря 1925 года, если наконец мы припомним, что Пушкин по вызову Николая I является в Москву из Михайловского 8 сентября 1826 года и сразу отправляет свой баул, наполненный рукописями, среди которых был готовый Борис Годунов, на квартиру к Соболевскому, а сам поручает себя судьбе и отдается всевозможным хлопотам по улучшению своего положения, и, если, наконец, мы припомним, что в *ноябре* после всех этих хлопот Пушкин снова уезжает в Михайловское, и лишь в первой половине декабря 1826 года он снова появляется в Москве и живет на квартире у Соболевского, на Собачьей площадке в доме Ренкевича, то мы должны будем признать, что первая встреча Мицкевича и Пушкина могла иметь место в Москве, в промежуток между 8 сентября и началом ноября 1826 годе. Франциск Малевский, живший с Мицкевичем вместе пишет 27 сентября 1826 года: „здесь сейчас находится Пушкин, молодой прославленный поэт", но еще не сообщает о знакомстве. Но М. П. Погодин в дневнике на стр. 699-ой отмечает, что 24 октября 1826 года был общий обед, на котором „с удовольствием пили за здоровье Мицкевича, потом Пушкина", что на обеде были Шевырев, И. Киреевский, Мальцов, Баратынский, Веневитиновы, Пушкин, Мицкевич, Соболевский. С Полевыми Пушкин познакомился в октябре 1826 года и, если бы знакомство с Мицкевичем было у Полевых, то об этом оба брата заявили бы громогласно. Из этого можно сделать вывод, что *знакомство Мицкевича с Пушкиным произошло на квартире у Соболевского, где жил сам Пушкин, в первой половине октября 1826 года.*

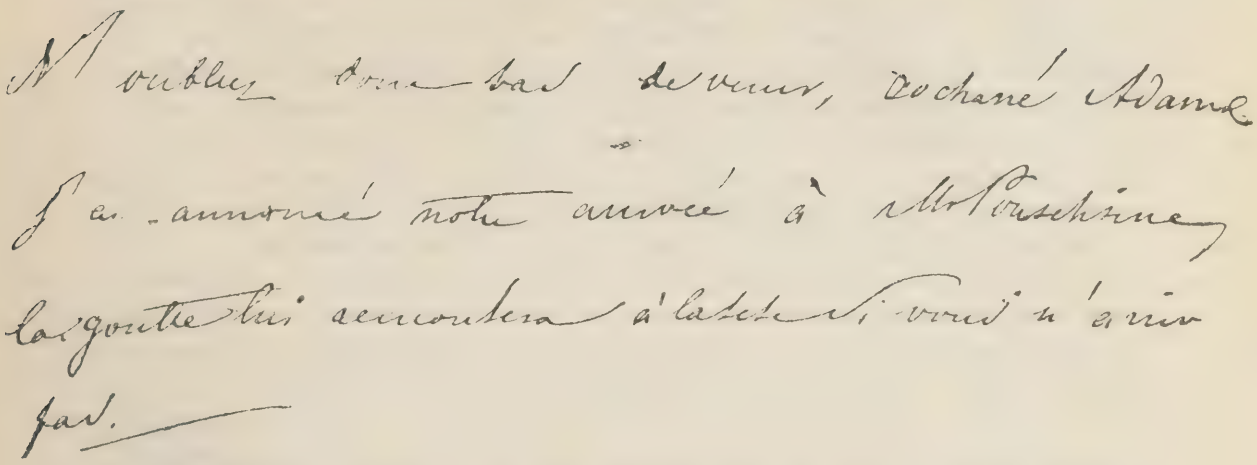
Вторичный приезд Пушкина в Москву и остановка его у Соболевского, между 20 декабря 1826 и 19 мая 1827 года, вызвал и восторг Соболевского и зависть его друзей. Озорной и не сдержанный на язык он отвечает одному из завистников молодому Дмитрию Веневитинову, чрезвычайно неприличной эпиграммой. Веневитинов отвечает ему запиской: „Получил твое поганое письмо и тотчас же обрек его на всесожжение. Наконец дождался ты Пушкина, перекрестись и кушай. А. Пушкину от меня поклон".

Соболевский бывал на воскресеньях у Полевых, где его, с легкой руки Петра Андреевича Вяземского, прозвали Демоном. Очевидно Соболевский, а не К. Полевой, больше всего говорил Пушкину о Мицкевиче. Очевидно, Пушкин первый выразил желание познакомиться с Мицкевичем. И вот в одно из воскресений, придя к братьям Полевым во время чтения, на котором присутствовал Адам Мицкевич, Соболевский, оторвав на письменном столе

---

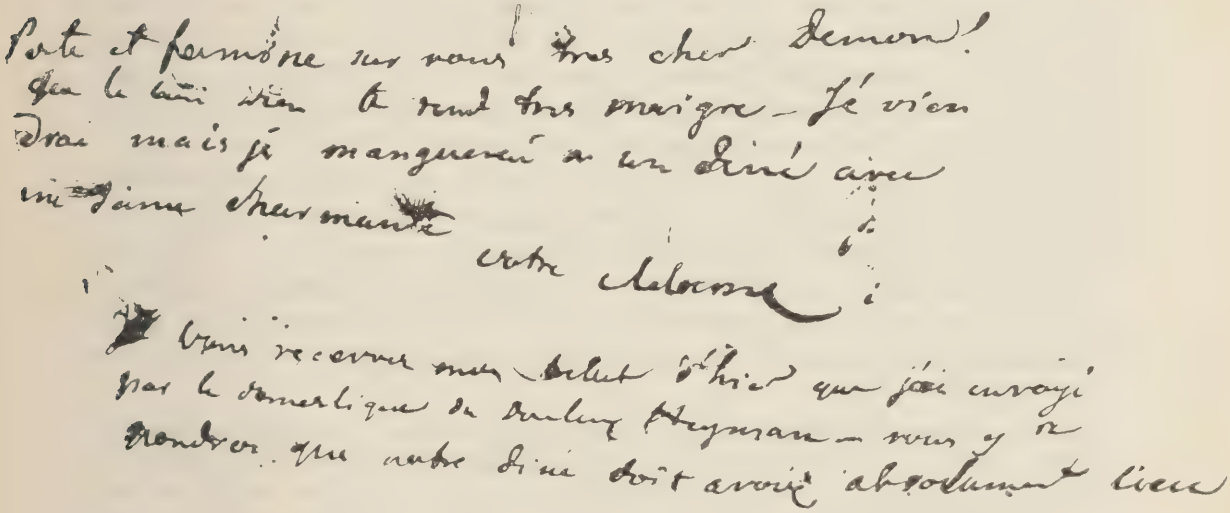
* Первоначально в пансионе Лехнера на М. Дмитровке и на Гороховой улице в доме Разумовского [не в Петровском Разумовском, как сообщает Владислав Мицкевич], а потом на Кисловке у преподавателя Медико-Хирургической Академии Г. Е. Геймана.

Николая Полевого клочок толстой синей бумаги, пишет на ней следующую записку:



„Пожалуйста не забудь, милый Адам, что я уже обещал Пушкину привести тебя к нему. Хмель ударит ему в голову если ты не придешь".

Мицкевич читает, качает головой, но пишет на обороте того же клочка бумаги:



„Пусть на тебя обрушатся тысячи казней, милый Демон! и пусть долготерпеливый господь пошлет тебе худобу. Я приду, конечно, но ради этого я должен буду пропустить обед с очаровательной женщиной.

Твой Адам

И приписывает далее: „Получил ли ты мое письмо, которое я вчера послал тебе с прислугой от доктора Гей-

мана? Ты мог из него видеть, что наш обед непременно должен был бы состояться" [1].

И тон этих записок и обращение „милый Демон" указывает на то, что встречи Соболевского с Мицкевичем дали дружеское чувство еще задолго до приезда Пушкина в Москву. Из этого я заключаю, что знакомство Пушкина с Мицкевичем произошло через посредство Соболевского и на его квартире. Первая встреча обеспечила дальнейшие возможности;—оба поэта были очарованы друг другом. Об их встречах писали Вяземский и Полевой и лучше всего написал сам Мицкевич. Весною 1827 года Пушкин был в Москве у Полевого, а 20 мая выехал в Петербург впервые после ссылки. В декабре 1827 года Пушкин дает переложение начала Московского произведения Мицкевича „Конрад Валленрод". Современники Пушкина и польские критики согласно утверждают, что и „Мицкевич и Пушкин делились своими замыслами и читали свои творения Соболевскому прежде чем сдать их в печать" [2]. Эти свидетельства сгущают впечатления дружбы, получаемые на основании одних только зарегистрованных числами свиданий. 16 мая 1828 года на чтении Бориса Годунова у Лаваля Пушкин привел с собой Мицкевича. Мы встречаем их вместе опять на обеде у Погодина 21 марта 1829 года. В апреле этого года Пушкин уехал из Петербурга, а первого мая выехал из Москвы в Грузию [3]. Мицкевич навсегда выехал заграницу 15 мая 1829 года, не имея возможности увидеться с Пушкиным.

Вопросу о дружбе Мицкевича и Пушкина посвящена значительная литература. Об этом писали польский ученый Третьяк и итальянский славист Этторе Ло Гатто [4]. Останавливаться на этом мы не будем, но есть один эпизод, который заслуживает внимания. Иван Киреевский в письме 1827 года к А. И. Кошелеву пишет: „Новых знакомств не делаю и видаюсь почти только с Рожалиным, Полевым, Мицкевичем и Соболевским, с которыми вместе езжу верхом по окрестностям Москвы". Куда направлялась эта кавалькада? Соболевский, бывший страстным библиофилом, записывавший с десятилетнего возраста свои расходы на покупку книг в маленькие толстые тетрадки из синей бумаги, озаглавливая их странным названием „расходы при мадами", в этих загородных поездках к нашему удивлению не занимался ни кутежами, ни непристойными выходками, а посещал вместе

[1] Все письма Мицкевича и главная часть документального материала печатаются впервые. А. Н. Х. К. и Б. Ф. С. № 46. Т. I. Доктор Гейман, Григорий Ефимович был лектором медиком в Вильне и хорошо знал Мицкевича. Впоследствии он был врачом Мариинской больницы в Москве.

[2] Władysław Mickiewicz „Żywot Adama Mickiewicza". t. I p. 257, а также „Русский Архив", 1870 г. стр. 2140—2144 и письмо Соболевского к Погодину, см. Барсуков, Н. П. Жизнь и Труды Погодина. Т. II, стр. 48.

[3] Архив Соболевского. Т. II[1] стр. 68. И. В. Киреевский сообщает Соболевскому в Италию 30 мая 1829 года: *„Пушкинъ уѣхалъ къ Паскевичу вольничать, т. е. быть волонтеромъ и узнать войну"*.

[4] Иосиф Третьяк и Ло Гатто впрочем не сообщили новых мыслей, а развили основную тему В. Д. Спасовича на основе его лекций в Кракове в 1886 г. М. Здзеховский и В. Ледницкий также писали на эту тему.

с Пушкиным и Мицкевичем владельца роскошной библиотеки, екатерининского вельможу кн. Николая Борисовича Юсупова в его имении Архангельском. Старик с благосклонностью принимал своих посетителей, судя по тому, что он с высоты своего старинного вельможества удостаивал 24-летнего Соболевского переписки на библиофильские темы. Ее следы сохранились в архиве Соболевского *. А свидетельством этих поездок со стороны Пушкина является его стихотворение „К вельможе"

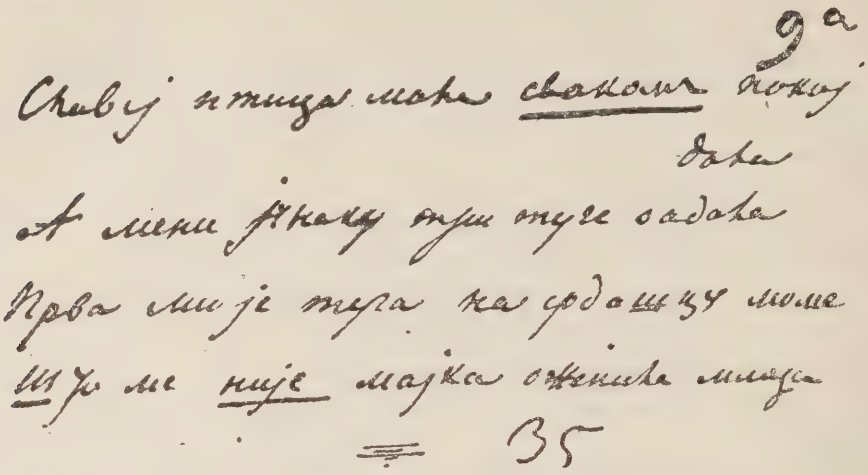
От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля струясь дохнет зефир
Лишь только первая позеленеет липа
К тебе, приветливый потомок Аристиппа
К тебе явлюся я, увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

В этом стихотворении словно предуказана пытливость Соболевского к Западной Европе, словно наперед отмечены его маршруты. Действительно, Мицкевич и Соболевский собирались заграницу. Пушкин с тоскою за себя, но с готовностью помочь другому хлопотал о разрешении выезда Мицкевичу, и не без зависти провожал Соболевского. Булгарин в доносе жандармам 23 августа 1827 года сообщает, что этот „Соболевский, молодой человек из московской либеральной шайки" осмеливается уговаривать и соблазнять Пушкина к заграничной поездке. „Пушкина надо беречь, как дитя", тоном фарисея прибавляет Булгарин. И николаевские жандармы берегли Пушкина „как дитя". Из трех друзей, „неблагонадежному" Мицкевичу и „безалаберному" Соболевскому удалось подышать воздухом Европы. Мицкевич никогда не вернулся в Россию. Соболевский провел заграницей 15 лет. Пушкин задохнулся в России.

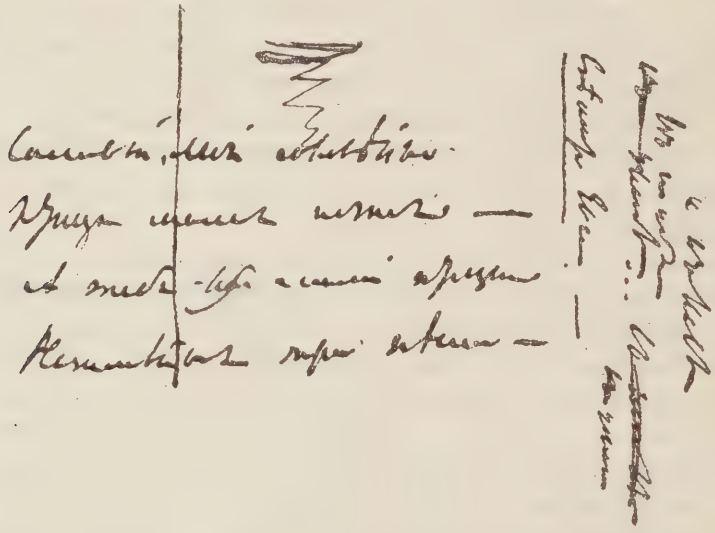
Не только о заграничной поездке, не только о Юсуповской библиотеке говорили друзья в Москве и Петербурге. Мицкевич был чрезвычайно начитан в области славянских древностей, славянских литератур и славянского фольклора. Романтические стремления приковывали его к народной легенде, он собирал литовские сказания, польские песни, с таким же рвением, с каким Соболевский помогал в собирании русских песен братьям Киреевским и Маркевичу, с каким Пушкин бережно записывал сказки и песни в России. Мы просматривали рукописи Пушкина, касающиеся этой собирательской деятельности. В 1823 году вышли три тома народных сербских песен, собранных Вуком Степановичем Караджичем. Эта книга, изданная в Лейпциге, была у Мицкевича. А в 1827 году в Париже появилась в книжных магазинах анонимная „Гусля", представляющая собою подделку народных иллирийских и далматинских песен, блестяще выполненную Проспером Мериме. Просматривая сербские записи Пушкина и его русские песни, мы пришли к заключению, что почерк несомненно относит эту часть

* А. Н. Х. К. и Б. Фонд Соб. Т. I, стр. 92.

рукописи к концу двадцатых годов*. Особенно интересен сербский автограф Пушкина:



Почерк очень разнится от позднейшей русской записи пушкинского переложения „Песни о Соловье“ (№ 10 в „Песнях Западных Славян“), разнится не только потому, что непривычная сербская графика требовала калиграфической четкости, но и по времени.



Пушкин всегда втискивал на страницы своих тетрадей невероятное количество разновременных записей, словно стремясь превратить свои черновики в складочное место, откуда с наибольшей обозримостью и эко-

* Не касаясь пока вопроса о тетради Публичной Библиотеки СССР в Ленинграде, я привожу эти примеры из № 2375 б. Румянцовского Музея. Это Болдинская тетрадь стр. 18 и 35 по нумерации Дубельта. Обе эти страницы представляют собою цельный листок, вшитый в черновик „Медного Всадника“, написанный на другой бумаге, другими чернилами и совершенно другим почерком.

номией времени можно быстро выбрать сокровища для парадной, „беловой“ расстановки. Второй из приведенных автографов, русское переложение сербской песни имеет некоторую особенность. Почерк первоначальной записи четырех строк „Соловей мой соловейко“ несомненно конца двадцатых годов. Эти четыре строчки использованы, песня написана и черновик зачеркнут вертикальной чертой. Зато справа возникли две строчки с поправками. Обе срочки записаны спешно уже другим почерком и *чернилами другого цвета*: „... и к Неве... спешит Евгений“. Запись из „Медного Всадника“.

Все очень характерно: в 1833 году Соболевский привез сведения о Мицкевиче, всколыхнувшие Пушкина. Пушкин перерывает старые тетради славянских песен 1828 года, готовит их к печати, споря с Соболевским о подлинности иллирийских песен „Гусли“, и в то же время готовит ответ Мицкевичу на „Ustęp“—пишет поэму „Медный Всадник“. Все это непосредственно после поездки с Соболевским на лошадях из Петербурга до Торжка, начатой *17 августа* 1833 года, т. е. через три недели после приезда Соболевского из заграницы. Друзья пробыли вместе не разлучаясь четверо суток. Воскресенье 20-го августа Пушкин свернул в Малинники, а С. А. С. поехал дальше.

Припомним, что стихотворное переложение А. Мицкевича „Морлах в Венеции“ (у Пушкина „Влах в Венеции“ № 5 в „Песнях Западных Славян“) заимствовано из прозаической „Гусли“ Мериме в 1828 году, и не слишком правдиво названо Мицкевичем „переводом с сербского“.

По поводу этого переложения Пушкин отозвался фразой: „Мицкевич перевел и у к р а с и л эту песню“, очевидно ознакомившись с ним еще раньше чем оно было напечатано [1]. В сербском эпосе эта песня неизвестна.

Мне кажется справедливым предположить, что одной из самых близких тем общения Мицкевича и Пушкина были совместные занятия славянскими песнями. Слова Пушкина о том, что „поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и *знаток в славянской поэзии, не усумнился* в подлинности сих песен“, показывают на впечатление от длительного личного общения.

Следовательно занятие славянскими песнями у Пушкина сопровождалось постоянным общением и разговорами на эту тему с Мицкевичем. Из этого мы делаем вывод, что уже в 1827 году и во всяком случае в 1828 году Пушкин занимался книжкой Мериме вместе с Мицкевичем. Это соображение, передвигающее обычную датировку „Славянских Песен“ Пушкина с 1833—36 годов на конец двадцатых, я бы сказал прямо на 1828 год, блестяще подтверждается статьей Б. В. Томашевского [2], определяющего генезис славянских песен Пушкина с завидной проницательностью на основании чисто метрологического анализа. Б. В. Томашевский и изумительным пониманием и тонкостью определил хронологию фольклорного увлечения Пушкина и „гнездо“ творческих опытов в области свободного не книжного стопо-

[1] Цензор Анастасевич подписал разрешение 28 апреля 1828 года.

[2] „Атеней“ 1925 г.

сложения, которое он усматривает в востоковских опытах, которым Пушкин последовал в 1828 году. „Возможно, что в том же 1828 году Пушкин напал и на источник тем для своих „Песен Западных Славян". „Гусля" Мериме появилась в 1827 году, но почему то он не сразу приступил к созданию песен. Резрешить этот вопрос мог бы пересмотр датировок песен", пишет Б. В. Томашевский в своей замечательной статье. Так или иначе приступая к песням, Пушкин уже испытал свои силы в избранном жанре вместе с Мицкевичем. „Песням Западных Славян" предшествует работа поэта на русском фольклоре, который освободил Пушкина от жесткости книжного стопосложения и дал ему ту пленительную магическую силу ритма, которая поражает нас, хотя бы в первой песне „Видение Короля":

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят—королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозится
И в Стамбул отослать ее хочет.

Несомненно, что к этому примешивается также сильное влияние интересов Мицкевича, обильно напитанного увлечениями фольклором славянского мира. *К тому же силлабический стих Мицкевича столь же несомненно шел навстречу стремлениям Пушкина освободиться от жесткого метра в волнах свободного песенного ритма.* Так метрологический анализ Томашевского, сопоставленный с фактами общения Пушкина и Мицкевича на почве невольного меримеизма, подтвержденный анализом почерка славянской записи Пушкина, дают нам возможность установить, что Пушкин начал работать над книгой Мериме уже в 1828 году.

В начале января 1827 года Мицкевич вошел в кружок Зинаиды Александровны Волконской. Отношения этой дамы и польского поэта, который был моложе ее на пять лет, были очень дружественными вопреки не научному мнению многих польских критиков, желавших ссорить память Мицкевича с его русскими друзьями. Не будем останавливаться на связи Мицкевича с Каролиной Карловной Яниш (Павловой), которая была столь же посредственной поэтессой, сколь сварливой, но тем не менее гениальной по темпераменту женщиной. Этот полузабавный эпизод никак не отразился на Мицкевиче, но его друг Дашкевич сильно споткнулся на сердечной перегородке московской поэтессы и в 1830 году покончил с собой, о чем упоминают, как мы увидим, в своей переписке Мицкевич и Соболевский. В архиве Соболевского сохранилась собственноручная запись французской импровизации Мицкевича, посвященной Зинаиде Волконской, на тему об ее греческих покоях.

Когда Мицкевич затеял поездку заграницу, то друзья решили дать ему прощальный ужин, который был устроен в Москве в 1828 году в квартире Соболевского, жившего между Больш. Дмитровкой и Тверской ул. в д. б. Лопыревского. В этот вечер собрались у Соболевского Петр и Иван Киреевские, их отчим Алексей Андреевич Елагин, архивный юноша знаток

классического мира Николай Рожалин, Николай Полевой и Степан Шевырев, преподававший науки сыну Зинаиды Волконской, Александру Никитичу. И когда Мицкевич пришел и началась застольная беседа, тогда Соболевский и Киреевский поднесли ему на память *серебряную* вызолоченную стопку, вокруг которой были награвированы имена участников прощального банкета, а в стопке лежало стихотворение Ивана Киреевского *. Ныне оно забыто, но оно стоит того, чтобы о нем вспомнить.

В знак памяти, пред нашим расставаньем
Тебе подносим не простой стакан:
Он зачарован дружбы колдованьем,
На дне его положен талисман.

И если ты, среди пиров веселья
Забывшися, вино в него нальешь,
Не жди тогда в нем шумного похмелья, —
Грусть тихую о прежнем в нем найдешь.

Тогда, живая сила талисмана
Живые крылья даст твоей мечте,
И знай — мечту твою обнимут те,
Чьи имена прочтешь вокруг стакана.

И известит их о твоей тоске
Печальное их сердца содроганье,
И будут на твое воспоминанье
Согласной думой вторить вдалеке.

Но если ночью, посреди молчанья
Вдруг, без причины, стукнет твой стакан,
Знай — это голос нашего мечтанья:
Его тебе примчал твой талисман.

Не век же будет спутник твой страданье;
Быть может, сердце радость оживит
В чужбине; но когда воспоминанье
Тебе минуту счастья отравит,

И ты искать захочешь утешенья
От грустных дум прошедшего в вине,
Не тронь наш кубок. Он не даст забвенья:
В нем талисман лежит на светлом дне.

Речи, которые произносились на этом прощальном ужине, к сожалению нам известны только по ничтожным намекам. Нам известно, что филаретские идеи были привезены Мицкевичем с собой в Россию и нашли себе убежище в уме Соболевского, нам известно также, что С. П. Шевырев на этом ужине призывал гибель на голову самодержавия, но подробное выяснение обстановки и всех деталей тогдашнего умонастроения друзей Мицкевича, подробное определение влияния Мицкевича на тот литера-

* Друг Мицкевича Александр Ходзько сделал прекрасный польский перевод этих стихов.

турный кружок, в котором он действительно был принят как родной, является делом будущего.

30-го октября, старого стиля 1828 г. Соболевский выехал из Москвы в Петербург и оттуда за-границу, в свое первое путешествие, таким образом он обогнал Мицкевича больше чем на полгода. Друзья сообщают Соболевскому во время его пребывания в Италии сведения о Мицкевиче. Иван Киреевский пишет Соболевскому из Москвы во Флоренцию в апреле (помечено рукою Соболевского 26 апреля): „Мицкевич отправился путешествовать и, может быть скоро увидится с тобой“ [1]. Это значило, что Мицкевич поехал в Петербург хлопотать о выезде. А в одном из предшествующих, недатированных, писем тот же Киреевский сообщает в коллективном письме, вместе с Веневитиновым (получено в Риме 17-го сентября нового стиля 1829 г.): о семье Баратынского (умерла дочка и родился сын), о брате Петре, который поехал в Мюнхен и наконец пишет: „Завтра Шевырев едет с Волконскими за-границу“.

Мицкевич жил в Риме вместе с Зинаидой Волконской, с ее молодым сыном Александром Никитичем, и его преподавателем профессором Степаном Петровичем Шевыревым, поэтому в последующей переписке часто упоминается Шевырев, а Соболевский имеет обыкновение делать приписки Мицкевичу на письмах, адресованных Шевыреву. Один из друзей Мицкевича, именно Эдуард Одынец, познакомившийся с Соболевским в Варшаве, также пишет Соболевскому из Рима в Турин, делая приписку на письме Шевырева [2].

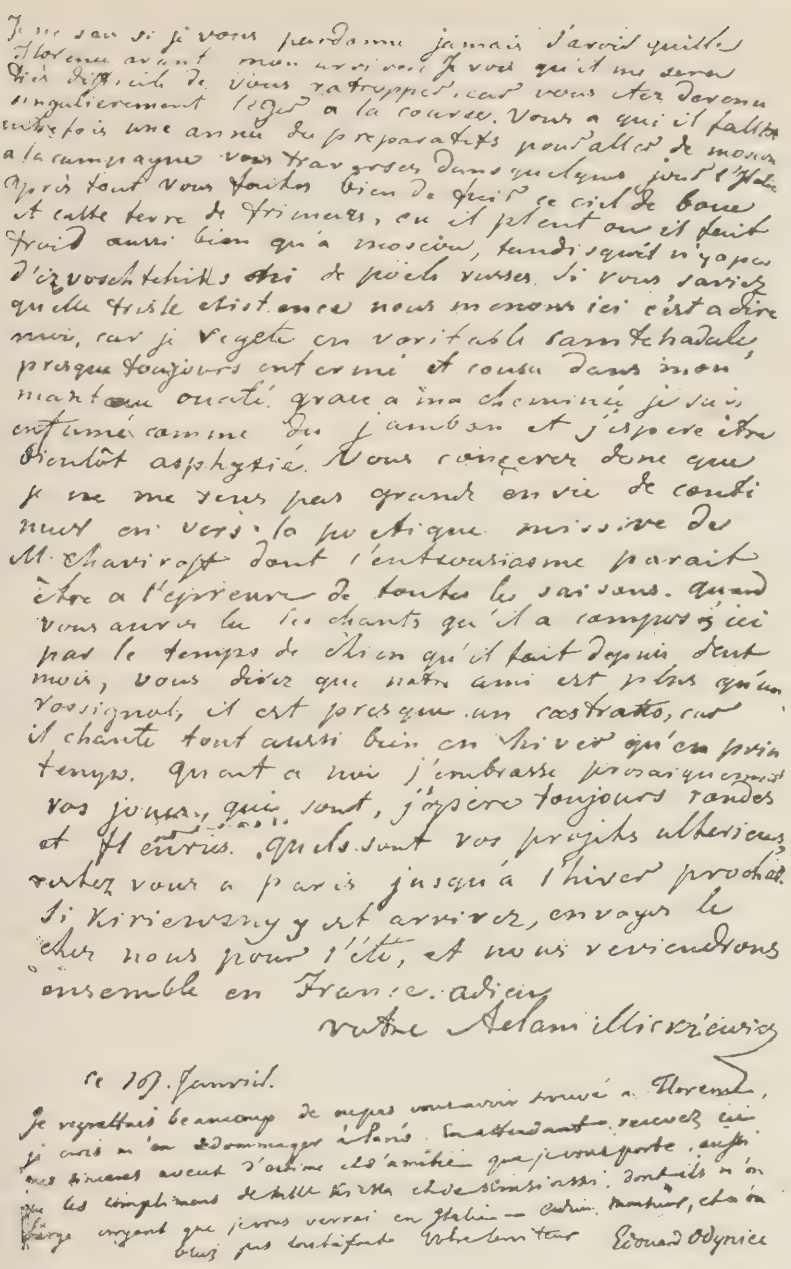
После водворения Волконских в Риме, а Соболевского на продолжительный срок в Турине, между Соболевским, с одной стороны, и Мицкевичем с Шевыревым, с другой, начинается, если не регулярный обмен письмами, то, во всяком случае, старания поддержать взаимное осведомление друг о друге. Из писем Соболевского к Шевыреву явствует, что перед поездкой из северной Италии в Париж, Соболевский предлагал Мицкевичу: ехать с ним вместе во Францию. Не датированное письмо 1829 г. говорит „Еду дней через пять или восемь, если приедет Мицкевич, в Париж“.

Но совместная поездка в Париж не удалась. Соболевский уехал один и как мы видели приехал в столицу Франции 25-го ноября 1829 г. Первое письмо, адресованное Соболевскому за этот период, приписано к большому письму Шевырева 19-го января 1830 г. Вот эта приписка, публикуемая впервые:

---

[1] Архив Соболевского. Т. II[1] стр. 67 письмо И. В. Киреевского 26 апреля 1829 года во Флоренцию.

[2] В письме 22 декабря 1829 года из Рима Шевырев пишет Соболевскому: *„Мицкевич и Одынец здесь. Мицкевич думает в Египет. Я пустился в свет; бываю у Гортензии (мать Шарля Луи Бонапарта), у Дидрихштейн. Познакомился с Соймоновыми и буду ходить к ним часто. Жаль только, что по ночам Рим, говорят, не безопасен“*. Архив Соболевского т. II[1], стр. 40.



Je ne sais si je vous pardonne jamais d'avoir quitté Florence avant mon arrivée. Je vois qu'il me sera très difficile de vous ratrapper, car vous etes devenu singulièrement leger à la course. Vous à qui il fallait autrefois une année des préparatifs pour aller de Moscou à la campagne vous traversez dans quelques jours l'Italie. Après tout vous faites bien de fuir ce ciel de boue et cette terre de frimars ou il pleut ou il fait froid aussi bien qu'à Moscou, tandis qu'il n'y a pas d'izvoschtchiks ni de poëls russes. Si vous saviez quelle triste existence nous menons ici, c'est à dire moi, car je vegete en veritable *canite tradali* [sic!]

presque toujours enfermé et cousu dans mon manteau ouaté. Grace à ma cheminée je suis enfumé comme du jambon et j'espère être bientôt asphyxié. Vous concevez donc que je ne me sens pas grande envie de continuer en vers la poetique missive de M. Cheviroff dont l'enthousiasme parait être à l'epreuve de toutes les saisons. Quand vous aurez lu les chants qu'il a composés ici par le temps de chien qu'il fait depuis deux mois, vous direz que notre ami est plus qu'un rossignol, il est presque un castratte, car il chante tout aussi bien en hiver qu'en printemps. Quant à moi j'embrasse prosaiquement vos joues, qui sont j'espere toujours rondes et fleuries. Quels sont vos projets ulterieurs, restez vous a Paris jusqu'a l'hiver prochain. Si Kirieswky y est arrivé, envoyez le chez nous pour l'été, et nous reviendrons ensemble en France. Adieu.

Votre *Adam Mickiewicz*

„Уж я не знаю, смогу ли я когда нибудь простить тебе то, что ты уехал из Флоренции не дождавшись моего приезда. Я вижу, что мне будет очень трудно угнаться за тобой, так как ты сделался необычайно легок на подъем. Это тебе, которому когда то требовался целый год сборов, для того, чтобы выехать из Москвы в деревню, вдруг оказалось очень легким в несколько дней пересечь всю Италию. В конце концов ты хорошо сделал, что убежал от этого грязного неба и заиндевелой земли, когда тут или идут дожди, или так же холодно, как в Москве, с той только разницей, что здесь нет извозчиков с меховыми полостями в экипажах. Если бы ты знал, какое печальное существование мы здесь ведем, т. е. собственно я, так как я буквально прозябаю в лютом холоде почти все время закутавшись и чуть ли не зашившись в моей шинели подбитой ватой. По милости моего камина я копчусь, как окорок, и надеюсь в скором времени окончательно задохнуться. Я думаю, что ты согласишься со мною в том, что я не могу испытывать большой зависти к Шевыреву [1] и продолжать его поэтическое послание в стихах. Его энтузиазм кажется может выдержать неприятности любого времени года. Когда ты прочтешь его песнопения, которые он сочинил здесь в эту собачью погоду, длящуюся уже два месяца, ты можешь с полным правом сказать, что наш друг есть нечто большее нежели соловей,—он уже почти достиг степени кастрата, потому что обладает способностью одинаково хорошо петь, как зимой, так и весной. Ну, а что касается меня, то я прозаически целую тебя в обе щеки, которые надеюсь, как всегда, сохраняют свою округлость и имеют цветущий вид. Напиши пожалуйста, какие твои окончательные проекты: останешься ли ты в Париже до будущей зимы? Если Киреевский приехал туда, то присылай его к нам на лето, и мы вместе с ним поедем во Францию. Прощай.

Твой *Адам Мицкевич*

[1] Конец письма Шевырева написан стихами.

К этой приписке Мицкевича присоединил также и свою приписку Эдуард Одынец:

Le 19 Janvier.

Je regrettais beaucoup de ne pas vous avoir trouvé à Florence, je crois m'en dedommager à Paris. En attendant recevez ici mes sincères aveux d'estime et d'amitié que je vous porte, aussi que les compliments de M-me Kirka [?] et de Krasinski, dont ils m'ont chargé croyant que je vous verrai an Italie — Adieu, Monsieur, et n'oubliez pas tout à fait votre serviteur

Eduard Odyniec

19 января.

Я очень сожалел, что не застал вас во Флоренции, и думаю вознаградить себя свиданием в Париже. В ожидании этого, примите мое искреннее выражение, уважения и дружбы, которые я к вам питаю, а также приветствия от госпожи Кирка и от Красинского, которые они поручили мне передать вам, когда я увижу вас в Италии. До свидания, милостивый государь. Не забывайте надолго вашего покорного слуги.

Эдуард Одынец

На это письмо Соболевский ответил 6-го февраля 1830 г. из Парижа посланием, которое опубликовано в „Русском Архиве“: [1]

Циркуляр Шевыреву и Мицкевичу.
Париж 6-го февраля
1830 г.

„Получил ныне письмо твое от 19 генваря. Эка притча! Пятнадцать дней было в дороге как будто бы из Матушки Москвы. Благодарю за весточки, надеюсь получить другие через Киреевского, который все грозит нападением; но 20-го ноября он все еще собирался собираться“.

Далее сообщая о своем стремлении перейти, пожалуй, на сторону классицизма и делясь с Шевыревым своими наблюдениями, которых я не воспроизвожу, так как читатель может ознакомиться с ними по „Русскому Архиву“, Соболевский, обращаясь к Мицкевичу пишет:

„Об твоих мимических успехах мне уж писано; держи сердце крепче при Хлюстиной, а если расшалится, выдери его розгами...“

В субботу 27-го февраля Шевырев пишет опять-таки из Рима в Париж новое письмо Соболевскому, сообщая по его просьбе сведения о Пушкине, которыми испещрены письма Соболевского к Киреевскому и Шевыреву за эти годы. Уведомляя Соболевского об интриге Булгарина, Шевырев пишет: „В канцелярии задерживают „Годунова“, потому что выходит „Самозванец“ Булгарина. Ему хочется опередить. В напечатанном отрывке есть говорят, кража, помнишь карту географическую. Пушкин хочет извиняться перед публикой в том, что он заимствовал оные мысли

[1] 1909. книга 11 стр. 475 — 511. В дальнейших ссылках я буду указывать эту книгу „Русского Архива“ просто буквами Р. А.

у Булгарина... Мицкевич бедный в горе его приятель Дашкевич умер. Вот уже ему другая такая же весть с тех пор как он в Риме. Я ему отдал твое письмо".

Отвечая на это письмо 9-го марта 1830 г. из Парижа, Соболевский сообщает, что он собирается ехать в Лондон, извещает Шевырева о мнимом поражении Виктора Гюго и говорит:

„Моя персона, пробыв в Лондоне две недели, едет через Голландию на Рейн и в Швейцарию, где очутиться в мае ей хочется. Мицкевичу—объятия...

Совсем ли прокопчен Мицкевич? Отрежь ломотик и скушай с горчицей".

А 22-го марта Соболевский заново вспоминает Мицкевича:

„Обойми Мицкевича. И мне жаль Дашкевича [1], но кто другой потерянный им? Ты мне об этом не забудешь написать в первом письме твоем...[2] Я много хлопочу о том, чтобы мне на лето соединиться с Рожалиным и Киреевскими и пошататься по студенчески, ибо житье более столичное мне уже зело тяжело. Шататься же вероятно будем по верхней Италии, Тиролю, Швейцарии и верхней части Рейна. Тебя не зову, ибо не надеюсь на возможность; но поговори об этом Адаму Адамовичу Вральману, и посоветуй ему скорей сбыть Неаполь".

Немного позже, меняя постоянно местопребывание и не регулярно получая письма от Шевырева, Соболевский пишет 7-го июня 1830 г. из Карльсруэ:

„Прибавь мне слова два о Мицкевиче. Я хочу устроить прогулку по Швейцарии гурьбою и выписать на сей конец Адама Адамовича Вральмана".

И далее еще не получив писем Шевырева, которому Соболевский дал Туринский адрес, он возобновляет свои просьбы из Мюнхена 4-го июля 1830 г.:

„Как бы завербовать Мицкевича. Итак получив мою цыдулю напиши мне в Турин до востребования, где Адам Адамович [3]. Если он с тобою изъясни ему, что до первых дней декабря Париж глух по обществу; предложи ему от меня со мной одним по крайней мере (с четырьмя нами

---

[1] О Дашкевиче см. страницу 240.

[2] Вторая потеря, понесенная Мицкевичем в Риме в 1830 г., была смерть члена филаретского кружка, сидевшего с Мицкевичем в виленской тюрьме, его близкого друга Яна Соболевского. Ответы Шевырева Соболевскому печатаются впервые.

[3] Мицкевича звали по-русски Адам Николаевич. Происхождение прозвищ, даваемых Мицкевичу Соболевским, автору этой книги неизвестно.

может быть) обегать Швейцарские горы, сказав ему при том, что в случае да, я спишусь с ним об месте съезда".

Это письмо Соболевский заканчивает извещением о тяжелом состоянии здоровия Ивана Киреевского. Приехав в Турин и водворившись там сравнительно надолго, Соболевский застал там ответы Шевырева. 22-го июня 1830 г. Шевырев писал:

„Мицкевич здесь теперь. Только что возвратился из Неаполя, после Петрова дня едет в Женеву,—и не прочь от пешеходства он летом и собирается видеть Швейцарию".

Около этого времени (1-го июля 1830 г.) Петр Киреевский сообщает о приезде Соболевского, который „ни капли не переменился": тот же „милый и благородный малый" и добавляет: „мы, как кажется, сладили совокупный съезд наших персон в Швейцарию, куда Соболевский обещает выписать Мицкевича".

Напряженная атмосфера в Польше и отсутствие личных соприкосновений помимо переписки очевидно разобщили несколько Соболевского с Мицкевичем. Во всяком случае ускоренная поездка Мицкевича в Женеву была для Соболевского некоторой неожиданностью. Они съехались вместе в Женеву почти одновременно, но не зная о пребывании друг друга в одном городе, не виделись. Под влиянием политических обстоятельств поездка Мицкевича в Швейцарию носила несколько конспиративный характер, о чем Шевырев, который имел возможность видеть тайных польских посланцев 1830 г., пробирающихся в верхний этаж их общего жилища к Мицкевичу, пишет из Рима в Турин *.

15-го июля 1830 г.

„Сию минуту отвечаю на длинное письмо твое, друг Соболевский, которое между прочим меня очень огорчило на счет Киреевского. Ты мне не пишешь, чем он болен... Я недавно видел человека, вескресшего от чахотки, Ферети, об котором тебе Мицкевич скажет при свидании; теперь уже стихи пишет и издает книгу. В болезнях же желчных нет вреднее Италии. Одынец товарищ Мицкевича страдает здесь...

Мицкевич теперь — в Женеве: я ему уже говорил о твоем предложении, он был согласен; стоит тебе ехать туда и верно уговоришь его. В Париж он сам не хотел на зиму, если не потребуют его туда какие то планы (Которые он скрывал, но по догадке между нами и на ушко) это должно быть Америка — догадка о коей — [зачеркнуто]. Он намеревался опять в Рим для поэтических замыслов и советую сговаривать его на тоже, ибо он здесь усядится в тишине и подарит нас другим Вален[родом].

---

* Печатается впервые по Архиву Соболевского. А. Н. Х. К. и Б. Фонд № 46, т. III.

Ему уже и комнаты у нас готовы. — В Женеве же найдешь и Хлюстиных, — и вот тебе Хлюстин третий товарищ...

О будущей женитьбе Пушкина на Гончаровой ты верно слышал, я недавно от всех письмо получил (от Пушкина), (Хомякова) и проч".

5-го августа того же года Петр Киреевский писал из Мюнхена:

„Съездное пешеходство наше по Швейцарии едва ли состоится. Мицкевич теперь уже давно в Женеве (как Соболевский пишет), а от некоторых из здешних поляков я слышал, что он еще из Рима делал путешествие в Самару (sic!); но *до сих пор однако, по словам всех поляков, он еще ничего не написал нового с тех пор как за-границей*".

10-го августа 1830 г. Соболевский пишет из Турина, где он попрежнему жил на загородной даче в деревне Беневолло, в Рим к Шевыреву:

„Жаль, что я, бывши в Швейцарии, не знал о соседстве Мицкевича; там бы по близости соединился бы с ним, а теперь уже не могу и потому что мне сюда адресуют мои деловые бумаги, и потому что мне здесь хорошо, и потому что я оканчиваю мои записки.

Что за дурь Мицкевича ехать в Америку? Если на время, то далеко, если навсегда, то не зачем. Ему кажется преследования бояться нечего, а уехавши за море, он отрежет полславы своей".

Мицкевич был в Женеве 31-го июля 1830 г., и первые известия, какие он узнал переступив порог дома Хлюстиной, это был возглас любимой им девушки Анастасии Хлюстиной о Парижских событиях: „Слава пророку!". За год перед этим, оценивая положение во Франции, Мицкевич предрекал переворот. К тяжелым политическим предчувствиям Мицкевича присоединялось еще раздвоение чувства, так как он не знал, кто ему больше нравится: Генриетта Анквич, жившая в Париже, о которой он беспокоился, не имея известий со времени июльских дней, или Анастасия Хлюстина. Он странствовал по Швейцарии, то в обществе Красинского, то с товарищем по своему Крымскому путешествию и другом Соболевского, Генрихом Ржевусским, с которым он вернулся в Рим.*

На обратном пути Мицкевич вез с собой неприятное для него известие о состоявшейся помолвке Анастасии Хлюстиной с графом Адольфом Сиркур. Дружба между Хлюстиной и Мицкевичем продолжалась впрочем еще долгие годы.

6-го ноября 1830 г. Шевырев и Мицкевич пишут Соболевскому в Турин из Рима*:

„Мицкевич явился сюда нам на отраду—и каков же? Один! Представь себе, он был около Турина и даже думал: ехать ли туда. Говорит, что

---

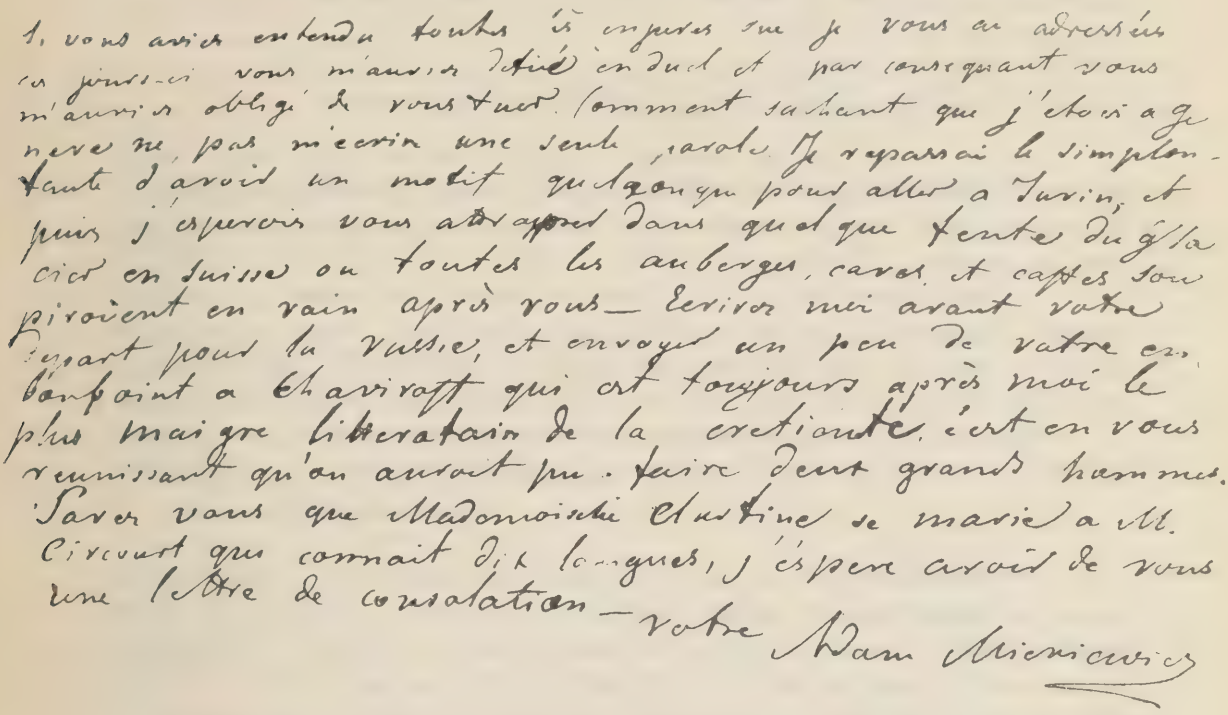
* А. Н. Х. К. и Б. Фонд № 46, т. II[1].

если б знал, что ты там, поехал бы непременно. Что ты, бестолочь, не списался с ним в Женеве?

Мы его помещаем здесь на зиму и засадим за перо. Он обошел всю Швейцарию и везде искал твоего [письма ему?], но не нашел.

Хлюстина мне казалась умна, но теперь я сомневаюсь: выбрала господина Сиркур, развалину от Полиньякизма, иезуита и француза. На что похоже! Я решительно в ней отчаялся".

Мицкевич к этому делает следующую приписку:



Si vous aviez entendu toutes les injures que je vous ai adressées ces jours-ci vous m'auriez défié en duel et par consequant vous m'auriez obligé de vous tuer. Comment sachant que j'etais à Geneve ne pas m'écrire une seule parole. Je repassai le Simplon faute d'avoir un motif quelconque pour aller à Turin, et puis j'esperais vous attraper dans quelque fente du glacier en Suisse ou toutes les auberges, caves et caffes soupiraient en vain après vous. Ecrivez moi avant votre depart pour la Russie, et envoyez un peu de votre enbonpoint à Cheviroff qui est toujours après moi le plus maigre litteraire de la cretienté, c'est en vous reunissant qu'on aurait pu faire deux grands hommes.

Savez vous que Mademoiselle Chlustine se marie à M. Circourt qui connait dix langues, j'espère avoir de vous une lettre de consolation.

Votre *Adam Mickiewicz*

„Если б ты слышал все проклятия, какие я слал тебе на голову, ты конечно должен был бы вызвать меня на дуэль и следовательно прину-

дил бы меня тебя убить. Как! зная, что я был в Женеве не написать мне ни одной строчки? Я перешел через Симплон, не имея никакого повода заезжать в Турин, и потом я надеялся настигнуть тебя в какой нибудь ледниковой трещине, и искал тебя по всем трактирам, кофейням и ресторанам, напрасно по тебе вздыхая. Извести меня пожалуйста, когда поедешь в Россию, и пришли немного своей толщины Шевыреву, который, как и всегда после меня является самым тощим христианским писателем; вот если бы вас соединить вместе, то можно было бы получить двух крупных людей.

Известно ли тебе, что Хлюстина вышла замуж за Сиркур, который знает десять языков? Я надеюсь получить от тебя письмо с выражением утешения по этому поводу.

Твой *Адам Мицкевич*

20-го ноября 1830 г. Соболевский пишет Мицкевичу:

„Каков же ты однако молодец, сударь мой Адам! Чтобы тебе в своей высокой лени написать мне хоть словечко о своем пребывании в Женеве. Я ответил бы и так или иначе мы бы свиделись, тем более, что я ни разу еще не заезжал в Женеву.

А я вследствие письма Тургенева из Парижа, что вы вздыхаете у ног девицы Хлюстиной, и что она выходит замуж, увы, у вас под носом за другого—написал вам соболезновательное письмо (в Женеву), приглашая вас тоже отвечать, там ли вы; но должно быть мое послание запоздало.

Ныне же вы можете доставить себе мое любезное лицезрение, посредством нескольких сотен франков... Спросите у Шевырева, что именно это означает [1].

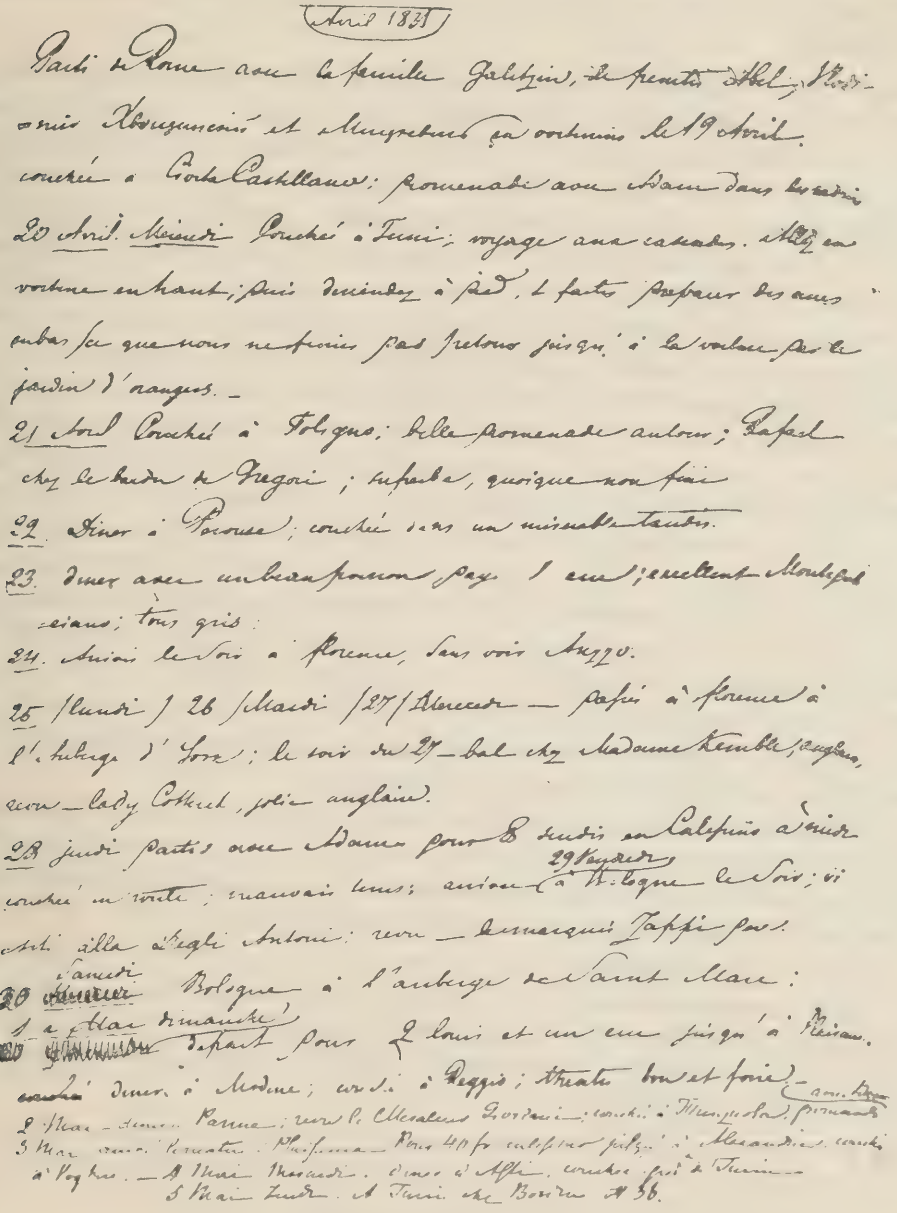
Весь ваш *Соболевский*

Это последнее письмо из переписки Мицкевича с Соболевским из числа известных нам за время пребывания друзей в Италии. В начале декабря 1830 г. на балу в Риме Мицкевич получил депешу с извещением о том, что Польша подняла войну против Николаевской России. Наступили месяцы тягчайших волнений и страданий польского поэта. Он переходил от сомнения к надежде и в конце концов вознамерился ехать в Польшу. Приехавши в Рим, Соболевский рассказывал впоследствии

---

[1] 11 окт. 1830 года А. И. Тургенев пишет Соболевскому: *„Мицкевич опять в Женеве: нам не удалось встретиться; он был тогда в Берне. Он с Хлюстиной проводит приятно время; ибо она знает цену его таланту. Она выходит замуж за франц[узского] графа Циркура (sic!) умного секретаря Полиньяка, устраненного и устранившегося от дел“*. Последняя строчка письма Соболеского намекает на его безденежье; он просил взаймы у Шевырева и тот ему ответил 29 ноября 1830 года из Рима: *„Говорил с Риччи и Мицкевичем. Первый ничего не может тебе послать. Разве продать коляску. Я в состоянии послать тебе какие-нибудь 200 франков. Мицкевич тоже не более двухсот франков может послать тебе“*. Далее говоря о дешевизне римской жизни, Шевырев пишет: *Мицкевич нанимает три комнаты за десять пиастров в месяц“*. Пиастр равнялся на тогдашние русские деньги почти пяти рублям: А. Н. Карамазин пишет матери в 1837 г. о том, что за 100 верст пути в мальпосте *„заплатил десять пиастров, т.-е. сорок пять рублей“*. Тут же он делает перевод на франки, получая стоимость пиастра в пять с половиной франков. А. Н. Х. К. и Б., Фонд Соболевского т. III[1], стр. 29—30.

Н. В. Бергу о своем пребывании в Риме с Ржевусским и Мицкевичем. В весенние месяцы 1831 г. Соболевский, узнавши от Мицкевича, что его зовут соотечественники, восставшие в Польше, решил помочь непрактичному и неловкому в житейских делах Мицкевичу. Он разменял ему деньги, устроил его паспортные дела, закупил для него дорожные вещи и сам сел с ним в дилижанс, они выехали вместе с Хвощинским, Абелем и супругами Голицыными (Голицын был женат на польке Каролине Ходкевич), привожу страничку путевой записи Соболевского.


(Avril 1831)

Parti de Rome avec la famille Galitzin, le peintre Abel, [illegible]-
-nin Хвощинский et Мицкевич en voiturin le 19 Avril.
couché à Civita Castellana; promenade avec Adam dans les ravins
20 Avril. Mercredi Couché à Terni; voyage aux cascades. Allez en
voiture en haut; puis descendez à pied, et faites prendre des ânes
en bas [illegible] que nous ne trouvions pas [illegible] jusqu'à la voiture par le
jardin d'oranges. —
21 Avril Couché à Foligno; belle promenade autour; Rafael
chez le baron de Gregori; superbe, quoique non fini
22. Diner à Perouse; couché dans un misérable taudis.
23. diner avec un beau poisson, payé 1 écu; excellent Montepul-
-ciano; très gris.
24. Arrivé le soir à Florence, sans voir Arezzo.
25 (lundi) 26 (Mardi) 27 (Mercredi — passé à Florence à
l'Auberge d'York; le soir du 27 — bal chez Madame Kemble, anglaise,
vu — lady [illegible], jolie anglaise.
28 jeudi partis avec Adam pour 8 écus en calèche [illegible]
couché en route; mauvais temps; arrivés (29 Vendredi) à Bologne le soir; vi-
-sité villa degli Antoni; vu — le marquis Zappi [illegible].
30 samedi Bologne à l'auberge de Saint Marc:
1 Mai dimanche départ pour 2 louis et un écu jusqu'à Plaisance.
dîner à Modène; couché à Reggio; théâtre bon et foire. [illegible]
2 Mai — dîner à Parme; [illegible]
3 Mai [illegible] Alessandria [illegible]
à Voghera. — 4 Mai Mercredi. dîner à Asti, couché près de Turin —
5 Mai Jeudi. à Turin chez [illegible] № 36.

7-го мая 1831 г. Соболевский пишет Шевыреву:

Торино 7-го мая.

„А вот, душа моя Шевырев, мы с Мицкевичем и сюда добрались после около трехнедельного путешествия. Первые шесть дней, т. е. от Рима до Флоренции через Терни, Фолиньо и Перуджию, меня Голицыны залиберальничали и я вечно от них прятался на козлах. Пробыв во Флоренции три дни, *я пустился глаз на глаз с Адамом и Болонью,* где нашел рай или покрайней мере одну из гурий оного, в образе госпожи дельи Антони, испугался влюбиться и отправился далее... сюда, куда прибыли третьего дня по утру и поставили дней на десяток свой страннический посох в угол".

Медленность поездки, вызываемая темпом движения дилижанса, увеличивалась еще более теми неожиданными экскурсами в область мелких увлечений, которые неожиданно портят эту страницу биографии Мицкевича. Конечно хорошо, что его живое литературное творчество не погибло от какой-нибудь случайности, сопровождавшей жестокую николаевскую расправу с Польшей. Быть может эти заявления, увещевания и намеренные отвлечения, предпринятые Соболевским в отношении своего польского друга, имели именно такое значение охраны величайшего польского поэта от гибели в польской войне, конец которой можно было предугадать. Легкомысленный тон письма Соболевского к Шевыреву свидетельствует скорей о желании замаскировать цель и смысл путешествия Мицкевича; иначе как объяснить, что польский поэт, выступивший в 1832 г. с политически апостольским трактатом „Книг Пилигримства", навсегда сохранил от Соболевского дружественное и хорошее впечатление, даже сознательно растеряв своих русских друзей *. Берг, которому Соболевский не имел основания доверять, встречая Соболевского у Ростопчиной, записывал его рассказы о Мицкевиче. Он пишет: „Мицкевич по прибытии на место (куда именно неизвестно) нашел, что играть роль одушевителя воинов поздно: воины бежали в нестройных толпах в Европу. Мицкевич застрял на некоторое время в имении старого приятеля Грабовского, недалеко от Познани, и тут задумал свою знаменитую поэму „Пан Тадеуш".

Добросовестность передач Берга, вообще, вызывает много сомнений, с одной стороны, он ценил польскую литературу, а с другой стороны, он трактовал ее, как николаевский чиновник. Но он правильно замечает, что, расставшись с Мицкевичем, Соболевский стал скучать.

Перелом, произошедший в душе польского поэта, тяжелые картины эмигрантских раздоров, мрачные известия о николаевских расправах, — все это надломило Мицкевича и создало ту атмосферу, где несколько лет спустя его католическое воспитание сказалось в приступах религиозно-патриотической экзальтации.

Польская война 1831 года вызвала ряд писем, в которых Шевырев, как бы забывая об обязанностях дружбы по отношению к Мицкевичу, пишет

* См. дальше письмо С. А. С. Франциску Малевскому.

всевозможные патриотические излияния Соболевскому и среди них приводит четверостишие, которое по свойственной ему наклонности к путанице он приписывает Пушкину:

Чу, как пламенные тромбы
Понеслися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.

Приписывая Пушкину эти стихи Жуковского, Шевырев немало рассердил Соболевского. Но к сожалению архив Соболевского не содержит указаний на то, как он сам реагировал на эти неприличные выходки русского патриотизма. Наибольшую верность Мицкевичу и польским делам сохранил Петр Андреевич Вяземский, который писал по этому поводу: „Стихи Жуковского—это вопрос жизни и смерти между нами. Для меня они такая пакость, что я предпочел бы им смерть. Охота была ему писать *шинельные* стихи! Не совестно ли сравнивать нынешние события с Бородиным? Там мы бились один против 10, а здесь 10 против одного. Мы ужасные самохвалы и в нашем самохвальстве есть какой то холопский отсед". Достается также и Пушкину. Говоря о географических фанфаронадах Пушкина: „От Перми до Тавриды" Вяземский пишет: „что тут хорошего, что мы так лежим в растяжку, что у нас мысли от мысли до мысли 5.000 верст? Неужто Пушкин не понимает, что нам с Европой воевать была бы смерть. Смешно когда Пушкин говорит, что мы не сожжем Варшавы их. И вестимо, ибо потом нам бы пришлось ее застраивать. Вы так сбились с пахвей в патриотическом восторге, что не знаете на чем решиться,— то у вас Варшава неприятельский город, то наш посад". *

Вяземский пострадал за свое полонофильство. Ему пришлось уйти в отставку, но он остался до конца себе верен. Но между Пушкиным и Мицкевичем нить оборвалась.

Соболевский писал Лонгинову: „Я возвратился из заграницы 22 июля 1833 года чуть не в день или на другой день крестин Сашки Пушкина, младшего. Несколько дней спустя Александр Сергеевич и я поехали вместе и доехали до Торжка. Пушкин решительно не верит мистификации Мериме, от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить Пушкина в истине пересказанного мною ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки Пушкин часто рассказывал об этом, говоря, что Мериме не одного его надул, но что этому поддался и Миц-

* Эта книга была уже набрана, когда М. Д. Беляев сообщил мне ценнейший материал из своей работы „Польское Восстание по письмам А. С. Пушкина к Е. М. Хитрово". Сердечной тревогой звучат слова Пушкина 21 января 1831 года: „De tous les polonais il n'y a que Mickiewicz qui m'interesse. Il était à Rome au commencement de la revolte, je crains qu'il ne soit venu à Varsovie, assister aux dernières crises de sa patrie". М. Д. Беляев полагает, что одной из причин этих опасений Пушкина могло быть ставшее ему известным письмо Шевырева к Погодину 13 дек. 1830 [1 янв. 1831] года из Рима: „у здешнего французского посланника был приемный вечер: он, узнавши, что здесь много поляков, ко всем разослал приглашения. Ни один не поехал, Мицкевич очень грустен и даже похудел в эти дни".

кевич.—Это было в прекраснейшем обществе, то что я позволил себя мистифицировать,—прибавлял он всякий раз".

Таким образом вернувшись из заграницы, сожалея о женатом Пушкине, видаясь с ним часто и подолгу, обедая с ним по субботами в английском клубе, помогая Пушкину, как удалось мне выяснить, в издании „Истории Пугачевского Бунта", Соболевский имел многократную, полную возможность подробно рассказать Пушкину о своих друзьях. Он рассказал ему о своих встречах с Мериме, о „Песнях Западных Славян", о выходе книжки Мицкевича: „Книги Народа Польского и Польского Пилигримства". И вручил Пушкину по секрету третью часть „Дзядов", в которой Пушкин прочел как упрек себе послание к декабристам и замечательный Ustęp, начало которого мы привели. В том же „Отрывке" Пушкин почувствовал вызов себе и сердечное напоминание в стихах „Памятник Петра Великого":

„Однажны вечером двое юношей, закутавшись одним плащом и братски взявшись за руки, стояли у памятника Петра Великого. Один был пилигрим западных стран, другой вещун русского народа, прославленный своими песнями во всем северном мире. Недавно узнав друг друга они насчитывали дни своего знакомства, но были уже друзьями. Их души, возносясь над земною злобой, походили на две альпийские скалы двойчатки, на веки разделенные тонкой струей потока и не смотря на это преклоняющиеся друг перед другом своими снежными вершинами, едва внимая ропоту враждебной волны".

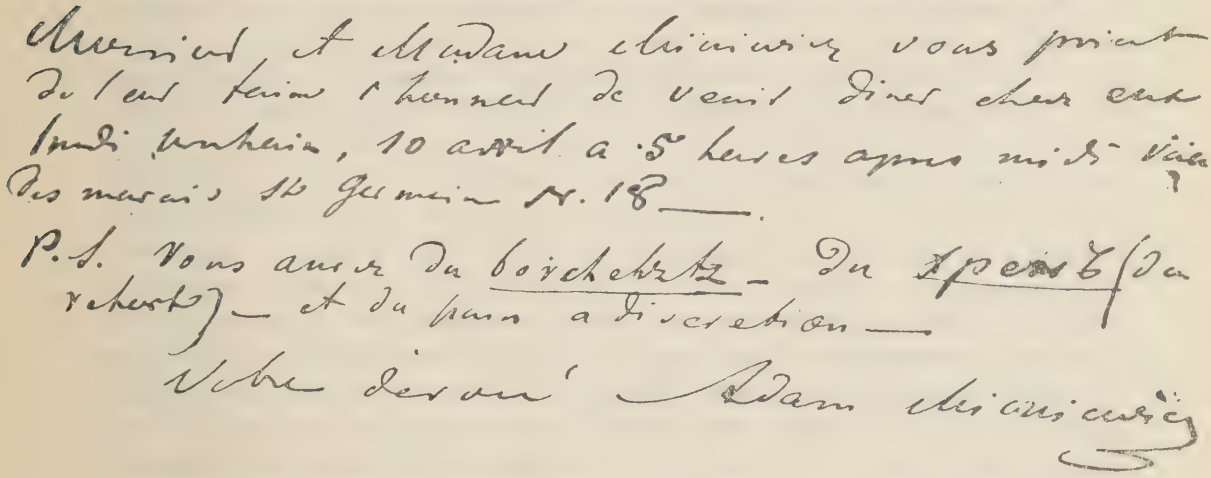
В каждой строке Пушкин читал обличение Петербурга, обличение мертвящей и холодной величавой русской действительности, обреченной на вечное роковое жертвоприношение на гибель частных интересов, перед интересами огромного, но никому не приносящего счастья государства. И вот получились три отклика, первый: „*Не дай мне бог сойти с ума*". В этом стихотворении, происхождением которого интересовался Мериме, чувствуется головокружение Пушкина при мысли о русской свободе, той свободе, к которой звал его Мицкевич, за мысли о которой Чаадаева провозгласили безумным; второе: „*Он между нами жил*", и наконец третье: „*Медный Всадник* ". В последнем Пушкин строчка за строчкой возражает Мицкевичу. Его Евгений, грозящий кулаком гиганту на бронзовом коне, это ответ частному страданию, принесенному в жертву ледяной и мертвой идее императорской России. Пушкин увидел в этом индивидуальном обывательском протесте безумие. Маленький герой „Медного Всадника", Евгений, сходит с ума. *Не дай мне бог сойти с ума*, молит Пушкин, прочтя бесподобные по силе и выразительности, но страшные стихи Мицкевича. В середине ноября 1833 г. Пушкин возвращается в Москву. Отрывок „Он между нами жил", написанный 10 августа 1834 года, указывает на то, как надолго Пушкина всколыхнули мысли о Мицкевиче.

Уединившись в Болдине с 1-го октября 1833 года, Пушкин горячо и творчески переживает взволновавшие его сообщения Соболевского. Просматривая старые записи славянских песен, он видит перед собою неожи-

данный образ Мериме, слышит фразы, сказанные о нем Соболевским. Оставшись наедине с Мицкевичем, он переживает жуткую уверенность в том, что чувство свободы в России будет приравнено безумию. Мицкевич дает ему горькое упоение. В первые дни октября в Болдине Пушкин отвечает ему стихами: „Не дай мне бог", а в конце месяца переводит две баллады Мицкевича „Воевода" и „Будрыс", читает описание дороги в Россию, Петербурга и посвящение „Отрывка" Декабристам.

В 1836 году, в августе месяце, Соболевский уезжает в Англию, оттуда во Францию и проводит время частью в Швейцарии. По дороге из Цюриха в Париж его застает жуткое по лаконизму письмо Мальцова: „Нашего милого и любезного А. С. Пушкина нет уже на этом свете".

Не буду останавливаться подробно на той части архива Соболевского, которая касается дуэли Пушкина, не буду также до времени расшифровывать все загадки, которые раскидала по своей выдуманной книге талантливая пушкинистка, Ольга Николаевна Смирнова, приписавшая свои домыслы и впечатления от прочитанных книг своей матери Александре Осиповне Россет. Я остановлюсь на одном эпизоде. *10 апреля 1837 года* * Мицкевич и Соболевский снова увидились. Мицкевич был уже женат на Целине Шимановской и хотя очень бедствовал и чувствовал себя плохо в Париже, но он уже имел те связи, которые обеспечили ему занятие кафедры истории славянских литератур во Французской Коллегии. В архиве Соболевского сохранилась коротенькая записка Мицкевича, обращенная к нему:



Monsieur et Madame Mickiewicz vous prient de leur faire l'honneur de venir diner chez eux lundi prochain, 10 avril, à 5 heures après midi.

Ville des marais St. Germain No 18.

P. S. Vous aurez du borchetzitz — du *хренъ* (du refort) — et du pain à discretion.— Votre devoué *Adam Mickiewicz*

---

* Как мы увидим далее, Соболевский в 1868 году, забыв уже многое, датирует это письмо 1838 годом. Но все документы согласно говорят, что весною 1838 г. С. А. С. был в России, куда вернулся 14 июля 1837 г. Именно в этот день С. А. С. был отмечен в числе въезжающих в Россию на кронштадтской брантвахте.

„Супруги Мицкевичи просят Вас сделать им честь отобедать с ними в будущий понедельник 10 апреля в 5 час. вечера. Сен-Жерменское предместье, Виль де Маре № 18". И вдруг неожиданная приписка тут же да еще по-русски: „Тебя угостят борщем, *хреном* и хлебом на выбор", а внизу подпись опять по-французски: преданный Вам „Адам Мицкевич".

Для чего мог Мицкевич звать Соболевского, только что приехавшего из Лондона?

Ответом на это будет статья Мицкевича, помещенная анонимно в журнале „Globe" 25 мая 1837 года, она была закончена в апреле, подписана: „*Друг Пушкина*" и содержит прекраснейшие строчки искреннего горя, преклонения и полной оценки Пушкина со стороны Мицкевича. *Это большая энергичная и нисколько не устаревшая статья содержит такие биографические данные, касающиеся Пушкина, которые на четвертом месяце после смерти поэта не могли быть и не были еще достоянием литературы.* Мицкевич пригласил Соболевского для того, чтобы обратиться к нему, как к другу, с просьбой о совместном почитании памяти величайшего русского поэта. Сведения, полученные Мицкевичем, были сведениями из первых рук, их мог дать помимо Соболевского только Вяземский, но он увиделся с Мицкевичем в Париже лишь в 1839 году *. Соболевский и здесь, равно как и в статье Мериме, посвященной Пушкину, оказался не только источником сведений, но источником энтузиазма в отношении Пушкина.

Последнее письмо Мицкевича к Соболевскому написано им в начале мая 1844 г. Это был один из самых тяжелых периодов в жизни Мицкевича. Уже находясь во власти полубезумца Товянского, целиком отдавшись идеям мессианизма, Мицкевич губил живые источники своего огромного художественного дарования, иссушая его на пламени мистического патриотизма и совершенно отрываясь от какой бы то ни было реальной работы, он жил в области химерических фикций. Его лекции о славянских литературах превращались в проповеди, которые восхищали экзальтированных товянистов и часть эмиграции, а в то же время все реальные противоборствующие друг другу политические силы одинаково были им недовольны. Римский папа под давлением Николая I, осудил его книгу, казавшуюся самому Мицкевичу наиболее католической, французские власти стали подозрительно посматривать на его аудиторию, реально настроенные поляки неодобрительно покачивали головами, и даже будущая французская власть, в лице Бонапарта, которому воспрещался въезд в Париж, заслышав, что его имя соединяют с деятельностью польских кружков, руководимых Мицкевичем, поспешил от него отречься, выразившись о Мицкевиче весьма пренебрежительно. Жизнь и общество еще не выработали форм бережливого сохранения самых лучших творческих дарований, и даже в тех случаях, когда богато одаренные натуры не встречают себе враждебно-завистливого отношения, они все же изнашиваются, искажают

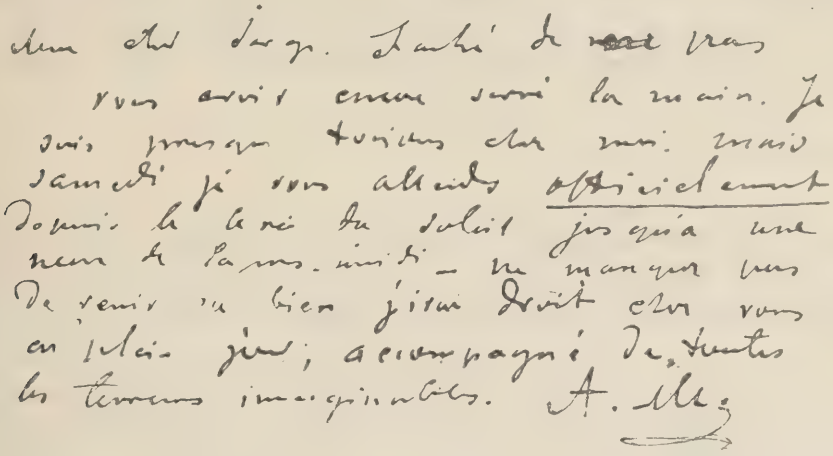
* Письмо Мицкевича к Вяземскому, апрель 1839 года в Париже, о Пушкине: Остафьевский Архив, II-ой том „Автографов" стр. 138.

свой путь и гибнут в руках неумелого общества. Так было всегда, и так было с Мицкевичем. Ему готовился отказ от должности профессора, он стоял накануне полного краха.

В эти годы по мысли Хомякова, собраны были пять тысяч рублей и посланы Мицкевичу без малейшей огласки.

Я полагаю, что уезжая в кратковременную поездку за-границу, длившуюся семь месяцев, именно Соболевский передал эти деньги Мицкевичу.

Последнее письмо Мицкевича написано было Соболевскому во время пребывания последнего в Париже, в мае 1844 г. еще до этого свидания. Вот оно:



Mon cher Serge. Faché de ne pas vous avoir encore serré la main. Je suis presque toujours chez moi. Mais samedi je vous attends officielement depuis la levée du soleil jusqu'à une heure de l'après-midi — Ne manquez pas de venir ou bien j'irai droit chez vous en plein jour, accompagné de toutes les terreurs imaginables.

A. Mic[kiewicz]

„Дорогой Сережа! Я сердит на тебя за то, что до сих пор еще не пожал тебе руку. Теперь я почти все время бываю дома. Но в субботу я буду ждать тебя уже официально, начиная с восхода солнца до часу пополудни. Приходи непременно *иначе, я к тебе явлюсь в один прекрасный день, в сопровождении всех казней, какие ты только можешь себе представить*".

А. Миц[кевич]

На этом можно было бы закончить наш обзор, сделав оговорку, что письма Мицкевича к Соболевскому 10 апреля 1837 года и эта последняя записка 1844 приведены Владиславом Мицкевичем в издании „Korrespondencja Adama Mickiewicza" tom II, p. 65, если бы эта публикация не содержала ошибок по вине Соболевского. На склоне дней, отвечая на неизвестное нам [1] письмо Франциска Малевского, С. А. Соболевский забыл или

[1] В архиве Соболевского его не сохранилось.

сознательно скрыл то обстоятельство, что зиму 1838 года он провел в России и это значительное доказательство встречи с Мицкевичем после смерти Пушкина в 1837 году, датировал годом позже. Точно так же надо оговорить второе письмо: последние строчки записки 1844 года сам Соболевский прочел неверно, вследствие чего они теряют свой шуточный и угрожающий тон: „Ne manquez pas venir, ou bien j'irai droit chez vous en plein jour, accompagné de *touts les honneurs imaginables*", в то время как на самом деле Мицкевич пишет ему: „accompagné de *toutes les terreurs imaginables*".

Таким образом мы приводим fac-simile в этом издании не напрасно.

Письмо Соболевского о Мицкевиче 24 декабря 1868 года настолько значительно, что мы считаем необходимым привести его полностью по тексту, любезно проверенному знатоком Мицкевича проф. Станиславом Пигонем, и этим закончить нашу книгу.

Москва. 24 декабря, 1868.

Мой дорогой Малевский!

Мне трудно в письме сообщить Вам что либо особо интересное о нашем друге. Я всегда любил своих друзей за дружбу, а не потому, что они были великими людьми и историческими личностями в полном расцвете их славы; вот почему я никогда и не думал записывать их поступки, слова и жесты. Если Вы написали воспоминания об Адаме, то я мог бы, при чтении их, внести некоторые поправки или добавления новых фактов, но мне невозможно знать à priori то, чего Вам может не хватать и что я могу дополнить. Я никогда не имел терпения писать дневники; но у меня сохранились отрывки моих расходных записей и в этих отрывках встречаются даты, которые могут быть Вам интересны.

Вот они:

2 февраля 1831 я находился на последней станции перед Римом. Там мне сказали, что „папа избран и его возведение на престол совершится сегодня утром в соборе св. Петра". Я живо оделся и отправился туда.

Первый, кого я там встретил, был Мицкевич. Мы виделись в этот период каждый день, вместе отправлялись на прогулки и в загородные поездки, встречались у Александра Голицына, женатого на некоей Ходкевич, у княгини Зенеиды, у Генриха Ржевусского и т. д. Я нашел, что внешне Мицкевич почти доволен своей судьбой, но в то же время я почувствовал, что он удручен каким-то горем или скорей жгучей заботой. Он признался мне, что это происходит оттого, что он не в Польше; несмотря на то, что он был убежден в неудаче восстания и в роковых последствиях всего дела, он считал себя обязанным в качестве национального поэта быть заодно с движением. „Почему же ты не там?" — „Я отдал все, что имел с собой М... *, одному юноше из Познани, для того, чтобы он смог уехать туда". — „Разве он не отдал тебе этих денег?" — „Нет".

* Речь идет о Стефане Гарчинском, как полагает Владислав Мицкевич. *А. В.*

На следующий день, когда я был у Адама, дело выяснилось; случилось так, что Мицкевич получил от этого юноши пакет со вложением, которое сам Мицкевич считал лишь простым лоскутом бумаги, и которое на самом деле было доверенностью на имя моего римского банкира Валентини; последний выплатил деньги на следующий же день, и таким образом вышло, что я доставил своей стране одного лишнего противника.

Мы решили уехать на север, я — в Лондон, а он в Польшу.

Два дня спустя, Голицын, его жена, их сын, некий художник, Владимир Хвощинский, Мицкевич и я заняли места в двух больших колясках или vetturini. В своих бумагах я нахожу наш общий итинерарий.

Уехали 19 апреля, ночевали в Чивита-кастелляна; прогулка с Адамом по окрестным дорогам.

20, среда. Ночевали в Терни, длинная прогулка к водопадам.

21, четверг. Ночевали в Фолиньо; у Грегори прекрасный неоконченный Рафаэль.

22, пятница. Обед в Перуджии, ночевали по дороге в какой-то лачуге.

23, суббота. Озера. Прекрасная рыба. Монтепульчиано, превосходный серый колорит.

24, воскресение. Приехали во Флоренцию.

Это путешествие было очень забавно. Голицын и его сын разыгрывали русских патриотов; княгиня, имевшая в польской армии двух сыновей Ходкевичей, выходила из себя; Хвощинский и я переходили с одной стороны на другую.

Были непрерывные споры, ссоры и примирения. В польском лагере также происходили распри; ибо княгиня верила в успех, а Мицкевич не только не верил в успех, но предрекал даже в случае удачи ее непродолжительность и дурные последствия.

25, 26, 27. Во Флоренции, в гостинице Иорк.

28. Отъезд в „calessino“ вдвоем; ночевали в дороге.

29, пятница. В Болонье вечером.

30, суббота. В Болонье, в гостинице св. Марка.

1 мая, воскресенье. Отъезд; обед в Модене; ночевка в Реджио.

2 мая. Обед в Парме, ночевка в Фиоренцуоле, прогулка, ужин, прощание.

Мы расстались с малой надеждою на новое свидание. Однако, случилось иначе. Не позднее осени 1837 года * мы обнялись в Париже. Я нашел там Адама, который в это время уже был женат и стал даже отцом семейства.

В своих бумагах я нашел записку, относящуюся к этому времени; вероятно она была написана в 1838, так как я всю зиму пробыл в Париже.

---

* Соболевский делает ошибку ровно на год. Речь идет об осени 1836 года, а осень 1837 года он посвятил Пушкинским наследникам и их делам.

Вот она:

„Господин и госпожа Мицкевич просят Вас оказать им честь и пообедать у них в следующий понедельник, 10 апреля, в пять часов пополудни, на улице Марэ-Сент-Жермен 18.

„Вам будут предложены вволю „борщ", „хрен" и хлеба.

Преданный Вам Адам Мицкевич".

Это время является наиболее тягостным изо всех, когда я видел Мицкевича, периодов для него, ибо у него не было никаких надежд на будущее и множество забот.

В начале мне казалось, что он со мной стесняется; но мало-по-малу близость и доверие вернулись.

Он ненавидел правительство Людовика-Филиппа [1] и соглашался, что единственным государем, достойным наименования императора, был Николай. Что касается до поляков, то он почти никого не видел, и поляки не любили его за те горькие истины, которые он им высказывал.

За 1844 год я нахожу следующую записку: „Мой дорогой Сергей, я очень огорчен, что еще не пожал твоей руки. Я почти все время у себя; но в субботу я жду тебя *оффициально* с восхода солнца до 1 часа пополудни. Приходи же, или я отправлюсь прямо к тебе среди белого дня, *с соблюдением всевозможных почестей*. А. М".

Как мне помнится, я нашел М. менее удрученным, чем в прошлый раз, но возбужденным религиозной экзальтацией и в ссоре с целой тысячью партий, разделявших тогда поляков.

Потом мы с ним встречались так: $\frac{\text{ноябрь 1846 — октябрь 1847}}{\text{весна 1847 — весна 1848}}$; октябрь 1848 года, ноябрь и декабрь.

Мы виделись часто, главным образом в это последнее время [2]. Между прочим, я помню, что после обеда у г-жи Гвиччиоли 19 октября 1848 года, где я был с Наполеоном, метившим в президенты

---

[1] Северин Галензовский со слов самого Мицкевича рассказывает, что в октябре (1847 года?) Соболевский пришел к Мицкевичу и застал его в сборах на званый обед. Оба они сели на извозчика в крытый экипаж и поехали вместе. Около Тюльери Мицкевич стал громко говорить о „неизбежном свержении Луи-Филиппа и его палачей", вместе со всеми орлеанидами. Соболевский оглядываясь и видя, что прохожие их слушают, быстро закрыл штору окна кареты. Мицкевич заметив этот жест, сказал: „пожалуйста не бойся! Я не сошел с ума. Я только вижу распад того, что выдает себя за несокрушимое могущество. Ближайшее будущее подтвердит мои слова". Это чрезвычайно интересное сообщение указывает также на краткосрочные секретные приезды Соболевского в Париж в эти беспокойные годы без каких-либо документальных паспортных отметок.

[2] А. И. Тургенев отмечает неоднократные массовые высылки русских из Парижа в тридцатые годы. В дальнейшие годы революционных вспышек, очевидно, если не было высылок, то были запрещения въезда. Этим объясняются зияющие пробелы в документах Соболевского, когда целые месяцы его секретных поездок в Париж не отмечались нигде, ни в документах, ни в письмах. Мы имеем немало таких глухих указаний. Мериме отмечает один такой нелегальный приезд Соболевского во Францию в письме к Лагренэ и добавляет, что Соболевский рассчитывает, что ему это пройдет безнаказанно.

(он был избран несколько дней спустя), и где я посмеялся над ним, я в тот же вечер отправился сообщить об этом Мицкевичу, который повел меня к Кавеньяку, для того, чтобы дать мне возможность, по его словам, „увидеть закат солнца после его восхода". Он только что совершил свое путешествие по Италии; и с большим юмором рассказывал тысячи анекдотов об итальянской армии, армейских беспорядках и т. д. В общем, Мицкевич стал прежним Мицкевичем.

21 декабря 1848 (этот день у меня записан) я пошел с ним проститься. На этот раз мы не испытали ни малейшего предчувствия того, что не увидимся снова никогда; и тем не менее я не видал его с той поры.

Да будет Вам известно, что некий г. Дубровский в 1858 и 1859 годах написан ряд статей, как о жизни, так и о произведениях Мицкевича. Собрав эти статьи вместе, он посвятил мне всю книгу. Но это не избавило ее, за пределами даваемого автором анализа, от плоских мыслей и ничтожности содержания. Вы можете найти эти два тома у книгопродавца Александра Ильича Глазунова. Она занесена в его каталог под №№ 7496 и 7497.

Если у Вас будет время (а оно всегда найдется у очень занятых людей), напишите мне несколько слов о том, что вы хотите сделать из собираемых Вами сведений о Мицкевиче. Что касается меня самого, то еще в октябре месяце я был молодым человеком; но я получил предостережение: маленький нервный удар, продержавший меня дома в течение нескольких недель и приведший меня к заключению, что я пожалуй, больше уже не могу считать себя светским франтом. Этот удар к счастью лишь временно парализовал мою речь, вследствие чего я в течение нескольких дней говорил заплетающимся языком. Теперь все это прошло, очевидно, до второго предостережения.

Затем, конечно, последует третье, и, наконец, запрещение издавать газету.

Постараемся вести себя хорошо и оттянуть это запрещение на возможно долгий срок; придется отказаться также от венгерского вина. Увы!

Весь Ваш

Сергей Соболевский

12/24 — 1868. Более сорока лет знакомства с Вами.

В ближайший год после этой даты наступили тяжелые дни для Соболевского. Сильно пошатнулось здоровье, утонул Нил Александров, маленький воспитанник С. А. С., умер брат, Николай Александрович Соймонов, разорив себя и семью, а с началом франко-прусской войны все дела С. А. С. постигла катастрофа. Он умер 6 октября 1870 года от разрыва сердца. Библиотека С. А. С. перешла к Софии Николаевне Львовой, рожденной Наумовой и была ею продана заграницу.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Абд-аль-Кадар. 100, 139.
Абель де Пюжоль, А. Д. 257.
Абрамов, С. А. 7.
Адреса парижские. 169.
Александр II. 141, 179, 205.
Александров, Нил Александрович. 215, 261.
Аксаков, С. Т. 164.
Аксаковы И. С. и К. С. 162.
Ампер, Ж. А. 43.
Анквич, Генриетта. 248.
Анненков, П. В. 171.
Ансло, Поликарп. 22, 36.
Ансло, Виргиния. 19, 22, 26, 31, 35, 36, 56, 57, *58*, *69*, 80, 171, 225.
Аризалла, Франсиско. 95.
Ассизи, Д'герцог Франсиско. 95.
Ашер: см. Франке и Лист.

Бальби, графиня. 26.
Бальзак, О. де. 73, 100.
Байрон, Ноэль. 18, 41, 175, 222, 227.
Банк, В. Э. 7.
Барант, А. Г. де. 19, 73.
Баратынский, Е. А. 18, 20, 53, *210*, 242.
Барбье де Тинан. 192.
Барсуков, Н. П. 16, 236.
Бартенев, П. И. 85, 175, 190, 205.
Барятинские, кн. 23.
Бахметьева, А. Н. [рожд. Ховрина] 140.
Бахметьев, П. В. 140.
Бейль, Анри: см. Стендаль.
Бекфорд, Вильям. 177.
Белли, Джузеппе. 155.
Бельджойозо, Христина. 68, 72.
Беляев, М. Д. 47, 253.
Бем, Л.: см. Мельгунов, Н. А.
Беневолло [?] графиня. 21, 31, 248.
Бенжамен: см. Констан де Ребекк.
Бенкендорф, А. Х. 49.
Бенкхаузен, Е. К. 67.
Бенуа, Пьер. 70.
Берг, Н. В. 52, 85, 92, 144, 159, 214, 253.
Березин-Ширяев, Я. Ф. 8.
Биксио, Жан Александр. 97.
Блудова, А. Д. гр. 164.
Бозоннэ [книгопродавец]. 154.
Бомбэ, Цезарь: см. Стендаль.
Бонапарт, Шарл-Луи-Наполеон. 15, 40, 62, 71, 75, 86, 86, 88, 96, 106, 124, *125—127*, 133, 178, 257, 260.
Бонапарт, Луи [голландский король]. 106, 133.
Бонафус [двор дилижансов]. 18.
Бонелли, Ф. А. 17.
Bonne font, P. 68.
Боткин, В. П. 90, 94, 136.
Бофаруль [книгопродавец]. 101.
Брандес, Георг. 29, 103.
Брольи, герцог Ахилл де. 19.
Брольи, Альбертина, рожд. Сталь. 19.
Брошэ [?] 199.
Брэм, Людовико. 18, 25.
Брюлов, К. П. 18.
Brunet. 98.
Бюшон, Ж. А. 24, 67.
Булгаков, А. Я. 21, 44.
Булгарин, Ф. И. 22, *32*, 237, 245.
Булыгина, Е. А. 102.
Бухгейм, Л. Э. 7.

Вагнер, Рихард. 213, 223.
Ваксель, П. Л. 129.
Валера, Дон-Хуан. 151, 153, 159.
Вальдехулли, Иван. 95.
Варки, Бенедетто. 65.
Веласкец, Диэго. 102.
Веневитинов, Д. В. *234*.
Веневитиновы, А. В. и Д. В. 20.
Верховский, Ю. Н. 8.
Виардо, Полина. 184.
Vieuseux, Jean Pierre 20.
Виньи, Альфред де. 23, 26.
Вилламов, И. Г. 120.

Villemain, Abel François 26.
Вогюэ, Мельхиор де 60, 155, 182.
Волконская, З. А. кн. 20, 21, 31, 43, 57, 240, 258.
Волконский, А. Н. *18*, *19*, 33, 43, 53, 75, 240.
Вольтер, Ф. М. 100, 202.
Воронцов-Дашков, И. И. 140.
Воронцова-Дашкова, А. К. 140.
Вральман, А. А.: см. Мицкевич.
Всеволожский, В. А. 22.
Вяземский, П. А. 18, 23, 31, 34, 71, 82, 105, 126, 152, 155, 216, 253, 256.

Гайянгос, Паскуале 41, 88, *95—97*, 119, 128, 136, 159.
Гакстхаузен 141.
Галензовский, Северин 260.
Галицын, А. [?] 54.
Галлардо [?] 137.
Гальвец, Мария Роза де 102.
Гальперин-Каминский, Е. 60, 75, 182, 201.
Галперин, С. И. 10.
Гамильтон, Эмма 68.
Гарчинский, Стефан 258.
Гвиччиоли, Т. 60, 67, 71, 86.
Гейман, Г. Е. 234, 235.
Гейне, Гейнрих 68, 223.
Геккерен-Дантес: см. Дантес.
Гельвеций, Ж. А. 100.
Георгиевский, Г. П. 16.
Герберштейн 154.
Герц, К. К. 211.
Герцен, А. И. 74.
Гершензон, М. О. 200.
Гёте, И. В. 46.
Гизо, Ф. П. 19, 26.
Глазунов, А. И. 261.
Глинка, М. И. 37, 94, 95.
Гловацкий, А. 158.
Гоголь, Н. В. 25, *55*, 60, 70, 73, 118, *140*, 143, *155—157*, 182—184, 224.
Голицына, София: см. Сен-При.
Голицын, Александр 251, 252.
Голицын, Августин 200, 201.
Гонзага 193.
Гончарова, Е. Н. 70.
Горностаев: см. Соболевский.
Гортензия, Евгения Богарнэ 106, 133.
Горчаков, кн. А. М. 23, 180.
Готье, Теофиль 27, 30, 38, 87, 83.
Гофман. Т. А. 68, 224.
Грабарь, И. Э. 7.
Грабовский, М. [?] 21, 252.
Греч, Н. И. 20.
Грибоедов, А. С. 54, 143, 144, 190, *205*.
Гроссман, Л. П. 210.
Грузинский, А. Е. 196.
Гурьев, Н. Д. гр. 18.
Гусман: см. Монтихо.
Гюго, Виктор 21, 26, 30, 52, 83, 104, *125*, 132, 202, 206, 225, *227*, 246.

Давыдов, В. П. 177, 178.
Данзас [?] 216.
Данилевский, А. С. 156.
Дантес, Ж. *70—71*.
De Bry 93, 98, 159.
Decazes, Elie, duc 38.
Де Лакруа, Е. 25, 83 97.
Демарэ, барон 25.
Делессер, Г. 171.
Дельвиг А. А. 26, 54, 190.
Демут 233.
Джени Мели 23.
Дмитриев, И. И. 18.
Долгоруков, Василий 150.
Достоевский, Ф. М. 9, 227, *228*.
Дубельт, Л. В. 238.
Дубенская, Варвара Ивановна: см. Лагренэ.
Дубровский, П. П. 261.
Дювосель, София 39.
Дюкайла, Зоэ 19.
Дюма, Александр [Младший] 27, 209.
Дюмушель, М. Б. 21.
Dupin, F. P. 26.

Елагина, А. П. 233.
Елагин, А. А. 240.
Елачич де Бужим 83.
Ермоловы [?] 148.

Жанен, Жюль 25, 224.
Жерар, барон Франсуа 20, 25, 26.
Jenny Dacquin 39, 59.
Жирофлэ: см. Стендаль.
Giraud 198.
Жолкевский, гетман 139, 140.
Жомар, Эдм Франсуа 114.
Жуковский, В. А. 54, 71, 72, 78—81, 156, 157, 175, *182*, *183*, 205, 224, 227, 233, 253.
Jullien, [книгопродавец] 20, 26.

Загоскин, М. Н. 129, 146.
Залесский, Богдан 182.
Замора [двор дилижансов] 86.
Засецкая [?] 35.
Здзехвский, М. Э. 236.
Зебах, Леон [Ф.] 83.

Зернин, А. 160.
Зола, Эмиль. 201.
Зубов, Д. А. 53.

Игнатьева, А. И.: см. Лобкова.
Изабелла II. 62, 67, 95.
Измайлов, Вл. Вас. 33.
Inconnue: см. Jenny Dacquin.
Iovanovitch, W M.: Иованович.
Иованович, В. М. 46, 41.
Истомина, Е. И. 190.

Кабалерио Деграсиа 95.
Кабрера 64.
Кавеньяк, Ж. М. 125, 128, 261.
Кавос, К. А. 190.
Казанова, Джакопо. 123.
Кайсевич, Иосиф. 182.
Кайяр [двор дилижансов] 18.
Калергис, М. Ф. 83, 126.
Калленбах, И. 11.
Кальдерон, де ла Барка, Дон Педро 27.
Кальдерон, Дон Серафино 87, 88, 95, 96, 136, 153.
Караджич, Вук Ст. 45, 237.
Карамзин, А. Н. 23, 250.
Карамзин, Н. М. 101.
Карамзины. 55, 67, 79, 80.
Каратыгин [?]. 20.
Карл X. 29, 108.
Карл-Альберт. 84.
Карлисты. 69.
Карлос: см Карлисты.
Карр, Альфонс. 73.
Карская [?] 148.
Кастильоне, Колонна ди Кастильоне рожд. Аффри, Адель 198, 199.
Кастро, Адольфо де 95.
Катенин, П. А. 9.
Качич Миошич 51.
Кёниг, Г. И. 27.
Кипренский, О. 17, 18.
Киркпатрик: см. Монтихо.
Кирка [?] 245.
Киркор: см. Кирка.
Киреевский, И. В. *18*, 20, 25, 219, 234, *236—241*, 242, 244, 246, 249.
Киреевский, П. В. 101, 247.
Кирпичников, А. И. 86.
Киселев, П. Д. 160.
Клермонт [?]. 19.
Клэрк-Ландресс. 28, 88, 101, 105, 119, 154, 170.
Кноринг, Н. И.: см. Нарышкина.
Козловская, А. М. (рожд. Лонгинова). 160.
Коллиньон, А. 28.
Констан-де Ребекк, Бенжамен. 31, 152.
Корб, Георгий. 153.
Корвин: см. Соболевский, С. А.
Кордье, А. 57.
Корф, М. А. 109.
Корэф, Фердинанд. 24; 25, *58*, 68, *69*, 86, 223.
Корэф, Тереза. 69.
Костич, Лазарь. 158.
Костомаров, Н. И. 213.
Котонэ: см. Стендаль.
Котонэ Младший, см. Мериме, Пр.
Красинский, Валериан 17, 136, 245.
Cousin, Victor. 20.
Кулишь, П. А.
Кутузовы 114.
Курбский, А. М. 140.
Кювье, Ж. Л. барон. 26, 59.
Кюстин, Астольф де. 136.
Кюхельбекер, В. К. 105.

Лаборд. гр. Александр де 85, 107.
Лаборд, Леон де 85. 107, 108, 113.
Лаваль, И. С. 236.
Лагренэ, Варвара Ивановна 28, 55, *70*, 71, 74, 75, 77, 78, 79, 83, *117*, 121, 124, 126, 128, 139, 156, 160, 182, 184, 199, 226, 260.
Лагренэ, Ольга 74, 77, 160, 171, 196, *198—201*.
Лагренэ, Теодоз 71, 77, 117, 164, 171, 197, *226*.
Лагренэ, Эдмунд 77.
Ладанов: см. Лобанов-Ростовский.
Лакост 38.
Ламанский, В. И. 158.
Ламартин, Альфонс де 97.
Ламменэ, Фелиситэ Р. де 182.
Ламотт-Фуке, Фридрих 80.
Ландресс: см. Клэрк-Ландресс.
Ланские 114.
Laorich 56.
Ларошфуко-Лианкур, Фр. Гаэтан, де 18, 19.
Ласказас, Рамирец 95.
Лафайет, Marie Jean P. R. de 35.
Лафит [двор дилижансов] 18.
Лгаридон, Октав Пенгилли, 172, 173.
Ледерле, М. М. 152.
Ледницкий, В. 236.
Ле Дюк: см. Леузон ле Дюк.
Лелевель, Иоахим. 17, 67, 136.
Леман, Ф. М. 22, 35.

Леонорэ, доктор. 87.
Лермонтов, М. Ю. 27, *73*, *78*, 143, 200.
Лескин, Август. 9.
Лессепс, Фердинанд. 94.
Леузон ле Дюк. 145.
Либри, Каруччи делла Сомайя. *192—195*.
Ливен. Доротея Христофоровна рожд. Бенкендорф. 31.
Ливенский, Н. см. Мельгунов, Н. А.
Лингей, Иосиф. 56.
Лист, Франц. 95.
Лист: см. Франке и Лист.
Лобанов-Ростовский [?]. 134.
Лобкова, А. И. 148.
Ло Гатто, Этторэ. 236.
Лола Монтец. 217.
Лонгинова, А. Д. 74, 142, *160*, *227*.
Лонгинов, М. Н. 10, 74, 158, 160, 175, *178*, *179*, 180, 192, 205, *206*, 216, 253.
Loliée, Fred. 198.
Лопец, Франсиско де Пауло. 95.
Луи Филипп. 71, 83, 85, 100, 111, 117, 140, 192, 260.
Людвиг I [Карл Август Людвиг Баварский]. 217.
Людвиг II [баварский]. 213, 223.
Людовик XV. 65.
Людовик Голландский: см. Луи Бонапарт.
Лунина, Е. П. 17.
Лухманов, А. Д. 193, 211.
Львова, С. Н. [рожд. Наумова] 9, 261.

Мадрацо, Хозэ. 87.
Мадрацо, Дон Фредерико и Кунт. 87.
Мазепа. 18.
Максимович, О. М. 101.
Макферсон, Джемс. 51.
Малатеста. 65.
Малевский, Ф. 10, 60, 86, 232, 234. 252, 257.
Мальцов, И. С. 9, 53, *54*, 67, 70, 71, *72*, 144, 156, 234, 255.
Мартино, Анри. 58, 63.
Марко, Поло. 7.
Маржрет. 101, 119, 177.
Маркевич, Н. А. 53, *175*, 176.
Маркевич, Б. М. 214.
Мармон, Август Фредерик, герцог Рагузский. 22, 42.
Марото, Дон Рафаэль. 63.
Мартынов, И. М. 200.
Матвеев, П. 142.
Matritius: см. Соболевский.
Мацеевский, Вацлав, А. 158.
Маяр, Матвей Зильский. 158.
Медведь: см. Маркевич, Н. А.
Мейербер, Джакомо. 97.
Мельгунов, Н. А. 27, 43, 53, 74, 154, 182, 221.
Мендельсон, Н. М. 74.
Меньшикова [?] 134.
Мерлэн [Мария Мерседес]. 68, 70, *120*, 121.
Мериме, Проспер. 24, *26*, 28, 31, 39, 50, 63 [Котонэ Младший], 59, 67, 74, 82, *83*, 85, *78*, *108*, *115*, *116*, *120*, *130*, *139*, *139*, 163, *170*, *172*, *173*, *174*, *176*, *181*, *185*, *187*, *188*, *191*, *195*, 197, *203*, 207, 211, 214, 227, 238.
Мериме, Леонор. 42, 60, 76, *211*, 213.
Мериме, Анна. 140.
Мериме, Анри. 142.
Меттерних, Клеменс Лотар. 57, 84.
Мещерский, Н. И. 54.
Мещерский, Е. П. 23, 94.
Мещерский, А. В. 94.
Mirécourt, Eugène de. 29.
Мирес, Jules Isaac. 179
Мицкевич, Адам. 10, 16, 17, 18, 29, 31, 44, 52, 60, 67, 86, 105, 136, 182, 190, 231, *235*, *242*, *249*, *255*, *257*.
Мицкевич, Владислав. 10, 60, 234, 236, 257.
Модзалевский, Б. Л. 7, 22, 46, 47, 129, 161.
Моле, Л. М. граф де. 83, 126, 156.
Монго, А. Ф. 182.
Montalambert, Charles comte de. 182.
Монтихо, Евгения. 15, 41, 60, 63, *64*, 87, 88, *93*, 96 (Пьерфон), 102, 103, 128, 134, 136, 144, *197*.
Монтихо, Пака, герцогиня Альба. 63, 64.
Монтихо старшая, Мария Мануэла. 63, 85, *94*, *95*.
Монтихо, Сиприано Мигуэль. 15, 40, 62.
Монтэрлан, Анри де. 39.
Морни, Ш. А. 106, 127, 180, 210.
Мочалов, П. С. 20.
Мурильо, Бартоломей Эстебан. 102.
Мур, Томас. 41.
Муханов, С. С. 83.
Mylord Qu'Importe: см. Соболевский, С. А.
Мэстр, Жозеф де. 20.
Мюссе, А. де. 27.

Наполеон I. 42, 65, 66.
Наполеон III: см. Бонапарт Шарль Луи.
Нарышкина, А. К.: см. Воронцова-Дашкова.
Нарышкина, Н. И. 210.
Нарышкины [?]. 135.
Нащокин, П. В. 72.
Неккер, Анна Луиза: см. Сталь.

Неклюдова, Е. С. 114.
Нессельроде, К. В. 23.
Нессельроде, М. Ф.: см. Калергис.
Нессельроде, Ф. К. 83, 126.
Николай М *_*: см. Кулиш, П. А.
Николай I. 102, 179, 215, 234, 256.
Новосильцова, С. В. см. Энгельгард.
Нодье, Шарль. 47, 51.
Nombrilis: см. Сесоль.

Одоевский, В. Ф. 151, 205.
Одынец, Эдуард. 17, 242, *243—244*, 245, 247.
Орлов-Давыдов, В. П.: см. Давыдов.
Оссиан: см. Макферсон.
Осуна, герцог [Кандидо?] 87, 98, 128, 136.
Оттон I. 213.

Павлищев, Л. Н. 44, 45, 53, 72, 138.
Павлова, Каролина Карловна. 18, 240.
Павлов, Н. Ф. 18.
Паганини, Николо. 121.
Пагаон: см. Стендаль.
Палафох: см. Монтихо.
Панаев, И. И. 73.
Паницци, Антонио. 28, 84, 108, 122, *123*, 170, *180*, 193, *211*, *213*.
Паскевич, И. Ф. 102, 236.
Паста, Юдифь. 37, 56.
Пенчковский, Н. 171.
Персиньи, Жан Жильбер. 126, 179.
Петровский, Станислав Станиславович. 175.
Печерин, В. С. 200.
Пигонь, Станислав. 258.
Плетнев, П. А. 182.
Поальи, А. А. 144.
Погодин, М. П. 16, 20, 32, 47, 54, 158, 175, *206*, *207*.
Погожев, А. 70, 118, 156, 226.
Познанский, Ю. И. 232.
Полевые, К. А. и Н. А. 20, *48*, *232*, *234*, 240.
Попов, А. Н. 162.
Портекарреро: см. Монтихо.
Путята, Н. В. 71.
Пушкин, А. М. 17.
Пушкин, А. С. 16, 22, 25, 31, 32, 34, 46, 70, *71*, 72, 96, *100*, 148, 152, 156, *175*, *189*, 206, 223, 224, 231, *238*, *253—255*.
Пушкин, В. Л. 32, 132.
Пушкин, Л. С. 129, 143, 199.
Пушкина, Н. Н. рожд. Гончарова. 47, 72.
Пушкина, Н. О. рожд. Ганнибал. 46, 48.
Пушкин, С. Л. 234.
Пьерфон, графиня: см. Монтихо Евгения.

Рабле, Франсуа. 50, 100, 101, 179.
Раевский, Н. Н. 190.
Раевский, А. Н. 47, 190.
Разин, Степан. 119.
Разумовский. 240.
Рамбюто, К. Ф. Бартело, граф де. 69.
Расин, Жан. 30, 222.
Растопчина, Е. П. 24, 27, 43, 74, 85, 88, 96, 147, 148, *151*, 154, 157, *159*, 178, 209, 252.
Рафаэль Санцио. 193.
Рекамье, Ю. А. 21, 25.
Рейтерны. 54.
Рейф, Карл Филипп. 86.
Ренкевич. 16, 205, 234.
Ренье, Анри де. 100.
Ржевусский, Г. 52, 114, 248, 258.
Ривароль, Антуан. 41.
Richard. 20.
Риччи. 17, 20, 250.
Рожалин, Н. М. 31, 44, 215, 240.
Розенштерн. 17.
Россет, А. О.: см. Смирнова, А. О.
Рулизи. 214.

Саитов, В. И. 8, 16, 58.
Самарин, Ю. Ф. 158.
Сандо, Жюль. 31.
Санпьери. 17.
Саси, Сильвестр де. 119.
Свечина, С. П. рожд. Соймонова. 20, 182.
Сегюр, граф Луи Филипп де. 20, 21.
Сен-При, Арманд-Эммануил. 144, 147.
Сен-При, Ольга Карловна. 144.
Сент-Бев, Шарль Огюст. *28*, 73, 155, 156.
Сен-Виктор, Поль де. 78. 155.
Сент-Олер, Луи-Карл. 19, 26.
Семен, Август. 22, 53.
Сесоль. 114, 213.
Сильва, де. 216.
Сиркур, граф Адольф де. 134, 182, 249.
Сиркур, Анастасия Семеновна. 67, 181, 248, *249*, *250*.
Sismondi, Sismonde de. 26.
Скриб, Августин Евгений. 97.
Slepowron: см. Соболевский, С. А.
Смирнов, Н. М. 54.
Смирнова, А. О. 20, 45, 67, 182 [далее О. Н. Смирнова].
Смирнова, О. Н. 45, 59, 60, 72, 157, 255.
Сабакин, И. А.: см. Иван Алексеевич Яковлев.
Собесский, Ян. 102.
Соболевский, Сергей Александрович. 10 [архив], 15, 28, 46 [Mylord Qu'Importe], 52,

57 [Ибис], 67, 82, 84, 108, 136 [Slepowron], 136 [Kbrwin], 144, 176, 213 [Matricius], 214 [Горностаев], 216, 231, 234 [Демон], 235, 250, 258.
Соболевский, Ян 246.
Соймонов, А. Н. 15, 16.
Соймонова, С. П.: см. Свечина.
Соймоновы 242.
Соймонов, Н. А. 261.
Сологуб, В. А. 16.
Сологуб Федор 100.
Соломирский, В. Д. 16, 46, 233.
Sonolet, Louis 197.
Софокл. 222.
Срезневский, И. И. 101.
Сталь-Гольштейн, рожд. Анна Луиза Неккер. 42.
Сталь; см. Альбертина Брольи. 19.
Станкевич, Н. В. 216.
Stapfer, Albert. 226.
Stapfer Paul. 210.
Стендаль. 18, 20, 21, *25*, 27, 28, 31, 40, 41, *58*, 59, 65, 74, *222*.
Стороженко, Н. И. 86.
Строганов [?]. 78.
Стрыенский, К. 57.
Суботич, Иован. 158.
Суза. 94.
Сундечич, Иован. 158.
Soumet, Александр. 26.
Сухово-Кобылин, А. В. 210.

Талан [?]. 158.
Тальеран-Перигор, Ш. М-де. 69, 156.
Тикнор, Джорж. 137.
Тишендорф, К. 216.
Тихонравов, Н. С. 183.
Толстой, Я. Н. 22.
Толстой, гр. Л. Н. 171.
Толстой, Федор [американец]. 16, 233.
Томашевский, Б. В. 239.
Торлонина, князь Марино. 97.
Товянский, А. 60.
Траси, Дестю де. 20.
Траар, Пьер. 8, 38, 41, 50, 74, 115, 182, 184, 191.
Третьяк, Иосиф. 236.
Тропинин, В. А. 148.
Трубецкая, Александра Ивановна. 54, 114.
Трубецкая-Морни. 210.
Трубецкие, Е. Э. и П. Н. 186, 189.
Трушковский. 186.
Тургенев, Н. И. 22, 23, *130*.
Тургенев, А. И. 9, 22, 31, 59, 216, *250*, 260.
Тургенев, И. С. 23, 60, 67, 75, *171*, *180*, 181 182, 184, 187, 192, *194*, 200, 201, *202*, *213*, 225.
Тьер, Луи Адольф 83, 127.
Тэба: см. Монтихо.
Тютчев, Н. И. 7, 18, 71.

Уейский, И. 11.
Устрялов, Н. Г. 139.

Falloux, 193.
Филон, А. 39, 40, 41, 52, 75, 119.
Фелье, Октав. 185.
Фердинанд VII. 66.
Феруччи. 65.
Ferussac, Андрэ. 20.
Флаго, О. Ш. 106, 156.
Fleury, Comte. 197.
Флобер, Густав. 110, 201.
Фортис, Аббат Жан-Баптист. 47, 55,
Фортуль, Ипполит, Н. О. 135, 187.
Франке и Лист. 9, 159.
Франц-Иосиф. 179, 180.
Фреццолини. Эрминия Ненчини. 136.
Фуше, Поль Анри. 19, 20.

Хвощинский, Владимир. 251, 259.
Хитрово, Е. М. 253.
Хлюстин, С. С. 248, 249.
Хлюстина, А. С.: см. Сиркур.
Хмельницкий Богдан. 200, 213.
Ходзько, А. 37, 241.
Ходкевич, Каролина. 241, 258.
Хомяков, А. С. 45, 257.
Ховер, дон Хозе. 95, 97.
Ховер, донья Мария. 97.
Ховрина, А. Н. 144.
Христина, Регентша. 15, 63, 67, 88, 96.

Цявловский, М. А. 48.

Чаадаев, П. Я. 47.
Чарторижский, кн. А. 17.
Чебышев, А. А. 77, 78, 146.
Черкасский, В. А. 69.
Чулков, Н. П. 7.

Шамбон, Ф. 28, 77, 97, 146, 199.
Шамбор, Анри д'Артуа. 121.
Шапион, Э. 74, 182.
Шарле, Николай Туссэн. 173.
Шарпантье [книгопродавец] 114.
Шатобриан, Ф. Р. 126.
Шварценберг, Феликс Л. 180.
Шевырев, С. П. 18, 29—32, 47, 151, 216, 234, 241, *242*, 244, *246—261*.

Шекспир, Вильям. 30, 222, 223.
Шереметьев, С. Д. 9, 221.
Шиллер, Фридрих. 221.
Шимановская, Целина. 255.
Шиншилла [Chinchila]: см. Стендаль.
Шифре (Xifré) Дон Хозе. 87, 93, *94*, 95, *110*, 111.
Chomette-Desfossés 50.

Щебальский, П. 158.

Эбелинг 97.
Эврипид 222.
Энгельгард, С. Ф. 107.
Эредиа. 95.
Эспартеро. 67, 96.
Эсхил. 222.

Юсуповы 171.
Юсупов, Н. Б. 237.

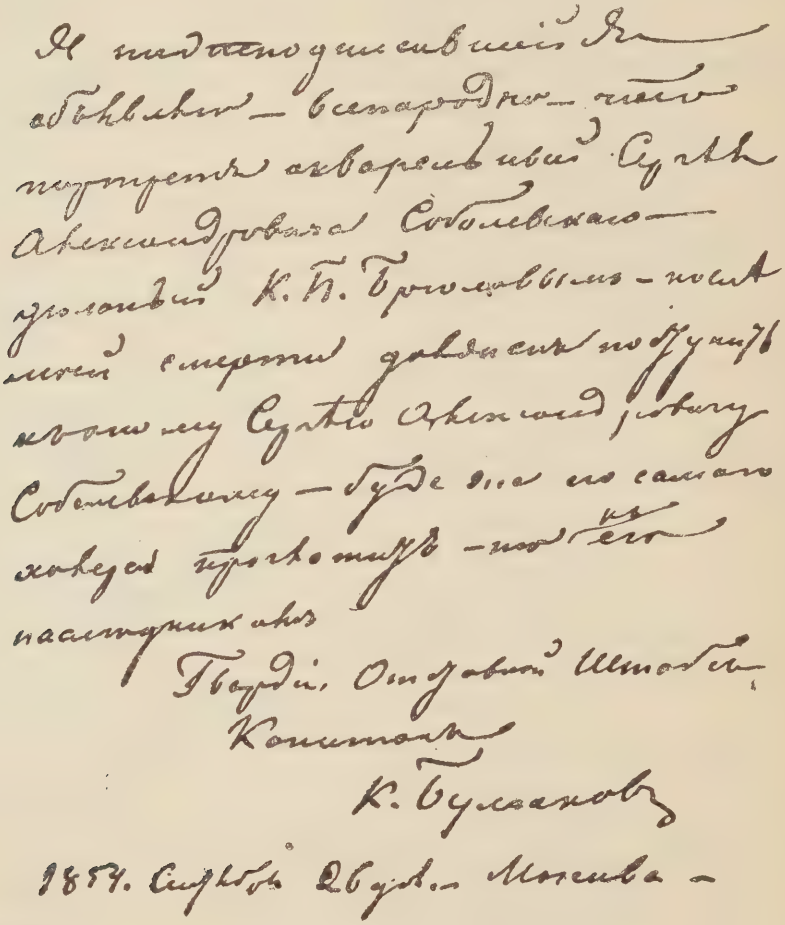
Ягужинские 193.
Языков, Н. М. 34, 157.
Яковлев [Собакин], И. А. 19, 162.
Яниш, Королина Карловна: см. Павлова, К.
Яцимирский, А. И. 46, 143.

УКАЗАТЕЛЬ ПОРТРЕТОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ *.

I. Стр. 5. Портрет Проспера Мериме воспроизводится фототипией по гравюре, приложенной к книге M. Tourneux „Prosper Mérimée ses portraits ses dessins", с оригинала Deveria. 1829 г. Подпись „П. Мериме": см. стр. 172.

II. Стр. 13. Портрет С. А. Соболевского сделан по лучшему оттиску фотографии, имеющейся в Британском Музее. Аналогичный позитив имеется в Пушкинском Доме при Академии Наук СССР. Автограф „Соболевский" заимствован из „Бартеневской Тетради" (стр. 145) с любезного согласия М. А. Цявловского.

III. Стр. 17. Шаржированный **портрет Соболевского и Кипренского, сделанный К. П. Брюловым в Риме** в августе 1829 года. Карандашный оригинал, принадлежащий Н. И. Тютчеву, кроме изображений Соболевского и Кипренского, имеет еще шаржированные наброски портретов самого автора К. П. Брюлова (очень молодое лицо) и живописца Тверского (едва очерченная фигура в широком цилиндре и сюртуке) в правом углу листка. Существовал, судя по приводимой записи К. А. Булгакова, еще акварельный портрет С. А. Соболевского, сделанный тем же Брюловым. К сожалению поиски этого портрета не увенчались успехом. На просьбы С. А. С. Булгаков ответил шуточным завещанием, которое мы приводим fac-simile для доказательства того, что речь идет о реальном, а не выдуманном портрете работы Брюлова, портрете, известном и виденном самим С. А. Соболевским, который добивался получить его в собственность.



* Жирным шрифтом указаны материалы, публикуемые впервые.

Записка Константина Александровича Булгакова 26 сентября 1854 г. о портрете С. А. С. находится в Архиве Соболевского: А. Н. Х. К. и Б. Фонд № 46, том XIII, стр. 40. Автор этой книги надеется, что лица, знающие местонахождение этого портрета, не откажут в любезном сообщении необходимых сведений о нем.

IV. Стр. 19. Fac-simile: **Парижские jous fixes Соболевского,** записанные им собственноручно. См. АНХК и Б. фонд № 46, т. II-[1], стр. 86.

V. Стр. 55. **Письмо Н. В. Гоголя к Соболевскому 17 апреля 1836 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. V, стр. 30.

VI. Стр. 58. **Приглашение В. Ансло.** Fac-simile АНХК и Б. ф. 46, т. VI, стр. 62-[2].

VII. Стр. 59. Визитная карточка **Мериме.** Fac-simile АНХК и Б. ф. 46, т. VI, стр. 26.

VIII. Стр. 69. Доктор **Koreff** (Фердинанд Давидович Корэф) записка к Соболевскому. Fac-simile АНХК и Б. ф. 46, т. VI, стр. 63.

IX. Стр. 76. Письмо Мериме к Лагренэ (русское). Fac-simile из „Lettres de P-r Mérimée au Lagrené" Paris 1904 tiré à 75 exemplaire (№ 54 imprimé pour M-eur Edmond de Lagrené).

X. Стр. 89. **Письмо Мериме к Соболевскому, январь 1849 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 94.

XI. Стр. 93. Портрет Евгении Монтихо. Репродуцировано фототипией со снимка А. Додэ с картины Винтерхальтера.

XII. Стр. 93. Визитные карточки Дона Хозэ **Шифрэ.** Fac-simile АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 82.

XIII. Стр. 94. Визитная карточка **Монтихо**-Старшей. Fac-simile. Ibidem: № XII.

XIV. Стр. 108. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Париже 18 [?] декабря **1849 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 118.

XV. Стр. 103. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Испанию **31 августа 1849 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 94.

XVI. Стр. 113. **Письмо Леона Лаборда и Мериме 18 декабря** [1849 года]. Fac-simile. Ibidem № XV.

XVII. Стр. 115. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Париже [конец декабря 1849 года]. Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 117.

XVIII. Стр. 116. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Париже, суббота **23 февраля 1850 года.** Fac-simile АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 116.

XIX. Стр. 117. Портрет Варвары Ивановны Дубенской-Лагрене. Фототипия из семейного издания писем Мериме в семью Лагрене (75 экземпляров, в 1904 году).

XX. Стр. 118. **Записка Н. В. Гоголя к Соболевскому** в Неаполе **1847 года.** Fac-simile АНХК и Б. ф. № 46, т. XI, стр. 32.

XXI. Стр. 120. **Русское письмо Мериме к Соболевскому** в Париже **15 марта 1850 года.** Fac-simile АНХК и Б. № 46, т. XI, стр. 116.

XXII. Стр. 130. Письмо **Мериме к А. С. Пушкину в Париже 19 августа** [1851 года]. Fac-simile. Публичная библиотека СССР в Ленинграде. Отдел Рукописей. Собрание П. Л. Вакселя.

XXIII. Стр. 145. **Письмо Мериме к Соболевскому в Москву 14 апреля 1852 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XV, стр. 332.

XXIV. Стр. 149. Портрет С. А. Соболевского в 1858 году. С фотографии, принадлежащей Н. С. Орлову. В виде фототипии этот портрет был приложен к некоторым экземплярам каталога библиотеки С. А. С. выпущенного книготорговцами Ашером, Листом и Франке.

XXV. Стр. 159. Портрет гр. Е. П. Ростопчиной. Фототипия воспроизводит снимок с миниатюры 1833 года, приложенный к двухтомному изданию сочинений Е. П. Р.

XXVI. Стр. 163. Фототипия **„Проспер Мериме Сенатор".** Под таким названием приклеена в архиве Соболевского фотография Мериме работы парижского придворного фотографа Disderi. Оригинал, 6 × 9 sm., находится в АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 33.

XXVII. Стр. 165. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Москву **15 ноября 1856 года.** Fac-simile АНХК и Б. ф. № 46, т. XV, стр. 333.

XXVIII. Стр. 169. **Список парижских друзей** и знакомых с их адресами **1860 года,** сделанный рукой **Соболевского.** АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, ст. 76.

XXIX. Стр. 170. **Записка Мериме к Соболевскому** в Париже **7 сентября 1860 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 40.

XXX. Стр. 172. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Париже **13 сентября 1860 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 40.

XXXI. Стр. 173. Конверт **к письму 13 сентября 1860 года от Мериме к Соболевскому** с добавлением русской надписи. Ibidem № XXIX. Fac-simile.

XXXII. Стр. 174. **Письмо Мериме к Соболевскому в Париже 14 сентятря 1860 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 39.

XXXIII. Стр. 176. **Письмо Мериме к Соболевскому в Париже 17 сентября 1860 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 39.

XXXIV. Стр. 180. **Русская записка Мериме к Соболевскому** в Париже [октябрь, 1860 года]. Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 41.

XXXV. Стр. 181. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Париже **26 октября 1860 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 40.

XXXVI. Стр. 185. **Письмо Мериме к Соболевскому** из Канн **9 января 1861 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 41.

XXXVII. Стр. 187. Конверт **письма Мериме к Соболевскому** из Канн в Ниццу **10 января 1861 года** с русской припиской. Fac-simile. Ibidem № XKXX.

XXXVIII. Стр. 188. **Письмо Мериме к Соболевскому** из Канн в Ниццу **16 января 1861 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 41.

XXXIX. Стр. 191. **Письмо Мериме к Соболевскому** из Канн в Ниццу **28 января 1861 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 41.

XL. Стр. 194. **Записка Мериме к Соболевскому** в Париже [октябрь 1861 года]. Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 83.

XLI. Стр. 195. **Письмо Мериме к Соболевскому в Париже 27 октября 1861 года** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 83.

XLII. Стр. 197. **Рисунок Проспера Мериме,** пером с подписью Соболевского „P. Mérimée 6 Sept. 1860". Fac-simile в формате оригинала АНХК и Б. ф. № 46, т. XVIII, стр. 39.

XLIII. Стр. 198. Письмо Мериме к Ольге Лагренэ с рисунком Fac-simile. Ibidem. № IX.

XLIV. Стр. 201. Портрет Ольги Лагренэ. Фототипия. Ibidem. № XIX.

XLV. Стр. 203. Портрет Мериме—сенатора из Архива Соболевского. Фототипия с фотографии 6 × 9 sm. работы Disderi в Париже. Ibidem № XXVI.

XLVI. Стр. 207. **Письмо Мериме к М. П. Погодину** в Москву из Лондона **6 июня 1862 года.** Fac-simile. Отдел рукописей Публичной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина Архив Погодина, тетрадь № 3456.

XLVII. Стр. 210. **Конверт письма Мериме к Соболевскому** в Москву из Канн **9 января 1863 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. XXI, стр. 154.

XLVIII. Стр. 215. Портрет С. А. Соболевского в 1869 году. Фототипия с фотографии 6 × 9 sm., принадлежавшей П. И. Бартеневу и ныне находящейся в собрании Л. Э. Бухгейма.

XLIX. Стр. 217. **Письмо Мериме к Соболевскому** в Москву из Канн **9 января 1863 года.** Ibidem № XLVI.

L. Стр. 235. **Письмо Адама Мицкевича С. А. Соболевскому** оборот № XLIX. Ibidem.

LI. Стр. 238. Сербский и русский автограф А. С. Пушкина. Fac-simile. Тетрадь № 2375 стр. 18 и 35 (дубельтовы цифры). Отдела Рукописей Публичной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

LII. Стр. 243. **Письмо А. Мицкевича к С. А. Соболевскому** из Рима в Париж вместе с припиской Эдуарда Одинца **19 января 1830 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф № 46, т. II-[1], стр. 41.

LIII. Стр. 249. **Письмо А. Мицкевича к С. А. Соболевскому** из Рима в Турин **6 ноября 1830 года.** Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. II-[1], стр. 49.

LIV. Стр. 251. Страница из дневника С. А. Соболевского. Итинерарий поездки с Мицкевичем весною 1831 года. Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. IV [Расходные записи].

LV. Стр. 255. Письмо А. Мицкевича к С. А. Соболевскому 10 апреля [1837 года] в Париже. Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. VI, стр. 41.

LVI. Стр. 257. Письмо А. Мицкевича к С. А. Соболевскому в Париже [май] 1844 года Fac-simile. АНХК и Б. ф. № 46, т. IX, стр. 8.

LVII. Стр. 228. Дилижанс с подорожной С. А. Соболевского 1849 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Предисловие 7

Глава первая. Соболевский заграницей. — Почва первых соприкосновений с Мериме. — Показания современников. — Знамена Романтизма 15

Глава вторая. Пушкин—Соболевский—Мериме. 44

Глава третья. Бесследные встречи 56

Глава четвертая. Испанские друзья Проспера Мериме. — Стендаль у Монтихо 62

Глава пятая. Соболевский в Париже 1837 г. — Мериме, Соболевский, Лагренэ 68

Глава шестая. Соболевский в роли „наставника“ Мериме. — Мериме занимается Пушкиным. — Соболевский в Испании. — Письма Мериме. Соболевский—Мериме—Монтихо. — Париж 1850 года . 82

Глава седьмая. Мериме в лихорадке русских увлечений.—Мериме и В. И. Лагренэ-Дубенская. — Лев Пушкин и Мериме. — Письмо Мериме к Пушкину. — Париж накануне Второй Империи. — Полный разрыв Мериме и Гюго 119

Глава восьмая. Письма Мериме в Россию. — Пушкин и Гоголь. — Приезд Дона Хуана Валеры к Соболевскому. — Растопчина и Соболевский 136

Глава девятая. Последнее путешествие Соболевского заграницу.— Париж 1860—1861 г.г. — Мериме—И. С. Тургенев—Паниццци—Соболевский.—Мериме и Соболевский на юге Франции 162

Глава десятая. Соболевский в России и избрание Мериме в члены Общества Любителей Российской Словесности. — Письмо Мериме к Погодину, Соболевскому и Лонгиновой. — Борьба за стиль. — Романтизм и реализм. — Заключение 205

Мицкевич—Пушкин—Соболевский и новые письма Мицкевича. 229

Указатель личных имен 263

Указатель портретов и иллюстраций 270

260649/XIII89

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
000077341O6